

III ВЕНЕДИКТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы

— Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 30-летию принятия части второй
Гражданского кодекса РФ,
20-летию принятия Жилищного кодекса РФ,
75-летию Института права
Уфимского университета науки и технологий
(г. Уфа, 30 января 2026 г.).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»
Правительство Республики Башкортостан
Арбитражный суд Республики Башкортостан
Верховный суд Республики Башкортостан
Министерство земельных и имущественных отношений
Республики Башкортостан
Управление федеральной антимонопольной службы
по Республике Башкортостан
Управление федеральной службы государственной регистрации,
кадастра и картографии по Республике Башкортостан
Нотариальная палата Республики Башкортостан
Институт права Уфимского университета науки и технологий
Институт государства и права Российской академии наук

III ВЕНЕДИКТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной
30-летию принятия части второй Гражданского кодекса РФ,
20-летию принятия Жилищного кодекса РФ,
75-летию Института права Уфимского университета
науки и технологий
(г. Уфа, 30 января 2026 г.)**

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2026

УДК 347
ББК 67.404
В29

*Публикуется по решению кафедры гражданского права
Института права УУНУТ.
Протокол № 4 от 20.01.2026 г.*

Редакционная коллегия:

канд. юрид. наук, доцент **Е. В. Ахтямова** (*отв. редактор*);
д-р юрид. наук, профессор **Е. М. Тужилова-Орданская**;
канд. юрид. наук, доцент **А. Ю. Аминева**;
ассистент **А. А. Гибадуллина**;
ассистент **Д. Р. Сальникова**

III Венедиктовские чтения: материалы Всероссийской научно-практической
В29 конференции, посвященной 30-летию принятия части второй Гражданского
кодекса РФ, 20-летию принятия Жилищного кодекса РФ, 75-летию
Института права Уфимского университета науки и технологий (г. Уфа,
30 января 2026 г.) / отв. ред. Е. В. Ахтямова [Электронный ресурс] / Уфимск.
ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский университет, 2026. – 380 с. –
URL: <https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2026/109.pdf> – Загл.
с титула экрана.
ISBN 978-5-7477-6393-7

Настоящий сборник посвящен фундаментальным идеям Венедиктова Анатолия Васильевича, раскрытым в свете проблем и перспектив развития частноправового и публично-правового регулирования в Российской Федерации. Сборник составлен по основным направлениям работы конференции. Рассматриваются научные воззрения А. В. Венедиктова о договорной дисциплине и современные проблемы отдельных видов договорных и внедоговорных обязательств, а также баланс интересов и пределы судейского усмотрения в жилищном законодательстве.

По результатам исследований авторами формулируются рекомендации совершенствования действующего законодательства.

Сборник предназначен для юристов, преподавателей, аспирантов, соискателей, студентов юридических учебных заведений и специалистов в области общественных наук.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-7477-6393-7

© Уфимский университет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Абросимова Е.А. Особенности выражения акцепта в цифровой среде	7
Алимгафарова А.Р. К вопросу о пределах свободы договора в контексте динамических соглашений	17
Алсынбаева Э.М. Договор возмездного оказания медицинских услуг: дискуссионные аспекты реализации и перспективы развития в российском правовом порядке	23
Аминева А.Ю. К вопросу о разграничении жилого и нежилого помещения	29
Аминева А.Ю., Ступин П.А., Хуртов М.С. К вопросу о понятии паевого инвестиционного фонда как вида имущественного комплекса	36
Аминева А.Ю., Ступин П.А., Хуртов М.С. Правовой статус иностранцев инвесторов в паевых инвестиционных фондах: проблема общей собственности фонда	41
Атнабаева Ю.В. Рисковый (алеаторный) договор: сущностные признаки и проблемы квалификации	44
Балякина Е.Б. Цифровизация гражданского оборота: проблемы нормативно-правового регулирования	52
Булацкая Н.Г. Обеспечение жилищных и земельных прав собственника жилого помещения при изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд	57
Гаймалеева А.Т. Правовое регулирование прав собственников гражданина-должника при разделе общего имущества в процедуре несостоятельности (банкротства)	67
Галяутдинова Л.Ю. Наследственный договор в российском правовом порядке: дискуссионные вопросы реализации и векторы развития	73
Гибадуллина А.А. К вопросам о включении выморочной микродоли в право общей долевой собственности на жилое помещение в жилищный фонд социального развития	78
Гимадрисламова О.Р. Конфиденциальность как межотраслевой правовой режим: соотношение публичного и частного начал	83
Дюженков Н.А. Ключевые критерии при установлении признаков роскошности жилого помещения в рамках дела о банкротстве гражданина	90

Зайцева Ю.А. Судьба единственного жилого помещения гражданина-банкрота	100
Зарапина Л.В., Белокопытова Н.Ю. Права потребителей по договору на оказание жилищно-коммунальных услуг в условиях внедрения цифровых технологий и обеспечение их защиты.....	106
Заречин М.А. К вопросу о допустимости договорного регулирования последствий недействительности ничтожной сделки	113
Зарубин А.В. Управление общим имуществом с точки зрения концепции правовых общностей	120
Зусин Б.А. Медиация при разрешении споров по внедоговорным обязательствам в гражданском праве в условиях цифровизации	127
Кантор Н.Е. Бенефициарная модель управления активами в свете концепции академика А.В. Венедиктова	137
Капцинель М.В. Сравнительно-правовой анализ договорных конструкций предоставления жилых помещений в собственность при реновации и комплексном развитии территорий	144
Ковалева О.А. Доктринальные проблемы определения межотраслевых принципов жилищного права	151
Козлова К.Я. Механизм параллельного импорта как правовое средство борьбы с санкционным давлением недружественных государств	158
Коновалов А.С. Токенизация общего имущества и совместное управление: доктринальные основы и зарубежный опыт.....	164
Крикунова В.И. Защита прав участников трансграничных коммерческих отношений в связи с введением экономических санкций	175
Крыцула А.А. Платформенные решения как новая цифровая модель договорного взаимодействия	182
Кузбагаров А.Н. Внедоговорная ответственность в условиях социального обеспечения: к вопросу о правильности квалификации правоотношений	187
Кузбагарова В.А. Решение суда как основание прекращения права на жилое помещение	196
Кузнецова О.А. Научные воззрения А.В. Венедиктова о договорной дисциплине и современное гражданское право	204
Мазур И.К. Принцип добросовестности в правоприменении: правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.....	213
Масалимова А.А. Договор аренды предприятия в Российской Федерации: правовые особенности и проблемы правового регулирования	220

Муратова А.Р. Новеллы в правовом регулировании прямых смешанных перевозок	226
Набиев А.В. Правовое регулирование вопросов расторжения договора коммерческой концессии.....	231
Никитина А.А. Правовая природа криптовалюты как цифрового объекта гражданских правоотношений	237
Панова А.С. Правовое реагирование цифровизации поставки	244
Пигарев А.В. Предпосылки формирования института наследственного фонда в российском гражданском праве	250
Поваров Ю.С. Вопросы раскрытия комиссионером информации о комитенте	256
Прилуцкий А.М. Специфика деликтной ответственности опекуна за вред, причиненный подопечным	263
Резяпова Г.Ф. Договор коммерческой концессии: проблемы теории и практики	268
Рожков Н.Г. Понятие и особенности правового положения корпораций с государственным участием России	273
Русских Л.В. Законодательное регулирование основных способов защиты сторон корпоративного договора при его нарушении	277
Сальникова Д.Р. Право на долю в инфраструктуре коттеджного поселка, находящейся в общем пользовании.....	283
Сафин В.Н. Правовые формы реализации инвестиционных проектов	289
Селюнин П.С. Правовое регулирование приносящей доход деятельности некоммерческих организаций: терминологическая неопределенность и ее последствия	300
Смолина Т.М. Гражданско-правовая и семейно-правовая ответственность семьи и ее членов	308
Таран Г.Г. Современные проблемы заключения договоров купли-продажи цифровых активов в РФ	314
Таран Г.Г. Биобанкирование репродуктивных материалов в России: проблемы правового регулирования	320
Таран Г.Г. Правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития.....	326
Токмина Е.М., Ахтямова Е.В. Проблема злоупотребления свободой договора при использовании «умных» ценовых алгоритмов.....	333

Тужилова-Орданская Е.М. Вопросы собственнической правосубъектности в свете теории А.В. Венедиктова.....	339
Федулина Е.В., Ахметвалиев Д.Р. Автономия воли сторон как инструмент предотвращения коллизии правопорядков	344
Филиппова О.С. Кворум как условие действительности решения общего собрания участников корпорации	352
Хасанова И.Р., Ахтямова Е.В. Договор присоединения в интеллектуальной собственности: правовая природа акцепта открытой лицензии (ст. 1286.1) и лицензионного договора, заключаемого в порядке ст. 437 ГК РФ	358
Хуртов М.С. Иммиссия и проблема защиты прав собственников.....	363
Эбергардт С.А. Понятие, признаки и правовая природа машиноисполняемой сделки	371

Абросимова Екатерина Андреевна,
к.ю.н., доцент, и.о. зав. каф инновационной юриспруденции
и информационного права, доцент кафедры МЧиГП
им. С.Н. Лебедева МГИМО МИД России,
г. Москва, Россия
E-mail: abrosimova_e_a@mgimo.ru;
e.a.abrosimova.mgimo@mail.ru
Тел: +7(977)751-40-69
ORCID: 0000-0003-2801-8686
РИНЦ Author ID: 759082 (spin-код: 1430-2050)

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ АКЦЕПТА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам заключения гражданско-правовых договоров в цифровой среде и трансформации классических подходов к пониманию оферты и акцепта в условиях развития электронного взаимодействия. Анализируются особенности выражения акцепта посредством электронных сообщений, мессенджеров, clickwrap- и роруп-соглашений, эмодзи, а также иных цифровых форм коммуникации. Особое внимание уделяется проблеме соотношения действительной воли и её внешнего выражения при использовании упрощённых цифровых механизмов подтверждения согласия. Рассматриваются вопросы квалификации конклюдентных действий в электронной среде, определения момента получения оферты и акцепта, а также проблемы правовой определённости при использовании визуальных символов и иных нетрадиционных способов выражения согласия. Делается вывод о необходимости формирования единообразного подхода к регулированию цифрового акцепта, включая разработку механизмов мягкой международной унификации и специальных правил, направленных на обеспечение предсказуемости цифрового оборота и защиты интересов участников электронных правоотношений.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровой акцепт, оферта, электронная форма сделки, электронные сообщения, конклюдентные действия, clickwrap agreement, роруп agreement, эмодзи, пользовательское соглашение, цифровое волеизъявление, юридически значимые сообщения, цифровизация гражданского права.

Ekaterina A. Abrosimova

Doctor of Juridical Science (Candidate of Legal Sciences), professor,
Associate Professor and Deputy Head of the Department of International Private and
Civil Law, Vice-director of the Information Center
of the Hague Conference in Moscow,
Acting head of the Department of Law of Innovations and Information Law,
MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia
Phone number: +7-977-751-40-69
E-mail: abrosimova_e_a@mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-2801-8686
РИИЦ Author ID: 759082 (spin-код: 1430-2050)

SPECIFICITIES OF EXPRESSING ACCEPTANCE IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Abstract. The article examines the issues of contract formation in the digital environment and the transformation of traditional legal approaches to offer and acceptance in the context of electronic communications development. The study analyzes various forms of digital acceptance, including electronic messages, messengers, clickwrap and popup agreements, emojis, and other digital means of communication. Particular attention is paid to the correlation between the actual intent of a party and its external manifestation when simplified digital consent mechanisms are used. The article addresses the qualification of conclusive actions in the electronic environment, the determination of the moment of receipt of an offer and acceptance, as well as the problem of legal certainty arising from the use of visual symbols and other non-traditional forms of expressing consent. The author concludes that there is a need for a unified legal approach to the regulation of digital acceptance, including the development of soft international harmonization mechanisms and special rules aimed at ensuring predictability in digital transactions and protecting the interests of participants in electronic legal relations.

Key words: digital environment, digital acceptance, offer, electronic form of transaction, electronic communications, conclusive actions, clickwrap agreement, popup agreement, emojis, user agreement, digital expression of intent, legally significant communications, digitalization of civil law.

На протяжении длительного времени в российской правовой доктрине ведутся дискуссии относительно степени необходимости модернизации национального правового регулирования в условиях масштабного распространения цифровых технологий во всех сферах общественных отношений. Представляется обоснованным наряду с процессами цифровизации отдельно выделять феномен дистанционности, получивший особое развитие в период пандемии COVID-19 и впоследствии закрепившийся в качестве устойчивого элемента повседневного гражданского оборота благодаря удобству и высокой оперативности соответствующих форм взаимодействия.

Вместе с тем преимущества дистанционного и цифрового формата взаимодействия, выражающиеся в упрощении, ускорении и повышении доступности оборота, в ряде случаев нивелируются отсутствием целостной законодательной концепции и единообразного подхода правоприменительной практики к регулированию соответствующих отношений. На сегодняшний день развитие регулирования преимущественно осуществляется посредством фрагментарных и точечных изменений законодательства, к числу которых можно отнести закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации категории цифровых прав, а также признание электронной формы документа эквивалентной письменной форме.

В остальной части судебная практика фактически вынуждена адаптировать существующие правовые конструкции к цифровому формату правоотношений, зачастую руководствуясь дискреционным усмотрением. Показательным примером является отсутствие устойчивого и единообразного подхода к правовой природе и допустимости цифровых доказательств¹, включая вопросы необходимости их нотариального удостоверения, порядка оформления и критериев процессуальной приемлемости. Вместе с тем следует отметить и наличие прогрессивных правоприменительных подходов, в частности признание судами формальной действительности договоров, заключённых посредством мессенджера WhatsApp².

На наш взгляд, именно сфера гражданско-правового регулирования в наибольшей степени нуждается в формировании единого концептуального подхода и специального нормативного регулирования³. В отличие от частноправовой сферы, в рамках публичных правоотношений законодатель уделяет вопросам цифровизации значительно больше внимания, что обусловлено объективной необходимостью обеспечения правомерного использования цифровых технологий государственными органами. В гражданском праве потребность в нормативной регламентации, как правило, актуализируется уже на стадии возникновения спора между участниками правоотношения, вследствие чего при отсутствии системного и внутренне согласованного регулирования разрешение соответствующих вопросов приобретает ситуативный характер и в значительной степени зависит от судебного усмотрения.

Особую актуальность в условиях развития электронного документооборота приобретает вопрос определения момента получения оферты и акцепта при их направлении посредством электронной почты либо мессенджеров⁴. Необходи-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 N 5-КГ22-144-К2. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2212388

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.03.2020 № 09АП-7765/2020 по делу № А40-278013/2019.

³ Подробнее см. Абросимова, Е. А. Проблема адаптации гражданско-правового регулирования к цифровизации оборота / Е. А. Абросимова, А. А. Волкова // Юрист. – 2025. – № 7. – С. 30-35. – DOI 10.18572/1812-3929-2025-7-30-35.

⁴ См. Абросимова, Е. А. Направления трансформации гражданско-правового регулирования с учетом судебной практики по спорам из онлайн-отношений / Е. А. Абросимова, А. А. Волкова // Вестник арбитражной практики. – 2025. – № 3(118). – С. 10-18.

димось специального нормативного урегулирования данной проблемы обусловлена, в том числе, риском расширительного толкования правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, сформулированных применительно к получению юридически значимых сообщений.

В отличие от традиционных средств коммуникации, функционирование электронных каналов связи не зависит от режима работы посредников, обеспечивающих передачу сообщения, а также не предполагает обязательного совершения адресатом активных действий для принятия информации, как это имело место, например, при использовании факсимильной связи. Указанные особенности ставят вопрос о переосмыслении классических подходов к определению момента получения юридически значимых сообщений в электронной среде.

В рамках рассматриваемой проблематики представляется необходимым разграничить два самостоятельных вопроса. Во-первых, подлежит ли оферта, направленная посредством электронной почты или мессенджера, квалификации в качестве оферты между присутствующими с учётом фактической мгновенности доставки сообщения. Во-вторых, при отрицательном ответе на данный вопрос возникает необходимость определения юридически значимого момента поступления соответствующего сообщения адресату.

Разрешение первого вопроса связано с сущностью самой конструкции оферты между присутствующими, основанной на презумпции непосредственного и немедленного восприятия адресатом поступающей информации. Традиционно к числу таких оферт относится оферта, сделанная посредством телефонной связи. Однако современное развитие цифровых коммуникаций существенно расширило перечень способов голосового взаимодействия, что требует выработки критериев разграничения различных форм электронной коммуникации.

В частности, возникает вопрос о соотношении телефонного разговора и голосового сообщения, направленного через мессенджер. Наиболее обоснованным в данном контексте представляется подход германского законодателя, использующего категорию «mittels Fernsprechers»¹, которую возможно интерпретировать как «средство моментальной голосовой связи». Существенное значение в данном случае приобретают одновременно два критерия: голосовой характер коммуникации и её синхронность, предполагающая непосредственное восприятие сообщения в момент его передачи. Такой подход позволяет исключить из категории оферт между присутствующими как текстовые сообщения мгновенного обмена, не обладающие голосовой природой, так и голосовые сообщения в мессенджерах, допускающие их отложенное прослушивание адресатом.

Следовательно, оферта, направленная посредством мессенджера или электронной почты, не может рассматриваться в качестве оферты между присутствующими, что, в свою очередь, актуализирует проблему определения момента её получения адресатом.

¹ Par. 147 BGB. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_147.html

Попытки нормативного закрепления соответствующего момента предпринимались в различных международных¹ и национальных источниках. Одним из наиболее значимых актов в данной сфере является Конвенция ООН об использовании электронных сообщений² в международных договорах, положения статьи 10 которой устанавливают, что моментом получения электронного сообщения признаётся возникновение у адресата возможности извлечения такого сообщения по электронному адресу, указанному адресатом. При использовании иного электронного адреса юридическое значение имеет не только возможность извлечения сообщения, но и осведомлённость адресата о факте его направления по соответствующему адресу.

Представляется, что данная конструкция отличается внутренней логичностью и в достаточной степени учитывает специфику электронного взаимодействия. Вместе с тем используемая в официальном переводе терминология представляется чрезмерно лаконичной, вследствие чего различие между «указанным» и «иным» электронным адресом не является очевидным без обращения к дополнительным источникам толкования.

Существенное значение в рассматриваемом контексте имеет Пояснительная записка к Конвенции, в которой специально подчёркивается необходимость расширительного толкования категории «электронный адрес». Указывается, что, несмотря на отказ от использования более общего термина «информационная система», разработчики Конвенции не преследовали цели сузить сферу её применения исключительно до электронной почты. Следовательно, под действие соответствующих положений потенциально подпадают и сообщения, направляемые посредством мессенджеров, при условии использования таких каналов связи в рамках релевантной деловой или иной юридически значимой коммуникации.

Значительную теоретическую и практическую сложность представляет также вопрос о способах выражения акцепта в цифровой среде. Это обусловлено тем, что в электронном обороте волеизъявление акцептанта может проявляться в формах, существенно отличающихся от традиционных способов принятия оферты. В подобных отношениях, как правило, отсутствует классическая модель подписания документа, за исключением случаев использования электронной подписи. Вместо этого акцепт нередко выражается посредством специфических конклюдентных действий, характерных именно для цифрового взаимодействия и не всегда совпадающих с привычными для гражданского оборота формами поведения.

Особую проблему представляет соотношение цифровых способов выражения согласия с общими положениями гражданского законодательства об акцеп-

¹ Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996 год) с дополнительной статьей 5 bis, принятой в 1998 году, Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях (2017 год).

² United Nations Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/06-57452_ebook.pdf

те. По общему правилу Гражданский кодекс Российской Федерации исходит из недопустимости акцепта молчанием, за исключением случаев, когда иное вытекает из закона, соглашения сторон, обычая либо сложившейся между сторонами практики взаимоотношений (п.2, ст. 438).

Вместе с тем в цифровой среде получили широкое распространение модели, при которых согласие пользователя презюмируется в связи с совершением им технического действия, формально не направленного непосредственно на принятие договорных условий. Так, на интернет-сайтах нередко используется указание о том, что переход по ссылке, продолжение использования ресурса или получение доступа к материалам сайта одновременно означает согласие пользователя с условиями пользовательского соглашения и лицензионного договора¹.

В подобных случаях возникает определённое расхождение между внутренней волей лица и её внешним выражением. Воля пользователя, как правило, направлена прежде всего на получение доступа к материалам, сервисам или функциональным возможностям сайта. Между тем юридическое значение соответствующего действия конструируется таким образом, что оно одновременно квалифицируется как согласие с договорными условиями, с содержанием которых пользователь зачастую фактически не ознакомился.

С формально-юридической точки зрения такое поведение может быть интерпретировано как совершение конклюдентных действий. Однако подобная квалификация не является бесспорной. В классическом понимании конклюдентные действия должны либо свидетельствовать о намерении исполнить договор, либо иным образом явно выражать согласие лица на вступление в договорные отношения на предложенных условиях. В рассматриваемой же ситуации действие пользователя непосредственно направлено не на принятие условий пользовательского или лицензионного соглашения, а на использование цифрового ресурса. Согласие с договорными условиями возникает как сопутствующее, производное юридическое последствие такого поведения.

Следовательно, применительно к цифровой среде можно говорить о наличии правовой неопределённости, связанной с квалификацией подобных форм поведения как надлежащего акцепта. Несмотря на то что указанный механизм является распространённым и практически стандартным для цифрового оборота, он демонстрирует потенциальное несовпадение воли и волеизъявления и требует более точного нормативного осмысления.

Сходные возражения могут быть высказаны и в отношении акцепта, выраженного посредством проставления пользователем отметки в специальном поле, то есть так называемой модели *clickwrap agreement*. Несмотря на её широкое распространение в цифровом обороте, данный способ выражения согласия име-

¹ См., например, Гасанов А.Я. оглы. Правовая природа пользовательских соглашений оказания услуг с использованием цифровых технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-polzovatelskih-soglasheniy-okazaniya-uslug-s-ispolzovaniem-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 22.05.2026).

ет существенные недостатки с точки зрения соотношения действительной воли лица и её внешнего выражения.

Проставление отметки, как правило, воспринимается пользователем как техническое действие, необходимое для получения доступа к цифровому продукту, сервису или функционалу сайта, а не как юридически значимый акт принятия договорных условий. Вследствие этого пользователь во многих случаях не знакомится с содержанием соглашения, акцепт которого формально подтверждается соответствующим действием.

Модели *popup agreement* и *clickwrap agreement*, безусловно, способствуют упрощению и ускорению гражданского оборота в цифровой среде. Однако их нельзя безоговорочно признать оптимальным способом фиксации волеизъявления, в полной мере совпадающего с действительной волей пользователя¹. Формальное согласие с условиями соглашения в таких случаях нередко замещает реальное информированное принятие договорных условий.

На практике данная проблема проявляется, в частности, в том, что разработчики сайтов, цифровых платформ, программного обеспечения или компьютерных игр могут включать в пользовательские и лицензионные соглашения положения, заведомо рассчитанные на то, что пользователь не будет их читать. Иногда такие положения имеют игровой или провокационный характер и выступают своеобразными «пасхалками», демонстрирующими фиктивность ознакомления пользователя с текстом соглашения.

Вместе с тем встречаются и противоположные практики, когда разработчики стремятся стимулировать пользователя к реальному ознакомлению с условиями договора, например, посредством дополнительных подтверждений или тестовых вопросов, проверяющих понимание отдельных положений соглашения. Однако в массовом потребительском обороте подобные механизмы, как правило, воспринимаются как избыточные и неудобные, вызывая у пользователя негативную реакцию и снижая привлекательность соответствующего цифрового сервиса.

Таким образом, цифровые формы акцепта, основанные на проставлении отметки или подтверждении согласия во всплывающем окне, демонстрируют фундаментальное напряжение между потребностью оборота в простоте и скорости заключения договоров, с одной стороны, и необходимостью обеспечения осознанного, информированного и действительного волеизъявления пользователя — с другой.

Безусловно, отсутствуют гарантии того, что потребители во внецифровом обороте в действительности знакомятся с условиями договоров, которые они подписывают в традиционной письменной форме. Однако специфика цифровой среды заключается в наличии значительно более широких возможностей для

¹ См., например, Чирков А.Д. Вопросы юридической силы *click-wrap* и *browse-wrap* соглашений // Образование и право. 2024. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-yuridicheskoy-sily-click-wrap-i-browse-wrap-soglasheniy> (дата обращения: 22.05.2026).

обеспечения доступности и понятности договорных условий, а следовательно — для формирования действительно информированного согласия пользователя.

Современные цифровые технологии позволяют использовать различные способы упрощения восприятия юридической информации, включая элементы инфографики, визуализации и legal design, направленные на представление условий пользовательских и лицензионных соглашений в более понятной и структурированной форме. Использование подобных инструментов потенциально способно снизить степень формальности восприятия цифрового акцепта и приблизить волеизъявление пользователя к его действительной воле.

Дополнительную проблему представляет практика предварительно проставленных отметок о согласии пользователя. Российское законодательство в сфере защиты персональных данных занимает в данном вопросе достаточно жёсткую позицию. В частности, предварительное проставление отметок, подтверждающих согласие на обработку или распространение персональных данных, прямо запрещено и рассматривается в качестве нарушения законодательства, влекущего административную ответственность¹.

Вместе с тем за пределами регулирования персональных данных подобная практика продолжает широко использоваться в цифровом обороте. Речь может идти, например, о заранее проставленном согласии на получение рекламных сообщений, хранение определённых данных, подключение дополнительных сервисов или совершение иных действий, не связанных непосредственно с основной целью взаимодействия пользователя с цифровой платформой.

Проблема заключается в том, что пользователь нередко либо не замечает наличие соответствующих отметок, либо не придаёт им самостоятельного юридического значения, воспринимая их как элемент технического интерфейса. В результате формально выраженное согласие не всегда свидетельствует о наличии реального и осознанного волеизъявления.

Следовательно, использование предварительно проставленных отметок вновь демонстрирует фундаментальную проблему цифрового акцепта — возможное несовпадение внутренней воли субъекта и её формализованного внешнего выражения. В условиях цифрового оборота данная проблема приобретает особую значимость, поскольку техническая простота фиксации согласия далеко не всегда означает наличие действительного и информированного принятия договорных условий.

Ещё одним дискуссионным аспектом цифрового акцепта является использование эмодзи в качестве формы выражения согласия. Эмодзи давно стали устойчивым элементом повседневной электронной коммуникации, однако их правовая квалификация вызывает существенные сомнения.

Судебная практика уже сталкивалась с вопросом о юридическом значении эмодзи. В частности, в отдельных зарубежных делах суды исходили из того, что эмодзи могут рассматриваться не как нейтральный элемент переписки, а как способ выражения определённого волеизъявления, в том числе согласия с

¹ Нарушение порядка получения согласия влечет наложение штрафа по ст. 13.11 КоАП РФ

условиями договора¹. Российская практика также поддерживает возможность квалификации эмодзи в качестве акцепта². Такой подход основан на признании того, что эмодзи используются участниками коммуникации не случайно, а для передачи конкретного смыслового содержания.

Вместе с тем подобная квалификация порождает системную проблему правовой определённости. Значение одного и того же эмодзи может существенно различаться в зависимости от контекста общения, возраста участников, их культурной среды и принадлежности к определённому поколению. Так, выражение смеха или одобрения в разных коммуникативных группах может передаваться различными символами, включая смеющееся лицо, изображение черепа, перевернутый стул или иные визуальные знаки, значение которых не является универсальным.

В результате использование эмодзи в качестве акцепта осложняется отсутствием стабильного и общепринятого понимания их содержания. Один участник коммуникации может воспринимать соответствующий символ как выражение согласия, тогда как другой — лишь как подтверждение получения информации либо как эмоциональную реакцию, не имеющую договорно-правового значения.

Следовательно, признание эмодзи самостоятельной формой акцепта возможно только при учёте конкретного контекста коммуникации, предшествующей практики взаимоотношений сторон и очевидности выраженного волеизъявления. В противном случае использование эмодзи в договорных отношениях создаёт повышенный риск ошибочной интерпретации намерений сторон и, как следствие, правовой неопределённости при установлении факта заключения договора.

Следует учитывать, что рассматриваемая проблема носит не исключительно национальный, а преимущественно трансграничный характер. Цифровая коммуникация по своей природе выходит за пределы отдельных юрисдикций, а используемые участниками электронного взаимодействия способы выражения эмоций и согласия — включая эмодзи, реакции, отметки и иные визуальные символы — фактически приобретают интернациональный характер. Вместе с тем их восприятие неизбежно зависит от культурного кода, языковой среды и особенностей коммуникативных практик различных государств и социальных групп.

Даже при формальном совпадении используемых символов их смысловое содержание может существенно различаться в зависимости от национального и культурного контекста. Соответственно, одна и та же форма цифрового взаимодействия способна восприниматься различными участниками оборота как выражение согласия, подтверждение ознакомления с информацией либо ис-

¹ См. Митричев И.А. Смайлики в иностранной судебной практике // Legal Bulletin. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smayliki-v-inostrannoy-sudebnoy-praktike> (дата обращения: 22.05.2026).

² Постановление Пятнадцатого ААС от 29 июня 2023 г. № 15АП-8889/23

ключительно эмоциональная реакция, не имеющая самостоятельного юридического значения.

В связи с этим представляется целесообразной разработка определённого унифицированного подхода к толкованию цифровых способов выражения акцепта. Речь может идти о создании своеобразного международного «словаря» или системы ориентиров, фиксирующих наиболее распространённые формы цифрового волеизъявления и их предполагаемое юридическое значение. Подобный механизм мог бы стать формой мягкой унификации, аналогичной подходам, используемым в международном торговом праве и иных сферах унификации частноправового регулирования.

Однако специфика рассматриваемой проблемы заключается в том, что цифровые формы акцепта активно используются не профессиональными участниками коммерческого оборота, а прежде всего обычными потребителями. Именно потребительская среда сформировала практику выражения согласия посредством проставления отметок, использования реакций, эмодзи, «лайков» и иных упрощённых способов цифровой коммуникации. В связи с этим классические инструменты международной унификации, ориентированные преимущественно на профессиональных коммерсантов, в данном случае могут оказаться недостаточно эффективными.

Представляется, что перспективным направлением регулирования могла бы стать разработка универсальных принципов или типовых условий использования цифровых платформ, предусматривающих разъяснение юридического значения тех или иных способов выражения согласия в электронной среде. Подобные механизмы могли бы выполнять не только регулятивную, но и информационную функцию, обеспечивая большую предсказуемость поведения участников цифрового оборота.

Необходимость специального регулирования обусловлена тем, что привычные и повседневные формы цифрового взаимодействия способны порождать серьёзные правовые последствия. Отсутствие единых подходов к их квалификации неизбежно создаёт риск возникновения новых категорий судебных споров. Между тем правоприменение в данной сфере объективно нуждается в предсказуемости, единообразии и наличии чётких ориентиров, позволяющих судам корректно устанавливать содержание и пределы волеизъявления сторон в цифровой среде.

© Абросимова Е.А., 2026

Алимгафарова Алина Ришатовна,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Института права Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, alimgafarova94@bk.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ СВОБОДЫ ДОГОВОРА В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИЧЕСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

Аннотация. В настоящей статье проведено исследование процесса трансформации традиционных пределов свободы договора под влиянием широкого распространения динамических договорных соглашений. Автором проведен анализ сущности таких соглашений и связанных с ними рисков для автономии воли контрагентов, а также обоснована необходимость адаптации существующих правовых пределов свободы договора к цифровой договорной реальности. В заключении автором сделан вывод о формировании нового «процедурного» измерения свободы договора, где гарантией прав сторон становится не только статичное содержание условий, но и сам механизм их изменения.

Ключевые слова: свобода договора; гражданско-правовой договор; динамическое соглашение; изменение договора; цифровизация.

Alimgafarova Alina Rishatovna
Senior Lecturer at the Department of Civil Law of the Institute of Law
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, alimgafarova94@bk.ru

TO THE QUESTION ABOUT THE LIMITS OF FREEDOM OF CONTRACT IN THE CONTEXT OF DYNAMIC AGREEMENTS

Abstract. This article examines the transformation of traditional limits on freedom of contract under the influence of the widespread adoption of dynamic contractual agreements. The author analyzes the nature of such agreements, identifies the associated risks to the autonomy of the parties' will, and substantiates the need to adapt existing legal limits on freedom of contract to the digital contractual reality. In conclusion, the author concludes that a new «procedural» dimension of freedom of contract is emerging, where the rights of the parties are guaranteed not only by the static content of the terms but also by the mechanism for changing them.

Key words: freedom of contract; civil law contract; dynamic agreement; contract modification; digitalization.

Принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹, являющийся краеугольным камнем частного права, исторически основывался на модели статичного, разового волеизъявления сторон, закрепляющего их права и обязанности на весь срок действия гражданско-правового договора.

Его сущность в доктрине раскрывается, как правило, с двух сторон - содержательной и процедурной, где первая (содержательная) предполагает свободу усмотрения сторон при определении содержания заключаемого договора, а именно при выборе условий и типа или вида договора, а также в возможности сторон заключить как поименованный, так и непоименованный договор, а вторая (процедурная) проявляется в неких организационных предпосылках заключения договора, в том числе в свободе заключить договор или отказаться от его заключения, свободе в выборе контрагента.

В литературе ряд авторов выделяют еще несколько элементов свободы договора, такие как свобода выбора места заключения договора, свобода выбора времени заключения договора, свобода выбора формы договора и свобода расторжения договора [1, с. 34].

Являясь «лакмусовой бумажкой» развитости рыночного оборота [2, с. 217], принцип свободы договора всегда отражает само состояние государства, как политическое, так и экономическое, он всегда остро реагирует на происходящие в отдельно взятом государстве и во всем мире процессы.

В XXI веке традиционные рамки свободы договора испытывают трансформацию под влиянием глобализации, цифровизации и усложнения экономических отношений. Появление массовых стандартизированных договоров, автоматизированных смарт-контрактов и платформенной экономики, ставит перед правовой наукой фундаментальные вопросы: сохраняется ли подлинная автономия воли в условиях цифровизации? Не превращается ли свобода договора в иллюзию выбора, где пользователь лишь технически подтверждает заранее разработанные условия?

Стремительная цифровизация экономики привела и к ряду иных последствий, в частности, к массовому появлению динамических договорных соглашений - конструкций, в которых одно или несколько существенных условий (чаще всего цена, объем услуг, состав участников) могут изменяться в одностороннем порядке одной из сторон или автоматически на основании заранее согласованного алгоритма, внешних данных или решений третьих лиц [3, с. 56]. Такие модели широко используются в лицензионных соглашениях на программное обеспечение (EULA), договорах с облачными сервисами, платформенной экономике (Uber, Airbnb) и в рамках смарт-контрактов.

Динамическое соглашение, по своей сути, представляет собой рамочный договор с переменным содержанием. Его особенность заключается в том, что механизм изменения условий встроен в саму договорную ткань и не требует каждого раз нового согласования. Как справедливо отмечает Е.А. Суханов,

¹ Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

здесь происходит смещение центра тяжести с согласования конкретного условия на согласование процедуры его будущего определения [4, с. 78].

Это порождает фундаментальную проблему: сторона, присоединяясь к такому договору, даёт согласие не на известные ей условия, а на потенциально неограниченный спектр будущих модификаций. Тем самым, один из ключевых элементов свободы договора - свобода определения его содержания трансформируется в «свободу передоверия» этого права контрагенту или алгоритму. Риск заключается в том, что изначальный баланс интересов, достигнутый при заключении договора, может быть впоследствии кардинально нарушен в одностороннем порядке под формальным предлогом действия согласованного механизма изменений. Фактически создается лишь «иллюзия согласия» слабой стороны договора, которая в действительности не имеет возможность влиять на изменение условий уже заключенного соглашения. В такой ситуации невозможно утверждать о выражении стороной своего истинного волеизъявления на возникновение или же изменение определенных правоотношений, что прямо противоречит основным началам гражданского права.

Практика распространения динамических соглашений, действительно, ставит под сомнение традиционные представления о свободе договора как о возможности сторон свободно определить окончательные условия их взаимодействия. Кроме того, они способствуют формированию еще большей асимметрии в правоотношениях, где сторона, обладающая технологическими и информационными ресурсами (платформа), в одностороннем порядке «диктует правила игры» своему контрагенту.

В связи с этим возникает центральный для современной цивилистики вопрос: в какой мере динамический характер гражданско-правового договора совместим с принципом свободы договора, и каковы новые границы (пределы) этой свободы?

Российское гражданское право имеет в своем арсенале внушительный перечень «традиционных» пределов свободы договора, которые выступают в качестве механизмов, сдерживающих злоупотребление правом, в том числе и в настоящее время.

В первую очередь, это законодательно установленные императивные нормы права (ст. 422 ГК РФ), которые не могут быть изменены соглашением сторон. В частности, это требования о недопустимости неопределенности, которые гласят, что условия договора должны быть понятными и определенными. Слишком расплывчатая формулировка, позволяющая произвольно менять условия, может быть признана недействительной.

Нормы Закона РФ «О защите прав потребителей» также продолжают действовать применительно к динамическим соглашениям, в частности те, которые закрепляют, что условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами, ничтожны¹. Любое динамическое

¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996, № 3. Ст. 140.

изменение, которое ухудшает положение потребителя (например, повышение цены, снижение качества), может быть признано недействительным.

Активно продолжают применяться требования добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ) и запрета на злоупотребление правом. Этот оценочный критерий становится ключевым инструментом, в особенности, судебного контроля. Действия платформы по изменению условий могут быть квалифицированы как недобросовестные, если они носят несправедливый, неожиданный для пользователя характер или направлены на необоснованное извлечение выгоды. Например, резкое увеличение комиссии или сокращение функционала базовой услуги без адекватных причин может быть расценено как злоупотребление правом. Использование права на одностороннее изменение условий в ущерб другой стороне, особенно если целью является уход от первоначальных обязательств, также считается злоупотреблением правом. Например, в случае если платформа меняет условия договора так, что выполнить их становится практически невозможно, и расторгает его по формальному основанию.

Поскольку большинство динамических соглашений - это договоры присоединения, присоединившаяся сторона (потребитель) имеет право требовать изменения или расторжения договора, если он хотя и не противоречит закону, но лишает ее прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, либо содержит другие явно обременительные условия.

Сохраняет свою императивность и норма части 1 статьи 432 ГК РФ, устанавливающая, что существенное условие о цене должно быть согласовано сторонами, что исключает возможность его одностороннего изменения в рамках динамического соглашения.

Однако в контексте динамических договоров все вышеперечисленные пределы часто оказываются малоэффективными: так, императивные нормы могут не поспевать за новыми бизнес-моделями; динамические соглашения требуют расширения сферы императивного регулирования, в частности, в области защиты персональных данных и цифровых прав; добросовестность оценивается *post factum*, когда условия уже изменены и причинён ущерб; статья 428 ГК РФ позволяет расторгнуть договор присоединения, но не даёт эффективных средств оспорить отдельное скользящее условие, если процедура его изменения формально была описана; ссылка на внешний индекс или решение «независимого» оператора платформы может обходить требование о согласовании цены [5, с. 45].

Таким образом, классические пределы свободы договора, сфокусированные на содержании условий в конкретный момент, плохо приспособлены для контроля за процессом их постоянной трансформации.

По нашему мнению, адекватный ответ на вызовы динамических соглашений лежит в развитии процедурных аспектов принципа свободы договора. Эти ограничения встраиваются в сам механизм динамического изменения, чтобы сделать его более справедливым.

Свобода, безусловно, должна гарантироваться не только в момент заключения договора, но и на протяжении всего периода его действия, в процессе

любых изменений, вследствие чего новая парадигма свободы договора требует выработки новых пределов и существенной модернизации уже существующих.

Предлагается разработать инструментарий для обеспечения соблюдения принципа максимальной прозрачности и предсказуемости условий договора. Алгоритм или условия будущих изменений должны быть не просто упомянуты, а изложены ясным, понятным языком. Сторона договора должна быть способна разумно предвидеть диапазон и основные параметры потенциальных изменений, а все скрытые или излишне сложные механизмы должны признаваться недействительными. Свобода договора в такой ситуации должна ограничиваться необходимостью обеспечить реальное информирование контрагента.

Также и само уведомление об изменениях должно быть явным и прямым, должно содержать суть изменений в доступной форме, а также должно быть направлено по каналу связи, который активно используется контрагентом.

Необходимо обеспечить и соблюдение принципа соразмерности и сохранения исходного баланса: динамическое изменение условий договора не должно приводить к существенному нарушению первоначально ожидаемого сторонами договорного равновесия. Как отмечал В.И. Синайский, «договор остаётся договором лишь пока сохраняется его юридическая и экономическая субстанция» [6, с. 112]. Одностороннее изменение, искажающее эту субстанцию, является злоупотреблением правом, даже если оно формально предусмотрено договором.

Также предлагается закрепить возможность расширительного толкования «существенного изменения обстоятельств» (ст. 451 ГК РФ). В судебной практике следует учитывать, что встроенный в договор алгоритм может не справиться с учётом всех обстоятельств, а его автоматическое срабатывание может привести к результату, который стороны в момент заключения договора никак не предполагали.

Необходимо обеспечить соблюдение принципа реального согласования существенных условий: для изменений, затрагивающих существенные условия договора (цена, предмет, срок), формального уведомления и молчаливого согласия может быть недостаточно. Доктрина и передовая судебная практика движутся к тому, что для таких изменений требуется прямое согласие контрагента (например, повторное проставление галочки).

Свобода договора включает в себя и свободу не заключать договор, и свободу выйти из него, поэтому динамическое соглашение, существенно ограничивающее возможность одной из сторон прекратить отношения без несоразмерных потерь при нежелательном изменении условий, должно попадать под жёсткий судебный контроль. Право на односторонний отказ (ст. 310 ГК РФ) в таком контексте становится важнейшей гарантией против договорного произвола.

Таким образом, широкое внедрение динамических договорных соглашений не отменяет принцип свободы договора, но требует его глубокого переосмысления. Абсолютная формальная свобода установить любой механизм будущих изменений должна быть ограничена новыми, процедурными по своей природе, пределами. Эти пределы, вытекающие из фундаментальных начал

добросовестности, разумности и справедливости, должны обеспечивать прозрачность механизма изменений, предсказуемость их последствий, сохранение основного договорного баланса, реалистичную возможность для стороны отказаться от новых условий.

Только таким образом классический принцип, рождённый в эпоху индивидуальных сделок между известными контрагентами, сможет сохранить свою жизнеспособность и защитную функцию в условиях цифровой экономики, где договорные отношения всё чаще носят длящийся, изменчивый и асимметричный характер. Будущее свободы договора лежит не в её неограниченности, а в развитии правовых инструментов, обеспечивающих подлинную автономию воли на всех стадиях динамичных договорных отношений.

Библиографический список

1. Рогова Ю.В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота. М.: Статут, 2015. 144 с.
2. Муллина Ю.Н. Контроль за несправедливыми договорными условиями: Российское право в сравнительно-правовой перспективе // Опыты цивилистического исследования: сб. ст. / под ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербакова. М.: Статут, 2016. Вып. 1. С. 196-225.
3. Баринов Н.А. Динамические договоры в цифровой экономике: проблемы теории и практики // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 55-78.
4. Суханов Е.А. Ограничения свободы договора в современном гражданском праве // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 75-89.
5. Камышанский В.П., Корнеев С.М. Пределы свободы договора в условиях стандартизации и алгоритмизации договорных отношений // Закон. 2021. № 7. С. 40–52.
6. Синайский В.И. Русское гражданское право (по изданию 1914 г.). М.: Статут, 2002. 638 с.

© Алимгафарова А.Р., 2026

Алсынбаева Эльвира Махамматовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, ellish@list.ru

**ДОГОВОР ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ:
ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВОПОРЯДКЕ**

Аннотация. Договор возмездного оказания медицинских услуг является сложным и многогранным правовым институтом, а практика его применения выявляет ряд серьезных проблем. В статье автором выявлены ключевые проблемы: правовая природа договора как обязательства приложения усилий, а не гарантии результата; проблема навязывания платных услуг; вопросы одностороннего отказа от договора; распределение бремени доказывания качества услуг и надлежащего информирования пациентов. Определены перспективы развития института, которые связаны с совершенствованием законодательства по ключевым проблемам договора, которые позволят с одной стороны, обеспечить защиту пациента, а с другой стороны, предоставить возможность медицинским организациям эффективно защищать свои законные интересы.

Ключевые слова: договор возмездного оказания медицинских услуг, медицинская услуга, понятие договора, правовая природа, существенные условия договора.

Alsynbaeva Elvira Makhamatovna
Candidate of Sciences (Law),
Associate Professor of the chair of Civil Law
of the Institute of Law of the
of Ufa University Science and Technology
Ufa, Russia. E-mail: ellish@list.ru

**CONTRACT FOR THE PROVISION OF PAID MEDICAL SERVICES:
CONTROVERSIAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION AND
DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE RUSSIAN LEGAL ORDER**

Abstract. The contract for the provision of paid medical services is a complex and multifaceted legal institution, and the practice of its application reveals a number of serious problems. The author identifies key issues in the article: the legal nature of the contract as an obligation to apply efforts rather than guarantee results; the problem of imposing paid services; issues of unilateral withdrawal from

the contract; distribution of the burden of proving the quality of services and proper patient information. The prospects for the development of the institute have been identified, which are related to the improvement of legislation on key issues of the contract, which will, on the one hand, ensure the protection of the patient, and on the other hand, enable medical organizations to effectively protect their legitimate interests.

Key words: contract for the provision of paid medical services, medical service, the concept of the contract, the legal nature, the essential terms of the contract.

Конституционное право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ) реализуется сегодня в сложной системе координат, где пересекаются публичные начала (бесплатная медицинская помощь по программе госгарантий) и частноправовые механизмы (возмездное оказание услуг)¹. Реализация данного конституционного права в условиях рыночной экономики осуществляется не только в рамках системы обязательного медицинского страхования, но и посредством заключения договоров возмездного оказания медицинских услуг. В таких условиях договор возмездного оказания медицинских услуг становится ключевым правовым инструментом, опосредующим отношения между пациентами и медицинскими организациями.

Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, несмотря на широкое применение данного договора, его правовая природа и отдельные элементы продолжают вызывать острые дискуссии в цивилистической доктрине и порождать противоречивую судебную практику [1, с. 8].

Дискуссия о правовой природе договора возмездного оказания медицинских услуг имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку определяет режим ответственности сторон и распределение рисков. Традиционно договор возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ) противопоставляется подрядным отношениям именно отсутствием овеществленного результата [2, с.21]. В отношении медицинских услуг эта особенность приобретает критическое значение. Пациент, обращаясь за медицинской помощью, разумеется, ожидает определенного положительного результата — выздоровления, улучшения состояния, избавления от симптомов. Однако может ли договор возмездного оказания медицинских услуг содержать условие об обязанности медицинской организации достичь такого результата?

Конституционный Суд РФ в Определении от 6 апреля 2023 г. № 749-О дал однозначный ответ: договор не может содержать условие об обязанности медицинского учреждения достичь запланированного положительного резуль-

¹ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.01.2026).

тата¹. Медицинская услуга по своей природе является деятельностью, а не гарантией результата. Качество услуги оценивается не по факту выздоровления пациента, а по правильности выбора методов профилактики, диагностики и лечения, а также степени достижения запланированного результата в соответствии со стандартами медицинской помощи. Данный подход порождает серьезную проблему распределения рисков. Качество медицинской услуги зависит от множества факторов: профессионализма врачей, технической оснащенности клиники, тщательности предварительного обследования. Но существуют и факторы, объективно не зависящие от исполнителя: особенности организма пациента, которые невозможно выявить до начала лечения, позднее обращение за помощью, невыполнение пациентом врачебных рекомендаций. Как справедливо отмечается в литературе, существующее правовое регулирование недостаточно четко освобождает врача от ответственности при действии указанных факторов.

В научной доктрине встречается позиция, согласно которой договор возмездного оказания медицинских услуг следует признавать фидуциарной (доверительной) сделкой [3, с. 97]. Сторонники этого подхода указывают на особый характер взаимодействия врача и пациента, предполагающий высокую степень доверия последнего к профессионализму и добросовестности исполнителя.

Однако, как обоснованно отмечает К.М. Арсланов, отношения, основанные на доверии, в принципе не характерны для договоров возмездного оказания услуг и являются скорее частным случаем конкретной практики [1, с. 85]. Определяющим свойством фидуциарных правоотношений выступает делегирование полномочий собственника другому субъекту, что обычно характерно для договоров агентского типа и доверительного управления имуществом. Применительно к медицинским услугам такая конструкция представляется искусственной.

Представляется более обоснованной позиция, согласно которой особый характер взаимодействия врача и пациента имеет определенную специфику, не сводимую к признакам фидуциарности, но требующую усиленных механизмов защиты прав пациента как экономически более слабой стороны и как лица, не обладающего специальными медицинскими знаниями. Именно этот

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 749-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ковалевой Марии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав отдельными положениями статей 1, 128, 779 и 781 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также статей 94, 98 и 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision190443.pdf> (дата обращения: 12.01.2026).

подход последовательно реализуется в судебной практике, на что указывают разъяснения Пленума Верховного Суда РФ¹.

Одним из наиболее острых вопросов практической реализации договоров возмездного оказания медицинских услуг является проблема навязывания пациентам ненужных услуг. В октябре 2025 года глава Комитета Госдумы по труду, соцполитике и делам ветеранов Ярослав Нилов обратился к министру здравоохранения с предложением создать правовой механизм против навязывания платных услуг в частных медицинских учреждениях.

Причина проблемы кроется в системе мотивации медицинского персонала. Во многих частных клиниках основная часть доходов врачей формируется за счет выполнения показателей эффективности (KPI), которые напрямую зависят от стоимости услуг и числа пациентов, которым конкретный специалист «продал» услуги. Разрыв между окладной частью и премиальной составляющей в некоторых случаях достигает 5-6 раз. В такой ситуации врачи объективно заинтересованы в назначении дополнительных услуг и обследований, в которых пациент может и не нуждаться.

Судебная практика 2024-2025 годов демонстрирует последовательную защиту прав пациентов в этой сфере. Так, Московский городской суд в апелляционном определении от 18 августа 2025 г. по делу № 33-37513/2025 удовлетворил требования пациентки о возврате денежных средств, поскольку клиника не смогла доказать необходимость и целесообразность платного лечения, назначенного на основании диагноза, впоследствии опровергнутого при повторном исследовании в государственной клинике². Суд дополнительно взыскал компенсацию морального вреда и штраф в размере 50% от присужденной суммы.

В другом деле (апелляционное определение Мосгорсуда от 18 декабря 2024 г. по делу № 33-53753/2024) суд расторг договоры на оказание платных медицинских услуг с клиникой «Косметолоджи», которая предлагала пациентке процедуры с «креативными» коммерческими названиями («Импульс молодости», «Анти Эйдж») и не смогла подтвердить, что эти процедуры соответствуют стандартам медицинской помощи по профилю «косметология»³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8089/> (дата обращения: 12.01.2026).

² Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 августа 2025 г. по делу № 33-37513/2025 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZV8hmIYSRANW/> (дата обращения: 12.01.2026).

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 декабря 2024 г. по делу № 33-53753/2024 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6WYA1Pd4tyl5/> (дата обращения: 12.04.2026).

Ключевым правовым последствием этой практики становится перераспределение бремени доказывания: именно клиника обязана подтвердить, что надлежащим образом довела до пациента информацию об услугах, а также что услуги оказаны в соответствии с обязательными требованиями.

Другой дискуссионный аспект касается порядка расчетов по договору, в частности, возможности удержания авансовых платежей при отказе пациента от договора. В соответствии с п. 1 ст. 782 ГК РФ заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов. Однако медицинские организации нередко включают в договоры условия об удержании части авансового платежа при досрочном отказе пациента, обосновывая это бронированием времени, подготовкой к процедуре и иными организационными расходами.

Судебная практика последовательно признает такие условия ничтожными как ущемляющие права потребителя. Как отмечается в комментариях, всякая попытка включения в договор условий об удержании медицинской организацией части авансового платежа вследствие одностороннего отказа потребителя определяется судами как нарушение прав потребителя, несмотря на убытки, связанные с простоем мест в санатории или порчей продуктов. Сумма удерживаемого аванса признается неосновательным обогащением и подлежит возврату заказчику.

Более того, встречается позиция, согласно которой включение в договор возмездного оказания медицинских услуг, реализуемого в будущем, условий об авансировании следует считать ничтожным, поскольку они направлены на ухудшение положения заказчика [4, с.51].

Качество медицинской услуги определяется через соответствие стандартам медицинской помощи, утвержденным Министерством здравоохранения РФ. В этих стандартах указаны показатели частоты предоставления услуг, перечень лекарственных препаратов для лечения того или иного заболевания. Исполнитель несет ответственность в случаях, когда лечение проведено не в полном объеме, неправильно выбран метод лечения, несвоевременно подобрана программа диагностики.

Однако на практике возникают сложные вопросы разграничения врачебной ошибки (невиновного заблуждения) и гражданско-правового нарушения. Особую остроту этой проблеме придает асимметрия информации и профессиональных знаний между врачом и пациентом. Как справедливо подчеркивают суды, пациент не обладает специальными медицинскими знаниями, поэтому обязанность объяснить суть платной услуги, ее цели и возможные последствия лежит на клинике.

Говоря о перспективах развития договорного регулирования в сфере медицинских услуг, то следует отметить, что наиболее актуальной законодательной инициативой является предложение о создании правового механизма против навязывания платных услуг в частных медицинских учреждениях [5, с. 25]. Предлагается исключить практику взаимосвязи между зарплатой врачей и стоимостью услуг, а также числом пациентов, которым эти услуги были оказаны. В мае 2025 года Роспотребнадзор разработал поправки в закон «О защите прав

потребителей» о запрете навязывания платных услуг, включая медицинские, которые были приняты Госдумой в первом чтении в июле 2025 года.

Перспективным направлением является дальнейшее расширение и детализация информационных обязанностей медицинской организации перед заключением договора. Судебная практика уже сформировала подход, согласно которому именно клиника обязана доказать надлежащее информирование пациента. Представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне требования к форме и содержанию такой информации, включая обязательное разъяснение возможности получения аналогичной помощи бесплатно (при наличии такой возможности).

Требуется законодательное уточнение правил об авансировании медицинских услуг. Действующая судебная практика фактически ставит медицинские организации в положение, при котором они не могут получить компенсацию за организационные расходы при отказе пациента от договора. Это порождает встречные злоупотребления со стороны пациентов и требует поиска баланса интересов. Возможно, следует предусмотреть возможность включения в договор условий о невозвратном авансе в разумных пределах, покрывающих реальные организационные затраты.

Таким образом, договор возмездного оказания медицинских услуг является сложным и многогранным правовым институтом, находящимся на пересечении публичных и частных начал. Практика его применения выявляет ряд серьезных проблем, требующих осмысления и законодательного решения.

Ключевыми дискуссионными аспектами остаются: правовая природа договора как обязательства приложения усилий, а не гарантии результата; проблема навязывания платных услуг, обусловленная системой КРП и коммерческой мотивацией врачей; вопросы авансирования и одностороннего отказа от договора; распределение бремени доказывания качества услуг и надлежащего информирования.

Перспективы развития института связаны с совершенствованием антинавязывающего законодательства, расширением информационных обязанностей исполнителя и уточнением правил об авансировании. Важно сохранить баланс интересов: с одной стороны, обеспечить защиту пациента как экономически более слабой стороны и лица, не обладающего специальными медицинскими знаниями, с другой стороны, не создать условий, при которых медицинские организации будут лишены возможности защищать свои законные интересы.

Договор возмездного оказания медицинских услуг нуждается в тщательной правовой регламентации и создании отдельных правовых актов, которые смогут обобщить и разграничить случаи ответственности исполнителя и заказчика и закрепить механизмы доказывания неправомерных действий обеих сторон. Только в этом случае договор сможет эффективно выполнять свою функцию правового регулятора отношений в одной из наиболее социально значимых сфер – сфере охраны здоровья граждан.

Библиографический список

1. Арсланов К.М. К вопросу о правовой природе договора возмездного оказания медицинских услуг // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 4. С. 82-90.
2. Бобровская О.Н., Дудорова А.А. Отказ от исполнения договора возмездного оказания медицинских услуг в одностороннем порядке // Медицинское право. 2024. № 4. С. 19–23.
3. Старчиков М. Ю. Договор оказания медицинских услуг: правовая регламентация, рекомендации по составлению, судебная практика и типовые образцы. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 278 с.
4. Вакулина Г.А. О договоре возмездного оказания медицинских услуг // Медицинское право. 2021. № 3. С. 49–56.
5. Кириллова Е.А. Условия договора возмездного оказания медицинских услуг: новеллы законодательства // Юрист. 2022. № 12. С. 23-28.

© Алсынбаева Э.М., 2026

УДК 347.21

Аминева Айгуль Юлаевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия, aigulbika@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЖИЛОГО И НЕЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются понятие жилого и нежилого помещения с учётом последних изменений в жилищном и гражданском законодательстве. Цель исследования – проанализировать содержащееся в нормативных актах и правовой доктрине понятие и основные характеристики жилого и нежилого помещения и в конечном итоге определить признаки, по которым разграничиваются эти два вида помещений.

Ключевые слова: понятие жилого помещения, признаки жилого помещения, понятие нежилого помещения, признаки нежилого помещения.

Amineva Aigul Yulaevna
Candidate of Science (Law)
Associate Professor at the Department of the Chair Civil of Law
of the Institute of Law
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, aigulbika@mail.ru

ON THE ISSUE OF THE DIFFERENTIATION OF RESIDENTIAL AND NON-RESIDENTIAL PREMISES

Abstract. The article analyzes the concept of residential and non-residential premises, taking into account the latest changes in housing and civil legislation.

The purpose of the study is to analyze the concept and main characteristics of residential and non-residential premises contained in regulatory acts and legal doctrine and ultimately determine the features by which these two types of premises are distinguished.

Key words: concept of residential premises, characteristics of residential premises, concept of non-residential premises, characteristics of non-residential premises.

Недвижимость включает в себя такие объекты, как помещения, которые согласно статье 141.4 Гражданского кодекса РФ, представляют собой отдельную часть здания или сооружения. В соответствии с пунктом 14 части 2 статьи 2 Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», помещение — это часть объема здания или сооружения, обладающая определённым назначением и ограниченная строительными конструкциями.

Стоит провести разграничение между двумя видами помещений: жилыми и нежилыми.

Жилые помещения, согласно статье 141.4 ГК РФ, — это части здания или сооружения, предназначенные для постоянного проживания граждан. Более детальное определение содержится в пункте 2 статьи 15 ЖК РФ, где под жилым помещением понимается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства (далее - требования)).

Таким образом, можно определить, что ГК РФ указывает в качестве признака жилого помещения лишь на его единственный признак — пригодность для проживания, тогда как жилищное законодательство подходит к этому вопросу более детально и дополнительно в качестве указывает на такие признаки как то, что оно является недвижимым имуществом, пригодность для постоянного проживания граждан и обособленность в пространстве.

На сегодняшний день в цивилистической литературе существует различные мнение относительно характеристик помещения, служащего местом постоянного проживания граждан. Например, П.В. Крашенинников определяет его как помещение, которое соответствует санитарным, противопожарным, градо-

строительным и техническим нормативам, а также предназначено для постоянного проживания граждан [1, с. 17].

А.В. Борисенко наряду с термином «жилое помещение» использует термин «жилая недвижимость» и «недвижимость в жилищной сфере», последние из которых современное гражданское законодательство не содержит. Однако вышеуказанный автор, ставя знак равенства между тремя этими терминами, называет их синонимами. А.В. Борисенко определяет жилую недвижимость как строение или его часть, предназначенное для проживания людей, законченное строительством и принятое в установленном законом порядке в эксплуатацию, связанное с земельным участком, имеющим границы, подлежащее кадастровому и техническому учету (инвентаризации), включающее жилые помещения, непосредственно удовлетворяющие жилищные потребности людей, а также подсобные и иные вспомогательные помещения, оборудование, сооружения и элементы инженерной инфраструктуры, обслуживающие жилые помещения [2, с. 14]. Конечно определение жилого помещения, предлагаемое А.В. Борисенко наиболее полно отражает все существенные характеристики данного объекта, но легальное определение данного вида недвижимости не содержит все из этих признаков, указывая прямо в ст. 15 ЖК РФ лишь некоторые из них. В качестве одного из ключевых признаков жилого помещения выступает его изолированность в пространстве, которая подразумевает возможность свободного доступа к любой комнате внутри помещения без необходимости прохода через другие жилые комнаты, в первую очередь — через помещения общего пользования, такие как холлы, коридоры и подобные пространства. Таким образом, все комнаты в жилом помещении должны быть взаимосвязаны посредством общих коридорных или коммуникационных зон¹.

Е.А. Червякова справедливо отмечает, что помещение является изолированным в том случае, если отсутствует внутреннее сообщение между жилыми комнатами, и помещения имеют отдельную входную группу на кухню или санузел [3, с. 320].

Вторым характеристическим признаком жилого помещения является его статус как недвижимого имущества, а также наличие тесной связи с землей, что предполагает невозможность беспрепятственного перемещения объекта из одного местоположения в другое без причинения значительного ущерба его имущественной ценности. В соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации, помещения, возведённые на деревьях или на водных объектах, размещённых на плавучих конструкциях, не классифицируются в качестве жилых помещений.

¹ Приказ Минэкономразвития России от 18 декабря 2015 г. № 953 (ред. от 25.09.2019) «Об утверждении формы технического плана и требований к его подготовке, состава содержащихся в нем сведений, а также формы декларации об объекте недвижимости, требований к ее подготовке, состава содержащихся в ней сведений» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.12.2025).

Третий важный признак заключается в пригодности помещения для постоянного проживания граждан, что подразумевает соответствие установленным нормативным требованиям, таким как санитарные, противопожарные, градостроительные и технические стандарты¹.

А.С. Солопаев отмечает, что данный признак следует интерпретировать в широком смысле, то есть не исключительно исходя из объективных критериев, а также с учетом субъективных факторов. Согласно его мнению, степень соответствия жилого помещения установленным санитарно-техническим нормативам и требованиям не имеет принципиального значения. В случае использования того или иного помещения для постоянного или временного проживания, например, в условиях аварийного жилища, такое помещение может рассматриваться в качестве жилого пространства, несмотря на несоответствие его законодательным стандартам [4, с. 155-163]. Однако данный автор, скорее всего, рассматривает понятие жилья в целом, поскольку гражданско-правовая характеристика уже нежели в целом его конституционно-правовая характеристика.

Пригодность жилого помещения определяется как объективная возможность его использования в течение всего года, включая холодные и зимние периоды, для проживания. Таким образом, под пригодностью понимается способность данного помещения обеспечить постоянное проживание на постоянной основе. В настоящее время в судебной практике рассматривается значительное число дел, связанных с признанием садовых домов и вагончиков (особенно в северных регионах страны) пригодными для постоянного проживания². В соответствии с действующим законодательством, наличие пробелов в правовой регуляции не обуславливает препятствий для реализации гражданами своего права на выбор места постоянного проживания. Так, при наличии соответствующих доказательств суд может установить соответствие рассматриваемых помещений требованиям, предъявляемым к жилым помещениям, и в случае признания их таковыми на судебном уровне, это влечет за собой юридические последствия.

Кроме вышеперечисленных признаков признаков жилого помещения правовая доктрина позволяет выделить и дополнительные характеристики. В частности, одним из таких признаков является его строго целевое назначение: даже если имущество принадлежит на праве собственности юридическому лицу, оно должно использоваться исключительно для проживания граждан, что может подтверждаться договорными отношениями, такими как социальный, коммерческий или найм.

¹ Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 (ред. от 28.09.2022) «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.12.2025).

² Решение Ленинского районного суда города Ижевска от 26 декабря 2019 г. по делу № 2-3056/2019 // Правовой портал «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tYkQzNCphBJH/> (дата обращения: 15.12.2023).

Законодательство строго запрещает использование жилых объектов для размещения промышленных производств или иных предприятий. Одновременно, в действующем жилищном законодательстве предусмотрены ограничения по использованию помещений: допускается их использование для профессиональной деятельности и индивидуального предпринимательства при условии соблюдения прав и законных интересов иных граждан и соответствия требованиям, предъявляемым к жилым помещениям.

К дополнительным признакам жилых помещений относится их государственный учет, который ведется трех видах: статистическом, техническом и бухгалтерском. Также к характеристикам относятся измерение (выделение общей и жилой площади) и включение в жилищный фонд, что подтверждается соответствующими видами учета.

Что касается нежилых помещений, то исходя из толкования статьи 141.4 Гражданского кодекса РФ, оно представляет собой обособленную часть здания или сооружения, предназначенную для целей, не связанных с проживанием граждан. Такими помещениями могут использоваться для торговых, промышленных, офисных или иных целей.

Е.О. Трубочёв выделял следующие признаки нежилого помещения: отсутствие предназначения для постоянного проживания, отсутствие изолированности, при которой не требуется наличие отдельного выхода на улицу или в общие помещения, а также возможность раздельного выделения части помещения в натуре любыми способами [5, с. 66-67]. О.Е. Трубочёв указывает, что, несмотря на то, что нежилое помещение может иметь конкретное назначение и предназначаться для определённых видов использования (например, размещения банка, торговых предприятий и иных целей), данный критерий не соответствует современному законодательству, поскольку законодательство не предусматривает дифференциацию нежилых помещений по их назначению. В действующей редакции пункта 10 пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»¹ выделяются только два вида назначения помещений: жилое и нежилое.

П.В. Макеев определяет нежилое помещение как самостоятельный объект недвижимости, предназначенный для производства, административных, общественных и других целей, кроме постоянного проживания граждан. При этом оно должно соответствовать установленным санитарным, техническим и другим требованиям законодательства [7, с. 7].

Конечно, нежилые помещения тоже должны соответствовать определенным требованиям законодательства, но эти требования иные, чем предъявляются к жилым помещениям².

¹ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.12.2025).

² Например, нежилое помещение должно соответствовать требованиям нескольких СанПиН, в первую очередь СП 2.1.3678-20 (о деятельности хозяйствующих субъектов), СанПиН 2.1.3684-21 (о содержании территорий, воды, воздуха, почв, производ-

Что касается признака изолированности, то Письмо № Д23и-501 от 24 февраля 2014 г. относительно признания помещений изолированными или обособленными от других помещений в здании или сооружении¹ разъясняет, что необходимо разграничивать понятие изолированность и обособленность. Обособленность предполагает наличие физической разделенности части здания или сооружения за счет использования строительных конструкций, обеспечивающих ограничение контакта с другими его частями. Она свидетельствует о структурной раздельности функциональных элементов объекта. В то время как изолированность включает не только ограниченность, обусловленную конструктивными особенностями, но и наличие самостоятельного входа, предназначенного исключительно для доступа в данную часть помещения или объекта. Такая характеристика демонстрирует степень автономности и самостоятельности помещения, обеспечивая его функционирование независимо от других помещений внутри здания или сооружения. В связи с этим, жилое помещение должно соответствовать критериям изолированности, а нежилое помещение — критериям обособленности согласно установленным техническим правилам и нормативам.

Одним из видов помещений являются апартаменты, которые занимают промежуточное положение между жилыми и нежилыми объектами недвижимости. В российской правовой системе апартаменты юридически классифицируются как нежилые помещения, изначально предназначенные для использования в целях размещения гостиниц, офисных пространств или перестроенных промышленных зон. Однако с технологической и функциональной точки зрения апартаменты обладают характеристиками, пригодными для постоянного проживания, что обуславливает их более низкую себестоимость по сравнению с традиционными жилыми квартирами. Такая особенность создает правовые и экономические предпосылки для применения апартаментов как альтернативных жилых площадей, хотя их статус в правовом поле остается объектом дискуссий.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить характерные признаки нежилого помещения: во-первых, оно должно обладать обособленностью в пространственной структуре; во-вторых, нежилое помещение предназначено и пригодно для использования в целях производства, административной, общественной или иных видов деятельности, исключая его использование в качестве постоянного жилья граждан; в-третьих, такое помещение должно соответствовать установленным санитарным, техническим и иным нормативным требованиям, а также требованиям законодательства, обеспечивающим безопасность, гигиенические и эксплуатационные показатели. Однако рамках правового регу-

ственных помещений и др.), а также СанПиН 2.1.2.1002-00; СП 118.13330 для общественных зданий Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.12.2025).

¹ Письмо Минэкономразвития РФ №Д23и-501 от 24.02.2014 г. «Относительно признания помещений изолированными или обособленными от других помещений в здании или сооружении» Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.12.2025).

лирования предусмотрена возможность процедуры перевода помещения из жилого в нежилое и наоборот, при условии соблюдения требований, установленных статьей 26 Жилищного кодекса Российской Федерации, что дает возможность гибко адаптировать использование помещений в соответствии с меняющимися потребностями и целями их использования.

Таким образом, ключевое разграничение жилых и нежилых помещений осуществляется по нескольким основным признакам, во-первых, различие определяется по цели использования: жилые помещения предназначены для постоянного проживания граждан, тогда как нежилые помещения предназначены для реализации иных целей, таких как коммерческая деятельность, административные функции, общественные услуги и иные виды деятельности, не связанные с постоянным проживанием: во-вторых, важным критерием является характеристика пространственной обособленности, которая в случае жилых помещений предполагает изолированность, а нежилое – обособленность; в-третьих, разграничение основано на соответствии помещений нормативным требованиям законодательства, регулирующего их использование и эксплуатацию (соответствующая законодательная база для каждого вида помещения).

Библиографический список

1. Крашенинников П. В. Жилищное право. М.: Статут, 2020. 432 с.
2. Борисенко А. В. Купля-продажа жилой недвижимости (современные проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 195 с.
3. Червякова Е.А. Понятие и признаки жилого помещения: актуальные проблемы признания жилым помещением // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 4 (12). С. 317-322.
4. Солопаев А.С. Понятие и признаки жилого помещения // Вестник Удмуртского университета. 2008. Вып. 1. С. 155-163.
5. Трубочёв Е.О. Понятие и признаки нежилого помещения в законодательстве и судебной практике // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 3 (12). С. 66–72.
6. Макеев П.В. Изменение правового режима жилого и нежилого помещения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 24 с.

© Аминева А.Ю., 2026

Аминева Айгуль Юлаевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия, aigulbika@mail.ru

Ступин Павел Александрович,
ассистент кафедры гражданского права
Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, stupin-pavel@mail.ru

Хуртов Михаил Сергеевич,
ассистент кафедры гражданского права
Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, ya.hurtov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПАЕВОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ФОНДА КАК ВИДА ИМУЩЕСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. В статье анализируется легальное определение паевого инвестиционного фонда как обособленного имущественного комплекса. Исследуются признаки имущественного комплекса применительно к паевому инвестиционному фонду, выявляются противоречия между законодательной регламентацией и доктринальными подходами данного понятия. Рассматриваются проблемы, связанные с включением в состав паевого инвестиционного фонда не только вещей, но и обязательственных прав, а также с отсутствием у пайщиков традиционных правомочий собственника общего имущества.

Ключевые слова: паевой инвестиционный фонд, имущественный комплекс, общая долевая собственность, инвестиционный пай.

Amineva Aigul Yulaevna
Candidate of Science (Law)
Associate Professor at the Department of the Chair Civil of Law
of the Institute of Law
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, aigulbika@mail.ru

Stupin Pavel Aleksandrovich
Assistant Professor, Department of Civil Law
Institute of Law
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, stupin-pavel@mail.ru

Abstract. This article analyzes the legal definition of a mutual investment fund as a distinct property complex. It examines the characteristics of a property complex as it applies to a mutual investment fund, identifying contradictions between legislative regulation and doctrinal approaches to this concept. It examines issues related to the inclusion of not only property but also contractual rights in a mutual investment fund, as well as the lack of traditional rights of common property ownership among shareholders.

Key words: mutual investment fund, property complex, common shared ownership, investment share.

В условиях современной рыночной экономики коллективные инвестиции играют всё более значимую роль в перераспределении финансовых ресурсов и привлечении сбережений населения в производственный сектор. Паевые инвестиционные фонды (далее ПИФы) выступают одной из наиболее востребованных форм объединения капиталов мелких и средних инвесторов, доверяющих управление своими активами профессиональным участникам финансового рынка. Однако, несмотря на широкое практическое применение данного института, его правовая природа остаётся предметом острых доктринальных дискуссий.

Легальное определение паевого инвестиционного фонда закреплено в ст. 10 Федерального закона «Об инвестиционных фондах». Согласно данной норме, под ПИФом понимается обособленная совокупность активов, сформированная за счёт вкладов учредителей доверительного управления, объединённых между собой, а также за счёт имущества, приобретённого в ходе управления, причём доля участия в праве собственности на указанный пул активов удостоверяется специальной ценной бумагой, эмитируемой управляющей организацией¹. На первый взгляд данное определение довольно точно и емко отражает сущность исследуемого явления, но при более глубоком анализе оно порождает большое количество вопросов.

А.И. Фридман справедливо обращает внимание на существование серьёзных аргументов, ставящих под сомнение правомерность признания паевого инвестиционного фонда разновидностью имущественного комплекса [1, с. 72].

Данная ситуация усугубляется тем, что отечественное гражданское законодательство не содержит легального определения понятия «имущественный комплекс», не раскрывает его сущностных характеристик и не устанавливает признаков, позволяющих относить те или иные объекты к данной категории.

¹ Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.

В цивилистической литературе предпринимались попытки сформулировать общее определение имущественного комплекса. Так, Д.А. Щеренко, обобщив подходы к категориям «имущество» и «комплекс», предложил под имущественным комплексом понимать единый объект прав, представляющий собой совокупность юридически взаимосвязанных объектов, имеющих денежную оценку и способных участвовать в рыночном обороте [2, с. 19].

Между тем в науке отсутствует единство относительно того, какие именно объекты могут входить в состав имущества. Одна из распространённых позиций сводится к тому, что имуществом признаются лишь вещи в их натурально-вещественном выражении. Другие авторы категорически возражают против распространения режима права собственности на обязательственные права, полагая, что это противоречит фундаментальным принципам гражданского права. Л. Лапач, напротив, указывает, что практика Европейского Суда по правам человека допускает включение в понятие «имущество» любых прав, которые заявитель способен подтвердить, что свидетельствует о более широком подходе к данной категории [3, с. 19].

Значительно более серьёзные возражения против квалификации ПИФа как имущественного комплекса высказаны Т.Т. Оксюком. По его мнению, с позиции классических конструкций отечественного гражданского права и институтов континентальной правовой системы рассматривать паевой инвестиционный фонд в данном качестве не представляется возможным. Свою позицию автор обосновывает тремя основными доводами. Во-первых, некоторые паевые фонды на этапе их формирования состоят исключительно из безналичных денежных средств, которые являются не вещами, а правами требования к кредитному учреждению. Во-вторых, значительное количество ПИФов могут полностью состоять из обязательственных прав, например, вытекающих из договоров долевого участия в строительстве или опционных соглашений. В-третьих, что наиболее принципиально, обязательственные права в классической цивилистике не могут выступать объектом вещных прав, тогда как имущественный комплекс по своей природе предполагает вещно-правовое господство над составляющими его элементами [4, с. 138].

Особую остроту данной дискуссии придаёт тот факт, что в состав паевого инвестиционного фонда, помимо традиционных вещей и имущественных прав, могут включаться также ценные бумаги, включая бездокументарные, которые в результате реформы гражданского законодательства были выведены из категории вещей и отнесены к разряду иного имущества. В данном случае возникает парадоксальная ситуация: законодатель именует ПИФ имущественным комплексом, однако фактическое наполнение этого «комплекса» включает объекты, не являющиеся имуществом в узком смысле этого термина (как совокупности вещей) [5, с. 89].

А.И. Фридман вполне справедливо утверждает, что признание паевого инвестиционного фонда имущественным комплексом в целом не согласуется с доктринальным положением о невозможности существования вещного права на обязательственное правоотношение, поскольку, например, если значительная часть активов ПИФа состоит из прав требования к третьим лицам (например,

акций или облигаций, дающих их держателю лишь право на получение определённого исполнения от эмитента), то ни инвесторы, ни управляющая организация не имеют в отношении этих активов никаких вещных прав. А это, в свою очередь, ставит под сомнение саму возможность распространения на такие активы режима имущественного комплекса, поскольку само понятие «комплекс» предполагает определённое единство и единообразие правового режима входящих в него составляющих [1, с. 73].

Не менее важным аспектом рассматриваемой проблемы выступает то обстоятельство, что пайщики паевого инвестиционного фонда, которые в соответствии с прямым указанием закона признаются долевыми собственниками имущества фонда, в действительности не обладают ни одним из классических правомочий собственника. Как показано в исследованиях С.А. Ножкина, инвесторы не могут ни владеть активами (они находятся у управляющей компании или в специализированном депозитарии), ни пользоваться ими (за исключением права на получение инвестиционного дохода), ни, тем более, распоряжаться, поскольку все сделки с имуществом фонда совершает управляющая компания от своего имени, хотя и с обязательным указанием на свой статус доверительного управляющего [6, с. 120].

В.А. Белов отмечает, что пайщики не наделены правом преимущественного приобретения доли при её отчуждении, не могут требовать выдела своей доли в натуре, не несут ответственности по обязательствам друг перед другом и вообще не связаны между собой какими-либо юридическими отношениями [7, с. 565].

Анализ судебной практики в целом подтверждает обозначенную проблему. Так, Ленинский районный суд г. Нижний Тагил признал инвестиционные паи наследственным имуществом, указав, что пай удостоверяет долю в праве собственности на имущество фонда¹. В то же время Кировский районный суд г. Екатеринбурга распространил на пайщика закрытого ПИФа недвижимости законодательство о защите прав потребителей, взыскав с управляющей компании не только стоимость договора, но и убытки, неустойку и компенсацию морального вреда². Данный подход фактически признаёт пайщика экономически слабой стороной обязательственных, а не вещных отношений. Верховный Суд РФ в определении от 1 ноября 2025 г., напротив, подтвердил, что имущество ПИФа может быть истребовано как самостоятельный обособленный пул в рамках банкротства, но при этом управляющая компания выступает от своего имени, что также не вписывается в классическую модель доверительного управления³. Таким образом, суды, с одной стороны, признают за пайщиками элементы вещных

¹ Решение Ленинского районного суда г. Нижний Тагил Свердловской области от 24 октября 2023 г. по делу № 2-2174/2023 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Jtkv1iGw1FVH/> (дата обращения: 15.12.2025).

² Решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 16 мая 2024 г. по делу № 2-38/2024 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3kS67hZW9y6r/> (дата обращения: 15.12.2025).

³ Определение Верховного Суда РФ от 1 ноября 2025 г. № 305-ЭС23-23575(4,5) по делу № А40-246865/2022 // URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/BRCI6cMAocJR/> (дата обращения: 15.12.2025).

прав (наследование паев), с другой — применяют к отношениям с участием ПИФа потребительское и обязательственное законодательство, что свидетельствует о гибридной, теоретически противоречивой природе данного института.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы: во-первых, легальная конструкция паевого инвестиционного фонда как имущественного комплекса вступает в очевидное противоречие с классическими доктринальными положениями о природе вещных и обязательственных прав, поскольку значительная часть активов ПИФа состоит из прав требования, которые не могут быть объектом вещного права. Во-вторых, признание за пайщиками права общей долевой собственности на имущество фонда является юридической фикцией, не соответствующей реальному объёму их правомочий: они не могут владеть, пользоваться и распоряжаться активами, не имеют преимущественного права покупки и не связаны друг с другом какими-либо отношениями.

Библиографический список

1. Фридман А.И. Понятие инвестиционного фонда и инвестиционного юридического лица // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 68–79.
2. Щеренко Д.А. Определение понятия «имущественный комплекс» // Российская юстиция. 2008. № 4. С. 17–19.
3. Лапач Л. Понятие «имущество» в российском праве и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 18–20.
4. Оксюк Т.Т. Гражданско-правовое регулирование доверительного управления паевым инвестиционным фондом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 212 с.
5. Иванова Е.В. Гражданско-правовое положение паевых инвестиционных фондов: вопросы теории и практики: дис. ... к.ю.н. М., 2009. 192 с.
6. Ножкин С.А. Понятие и правовая природа паевого инвестиционного фонда // Бизнес в законе. 2010. № 2. С. 119-121.
7. Белов В.А. Имущественные комплексы: очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. 572 с.

© Аминева А.Ю., Ступин П.А., Хуртов М.С., 2026

Аминева Айгуль Юлаевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, aigulbika@mail.ru

Ступин Павел Александрович,
ассистент кафедры гражданского права
Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, stupin-pavel@mail.ru

Хуртов Михаил Сергеевич,
ассистент кафедры гражданского права
Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, ya.hurtov@yandex.ru

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ
В ПАЕВЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДАХ:
ПРОБЛЕМА ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ ФОНДА**

Аннотация: в настоящей статье анализируются теоретические и практические проблемы допуска иностранных инвесторов к паевым инвестиционным фондам (ПИФ). Исследуется соотношение режима национального режима и изъятий, установленных валютным и антимонопольным законодательством. Особое внимание уделяется статусу номинального держателя, вопросам возвратного фидуциарного управления и судебной практике по спорам, связанным с санкционными рисками и контролем за капиталами.

Ключевые слова: паевой инвестиционный фонд, иностранный инвестор, доверительное управление, инвестиционные пай, валютный контроль, национальный режим.

Amineva Aigul Yulaevna
Candidate of Science (Law)
Associate Professor at the Department of the Chair Civil of Law
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, aigulbika@mail.ru

Stupin Pavel Alexandrovich
assistant at the department of civil law
of the Institute of Law
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, stupin-pavel@mail.ru

LEGAL STATUS OF FOREIGN INVESTORS IN SHARED INVESTMENT FUNDS: COLLISIONS OF FINANCIAL SOVEREIGNTY AND GUARANTEES OF PROTECTION.

Abstract. This article analyzes the theoretical and practical issues of allowing foreign investors to participate in mutual investment funds (MIFs). It examines the relationship between the national treatment regime and the exemptions established by currency and antitrust legislation. Special attention is given to the status of the nominal holder, the issues of returnable fiduciary management, and the judicial practice on disputes related to sanctions risks and capital control.

Keywords: mutual investment fund, foreign investor, trust management, investment shares, currency control, national treatment.

Введение: фидуциарная природа паевого инвестиционного фонда как барьер для иностранных лиц.

Паевой инвестиционный фонд (далее — ПИФ) представляет собой обособленный имущественный комплекс, не являющийся юридическим лицом (п. 2 ст. 10 федерального закона «об инвестиционных фондах»). Доверительное управление им осуществляет управляющая компания. С классической цивилистической точки зрения которой придерживаются Е.А. Суханов, В.А. Белов, ПИФ — это договорная конструкция общей долевой собственности с элементами траста.

Иностранный инвестор, приобретая инвестиционный пай, вступает не в корпоративные отношения, а в обязательственно-правовые отношения с управляющей компанией. Пай удостоверяет право требовать надлежащего исполнения обязанностей со стороны доверительного управляющего и право на получение денежной компенсации при прекращении договора. Эта повышает требования к защите прав нерезидентов, чья правосубъектность ограничена публичным порядком государства места нахождения фонда.

Допуск к инвестированию: национальный режим.

Согласно ст. 4 федерального закона «об иностранных инвестициях в РФ», иностранному инвестору предоставляется национальный режим, за изъятиями, установленными федеральными законами. В сфере ПИФОВ формально такие изъятия отсутствуют: любой нерезидент может быть владельцем инвестиционных паев.

Однако практика выявляет три уровня ограничений:

1. Валютное регулирование. Операции, связанные с приобретением паев, требуют открытия счета для «нерезидентов-дружественных стран», а для «недружественных» (ст. 1 указа президента № 95 от 05.03.2022) — специально-

го разрешения правительственной комиссии по контролю за иностранными инвестициями. Без него управляющая компания обязана отказать в выдаче пая.

2. Антимонопольные требования. Приобретение более 25% паев закрытого ПИФА (ЗПИФА) может быть квалифицировано как экономическая концентрация (ст. 28 закона о защите конкуренции) с требованием предварительного согласования.

Проблема номинального держания и трастового расщепления прав.

Иностранные инвесторы нередко действуют через депозитарии-номинальные холдинги. В российском ПИФЕ номинальный держатель признается лицом, которое учитывает права на паи иных лиц. Возникает коллизия: номинальный держатель не является выгодоприобретателем, но именно он голосует на общих собраниях владельцев паев (если предусмотрено правилами фонда). Иностранный бенефициар остается «невидимым» для управляющей компании.

Такое расщепление создает риски:

1. Невозможность применения персональных санкций к конкретному бенефициару;
2. Нарушение требований «прозрачности» при выводе дивидендов (распределении дохода);
3. Фактическая утрата права на судебную защиту, поскольку номинальный держатель не обязан защищать интересы нерезидента в российском суде.

Профессорский вывод: институт номинального держания в пифах требует законодательного закрепления обязанности раскрывать цепочку конечных иностранных бенефициаров при достижении порога 10% паев.

Защита прав при ликвидации фонда и банкротстве управляющей компании.

Главным риском для иностранного инвестора является отзыв лицензии у управляющей компании. В отличие от банковского вклада, паи не застрахованы. Имущество ПИФА не входит в конкурсную массу управляющей компании (ст. 35.3 закона об инвестиционных фондах). Однако на практике имущество заблокировано: иностранный инвестор не может назначить нового управляющего самостоятельно, так как это осуществляет банк России.

Из-за санкций процедура передачи активов затягивается на годы. Суды отказывают нерезидентам «недружественных» стран в иске о понуждении к передаче паев новому управляющему, ссылаясь на указ Президента¹.

На основании выше приведенного можно сделать вывод что необходимо вести специальный статус «квалифицированный иностранный инвестор пифа» с правом прямого обращения в арбитражный суд без участия номинального держателя. Также закрепить возможность для управляющей компании отказы-

¹ Указ Президента РФ от 1 марта 2022 № 81 (с посл. изм. и доп. от 20 мая 2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

вать нерезидентам на основании «санкционной нежелательности», если такая страна не внесена в перечень недружественной на уровне федерального закона.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник для вузов: в 2 т. Том 1. Общая часть / отв. ред. В. А. Белов. М.: Издательство Юрайт, 2026. С. 451.
2. Сравнительное корпоративное право: учебное пособие / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2014. С. 456.
3. Федеральный закон от 09 июля 1999 г. № 160-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 08 августа 2024 г. № 275-ФЗ) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Информационное письмо Банка России от 19.12.2023 N ИН-018-38/66 «О правах пайщиков закрытого паевого инвестиционного фонда на получение выплат, предусмотренных подпунктом «а» пункта 12 Указа N 665».

© Аминева А.Ю., Ступин П.А., Хуртов М.С., 2026

УДК 347.4

Атнабаева Юлия Вилевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Института права Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, kursovaya309@mail.ru

РИСКОВЫЙ (АЛЕАТОРНЫЙ) ДОГОВОР: СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы рисков (алеаторных) договоров в российском гражданском праве. Рассматриваются существенные признаки алеаторности, выделяются классические и современные договорные модели, содержащие алеаторный элемент. Анализируются проблемы квалификации таких договоров, в том числе в свете судебной практики. Особое внимание уделяется критериям разграничения допустимых алеаторных сделок и соглашений, не подлежащих судебной защите, а также вопросам соответствия договора экономическому смыслу и соразмерности риска.

Ключевые слова: алеаторный договор, рисковые сделки, гражданское право, квалификация договора, судебная практика, распределение риска, игры и пари.

RISKY (ALEATORY) CONTRACT: ESSENTIAL FEATURES AND QUALIFICATION PROBLEMS

Abstract. The article is devoted to the study of the legal nature of risky (aleatory) contracts in Russian civil law. The essential features of aleatory are considered, classical and modern contractual models containing an aleatory element are highlighted. The problems of qualification of such contracts are analyzed, including in the light of judicial practice. Special attention is paid to the criteria for distinguishing permissible aleatory transactions from agreements that are not subject to judicial protection, as well as to the issues of compliance of the contract with the economic meaning and proportionality of risk.

Key words: aleatory contract, risky transactions, civil law, contract qualification, judicial practice, risk allocation, games and bets.

В гражданско-правовой доктрине возмездные договорные конструкции традиционно оцениваются через призму соотношения встречных предоставлений и распределения имущественных рисков. Наряду с договорами, в которых стороны исходно ориентированы на относительно определимый и сопоставимый эквивалент, выделяется группа соглашений, где сам механизм возмездности «работает» иначе: исполнение одной стороной своей обязанности не гарантирует возникновения у контрагента строго соразмерной (либо вообще какой-либо) обязанности предоставить заранее рассчитываемое встречное удовлетворение. Указанная группа описывается через категорию алеаторности (рисковости), при которой итоговая имущественная выгода/обременение субъектов определяется наступлением либо ненаступлением обстоятельства, не подчинённого их воле и не поддающегося полному прогнозированию.

Существенная особенность таких правоотношений состоит в том, что неопределённость (риск) встроена в саму «сущность» обязательства: на момент заключения соглашения стороны могут согласовать юридическую цель, предмет и алгоритм поведения, однако объём встречного предоставления становится известным лишь при реализации обусловливающего фактора. Именно поэтому в алеаторной конструкции баланс интересов не сводится к эквивалентному обмену в статике; он достигается посредством принятия и распределения риска, то есть согласия сторон на возможность отклонения фактического результата от ожидаемого, включая вариант, при котором одна сторона получит меньше, чем предоставила, а другая — больше.

Российское законодательство не содержит легального определения алеаторного (рискового) договора как самостоятельной родовой категории. Отсутствие нормативно закреплённой дефиниции приводит к тому, что квалификация и конструирование соответствующих сделок осуществляются на основании

общих положений договорного права и специальных норм о конкретных видах обязательств. В этой системе ключевое значение имеют требования к заключению договора: согласование существенных условий, подтверждение волеизъявления сторон и соблюдение формы, а также проверка того, достигнуто ли соглашение по предмету и иным обязательным условиям (ст. 432 ГК РФ¹). Данная «общая часть» выступает универсальным фильтром действительности и исполнимости условий, в том числе, когда в договор включён механизм, завязанный на неопределённое обстоятельство.

С практической точки зрения это означает, что хотя «алеаторность» не названа законодателем единым термином, отдельные разновидности рискованных соглашений фактически признаются и регулируются через специальные институты (например, страхование, рента, опцион, а также конструкции игр и пари и др.). Следовательно, речь идёт не о единичном типе договора, а о совокупности разнородных договорных моделей, объединяемых общим юридико-техническим признаком: зависимостью ключевых имущественных последствий от события (или сочетания событий), заранее не контролируемого сторонами.

Исследование алеаторных договоров следует рассматривать в двух аспектах: классическом и современном. К классическим алеаторным договорам относятся конструкции, где риск и неопределённость результата являются их сущностным элементом, а встречные предоставления изначально несопоставимы. Ключевые примеры — договор страхования (где выплата зависит от вероятного страхового случая), пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением (где объём обязательств связан с неопределённой продолжительностью жизни получателя). Правовой смысл таких договоров заключается не в эквивалентном обмене, а в специальном договорном распределении риска.

В современных договорных моделях алеаторный элемент выступает как гибкий инструмент управления будущей неопределённостью в коммерческом обороте. К ним относятся опционный договор (где одна сторона приобретает право будущего выбора, а другая принимает связанный с этим риск), договор конвертируемого займа (где способ исполнения — возврат долга или конвертация в долю — зависит от будущих обстоятельств) и соглашение о возмещении потерь (где обязанность компенсировать убытки привязана к наступлению заранее определённых неблагоприятных событий). Эти конструкции институционально закрепляют распределение рисков, связанных с изменением рыночных условий, корпоративных или финансовых показателей.

Терминологическая база алеаторности восходит к латинскому корню, связанному с идеей игры и случайного исхода; из этого исторического слоя выросло представление о сделках, где результат определяется «жребием» обстоятельств. Исследования по тематике подчёркивают, что ещё в античной практике существовали экономические операции, построенные вокруг неопределённого исхода, однако степень их правовой защищённости и техника судебного поощрения к исполнению были ограниченными и вызывали затруднения при ре-

¹ Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст.3301.

ализации обязательственных последствий [1]. Тем самым историческая линия демонстрирует: признание допустимости рискованных соглашений не всегда сопровождалось разработанностью процессуальных и материально-правовых механизмов их исполнения

Существенный догматический вклад в понимание алеаторности дают римско-правовые модели купли-продажи будущего результата. В одной конструкции договор «привязывался» к факту появления будущей вещи (условная логика: при отсутствии результата отпадает и обязательственная связь как лишённая объекта). В другой конструкции предметом становился не будущий материальный результат как таковой, а сама возможность (шанс) его получения: покупатель сохранял обязанность оплатить цену независимо от того, возникнет ли фактический результат. Эта развилка принципиальна для современного анализа: она показывает, что юридический объект и кауза в рискованной сделке могут быть сформулированы так, чтобы «носителем» отчуждаемого интереса выступала не вещь, а вероятность (ожидание, риск), то есть экономически измеримая неопределённость.

В континентально-европейской модели (на примере Франции) алеаторные договоры получают прямое нормативное обозначение и специальную регулятивную «привязку»: по смыслу ст. 1964 Гражданского кодекса Франции договор квалифицируется как алеаторный, когда исполнение ставится в зависимость от случайности либо действий третьих лиц, неподдающихся предвидению и изменению сторонами. При этом допускаемость таких конструкций сочетается с ограничителями публично-правового характера, направленными на защиту слабой стороны, прежде всего потребителя. В частности, во французском правовом порядке указывается на возможность судебного контроля содержания: при наличии недобросовестных/недостаточных условий договор может быть «обезврежен» посредством признания недействительности полностью либо в части; кроме того, суду оставляется пространство для оценки справедливости выплат, рассчитанных по алеаторной модели, чтобы предотвратить очевидно несправедливые результаты [2]. Это важный ориентир для теории: алеаторность сама по себе не исключает юридической силы договора, однако обязывает правовой порядок выстраивать механизмы контроля добросовестности и прозрачности условий, особенно в массовых и потребительских сегментах.

В англосаксонской системе, напротив, отсутствует единая родовая категория алеаторных договоров как общей группы. Характерно иное решение: договоры игр и пари в целом не воспринимаются как подлежащие судебной защите (в традиционной логике *enforceability*), тогда как иные рискованные сделки «разбираются» по отдельным секторам регулирования, без объединения их в единый типологический массив. Данный контраст подчёркивает, что алеаторность — не универсальная «ярлыковая» классификация, а способ юридического описания риска, который может по-разному институционализироваться в разных правовых семьях.

Из-за отсутствия легального определения российская доктрина предлагает несколько рабочих моделей, фиксирующих признаки рискованных сделок. В учебной и научной литературе подчёркивается, что речь идёт о соглашениях, в

которых ключевой результат исполнения зависит от события, не predetermined и не контролируемого сторонами; именно это событие «вносит» неопределённость в окончательные требования и обязанности [3].

Другой подход акцентирует, что алеаторность проявляется через обусловленность возникновения и содержания прав и обязанностей будущим обстоятельством, вероятность наступления которого не исключена, но и не гарантирована [4]. Встречается также трактовка, согласно которой случайное обстоятельство не просто влияет на судьбу обязательства, а служит моментом, в который конкретизируется окончательный объём притязаний одной из сторон [5]. В учебных курсах, ориентированных на практическую квалификацию, алеаторный договор описывается как особый вид договорной связи, где неопределённое событие детерминирует исполнение, а потому стороны должны изначально осознавать вероятностную природу результата и зависимость конечного экономического эффекта от реализации условия [6]. В предпринимательно-правовом измерении алеаторность нередко увязывается с вероятностным исходом и использованием юридических механизмов управления рисками в коммерческом обороте [7].

Несмотря на терминологическую вариативность, общий «каркас» совпадает: алеаторные соглашения характеризуются (а) включённостью неопределённого обстоятельства в юридический механизм обязательства; (б) перераспределением экономического риска между контрагентами как смысловым ядром конструкции; (в) невозможностью на момент заключения достоверно определить конечный объём встречного удовлетворения. Отсюда следует и методологический вывод: алеаторность — это не «недостаток эквивалентности», который сам по себе дискредитирует договор, а согласованная сторонами модель распределения неопределённости.

Обобщение алеаторных конструкций неизбежно выводит к более широкой проблеме: риск в праве выступает самостоятельной межотраслевой категорией и требует аналитического инструментария, позволяющего описывать как вероятность неблагоприятных исходов, так и допустимость их принятия субъектами оборота. В научных работах, посвящённых рискам в правовой системе, подчёркивается значение превентивной функции права в среде информационных рисков [8], а также обсуждается идея «права на риск» в условиях современной экономики [9]. Риски рассматриваются и как системное явление, для которого предлагаются обобщающие подходы и «пакеты» решений на уровне доктрины [10], включая анализ их проявлений в экономике, праве и социальной жизни [11], а также историко-теоретическую реконструкцию связи риска с правом и экономическими отношениями [12]. В прикладных областях отдельно акцентируются угрозы и риски, затрагивающие финансовую безопасность, что иллюстрирует масштаб и междисциплинарность категории риска [13]. Этот пласт исследований важен для темы алеаторных сделок: он показывает, что договорная неопределённость не является маргинальным феноменом, а встраивается в общую теорию правового регулирования рисков.

С учётом указанного особое значение приобретает корректная юридическая квалификация: требуется разграничивать собственно алеаторные сделки и

ситуации, когда случайный фактор лишь опосредованно влияет на последствия договора, не образуя его сущностного признака. В научных работах подчёркивается потребность в сравнительном анализе и точной квалификационной процедуре применительно к алеаторным сделкам и к сделкам, которые дают лишь «алеаторный эффект», то есть случайность проявляется на уровне результата, но не формирует правовую конструкцию как таковую [14]. На практике это разграничение влияет на выбор норм, применимых к спору, на оценку существенных условий и на определение объёма доказательств по вопросу о наступлении обуславливающего события.

В современной цивилистической доктрине алеаторные (рисковые) договоры занимают особое место, поскольку их правовая природа связана с наличием элемента неопределенности в наступлении тех или иных последствий для сторон. Судебная практика играет ключевую роль в формировании критериев отграничения допустимых рисков сделок от договоров, которые в силу своих характеристик не могут пользоваться судебной защитой. Анализ актуальных судебных актов позволяет выявить устойчивые подходы судов к квалификации таких договоров.

В Определении Верховного Суда РФ от 22.11.2018 по делу № А40-94322/2016 был рассмотрен договор хеджирования валютного риска¹. Суд, исследовав условия данного соглашения, пришел к выводу, что оно представляет собой рисковую (алеаторную) сделку, являющуюся разновидностью игры или пари. При этом суд установил отсутствие у сторон договора необходимой лицензии на осуществление профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг либо лицензии, позволяющей заключать биржевые сделки. В соответствии с пунктом 2 статьи 1062 Гражданского кодекса РФ требования, основанные на сделках, связанных с игрой или пари, не подлежат судебной защите, если иное не установлено законом. Поскольку заключенный договор был квалифицирован как игра (пари), а стороны не обладали специальным разрешением (лицензией) на его совершение, суд отказал в удовлетворении исковых требований о взыскании долга. Данный подход демонстрирует, что суд рассматривает лицензионный режим как один из ключевых факторов, определяющих возможность защиты прав по алеаторным договорам: отсутствие лицензии ведет к отказу в судебной защите на основании ст. 1062 ГК РФ.

Другой аспект квалификации алеаторных договоров раскрывается в Определении от 30.09.2024 по делу № 2-96/2023, касающемся договора страхования². В данном деле суд проанализировал условия страхования, в которых способ определения стоимости годных остатков был поставлен в зависимость от величины страховой суммы. Суд указал, что такие условия полностью ли-

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2018 г. по делу № А40-94322/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/D04dTvLs74Um/> (дата обращения: 11.01.2026).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2024 г. по делу № 2-96/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/RSjXzHak2Crr/> (дата обращения: 11.01.2026).

шают страхователя возможности получить страховое возмещение при наступлении страхового случая, поскольку размер возмещения оказывается равным нулю. Это, по мнению суда, лишает договор страхования экономического смысла и противоречит целям страхования как института, направленного на возмещение имущественных потерь (ст. 927, 929 ГК РФ). Фактически договор, формально являющийся алеаторным (поскольку выплата зависит от наступления страхового случая), превращается в сделку, в которой одна из сторон заведомо лишается всякой возможности получить встречное предоставление. Суд квалифицировал подобное условие как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) и признал соответствующую сделку ничтожной на основании ст. 168 ГК РФ, поскольку она нарушает требования закона и ущемляет охраняемые законом интересы третьих лиц.

Обобщая изложенное, можно выделить следующие критерии судебной оценки алеаторных договоров:

- Наличие лицензии: если алеаторный договор требует для своего заключения специального разрешения (например, на профессиональную деятельность на финансовых рынках), отсутствие такового ведет к квалификации договора как игры (пари) и отказу в судебной защите (п. 2 ст. 1062 ГК РФ).

- Соответствие экономическому смыслу и целям института: договор, хотя и содержащий алеаторный элемент, не должен полностью лишать одну из сторон возможности получить встречное удовлетворение. В противном случае суд может усмотреть в сделке злоупотребление правом и признать ее ничтожной.

- Соразмерность риска: условия договора должны сохранять разумную соразмерность между внесенным стороной предоставлением и потенциальным выигрышем (возмещением). Резкий дисбаланс, приводящий к фактическому отсутствию шанса на получение встречного удовлетворения, рассматривается как нарушение основополагающих начал гражданского законодательства (добросовестность, разумность, справедливость).

Таким образом, судебная практика не только применяет нормы о играх и пари к классическим алеаторным договорам (таким как хеджирование), но и вырабатывает субстантивные критерии допустимости риска, оценивая, не превращается ли договор в инструмент недобросовестного обогащения одной стороны под видом легальной алеаторной сделки. Это указывает на тенденцию к содержательному контролю за рисковыми договорами, выходящему за рамки формальной проверки наличия лицензии.

Системное объединение изложенных подходов позволяет представить алеаторный договор (алеаторную сделку) как двустороннюю или многостороннюю возмездную правовую конструкцию, в которой юридически значимый объем основного предоставления и/или возникновение ключевых обязанностей поставлены в зависимость от будущего неопределённого обстоятельства, не контролируемого участниками, причём принятие и распределение риска составляет смысловой элемент договорной цели. В таком понимании алеаторность выражает не «дефект» договорного обмена, а согласованную модель организации неопределённости: стороны, заключая соглашение, признают правомерность как положительного, так и отрицательного результата сделки, пре-

вращая таким образом внешнюю неопределенность в структурированный элемент договорных обязательств.

Этот правовой пробел имеет важные практические последствия. Поскольку в законе нет единого определения алеаторного договора, ключевая роль в регулировании таких отношений переходит к содержанию договора и судебному толкованию.

Из этого следуют два основных вывода, соответствующие логике статьи 432 ГК РФ о существенных условиях договора:

- Требование к качеству договора. При заключении сделки сторонам необходимо предельно чётко прописать все её рискованные аспекты: что является предметом, какое событие признаётся случайным, как оно фиксируется и какие доказательства этого принимаются.

- Требование к правовой квалификации. При споре суд должен решить принципиальный вопрос: является ли договор по своей сути алеаторным (где риск — его ядро) или это обычный договор, на который внешне повлияло случайное событие.

Таким образом, законодатель не создал единого понятия для всех рискованных сделок. Вместо этого он распределил их по разным, уже существующим разделам права (страхование, игры и пари, рента и др.). Именно поэтому в юридической науке до сих пор нет единого мнения о точном определении алеаторных договоров, а задача объединить их в единый правовой институт остаётся чрезвычайно сложной.

Библиографический список

1. Доробец Н. *Officium Judicis*. Компетенция присяжного судьи в римском гражданском праве первых столетий императорской эпохи. М.: Книга по Требованию, 2022. С. 38–39.

2. Губа В.В. Заключение, исполнение договора во французском, немецком и английском праве // *Студенческий вестник*. 2023. № 7-1 (246). С. 51–52.

3. Белов В.А. *Гражданское право: в 2-х т. Т. 1: Общая часть*. Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023.

4. Голышев В.Г., Голышева А.В. *Виды гражданско-правовых сделок // Сделки в гражданском праве Российской Федерации: учеб. пособие*. М.: Моск. городской пед. ун-т, 2022. С. 11–27.

5. Савенко А.М. Алеаторные сделки в российском гражданском праве // *Молодой ученый*. 2019. № 52 (290). С. 174–176.

6. Зенин И.А. *Гражданское право. Особенная часть: Учебник для среднего профессионального образования*. 20-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. С. 54–55.

7. *Предпринимательское право. Правовое регулирование отдельных видов предпринимательской деятельности: учебник и практикум для вузов* / Г.Ф. Ручкина [и др.]; под ред. Г.Ф. Ручкиной. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023.

8. Воробьев С.М., Комаров С.А. Превентивная функция права в системе информационных рисков // Теория гос-ва и права. 2021. № 1 (21). С. 38–46.
9. Крючков Р.А., Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в правовом поле современной экономики и «право на риск» // Правовое поле современной экономики. 2015. № 12. С. 109–119.
10. Риски в праве: пути решения: Монография / под ред. Л.Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2020. 160 с.
11. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в экономике, в праве и социальной жизни: научные подходы к пониманию // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 203–211.
12. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Рок, риск, право и экономика: начало и истории отношений // Правовое поле современной экономики. 2013. № 11. С. 11–17.
13. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России: угрозы и риски: Монография / А.Г. Хабибулин, А.В. Анищенко, В.Н. Анищенко, Е.В. Анищенко, А.Н. Выборный; под общ. ред. А.Г. Хабибулина. 2-е изд., расширенное и доп. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Высшая школа государственного аудита, 2023. 480 с.
14. Киктенко К.Г. Юридическая квалификация алеаторных сделок и сделок с алеаторным эффектом: сравнительный анализ // Молодой исследователь РАНХиГС-2020: Сб. науч. ст. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 118–139.

© Атнабаева Ю.В., 2026

УДК 347

Балякина Елена Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, elena_f@ufanet.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: проблемы заключения сделок в условиях цифровизации по-прежнему остаются актуальными в доктрине гражданского права и значимыми в правоприменительной практике. Сложившиеся правила поведения сторон сделки при ее заключении изменяются под влиянием технологических требований, что влечет за собой изменение законодательства. Меняется договорная свобода под влиянием правил, установленных владельцами цифровых платформ, на которых происходит заключение сделок или совершение иных юридически значимых действий.

Ключевые слова: цифровые платформы, дистанционные сделки, цифровая среда, единая информационная система, сделки между отсутствующими.

Balyakina Elena Borisovna,
Candidate of Science (Law),
Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Institute of Law
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, elena_f@ufanet.ru

DIGITALIZATION OF CIVIL TURNOVER: PROBLEMS OF REGULATORY REGULATION

Abstract. The problems of concluding transactions in the context of digitalization are still relevant in the doctrine of civil law and significant in law enforcement practice. The established rules of conduct of the parties to a transaction at its conclusion change under the influence of technological requirements, which entails a change in legislation. Contractual freedom is changing under the influence of the rules established by the owners of digital platforms on which transactions are concluded or other legally significant actions are performed.

Keywords: digital platforms, remote transactions, digital environment, unified information system, transactions between the missing.

Цифровые технологии плотно вошли в бытие современного человека. В настоящее время совершенно обыденным считается заключить сделки удаленно, закупая товары через электронные магазины, заказывая продукты с доставкой на дом и т.п. В гражданско-правовой доктрине такие сделки названы как сделки, заключённые между отсутствующими [1, С.235].

Традиционно сформировалась точка зрения, что в такой сделке участвуют две стороны (обязанная и управомоченная). Но с учетом современных реалий, описанных выше, наблюдается наличие широкого круга лиц, обеспечивающих заключение подобных сделок. К таким лицам относятся операторы связи, обеспечивающие сторонам сделки возможность информационного обмена, операторы хостинга, предоставившие возможность размещения информации и самой платформы для заключения сделки, владельцы агрегаторов – электронных магазинов, которые размещают предложения продавцов (исполнителей). В проекте Федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»¹ также раскрываются понятия цифровой платформы как информационной системы, обеспечивающей взаимодействие различных лиц с целью заключения сделок, а также владелец цифровой

¹ Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (законопроект № 959244-8) // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/959244-8> (дата обращения: 04.01.2026).

платформы, определяющий порядок размещения информации на такой платформе, в том числе порядок использования самой платформы. Стоит согласиться с позицией А.В. Невровского, М.В. Зинцовой, что цифровая платформа – особая автоматизированная информационная система, использующая возможность применять технологические решения для неограниченного (либо условно ограниченного) круга лиц посредством сети интернет для автоматизации различных категорий задач [2, С.293]. Наличие различных типов и видов цифровых платформ обуславливает различное правовое регулирование их использования, как публично-правовое так и частноправовое.

В зависимости от наличия технических возможностей, меняется и степень влияния лиц, участвующих в обеспечении взаимодействия сторон сделки, на процесс заключения сделки, в том числе волю сторон такой сделки: действительно гарантия передачи воли стороны сделки в неискаженном виде ни одним из таких лиц не предоставляется. Так, исходя из изложенного выше понятия владельца цифровой платформы, видно, что именно владелец такой платформы определяет порядок размещения информации на такой платформе, тем самым не исключается возможность ограничения определенного круга субъектов предпринимательской деятельности в размещении своих предложений на платформе, что свидетельствует об ограничении конкуренции. Так, например, нередко случаи оспаривания в антимонопольную службу тарифов, установленных операторами электронных торговых площадок, за участие в торгах и/или за заключения договора по итогам таких торгов¹.

Так, в силу положений части 5 статьи Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»², контракт считается заключенным не просто с момента его подписания сторонами усиленной электронными подписями, а с момента его размещения в Единой информационной системе (далее ЕИС). Однако, как отмечает, А.Б. Бабаев, ««по умолчанию» необходимость согласовывать свои действия с иным лицом отсутствует» [3, С. 160].

Безусловно, стороны свободны в заключении сделки. Однако большая часть сделок в цифровой среде заключается путем присоединения к условиям, разработанным владельцем той платформы, на которой происходит заключение договоров и совершение прочих юридически значимых действий. С одной стороны, это обусловлено именно технической возможностью, что уже было учтено в статье 426 ГК РФ, посвященной публичному договору. С другой стороны

¹ Решение Московского УФАС России от 04 июля 2023 г. по делу № 077/07/00-8577/2023 Официальный интернет-портал Федеральной антимонопольной службы: База решение и правовых актов [Электронный ресурс]. URL:[http:// br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-ufas-rossii/83aabe6c-9d3a-4f3f-b0d7-1f9d3b3c7767/](http://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-ufas-rossii/83aabe6c-9d3a-4f3f-b0d7-1f9d3b3c7767/) (дата обращения: 10.01.2026).

² Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

договорная свобода может быть ограничена путем лоббирования оператором цифровой платформы продукции определенного продавца или группы продавцов, формируя у потенциального потребителя мнение об отсутствии аналогичного товара у других продавцов.

Помимо заключения сделок в цифровой среде реализуется возможность исполнения по таким сделкам. Так, возвращаясь к контрактной системе в сфере государственных закупок, отметим, что заказчик принимает исполнение по контракту с точки зрения юридического оформления приемочных документов путем открытия возможности разместить документы о приемке товара (работы, услуги) в ЕИС. Кроме того, на сегодняшний день настроен модуль автоматической инициации процесса оплаты участнику закупки в случае принятия товара (работы, услуги) заказчиком, что свидетельствует о реализации теории смарт-контрактов [4, С.3] и, как следствие, позволяет избежать нарушений прав участников закупок со стороны заказчиков. Однако, технологические решения, применяемые в экономике в целом, и при заключении договоров в частности, не всегда соответствуют требованиям действующего законодательства. Одним из фактов, подтверждающих разрозненность позиций законодателя и разработчиков технологического процесса, является ситуация, возникшая в январе 2026 года у организаций-заказчиков, осуществляющих закупочную деятельность в соответствии с требованиями Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Согласно требованиям названного закона, заказчики обязаны формировать отчет о закупках товаров российского происхождения по форме, определенной Постановлением Правительства РФ «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». При этом формуляр отчета, содержащийся в названном постановлении, отличался от формуляра, размещенного в ЕИС. При этом за нарушение сроков сдачи отчетов предусмотрена административная ответственность. Каких-либо разъяснений по расхождению формуляров законодатель не разместил, что вызвало массу вопросов у специалистов в сфере закупок. Как справедливо было отмечено А.А. Лариным, отсутствие четкого законодательного регулирования и доступность рассматриваемого явления в настоящий момент создают потенциальную угрозу нарушения прав и свобод граждан и юридических лиц, что выражается, в первую очередь, в непрозрачности вопроса использования технологий для самих участников экономического оборота, а также фактическом отсутствии судебной защиты в

¹ Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 0.01.2026).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2024 г. N 1875 “О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц” // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

в данной сфере [5, С.117].

Одной из проблем использования цифровых решений в гражданском обороте является отсутствие четких инструкций по применению такого решения даже при наличии навыков использования отдельных простых цифровых инструментов. До сведения пользователя должны быть доведены возможности использования такого инструмента или сервиса, порядок использования цифровой платформы, ее возможности, а также четкие инструкции по выполнению отдельных операций, исключающих возможность совершения ошибок или недостижения того результата, который преследует пользователь такой платформы или сервиса.

Исходя из описанных выше проблем, возникающих на практике в процессе заключения договоров с применением цифровых платформ, видится необходимость четкого законодательного регулирования процедурных аспектов обеспечения функционирования таких платформ, а также порядка совершения при их использовании юридически значимых действий. Введение подобного правового порядка позволит структуризировать работу таких платформ, а также избежать нарушения прав пользователей такими платформами при заключении сделок и совершении иных юридически значимых действий.

Библиографический список

1. Гражданское право. В 4-х томах. / ред. Суханова Е.А. - 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: 2023. Т.3. С. 235.
2. Невровский А.В., Зинцова М.В. Определения и классификации цифровых платформ // Московский экономический журнал. 2024. №9. С. 281-300.
3. Сделки: проблема теории и практики: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. докт. юрид. наук М.А. Рожкова. М.: Статут, 2008. 480 с.
4. Гонгало Б. М., Новоселова Н. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С.179-193.
5. Ларин А.А. О правовой природе смарт-контрактов и их свойствах // Вопросы российской юстиции. 2023. №23. С.115-123.

© Балякина Е.Б., 2026

Булацкая Наталия Геннадьевна,
старший преподаватель кафедры частного права,
сравнительного правоведения и правотворчества
Ивановского Государственного Университета
Иваново, Россия, 453120@bk.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ И ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВ СОБСТВЕННИКА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ПРИ ИЗЪЯТИИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Аннотация: В настоящее время в связи со стремительным развитием Российского законодательства и правоприменительной деятельности особую актуальность приобретают вопросы, затрагивающие обеспечение жилищных и земельных прав собственников при изъятии земельного участка в интересах государства либо муниципального образования. Поскольку реализация данных полномочий субъектов публичной власти связана с принудительным прекращением права частной собственности, то крайне важен вопрос о правовых гарантиях для обладателей недвижимости, в особенности в части возмещения стоимости изымаемого имущества.

Ключевые слова: изъятие, государственные и муниципальные нужды, возмещение, земельный участок, жилое помещение, собственник.

Bulatskaya Natalia Gennadievna,
Senior Lecturer at the Department of Private Law,
Comparative Law and Lawmaking
Ivanovo State University
Ivanovo, Russia,

SECURING THE HOUSING AND LAND RIGHTS OF THE OWNER OF A DWELLING IN THE EVENT OF THE SEIZURE OF A LAND PLOT FOR STATE OR MUNICIPAL NEEDS

Abstract. At present, the swift evolution of Russian legislation and law enforcement practices has brought to the forefront concerns regarding the protection of housing and land rights for property owners, particularly in cases where land is expropriated for state or municipal purposes. Given that the exercise of these powers by public authorities involves the mandatory termination of private property rights, ensuring legal safeguards for real estate owners is of utmost importance, especially concerning compensation for the value of the expropriated property.

Key words: seizure, state and municipal needs, compensation, land plot, residential premises, owner.

Система правового регулирования в Российской Федерации на рубеже двадцатого и двадцать первого века претерпела значительные изменения, затронувшие практически все сферы общественной жизни. Одним из таких преобразований стало введение в действие Жилищного и Земельного кодексов РФ. Важно отметить, что реформирование системы правового регулирования жилищных и земельных отношений не исключило полностью все правовые пробелы и правоприменительные проблемы. Многие из них до сих пор остаются крайне актуальными и изучаются в рамках правовой науки. В частности, проблема обеспечения законодательно установленных гарантий в сфере жилья и земельных отношений прав собственников жилых помещений, располагающихся на земельных участках, подлежащих изъятию для государственных либо муниципальных нужд.

Рассматривая исторический аспект правовой регламентации данных правоотношений, следует обратиться к Жилищному кодексу РСФСР. Данный нормативный правовой акт закреплял возможность предоставления жилого помещения субъектам, обладающим домами на праве собственности, и членам их семей как следствие изъятия участков земли для нужд государства или общества. Наиболее распространено было выделения таким субъектам помещения из состава государственного или же общественного фонда жилых помещений. Собственнику также предоставлялось право выбора способа компенсации за утрату жилого помещения. Это могла быть либо денежная сумма, эквивалентная стоимости утраченного жилья, либо возможность использовать по своему усмотрению строительные материалы, появившиеся в результате разборки дома.

В действующем Жилищном Кодексе Российской Федерации в основе правовой регламентации подобных правоотношений лежит принцип защиты и охраны жилища и отсутствие возможности произвольно лишить правообладателя жилого помещения. Анализируя нормы Жилищного кодекса, можно отметить, что каждый гражданин Российской Федерации при реализации жилищных прав может руководствоваться собственными законными интересами.¹ Кроме того, законодательством предусмотрена гарантия, согласно которой выселение граждан из их жилища или ограничение их права на пользование им, допускается только в случаях, предусмотренных Жилищным кодексом или другим федеральным законодательством.

Обратившись к правовой конструкции «неприкосновенность жилища и недопустимости его произвольного лишения», необходимо апеллировать к её конституционным основам. Статья Конституции РФ под номером тридцать пять устанавливает, что никто не может быть лишён своего имущества, кроме как по решению суда.² Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд допускается только при условии предварительного и равноцен-

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 (ред. от 04.11.2025) № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

² Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм. от 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.11.2025).

ного возмещения. Раскрывая содержание, приведённой правовой нормы можно констатировать, что правомерное принудительное отчуждение любого имущества правомерно только в установленных действующим законодательствам случаях, при условии строгого соблюдения соответствующей процедуры. Однако, мы всё же полагаем, что отправной точкой, в рассматриваемом вопросе служит концепция о неприкосновенности собственности. Приведённая позиция выступает в качестве основополагающего принципа гражданского права. «Отношения собственности характеризуются как абсолютные, поскольку собственнику имущества противостоит неопределённый круг лиц, обязанных воздерживаться от посягательств на данное имущество». [2, с.29].

Согласно п.1 ст. 239 Гражданского кодекса РФ в ситуациях, когда изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд невозможно без прекращения права собственности на недвижимость, находящуюся на данном земельном участке, такое имущество может быть изъято у собственника путём выкупа государством.¹ Однако, требование об изъятии недвижимого имущества не будет подлежать удовлетворению в случае, если государственный орган или орган местного самоуправления, обратившийся с данным требованием не докажет, что использование земельного участка в целях, для которых он изымается, невозможно без прекращения права собственности на располагающееся на нём недвижимое имущество.

Жилищный кодекс в статье под номером тридцать два, является краеугольным камнем в рассматриваемой проблеме, регламентируя правовые основания, в связи с которыми допускается принудительное отчуждение обладателем права собственности на жилое помещение при изъятии земельного участка для государственных либо муниципальных нужд, а также законодательно закрепляет порядок данной процедуры и комплекс правовых гарантий, которые призваны обеспечить жилищные права собственника. Изъять жилое помещение у субъекта, являющегося его собственником, возможно лишь в силу положений закона. Важно отметить, что ранее названное жилое помещение может принадлежать не только собственнику, но и всем субъектам жилищных правоотношений, указанных в части второй статьи четвёртой Жилищного кодекса РФ.² При этом принудительное отчуждение собственником жилого помещения неразрывно связано с изъятием земельного участка для государственных и муниципальных нужд. Раскрывая содержание, приведённой правовой нормы можно говорить о том, что в качестве детерминанты принудительного отчуждения помещения пригодного для проживания выступает факт изъятия земельного участка, который в свою очередь порождает последствие в виде прекращения права собственности на указанные объекты.

В контексте изучаемой проблемы, полагаем обоснованным обратить внимание на основополагающие проблемы, посвящённые принудительному изъятию

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. (ред. от 31.07.2025) № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 (ред. от 04.11.2025) № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

тию участков земли для нужд государства или муниципального образования. В особенности выявить смысл правовой конструкции «государственные и муниципальные нужды». А также необходимо определиться какие категории земельных участков подлежат изъятию для общественных нужд. Однако, основополагающим является вопрос о перечне правовых гарантий, которыми могут воспользоваться собственники, утрачивающие земельные участки в результате изъятия.

Для изучения правовой конструкции «государственные и муниципальные нужды», являющихся основанием для изъятия земельных участков, следует проанализировать положения статьи 49 Земельного Кодекса¹. Упомянутая норма регламентирует список оснований, позволяющих принудительно изъять земельный участок в публичных интересах. Изъятие земельных участков, в том числе путём выкупа, для государственных или муниципальных нужд возможно только в исключительных случаях. В качестве примеров можно привести:

1) Реализация Российской Федерацией своих обязательств, вытекающих из международных договоров.

2) Возведение объектов, носящих государственное либо муниципальное значение, в ситуациях, когда отсутствуют иные варианты их установки. В качестве примера таких объектов можно привести, объекты обороны и безопасности РФ, объекты транспортной инфраструктуры, разнообразные линейные объекты линии электропередач, автомобильные магистрали.

3) Иные обстоятельства, предусмотренные федеральным законодательством. В качестве примера, можно привести установление правового режима памятников природы на участках, где подобные объекты находятся. Данный пример прямо вытекает из Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях».

Таким образом, законодательно закреплённый перечень исключительных случаев, обуславливающих прекращение прав собственника на жилое помещение с одновременным выбытием из владения земельного участка, на котором возведено здание находится в Земельном Кодексе. Благодаря приёму юридической техники, данный перечень не является закрытым, следовательно, подлежит расширительному толкованию. Мы полагаем, что такой подход законодателя к формулированию данной нормы с точки зрения юридической техники вполне оправдан, так как общественные отношения в сфере жилищного и земельного права носят динамичный характер и призваны удовлетворять одновременно потребности множества участников, в том числе и государственные нужды, которые также имеют свойства трансформироваться в силу различных объективных обстоятельств. Дадим собственное понятие государственных (муниципальных) нужд. Содержание указанной юридической дефиниции следует трактовать как законодательно закреплённые, объективные и значимые для общества и государства потребности и интересы, реализация которых актуальна

¹ Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г (ред. от 31.07.2025.) № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

для обширного круга лиц, исполняемые в законном порядке государственными органами и органами местного самоуправления.

Исследуя категории земель из состава, которых возможно принудительное отчуждение участков земли, наиболее очевидным вариантом являются земли населённых пунктов. В качестве аргумента для данной точки зрения, можно обратиться к содержанию пункта первой статьи восьмидесяти третьей Земельного Кодекса. Согласно данной правовой норме, упомянутая ранее категория земель в первую очередь введена с целью строительства и развития населённых пунктов.¹ Населённые пункты – это городские и сельские поселения, где чаще всего находятся жилые здания, многоквартирные дома, а также объекты индивидуального строительства. В случае если имеет место необходимость использования земли, на которых находятся жилые здания, в интересах государства или муниципального образования, на законодательном уровне отсутствуют положения, регламентирующие невозможность принудительного изъятия подобных земельных участков. В настоящее время система правового регулирования правоотношений, возникающих по поводу изъятия земельного участка в публичных интересах закрепляет, что в целях застройки в соответствии с генеральными планами застройки населённых пунктов, а также правилами землепользования земельные участки, находящиеся в пределах городских и сельских поселений могут быть изъятые, в том числе путём выкупа, для государственных или муниципальных нужд.

Если обратиться к части первой статьи тридцать второй Жилищного Кодекса Российской Федерации, то из её содержание следует тезис о том, что в интересах государства либо муниципалитета возможно изъять участок, на который распространяется правовой режим земель населённых пунктов. Крайне важным условием для этого правового действия является наличие документального подтверждения постановки участка на кадастровый учёт и регистрация права собственности установленном действующим законодательством порядке на жилое помещение, находящееся на изымаемом участке. В случае отсутствия государственной регистрации изъятие подобного участка, мы полагаем невозможным, так как в данном случае нельзя безусловно заявить о нахождении данного участка в частной собственности физического или юридического лица, поскольку земля как объект земельного права не может не принадлежать кому-либо. В данном случае будет действовать презумпция государственной собственности на землю.

При исследовании норм права, посвящённых регламентации механизма изъятия земельных участков для публичных нужд, вытекает тезис о том, что субъект обязательно должен обладать отчуждаемым имуществом на праве собственности. В связи с этим в научном сообществе имеет место дискуссионный вопрос: «Обязательно ли земельные участки таких лиц должны им принадлежать на праве собственности или возможна реализация данного правового механизма и в отношении участков, владение и пользование субъекты осуществ-

¹ Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г (ред. от 31.07.2025.) № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

ляют на основании вещных прав?» В первую очередь к таким основаниям пользования землёй следует отнести право пожизненного наследуемого владения и право постоянного бессрочного пользования. Наибольшую ясность в данную проблему внёс Конституционный суд, в пункте третьем постановления, посвящённого проверке на соответствие Конституции РФ части второй статьи шестнадцатой Закона города Москвы, регулирующего основы платного землепользования на территории данного субъекта. В данном пункте постановления КС справедливо апеллирует к конституционному пониманию имущества, которое включает в себя не только право собственности, но и иные вещные права. В связи с этим, можно сделать вывод о том, что Конституция РФ гарантирует защиту как прав землевладельцев, так и лиц осуществляющих землепользование на основе права постоянного бессрочного пользования и пожизненного наследуемого владения.¹

Из этого следует вывод о том, что оно может быть принудительно отчуждено, только при наличии решения суда и предварительной и соразмерной компенсации. Также, упомянутое ранее постановление апеллирует к положениям гражданского законодательства, которые содержат прямое указание на то, что способы защиты лиц, реализующих права пользования землёй на основании вещных прав аналогичны способам защиты субъектов, обладающих землёй на праве собственности.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, владелец жилого помещения, подлежащего принудительному отчуждению для государственных либо муниципальных нужд, вправе защищать свои права независимо от того на каком законном основании им осуществляется пользование землёй. Важно подчеркнуть, что правовой механизм обеспечения прав, названных субъектов основан на положениях Конституции РФ и закреплён в отраслевом законодательстве.

В качестве ключевой составляющей в правовой конструкции изъятия имущества для нужд государства либо муниципального образования следует назвать возмещение стоимости утрачиваемого имущества. В нормативно-правовых актах его наиболее часто именует термином «компенсация». При толковании статьи двести семьдесят девятой Гражданского Кодекса, явно усматривается отсылка к нормам Земельного Кодекса, относительно регламентации процедуры изъятия участков земли в публичных интересах. Однако, условия о сроке и размере возмещения за изымаемый земельный участок и находящуюся на нём недвижимость определяются соглашением сторон, а в случае принудительного изъятия указанных объектов – судом.

Поскольку изъятие жилого помещения является следствием принудительного отчуждения земельного участка для нужд государства или муниципалитета, то вопрос о размере возмещения стоимости указанных объектов также необходимо рассматривать с позиций земельного законодательства. Данный те-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2001 №16-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 статьи 16 Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве» в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской // СЗ РФ. 2001. №52 (ч.2) Ст. 5014.

зис подтверждают положения ст.32 ЖК РФ. В связи с этим для определения правовых гарантий собственников в части возмещения стоимости изымаемой недвижимости сосредоточим своё внимание на положениях ЗК РФ.

Чаще всего размер выплачиваемой суммы при изъятии участка в интересах государства либо муниципалитета никак не зависит от того, в силу какого из оснований, предусмотренного статьёй сорок девятой Земельного Кодекса, происходит принудительное отчуждение участка. Как показывает сформировавшаяся практика, возмещение может быть осуществлено разнообразными способами. Наиболее распространённый из них это выкуп имущества, подлежащего изъятию. Отличительной чертой данного способа является, то что выкупная цена тождественна возмещению. Кроме того, законодательно разрешается обменять земельный участок, принадлежащего субъекту на основании права частной собственности на эквивалентный, находящийся в собственности государства либо муниципального образования. Вообще данные правила носят диспозитивный характер, поэтому возмещение может быть реализовано и иным путём, однако оно в любом случае должно компенсировать все имущественные утраты собственника земельного участка.

Поскольку в ходе нашего исследования, мы уже обращали внимание на тождественность механизма правовой защиты собственников земельных участков и субъектов, владеющих землёй на основании вещных прав, то каждая из этих групп субъектов вправе претендовать на возмещение стоимости земельного участка в случае его изъятия. Реализация процедуры отчуждения участка в интересах государства либо муниципалитета возможна в добровольном порядке. В данном случае обязательно заключение соглашения об изъятии земельного участка, где одной из сторон выступает правообладатель недвижимого имущества, а в качестве второй стороны, уполномоченный орган публичной власти.

Содержание статьи 59.6 ЗК РФ посвящено неотъемлемым элементам, указанного соглашения. К ним относятся цель, в связи с которой изымается земельный участок, индивидуализация изымаемых объектов, срок передачи объектов и, самое главное, размер возмещения, утрачиваемого имущества собственнику и порядок его выплаты.¹ Однако в случаях, когда стороны соглашения не пришли к консенсусу по каким-либо элементам соглашения, наиболее частым камнем преткновения при заключении подобных соглашения является несогласие собственника с размером предоставляемого возмещения, либо правообладатель категорически возражает против принудительного отчуждения своего имущества, изъять земельный участок и находящуюся на нём недвижимость для государственных или муниципальных нужд возможно только по решению суда.

Далее рассмотрим содержание правовых гарантий, призванных защитить интересы собственников. Основной из них является возмещение обладателю недвижимости экономических и имущественных потерь и расходов, возникших в связи с принудительным отчуждением участка в публичных интересах. Обра-

¹ Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г (ред. от 31.07.2025.) № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

тимся к содержанию статьи пятьдесят шестой с индексом восьмым Земельного Кодекса. Данная норма права в первую очередь указывает на рыночную стоимость участка и всей недвижимости, возведённой на таком участке и право собственности будет прекращено в результате изъятия. Законодатель также подчёркивает, что возмещению подлежат расходы, вызванные установкой или же восстановлением инженерных сооружений на изымаемом земельном участке.¹ Кроме того, п.2 ст.281 ГК РФ также говорит о праве собственника требовать возмещения упущенной выгоды.² Перечень убытков при этом не является исчерпывающим, поскольку закон содержит формулировку о том, что возмещаться могут и иные убытки. Однако следует отметить, что законодательство Российской Федерации предусматривает случаи, при которых в сумму возмещения не входит стоимость некоторых объектов недвижимого имущества, а также созданные неотделимые улучшения аналогичных объектов. В качестве наиболее распространённого примера подобных ситуаций, можно привести здания и сооружения возведение, которых связано с пренебрежением правилами разрешённого использования конкретного земельного участка.

Перейдём к раскрытию содержания такой правовой дефиниции как «рыночная стоимость» Для этого следует обратиться к статье третьей Федеральному закону «Об оценочной деятельности в РФ». В рыночную стоимость входят: цена, которую с наибольшей вероятностью можно выручить, за отчуждаемый объект в условиях конкурентного и открытого рынка, при условии, что стороны принимают во внимание принцип разумности и осведомлены о всех актуальных сведениях о реализуемом и приобретаемом им объекте и при этом отсутствуют какие-либо чрезвычайные обстоятельства, оказывающие влияния на цену.³

В контексте исследуемой тематики, полагаем крайне важно уделить внимание моменту, в который происходит определение размера рыночной стоимости. «Если изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд происходит в добровольном порядке, то размер рыночной стоимости определяется с учётом вида разрешенного использования земельного участка за день до принятия решения об изъятии такого участка» [3, с. 45-46]. Согласно пункту 7 статьи 56.8 Земельного кодекса Российской Федерации, размер возмещения должен быть установлен не позднее чем за 60 дней до отправки собственнику земельного участка соглашения о его изъятии. Если отчуждение участка происходит в принудительном порядке, то рыночная стоимость данного имущества определяется на момент судебного разбирательства по данному спору.⁴ Также на практике возникают ситуации, когда правообладатель земель-

¹ Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г (ред. от 31.07.2025.) № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. (ред. от 31.07.2025) № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Федеральный закон РФ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 №135-ФЗ // СЗ РФ. 1998. №31. Ст. 3813.

⁴ Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г (ред. от 31.07.2025.) № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

ного участка сомневается в достоверности и обоснованности отчетов о рыночной стоимости объекта недвижимости. При наличии подобных сомнений закон предусматривает возможность назначения экспертизы, основной целью которой является определение рыночной стоимости объектов, которые предполагается изъять.

Поскольку в ходе нашего исследования мы уже упоминали, что в следствии изъятия земельного участка в интересах государства, либо муниципального образования собственник также вправе требовать компенсировать стоимость объектов недвижимости. Перечень таких объектов сформулирован законодателем достаточно широко это в первую очередь здания, сооружения, а также объекты строительство, которых не завершено. Основным критерием подлежит ли стоимость недвижимости возмещению наравне с земельным участком является создан ли данный объект в соответствии с требованиями актуального законодательства РФ. Теперь рассмотрим позицию законодателя по данному вопросу. Для этого обратимся к пункту седьмому статьи тридцать второй Жилищного Кодекса РФ. Согласно содержанию данной правовой нормы собственник вправе претендовать не только на возмещение стоимости жилого помещения, но и на компенсацию долей в праве общей собственности на общее имущество жильцов многоквартирного дома, а также на убытки, которые могут возникнуть как следствие изъятия имущества.¹ Примером подобных убытков могут послужить расходы, связанные с изменением места жительства, переездом, досрочным прекращением своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную выгоду.

«Однако возникают ситуации, когда при определении размера возмещения суды не принимают во внимание факт наличия на земельном участке объектов недвижимости, что в конечном итоге порождает неравномерное и несправедливое решение о возмещении, которое нарушает права собственников» [4, с.279]. Поэтому при обстоятельствах дела о компенсации изымаемой в публичных интересах недвижимости и принятия соответствующего решения крайне важно учитывать, как фактически возникшие расходы правообладателя, так и затраты которые возникнут у субъекта в связи с восстановлением нарушенного права.

Краеугольным камнем в правовом механизме изъятия земельных участков и возведённых на нём, с учётом требований действующего законодательства, объектов недвижимости для государственных и муниципальных нужд - это обеспечение баланса прав и интересов всех участников данных правоотношений. Именно возмещение стоимости, всех изымаемых объектов призвано сбалансировать данные правоотношения. В соответствии с точкой зрения Конституционного Суда РФ, содержащейся в Постановлении №9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 13 Федерального закона «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации — городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» говорить о равнозначном возмещении представляется

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 (ред. от 04.11.2025) № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

только при наличии актуальной оценки имущества, подлежащего изъятию, закреплённой в соглашении об изъятии.¹ Полагаем, что суд в данном случае привлекается в качестве независимого арбитра, призванного восстановить равновесие интересов собственника и государственных органов либо органов местного самоуправления. Кроме того, именно в ходе судебного разбирательства правообладателю предоставляется возможность добиться равной, адекватной и справедливой компенсации стоимости, изымаемого объекта недвижимости. Резюмируя всё выше изложенное, мы полагаем, что вполне обоснована точка зрения о том, что правоотношения в исследуемой сфере, никаким образом не должны порождать предпосылки к получению одной из сторон соглашения неосновательного обогащения за счёт второй стороны.

«В ходе изучения актуальных направлений развития гражданского, земельного и жилищного законодательства в контексте изъятия земельных участков в интересах публично-правовых образований, ряд правоведов приходит к выводу о том, что трансформация правового регулирования в данной сфере в большей своей части опирается на защиту публичных интересов, а не частных» [1, с.101]. При исследовании вопросов, связанных с возмещением стоимости изымаемых объектов недвижимости больший акцент сделан на публично-правовой составляющей, при этом свобода волеизъявления правообладателей недвижимости сведена к минимуму.

Таким образом, следует подчеркнуть, что эффективность защиты жилищных и земельных прав собственников жилого помещения при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд зависит в первую очередь от размера компенсации отчуждаемых объектов. В данной правовой конструкции необходим строгий и чётко выверенный баланс публичных и частных интересов субъектов рассматриваемых правоотношений. Основной гарантией прав собственников жилых помещений и земельных участков при их изъятии является возмещение землевладельцам или землепользователям имущественных потерь. Возмещение происходит за счет средств соответствующего бюджета российской бюджетной системы, следовательно, оно должно быть справедливым и соразмерным утраченному имуществу. Поэтому несмотря на то, что действующий правовой режим в данной сфере достаточно четко регламентирует от начала и до конца процесс и порядок принудительного отчуждения земельных участков, всё же требуется расширение правовых гарантий правообладателей жилых помещений и земельных участков особенно в отношении принятия решений о размере рыночной стоимости, принудительно отчуждаемой недвижимости.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.02.2019 № 9-П По делу о проверке конституционности части 5 статьи 13 Федерального закона "Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации - городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобами граждан А.К. Качковского и А.Г. Федосова // СЗ РФ. 2019. №7. Ст.712.

Библиографический список

1. Вагина О.В. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд по новым правилам // Бизнес, Менеджмент и Право. 2017. № 3-4. С. 102–103.
2. Куликова И.П. Неприкосновенность собственности как важнейшая гарантия стабильности имущественного оборота // Юрист. 2003. №11. С. 29-31.
3. Попова Л.И. Особенности оценки земель сельскохозяйственного назначения при определении размера компенсации в случае изъятия или временного занятия для государственных нужд // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 1. С. 39-48.
4. Рыжих И.В. Правовое регулирование возмещения за изымаемый для государственных или муниципальных нужд земельный участок // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 277-281.

© Булацкая Н.Г., 2026

УДК 347

Гаймалеева Айсылу Тагировна,

кандидат юридических наук,
декан юридического факультета ГБОУ ВО «БАГСУ»,
доцент кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, lillas@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ СОСОБСТВЕННИКОВ ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА ПРИ РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА В ПРОЦЕДУРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Аннотация. В статье анализируется правовой режим выдела доли гражданина-должника в имуществе, находящемся в совместной собственности с супругом, в контексте процедуры банкротства. Особое внимание уделяется коллизии между специальными нормами законодательства о несостоятельности и общими положениями гражданского и семейного права, регулирующими порядок обращения взыскания на долю участника общей собственности. Установлено, что действующий в рамках дела о банкротстве механизм реализации совместного имущества супругов отклоняется от общепринятых гражданско-правовых принципов: вместо выдела и последующей реализации доли должника допускается продажа всего имущества целиком. Такой подход фактически ставит супруга в положение, аналогичное кредитору, и одновременно ущемляет его имущественные права по сравнению как с другими сособственниками, так и с конкурсными кредиторами. Автор приходит к выводу о необходимости корректировки нормативного регулирования в целях восстановления баланса интересов всех участников правоотношений.

Ключевые слова: должник, супруг, несостоятельность, банкротство, кредитор, общее имущество

Gaimaleeva Aisylu Tagirovna
Candidate of Legal Science (PhD),
Dean of Law Faculty at «Bashkir Academy of Public Administration and
Management under the Head of the Republic Bashkortostan»,
Associate Professor at the Department of the Chair Civil of Law of the Institute of
Law Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, lillas@yandex.ru

LEGAL REGULATION OF THE RIGHTS OF CO-OWNERS A DEBTOR CITIZEN IN THE DIVISION OF COMMON PROPERTY IN THE INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PROCEDURE

Abstract. The article is devoted to the consideration of the issue of allocating the share of the debtor citizen in the common property of the spouses. The article discloses issues related to the application of special rules established in the bankruptcy legislation in relation to the common property of spouses, compares the procedure for the sale of property provided for by the norms of civil and family legislation, which provides for a different procedure than bankruptcy legislation for foreclosure on a share in the common property of spouses. This gives reason to believe that the spouse of the debtor citizen is actually equated with the creditors of the debtor citizen, and in addition, his rights are infringed in comparison with other creditors and co-owners of common property.

Key words: debtor, spouse, insolvency, bankruptcy, creditor, common property.

Согласно действующему законодательству о несостоятельности (банкротстве), в конкурсную массу включается всё имущество гражданина, находившееся в его распоряжении на момент вынесения арбитражным судом определения о признании его банкротом и введении процедуры реализации имущества, а также имущество, выявленное или приобретённое после указанной даты. Данное положение закреплено в пункте 1 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». В состав конкурсной массы может быть включена и доля должника в праве общей собственности, если на неё в соответствии с нормами гражданского и семейного законодательства может быть обращено взыскание. При этом кредитор наделён правом требовать выдела доли гражданина из общего имущества с последующим обращением на неё взыскания.

Особый порядок предусмотрен для случаев, когда имущество находится в совместной собственности гражданина-должника и его супруга (в том числе бывшего). Согласно пункту 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве, реализация такого имущества осуществляется непосредственно в рамках дела о банкротстве. Супруг вправе участвовать в данном процессе при рассмотрении вопросов, касающихся реализации их совместного имущества. После продажи имущества в конкурсную массу включается лишь та часть вырученных средств, ко-

торая соответствует доле гражданина-должника; оставшаяся часть подлежит выплате супругу. Однако если между супругами существуют общие обязательства — включая солидарные обязательства или случаи, когда один из супругов выступал поручителем или залогодателем по обязательствам другого, — причитающаяся супругу сумма выплачивается только после погашения за счёт его средств указанных обязательств [7, с. 56].

В научной литературе неоднократно высказывалась критика указанного механизма. Так, В.В. Витрянский, Ю.С. Харитонов и другие исследователи отмечают, что специальные правила реализации совместного имущества супругов в деле о банкротстве противоречат общим принципам регулирования имущественных отношений, установленным гражданским и семейным законодательством. В частности, они нарушают логику обращения взыскания на долю в общем имуществе, поскольку предполагают сначала выдел доли должника, а затем — её реализацию в рамках конкурсного производства [2, с. 23; 5, с. 20; 7, с. 39]. Ю.С. Харитонов подчёркивает, что такой подход фактически ставит супруга в положение, сопоставимое с положением кредитора: он получает свою долю лишь после завершения всех процедур, связанных с реализацией имущества, и даже тогда не гарантировано, что размер выплаты будет соответствовать реальной стоимости его имущественной доли [8, с. 8].

Интересную позицию занял Верховный Суд Российской Федерации в пункте 7 Постановления от 25 декабря 2018 года № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»¹. В отличие от буквального толкования нормы статьи 213.26 Закона о банкротстве, Суд предложил иной механизм защиты интересов супруга: тот должен обратиться в суд общей юрисдикции с иском о разделе совместного имущества, после чего уже возможно обращение взыскания на выделенную долю гражданина-должника.

Однако и этот подход вызывает возражения. Если первоначальный механизм, закреплённый в законе, может ущемлять права супруга, то альтернативный путь, предложенный Верховным Судом, создаёт риски для кредиторов: вынесение спора о разделе имущества за пределы дела о банкротстве объективно затягивает процедуру реализации активов и снижает эффективность конкурсного производства. Как справедливо замечает Ю.С. Харитонов, норма пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве ставит супругов-сособственников в заведомо неравное положение по сравнению с другими участниками общей собственности и противоречит доктрине гражданского права, в частности положениям статей 255 и 256 Гражданского кодекса РФ, регулирующим порядок обращения взыскания на долю в общем имуществе [8, с. 8].

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. N 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] URL : <https://www.vsrp.ru/documents/own/27539/> (Дата обращения: 25.01.2026).

Напомним, что согласно общему правилу, кредитор участника долевой или совместной собственности вправе требовать выдела доли должника для последующего обращения на неё взыскания. В предусмотренных законом случаях допускается также продажа этой доли другому участнику общей собственности (например, супругу), с направлением вырученных средств на погашение задолженности. Лишь при отказе остальных участников от приобретения доли кредитор может инициировать её принудительную продажу через публичные торги. При этом важно подчеркнуть: реализуется именно доля в праве собственности, а не всё имущество целиком.

Подтверждением системного дисбаланса в правовом регулировании служит и Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 года¹. В пункте 34 данного документа прямо указано, что доли иных сосособственников (не являющихся супругами должника) в праве общей долевой собственности не подлежат включению в конкурсную массу. На примере спора о реализации земельного участка и жилого дома, принадлежащих в равных долях (по 1/4) должнику, его супруге и родителям, Верховный Суд разъяснил: суд первой инстанции ошибочно применил правило пункта 7 статьи 213.26 ко всем сосособственникам, тогда как оно распространяется исключительно на супруга. Апелляционная инстанция верно указала, что доля в праве собственности является самостоятельным объектом гражданских прав (статья 246 ГК РФ), а потому реализация всего имущества целиком недопустима. Права иных сосособственников, в отличие от супруга, должны быть защищены путём исключения их долей из конкурсной массы.

Если сравнивать регулирование указанного вопроса в зарубежных юрисдикциях, можно сделать вывод о том, что иностранный законодатель также исходит из необходимости отделять имущество банкрота от имущества его супруга.

Коршунов И.С. указывает, что «при формировании конкурсной массы должника законодатель США изначально исходит из положения о том, что не все имущество, охватываемое понятием «общее имущество супругов», может быть включено в конкурсную массу» [4].

При признании банкротом одного супруга, в банкротную массу включается лишь интерес супруга в совместном имуществе, который составляет как правило 50% совместной собственности. При этом доля супруга, который банкротом не является, в состав банкротной массы не входит.

По кодексу штата Айдахо супруги вправе распоряжаться принадлежащим им совместным имуществом, кроме недвижимости, при этом по обязательствам супруга, который действовал в своих личных интересах, взыскание личного имущества другого супруга не допускается².

¹ Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 18 июня 2025 года // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] URL : <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34516/?ysclid=mkfcao17yg796661367> (Дата обращения: 25.01.2026).

² The Idaho Code // [Электронный ресурс] URL: <http://legislature.idaho.gov/idstat/TOC/IDStatutesTOC.htm>. (Дата обращения 25.01.2026)

Штат Вашингтон предусматривает, что по своим долгам каждый супруг отвечает индивидуально, то есть задолженности погашаются из личного имущества каждого из должника, а не из общего имущества супругов.

В Великобритании имущество, являющееся личным имуществом супруга, не может быть направлено на погашение долгов супруга-банкрота. В случае, когда в состав банкротного имущества попадает дом, где проживают супруги, трасти дает возможность выкупа супругу доли банкрота (как правило 50%) по рыночной цене. Осуществить реализацию дома третьим лицам в случае отказа или игнорирования покупки части дома супругом банкрота трасти позволяет только через год.

В Германии предусмотрен по умолчанию режим приобретенной общины (zugewinnngemeinschaft), для которого характерно, что имущество супругов является раздельным и банкротство одного супруга имущество другого не затрагивает. Совместное имущество при банкротстве одного из супругов подлежит разделу и в конкурсную массу включается только доля банкрота, а второй супруг получает за свою долю компенсацию. Указанное справедливо за исключение режима полной общины по брачному договору (Gutergemeinschaft), где все имущество будет являться совместным и соответственно в банкротную массу будет включаться в полном объеме [9].

Кроме того, здесь тоже действует возможность супругу выкупить долю супруга-банкрота по рыночной цене в единственном жилье должника [1].

Таким образом, общее имущество супругов в иностранных юрисдикциях в целом не подлежит включению в конкурсную массу, кроме случаев, когда супруги специально установили режим совместной собственности и тогда подлежит реализации все имущество супругов. В основном, как и в России, в рамках несостоятельности банкрот отвечает только своей частью имущества, супруг при этом получает свою часть от этого имущества. При этом можно обратить внимание на опыт Великобритании и Германии, где супругу банкрота дают возможность выкупить долю в совместном жилище. Эту идею можно было бы реализовать и в России, предоставив возможность финансовому управляющему оценить долю банкрота в общем имуществе супругов и дать возможность второму супругу выкупить эту долю по рыночной цене, исключая передачу имущества на публичные торги.

Кроме того, необходимо отметить, что норма пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве деформирует общий правовой режим общей собственности, создавая искусственное неравенство между супругом должника и другими со-собственниками. Вероятно, подобное решение было продиктовано стремлением законодателя пресечь возможные злоупотребления со стороны супругов, направленные на вывод имущества из-под взыскания. Однако достигнутый таким образом «антиуклонительный» эффект реализуется ценой серьезного ограничения имущественных прав одного из участников общей собственности, что требует пересмотра сложившегося подхода в целях обеспечения баланса интересов всех сторон — должника, его супруга и кредиторов.

Библиографический список

1. Бирклей В.Е. Иммуниет единственного жилья при банкротстве: США, Германия и Россия // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/immunitet-edinstvennogo-zhilya-pri-bankrotstve-ssha-germaniya-i-rossiya> (дата обращения 01.02.2026).
2. Витрянский В.В. Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями // Хозяйство и право. 2015. N 4. С. 23.
3. Голубцов В.Г. Механизм несостоятельности (банкротства) гражданина по законодательству России и США: сравнительно-правовое исследование // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-nesostoyatelnosti-bankrotstva-grazhdanina-po-zakonodatelstvu-rossii-i-ssha-sravnitelno-pravovoe-issledovanie> (дата обращения 01.02.2026).
4. Коршунов И.С. Проблемы обращения взыскания на общее имущество супругов в рамках процедуры банкротства на примере США // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-obrascheniya-vzyiskaniya-na-obshchee-imuschestvo-suprugov-v-ramkah-protsedury-bankrotstva-na-primere-ssha> (дата обращения 01.02.2026).
5. Лескова Ю.Г., Филатова У.Б. Принцип добросовестности и злоупотребление правом в аспекте конвергенции семейного законодательства и законодательства о банкротстве // Гражданское право. 2023. N 4. С. 19–21.
6. Мазуркевич А.К. Актуальные вопросы банкротства супругов // Право и бизнес. 2020. N 1. С. 39–41.
7. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2025. 416 с.
8. Харитонова Ю.С. Взыскание долгов гражданина-банкрота за счет общего имущества супругов // Право и бизнес. 2016. N 3. С. 7–9.
9. Privatinsolvenz: Haften auch Ehepartner // Ganselrechtsanwalte [Электронный ресурс] <http://www.gansel-rechtsanwaelte.de/schuldnerberatung/privatinsolvenz-haftet-auch-der-ehepartner> (Дата обращения 15.01.2026).

© Гаймалеева А.Т., 2026

Галяутдинова Лилия Юрьевна,
старший преподаватель
кафедры гражданского права
Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, gliliyaa88@mail.ru

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В РОССИЙСКОМ ПРАВОПОРЯДКЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается процесс внедрения наследственного договора как нового основания наследования в российском гражданском праве. Исследуются ключевые положения ст. 1140.1 ГК РФ, регламентирующие порядок заключения, исполнения и расторжения наследственного договора, а также правовые последствия его применения. Автором выявлены дискуссионные аспекты практической реализации данного института и перспективы его развития в отечественном правовом порядке.

Ключевые слова: наследование, наследственный договор, условия договора, права и обязанности наследников, ответственность сторон, свобода завещания, нотариальное удостоверение.

Galyautdinova Liliya Urievna
Senior lecturer of the department of Civil Law
of the Institute of Law
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, gliliyaa88@mail.ru

INHERITANCE AGREEMENT IN THE RUSSIAN LEGAL ORDER: CONTROVERSIAL ISSUES OF IMPLEMENTATION AND DEVELOPMENT VECTORS

Abstract. The article examines the process of introducing an inheritance contract as a new basis of inheritance in Russian civil law. The key provisions of Article 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation regulating the procedure for concluding, executing and terminating an inheritance agreement, as well as the legal consequences of its application, are investigated. The author identifies the controversial aspects of the practical implementation of this institution and the prospects for its development in the domestic legal order.

Key words: inheritance, inheritance agreement, terms of the agreement, rights and obligations of heirs, responsibility of the parties, freedom of probate, notarization.

С 1 июня 2019 года в российском наследственном праве появился принципиально новый инструмент – наследственный договор. Его внедрение стало

частью масштабной реформы наследственного законодательства, наряду с совместными завещаниями супругов и наследственными фондами [1, с. 176]. Законодатель, вдохновляясь опытом зарубежных правовых порядков (прежде всего германской правовой семьи), предложил отечественным гражданам конструкцию, позволяющую выйти за рамки одностороннего завещательного волеизъявления и выстроить диалог с будущими наследниками еще при жизни наследодателя.

Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, пятилетний период существования института выявил не только его потенциальные преимущества, но и ряд серьезных дискуссионных проблем как доктринального, так и практического характера. Более того, исследователи констатируют парадоксальную ситуацию: при количественном росте внимания законодателя к наследственному договору наблюдается явный дефицит его доктринального, прогностического и социологического обоснования [2, с. 112].

Дискуссия о правовой природе наследственного договора остается одной из центральных в цивилистической доктрине. Законодатель поместил нормы о наследственном договоре в главу 62 ГК РФ, посвященную завещанию, что формально сближает эти институты. Однако по своей сути договорная конструкция существенно отличается от классического завещания.

Ключевое отличие заключается в двустороннем характере акта. Если завещание – это «монолог» наследодателя, который может быть изменен в любой момент без согласия кого-либо, то наследственный договор – это «диалог». Возникает сложная правовая конструкция, сочетающая в себе элементы односторонней сделки (поскольку речь идет о посмертном распоряжении) и двустороннего обязательственного соглашения (поскольку стороны принимают на себя определенные обязанности при жизни наследодателя) [3, с.955].

Особую остроту этой дискуссии придает вопрос о соотношении наследственного договора с договором ренты. На первый взгляд, эти институты действительно имеют общие черты: и там, и там можно говорить о предоставлении содержания в обмен на будущее получение имущества. Однако принципиальное различие заключается в моменте перехода права собственности. При ренте имущество переходит к плательщику ренты уже при жизни получателя, тогда как при наследственном договоре – только после смерти наследодателя. Эта, казалось бы, техническая деталь порождает принципиально разные режимы правовой защиты сторон.

Внедрение наследственного договора в российское правовое поле, закономерно выявило некоторые дискуссионные аспекты его практической реализации. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Во-первых, одним из наиболее спорных вопросов практического применения является коллизия между наследственным договором и последующим завещанием. В соответствии с п. 6 ст. 1140.1 ГК РФ, наследственный договор имеет приоритет перед завещанием: завещание, совершенное после заключения наследственного договора, не может отменить или изменить его условия, если иное не предусмотрено самим договором.

О.Е.Блинков справедливо указывает на проблему «конкуренции» нескольких наследственных договоров, в которых фигурирует одно и то же иму-

щество, но назначены разные наследники¹. Как должен разрешаться такой конфликт? Законодатель не дает однозначного ответа. Можно предположить, что приоритет должен иметь договор, заключенный ранее, однако это прямо не вытекает из закона. Более того, если наследодатель заключит новый наследственный договор, будет ли он иметь преимущество перед старым? Доктринально это противоречило бы договорной природе института, поскольку новый договор не может отменить старый без согласия всех сторон последнего [3, с. 956].

Во-вторых, с предыдущей проблемой тесно связан вопрос о допустимости заключения нескольких наследственных договоров в отношении одного и того же имущества. Закон прямо не запрещает наследодателю заключать несколько договоров с разными лицами. Однако такое положение создает почву для злоупотреблений и неизбежных судебных споров.

Исследователи справедливо отмечают, что существующая правовая неопределенность в этом вопросе требует законодательного вмешательства. Представляется целесообразным либо прямо запретить заключение нескольких наследственных договоров (за исключением случаев, когда они касаются разного имущества), либо установить четкие правила разрешения коллизий между ними [4, с.225]. Возможным решением могло бы стать введение правила о приоритете договора, заключенного ранее, либо установление обязательной регистрации всех наследственных договоров в едином реестре, что позволило бы нотариусам проверять, не было ли ранее заключенных соглашений.

В-третьих, пожалуй, наиболее сложный вопрос практической реализации наследственного договора – его соотношение с императивными нормами об обязательной доле в наследстве. Статья 1149 ГК РФ гарантирует определенным категориям наследников (несовершеннолетним или нетрудоспособным детям, нетрудоспособным супругу, родителям и иждивенцам) право на получение обязательной доли независимо от содержания завещания.

Распространяется ли это правило на наследственный договор? Формально – да, поскольку наследственный договор является лишь одним из оснований наследования. Однако практическая реализация этого положения вызывает серьезные вопросы. Ведь наследственный договор может содержать условия, выполнение которых рассчитано на длительный период после смерти наследодателя, и появление обязательного наследника способно разрушить весь согласованный сторонами баланс интересов.

Примечательно, что при создании наследственного фонда законодатель предусмотрел механизм «обхода» обязательной доли: имущество, переданное фонду, выбывает из наследственной массы. Для наследственного договора подобных механизмов не установлено, что создает правовую неопределенность и риски для добросовестных сторон договора.

¹ Применение и развитие завещательных конструкций в России: материалы научного круглого стола в ФНП [Электронный ресурс] URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/primenenie-i-razvitie-zaveshatelnyh-konstrukcij-v-rossii-obsudili-na-nauchnom-kruglom-stole-v-fnp-2511> (дата обращения 11.02.2026)

И.М. Челпанов справедливо отмечает, что включение потенциальных обязательных наследников в число сторон наследственного договора может стать эффективным способом предотвращения будущих конфликтов [2, с.112]. Однако это возможно далеко не всегда, особенно когда речь идет о многочисленной группе потенциальных наследников или об отдаленных родственниках.

В-четвертых, еще один дискуссионный аспект – механизм контроля за исполнением наследственного договора после смерти наследодателя. В отличие от договора ренты, где получатель ренты может лично контролировать исполнение обязательств, при наследственном договоре наследодатель уже не может этого сделать.

Возникает закономерный вопрос: кто и каким образом должен контролировать, выполняет ли наследник условия договора? Если наследник обязался осуществлять пожизненный уход за третьим лицом (например, за пережившим супругом наследодателя) или произвести ремонт в конкретный срок, каковы правовые последствия неисполнения этих обязанностей?

Закон предусматривает возможность расторжения договора по требованию заинтересованных лиц, однако механизм такого расторжения после открытия наследства прописан недостаточно четко [5, с. 176]. Остается неясным, кто именно может требовать расторжения, какой суд рассматривает такие дела и какова судьба уже полученного наследниками имущества в случае расторжения договора.

Интересно отметить, что проблемы, с которыми сталкивается российский правопорядок при внедрении наследственного договора, во многом универсальны. Зарубежные правопорядки также демонстрируют сложности, связанные с нечеткостью формулировок, спорами о праве на имущество и конфликтами между наследниками [6, с. 7].

Анализируя перспективы развития исследуемого института, можно предположить, что одним из его направлений в развитии может стать расширение круга лиц, которые могут выступать на стороне наследника по договору. В настоящее время законодатель не устанавливает специальных ограничений, однако практика может выявить потребность в привлечении к договору не только физических, но и юридических лиц, включая наследственные фонды.

Е.В. Парилова обосновывает теоретическую возможность закрепления опционов на заключение договора как инструмента ненаследственной передачи прав на случай смерти [7, с.]. Это открывает перспективы для использования наследственного договора в корпоративном планировании, при передаче бизнеса.

Кроме того, представляется необходимым внесение в ГК РФ изменений, четко регулирующих вопросы множественности наследственных договоров. Возможны два подхода: либо введение запрета на заключение нескольких договоров (за исключением случаев, когда они касаются разного имущества), либо установление прозрачной системы регистрации и правила о приоритете ранее заключенного договора.

Также требуется урегулировать вопрос о возможности и последствиях заключения последующего завещания при наличии действующего наследственного договора.

Безусловно, особого внимания требует разработка эффективных механизмов защиты прав сторон наследственного договора, особенно после смерти наследодателя. Возможно, следует предусмотреть обязательное назначение исполнителя договора (душеприказчика), на которого возлагались бы функции контроля за исполнением условий, либо допустить создание временного управления имуществом на период исполнения обязательств.

Также требуется уточнение порядка расторжения наследственного договора после открытия наследства и определение правовой судьбы имущества, уже перешедшего к наследникам, в случае неисполнения ими условий договора.

Перспективным направлением представляется интеграция наследственного договора с институтом наследственного фонда. Можно предусмотреть возможность заключения наследственного договора, по которому имущество передается не непосредственно наследнику, а учреждаемому наследственному фонду, который, в свою очередь, обеспечивает исполнение условий договора в пользу указанных лиц. Такая конструкция позволила бы решить проблему контроля за исполнением условий после смерти наследодателя.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что ключевыми дискуссионными аспектами на сегодняшний день остаются: правовая природа договора, сочетающего элементы завещания и обязательственного соглашения; вопросы приоритета между несколькими договорами и между договором и последующим завещанием; соотношение с императивными нормами об обязательной доле; отсутствие эффективных механизмов контроля исполнения условий после смерти наследодателя; процессуальные и нотариальные аспекты реализации.

Перспективы развития института связаны с расширением субъектного состава, уточнением правил о множественности договоров, совершенствованием механизмов защиты прав сторон и интеграцией с институтом наследственного фонда. Важно также учесть зарубежный опыт, демонстрирующий универсальность многих проблем и возможные пути их решения.

Законодателю предстоит серьезная работа по совершенствованию правового регулирования наследственного договора. При этом, как справедливо отмечается в литературе, реформы должны опираться не только на количественные показатели (количество рассмотренных законопроектов), но и на качественное доктринальное, прогностическое и социологическое обоснование [2, с. 111]. Только в этом случае наследственный договор сможет занять достойное место в системе правовых инструментов, эффективно защищая интересы граждан и обеспечивая стабильность наследственных правоотношений.

Библиографический список

1. Гайбатова К.Д., Мустафаев Д.Ш. Наследственный договор в российской правовой системе // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5 (192). С. 176-177.
2. Челпанов И.М. Наследственный договор: отечественный взгляд // Современное право. 2026. С. 111-114.
3. Холкина М.Г. Наследственный договор в российском праве: проблемы теории и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. 2025. С. 953-960.
4. Богданова Д.А., Масалимова А.А. Наследственный договор в гражданском праве Российской Федерации: актуальные проблемы и пути решения // Евразийский юридический журнал. 2025. № 1 (200). С. 224-227.
5. Гайбатова К.Д., Мустафаев Д.Ш. Наследственный договор в российской правовой системе // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5 (192). С. 176-177.
6. Матвеев И.В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 6-9.
7. Парилова Е.В. Перспективы совершенствования законодательства о наследовании опционов на долю в обществе с ограниченной ответственностью // Современное право. 2025. С. 80-85.

© Галяутдинова Л.Ю., 2026

УДК 347.218.44

Гибадуллина Алия Аслямовна,
ассистент кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий,
Уфа, Россия, gibadullina.aa@mail.ru

Научный руководитель:
Тужилова-Орданская Елена Марковна,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой
гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий

К ВОПРОСАМ О ВКЛЮЧЕНИИ ВЫМОРОЧНОЙ МИКРОДОЛИ В ПРАВЕ ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ В ЖИЛИЩНЫЙ ФОНД СОЦИАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается правовая коллизия, возникающая при наследовании выморочной микродоли публично-правовым образованием в праве общей долевой собственности на жилое помещение. Законодательством определено, что доля в объекте недвижимости жилого назначения при условиях

выморочности переходит в порядке наследования в собственность органа местного самоуправления либо города федерального назначения по месту нахождения объекта недвижимости. В практике наследования публично-правовым образованием микродоли влечет не только соблюдение требований законодательства, но и правовые проблемы, требующие должного внимания.

Ключевые слова: выморочная доля, наследование, жилищный фонд социального использования

Aliya Aslyamovna Gibadullina,
Assistant Professor, Department of Civil Law, Institute of Law
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia, gibadullina.aa@mail.ru

Academic Supervisor:
Elena Markovna Tuzhilova-Ordanskaya,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Civil Law, Institute of Law
Ufa University of Science and Technology

ON THE INCLUSION OF AN ESCAPE MICRO-SHARE IN THE RIGHT OF COMMON SHARED OWNERSHIP OF RESIDENTIAL PREMISES IN THE SOCIAL HOUSING STOCK

Abstract. This article examines a legal conflict arising from the inheritance of a share in the right of common shared ownership of a residential property. Legislation stipulates that a share in residential real estate, if escheated, is transferred by inheritance to the local government. In inheritance practice, the concept of a share creates not only legal grounds for inheritance but also legal problems, particularly when inheriting micro-shares.

Keywords: escheated share, inheritance, social housing stock

Вопросы наследования остаются актуальными, поскольку институт наследования играет важную роль в стабильности гражданского имущественного оборота и защиты права собственности граждан и юридических лиц.

Со времен римского права и Древней Руси продолжает существовать и совершенствоваться правовое понятие выморочной недвижимости в вопросах наследования имущества.

Как показывают исследования, в современных условиях правоприменительная практика сталкивается с пробелами и коллизиями норм при переходе прав и обязанностей умершего к преемникам. Это требует теоретического исследования классических норм наследственного права.

15 июля 2025 года состоялся круглый стол, посвященный вопросам оборота выморочного имущества в Общественной палате Российской Федерации. Целью данного круглого стола было выявление правовых пробелов и разработка эффективных механизмов для их устранения, чтобы вернуть в экономиче-

ский оборот неиспользуемые активы, а также укрепить гарантии имущественных прав граждан¹.

В российском законодательстве правовым основанием отнесения имущества к выморочному являются условия, установленные ст. 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которые определяют исчерпывающий перечень случаев перехода по закону имущества к категории выморочного имущества:

- 1) отсутствие наследников по закону и по завещанию;
- 2) никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования;
- 3) никто из наследников не принял наследства;
- 4) все наследники отказались от наследства, и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника.

В порядке наследования по закону в собственность городского или сельского поселения, муниципального района (в части межселенных территорий) либо городского округа переходит в том числе доля в праве общей долевой собственности на объекты недвижимого имущества. Если указанные объекты расположены в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, Санкт-Петербурге или Севастополе - они переходят в собственность такого субъекта Российской Федерации. Жилое помещение включается в соответствующий жилищный фонд социального использования.

Настоящей работой автором исследуется правовая судьба выморочной микродоли в праве общей долевой собственности на жилые помещения.

Вместе с тем справедливым будет и отметить, что под понятием микродоля в законодательстве понимается строго физический размер жилого помещения площадью менее 6 кв.м, и поставить вопрос о целесообразности наследования публично-правовым образованием выморочной микродоли в праве общей долевой собственности на жилое помещение.

В исследовании Р.М. Паничкина отмечается, что в доктрине понятие доля в праве общей долевой собственности претерпевает издавна огромное количество научных дискуссий через призму четырех концепций [1, с.74].

В настоящей статье рассматривается роль микродоли в рамках концепции доли в праве собственности. Поскольку в рамках вопросов наследования выморочная доля в праве общей долевой собственности участвует в гражданском обороте и речь идет о праве собственности наследника доли в лице публично-правового образования в отношении общей недвижимой вещи и последующего ее предоставления гражданам нуждающимся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма.

¹ Проблемы оборота выморочного имущества и пути их решения обсудили в Общественной палате: <https://notariat.ru/ru-ru/news/problems-oborota-vymorochnogo-imushchestva-i-puti-ih-resheniya-obsudili-v-obshestvennoj-palate-2507> (Дата обращения: 25.01.2026).

Важно, что основным критерием при включении публично-правовым образованием такой выморочной доли в жилищный фонд социального использования должен являться фактический размер такой доли, рассчитанный пропорционально общей площади жилого помещения. Поскольку в целях последующей реализации такой выморочной доли в соответствии с нормами Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) ключевую роль играет именно норма предоставления и учетная норма площади жилого помещения гражданам нуждающимся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма.

При этом согласно статье 50 ЖК РФ норма предоставления и учетная норма площади жилого помещения устанавливаются органом местного самоуправления.

То есть предполагается, что выморочная доля в праве общей долевой собственности на жилое помещение может быть включена в жилищный фонд социального использования в случае соответствия критериям статьи 50 ЖК РФ.

Однако статья 1151 ГК РФ таких уточнений не устанавливает и презюмируется «автоматическое» включение публично-правовым образованием микродоли в праве общей долевой собственности на жилое помещение в жилищный фонд социального использования.

При этом понятие микродоля в праве общей долевой собственности на жилое помещение создает ряд правовых проблем при регулировании имущественного гражданского оборота.

Об этом свидетельствует в том числе принятый и вступивший в силу Федеральный закон от 14.07.2022 № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 310-ФЗ), ограничивающий граждан совершать действия, влекущие разделение жилого помещения или его доли в праве общей собственности, если в результате таких действий площадь жилого помещения, приходящаяся на долю каждого из собственников и определяемая пропорционально размеру доли каждого из собственников, составит менее 6 кв. м общей площади жилого помещения на каждого собственника. При этом в силу этого же закона данные ограничения не распространяются на ситуации возникновения права общей долевой собственности на жилое помещение, в частности, в результате наследования по любому основанию [2, с.38].

Принятие данного закона обусловлено постановкой превентивной задачи в регулировании гражданских правоотношений в связи с созданием микродолями в гражданском обороте острых социальных вопросов, таких как: рейдерства, выдел микродолей в целях фиктивной регистрации по месту жительства, незаконной миграции, хищение бюджетных средств, и т.д. [2, с.39].

Как пишет В.Н. Сафонов, «зачастую размеры микродоли не только не составляют одного изолированного помещения, она меньше одного спального места» [3, с.2].

Как было упомянуто выше, ограничения на образование микродолей введены только в сфере договорных отношений между участниками общей собственности, но не касается при переходе права собственности на них в порядке наследования.

Таким образом, законодательно судьба выморочной микродоли в праве общей долевой собственности на жилое помещение определена включением в жилищный фонд социального использования вне зависимости от размера доли и создания ею социальных проблем, не учитывается, что такая доля ниже норм предоставления на территории того или иного муниципального образования и не улучшает жилищные условия при ее предоставлении.

При этом такое включение должно быть направлено на решение социальных вопросов, направленных на улучшение жилищных условий нуждающихся граждан, а не на создание негативных последствий в гражданском обороте.

Таким образом, переход в силу закона в собственность органов местного самоуправления либо города федерального значения выморочных жилых домов, частей жилых домов, квартир, частей квартир, комнат и долей в них должен решать проблему нехватки жилья, предоставляемого органами местного самоуправления по договорам социального найма лицам, нуждающимся в улучшении жилищных условий, но не обуславливать нарастание негативных последствий.

В таком случае важно рассмотреть возможность «приращения долей» со-собственников жилого помещения при выморочности одной из долей в праве общей долевой собственности на жилое помещение если такая доля подпадает под понятие доли в рамках Закона № 310-ФЗ.

В целях защиты прав участников долевой собственности на жилое помещение, а именно во избежание юридической неопределенности при возникновении вопросов наследования, автором предлагается рассмотреть возможность на законодательном уровне исключить переход права собственности публично-правового образования в порядке наследования на выморочную микродолю и включение ее в жилищный фонд социального использования и дать возможность со-собственникам выкупить такую долю путем «приращения» их долей.

Также полагаем, что необходима обзорная практика вышестоящих судов по разъяснению правовой позиции судов, рассматривающих жилищные и семейные споры, связанные с возникновением выморочной микродоли в праве общей долевой собственности на жилое помещение.

Таким образом, исследованный правовой механизм защитит участников долевой собственности, устранил правовую лакуну при выморочности микродоли в праве общей долевой собственности на жилое помещение, будет способствовать предотвращению осложнения гражданских правоотношений.

Библиографический список

1. Паничкин Р. М. Правовая природа доли в общей долевой собственности // Актуальные проблемы российского права. 2022. №6 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-doli-v-obschey-dolevoy-sobstvennosti> (дата обращения: 20.05.2026).
2. Черемных Г. Г. О регулировании гражданского оборота долей в праве общей собственности на жилые помещения / Г. Г. Черемных, В. А. Бочковенко // Нотариальный вестник. – 2025. – № 4. – С. 37-45. – DOI 10.53578/1819-6624_2025_4_37. – EDN QURPXL.
3. Сафонов В. Н. «Криминальная микродоля» в праве собственности на жилое помещение: векторы политики противодействия / В. Н. Сафонов // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России. – 2023. – № 1(57). – С. 75-79. – EDN SXYQRD.

© Гибадуллина А.А., 2026

УДК 34.004

Гимадрисламова Олеся Рамильевна,
кандидат юридических наук,
Заслуженный юрист Республики Башкортостан,
доцент кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, giolesya@yandex.ru

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ: СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО НАЧАЛ

Аннотация. В статье обосновывается режимная природа конфиденциальности информации. Показано, что конфиденциальность не является самостоятельным субъективным правом и не сводится к договорному обязательству неразглашения, а представляет собой межотраслевой правовой режим ограничения доступа к информации. Публичное право формирует нормативное ядро такого режима и минимальные стандарты защиты, тогда как частное право адаптирует их к условиям гражданского оборота. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации и риск-ориентированного подхода на соотношение публичного и частного начал в охране конфиденциальной информации.

Ключевые слова: конфиденциальность; правовой режим; публичное право; гражданское право; коммерческая тайна; персональные данные; цифровая трансформация; риск-ориентированный подход.

Gimadrislamova Olesya Ramilevna
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law)
Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan,
Associate Professor of the Department of Civil Law
Institute of Law Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation
e-mail: giolesya@yandex.ru

CONFIDENTIALITY AS AN INTERSECTORAL LEGAL REGIME: THE CORRELATION BETWEEN PUBLIC-LAW AND PRIVATE-LAW ELEMENTS

Abstract. The article substantiates the regime-based nature of confidentiality of information. It is argued that confidentiality is not an independent subjective right and cannot be reduced to a contractual non-disclosure obligation; rather, it constitutes an intersectoral legal regime of restricted access to information. Public law forms the normative core of this regime and establishes minimum protection standards, while private law adapts these standards to civil circulation. Special attention is paid to the influence of digitalization and the risk-based approach on the correlation between public-law and private-law elements in the protection of confidential information.

Key words: confidentiality; legal regime; public law; civil law; trade secret; personal data; digital transformation; risk-based approach.

Конфиденциальность в современной правовой системе относится к числу активно используемых, но теоретически недостаточно определенных категорий. Она применяется в гражданском, административном, информационном, процессуальном регулировании, в корпоративных документах, локальных правилах и технологических стандартах обработки данных. В практике ее нередко описывают как элемент коммерческой тайны, режима персональных данных или договорного обязательства неразглашения. Однако такие подходы фиксируют лишь отдельные аспекты конфиденциальности и не позволяют определить ее место в системе правового регулирования.

Ключевой вопрос состоит в том, является ли конфиденциальность самостоятельным субъективным правом, разновидностью нематериального блага в смысле статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ либо особым правовым режимом, задающим порядок обращения информации независимо от отраслевой принадлежности нормы. Классическая цивилистическая модель субъективного права предполагает наличие управомоченного лица, юридически обеспеченную меру возможного поведения и корреспондирующую обязанность другого субъекта [1, с. 90–91]. В общей теории права субъективное право также

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

связывается с принадлежностью конкретному субъекту определенной меры юридически гарантированного поведения [2, с. 509–514].

Применительно к конфиденциальности такая квалификация оказывается неполной. В публично-правовых режимах – государственной тайны, служебной тайны, иных режимах ограниченного доступа – конфиденциальность не принадлежит конкретному лицу как индивидуальное притязание. Она устанавливается государством как императивный порядок обращения сведений. В частно-правовой сфере обязательство неразглашения действительно формирует относительное притязание одной стороны к другой, но объектом такого притязания является соблюдение установленного режима обращения информации, а не автономное «право на конфиденциальность».

Не совпадает конфиденциальность и с конструкцией нематериального блага. Нематериальное благо в гражданско-правовом смысле характеризуется принадлежностью конкретному субъекту и охраняется как абсолютное право [6, с. 552–556]. Между тем государственная тайна охраняет публичный интерес, коммерческая тайна – имущественный интерес хозяйствующего субъекта, а персональные данные – права и свободы физического лица в рамках специального режима обработки. Следовательно, конфиденциальность не создает самостоятельного объекта гражданских прав наряду с информацией, а определяет правовой режим ее обращения.

Режимная квалификация позволяет объяснить, почему одна и та же категория действует в различных отраслях права не как единое субъективное право, а как особый порядок обращения информации, изменяющий объем допустимого поведения субъектов.

Именно поэтому более точным является понимание конфиденциальности как межотраслевого правового режима ограничения доступа к информации. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет категорию информации ограниченного доступа¹. Сама эта формула указывает не на отдельное субъективное право, а на установление особого правового режима обращения информации. В информационно-правовой доктрине информация рассматривается как самостоятельная правовая категория, оборот которой регулируется посредством системы режимов, определяющих порядок обращения сведений в зависимости от их значимости и степени ограниченности доступа [3, с. 189–190].

Аналогичная логика проявляется в нормах о государственной тайне² и персональных данных³. В этих случаях конфиденциальность возникает не из соглашения сторон, а из императивного правового предписания. В теории права

¹ См.: ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

² См.: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 41. С. 8220-8235.

³ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

правовой режим традиционно связывается с особым сочетанием дозволений, запретов и обязываний, направленных на достижение социально значимой цели [4, с. 243]. Применительно к информации такой режим включает пределы доступа, допустимые способы использования, обязанности по охране и меры ответственности. В информационно-правовой доктрине также подчеркивается, что пределы осуществления информационных прав задают модель правомерного поведения субъектов в информационной сфере [5, с. 198].

Режимная природа конфиденциальности позволяет корректно раскрыть соотношение публичного и частного начал. Под публичным началом следует понимать императивное установление пределов доступа, защиту публичного интереса, государственный контроль и применение публично-правовой ответственности. Под частным началом – договорную конкретизацию режима, защиту имущественного или организационного интереса, распределение рисков между участниками оборота и применение гражданско-правовых последствий нарушения. Иными словами, публичное начало выражает императивную сторону режима конфиденциальности, а частное начало – диспозитивную форму его конкретизации в гражданском обороте.

Исторически первые режимы конфиденциальности формировались в публично-правовой плоскости. Государственная тайна служила инструментом обеспечения безопасности государства, служебная тайна и тайна следствия – условием функционирования публичных институтов. Здесь отсутствует автономия воли: субъект не вправе по своему усмотрению изменить объем режима или отказаться от его соблюдения. Даже в сфере персональных данных, где защищаются интересы конкретного физического лица, регулирование сохраняет выраженный публично-правовой характер: требования к обработке сведений устанавливаются законом, их соблюдение контролируется уполномоченными органами, а ответственность во многом носит административный характер.

Частное право не отменяет эту режимную основу, а адаптирует ее к потребностям гражданского оборота. Коммерческая тайна, договорные условия о неразглашении, соглашения о конфиденциальности и корпоративные политики направлены на защиту экономической ценности информации, конкурентных преимуществ и устойчивости деловых связей. В отличие от публичного права здесь возможна договорная конкретизация: стороны определяют перечень сведений, порядок доступа, срок действия обязательства, неустойку и иные последствия нарушения. Однако такая автономия ограничена публичным нормативным ядром: соглашение не может снижать уровень охраны, установленный законом.

Коммерческая тайна является наиболее показательным примером частно-правовой адаптации режимной модели конфиденциальности. Закон о коммерческой тайне прямо связывает охрану информации не только с ее экономической ценностью, но и с установлением специального режима, предполагающего определение состава охраняемых сведений, ограничение доступа к ним, учет лиц, получивших такой доступ, и иные меры охраны. Та же логика проявляется в статье 1465 ГК РФ применительно к секрету производства: охране подлежат сведения, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности третьим лицам, при условии отсутствия к ним

свободного доступа и принятия владельцем разумных мер по соблюдению их конфиденциальности¹. Это подтверждает, что в частном праве конфиденциальность защищается не как абстрактное благо, а как юридически организованный режим обращения экономически значимой информации.

Различие публичного и частного начал проявляется и в характере ответственности. Публично-правовая ответственность имеет карательную и превентивную направленность, поскольку ориентирована на предупреждение системного вреда и защиту неопределенного круга лиц. Гражданско-правовая ответственность, напротив, традиционно связана с восстановлением имущественной сферы потерпевшего. Вместе с тем специфика информации как нематериального и легко воспроизводимого объекта осложняет доказывание факта вреда, причинной связи и размера убытков. Разглашение сведений не всегда вызывает немедленные потери, но может создать долгосрочный риск утраты конкурентоспособности, деловой репутации или доверия контрагентов.

В цифровой среде это различие становится менее жестким. Цифровая трансформация усиливает воспроизводимость, трансграничность и алгоритмическую обрабатываемость информации². Частные платформы одновременно участвуют в гражданском обороте и обрабатывают массивы персональных данных, а системы искусственного интеллекта актуализируют новые риски автоматизированного использования сведений³. Поэтому утрата конфиденциальности порождает не единую форму ответственности, а совокупность разноотраслевых последствий одного информационного инцидента: публично-правовые меры реагирования со стороны регулятора, гражданско-правовые требования субъектов данных или контрагентов, а также репутационные и организационные потери.

Цифровизация меняет саму логику охраны конфиденциальности. Если традиционная модель строилась вокруг запрета разглашения и последующей санкции, то современное регулирование все больше ориентируется на предотвращение утраты контроля над информацией. Законодательство о персональных данных требует учитывать угрозы безопасности информации и принимать меры по их предотвращению⁴. В действующих стратегических ориентирах цифровое развитие связывается с формированием безопасной и доверенной

¹ См.: ст. 3, 10 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283; ст. 1465 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

² Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

³ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁴ Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 45. Ст. 6257.

цифровой среды, что позволяет рассматривать конфиденциальность не только как средство защиты информации, но и как условие устойчивого цифрового развития государства и общества¹. Конфиденциальность тем самым приобретает превентивное измерение и включается в систему управления правовыми и технологическими рисками.

Европейский регламент 2016/679 (GDPR) последовательно институционализировал риск-ориентированный подход². Он обязывает операторов оценивать риски для прав и свобод субъектов данных и принимать соразмерные меры защиты. Институт оценки воздействия на защиту данных предполагает предварительный анализ потенциальных последствий обработки информации, что выводит регулирование за пределы модели «запрет – нарушение – санкция» [7, с. 27–28]. При этом европейская модель концептуально строится вокруг субъективных прав лица на контроль над данными, тогда как российская модель в большей степени сохраняет режимную конструкцию публичной охраны информации, акцентируя обязанности оператора и государственный контроль.

Риск-ориентированный подход становится точкой сближения публичного и частного начал. В публичном праве он выражается в обязательности оценки угроз и обеспечении безопасности обработки данных. В частном праве он проявляется через стандарты добросовестности, разумности и должной осмотрительности. При определении вины и объема ответственности все большее значение приобретает вопрос о том, принял ли субъект разумные и достаточные меры для предотвращения утраты конфиденциальности. В цифровой среде центр правовой оценки смещается с самого факта разглашения на качество организации режима конфиденциальности: нарушением может выступать не только раскрытие сведений, но и непринятие разумных организационных, договорных и технических мер по предотвращению их утраты.

Такой сдвиг влияет на содержание гражданско-правовой ответственности. Она постепенно дополняется превентивной функцией, ранее более характерной для публичного права. Для участников оборота конфиденциальность становится не только обязанностью воздерживаться от раскрытия информации, но и активным стандартом поведения: необходимо организовать доступ, определить круг лиц, обеспечить технические и организационные меры, зафиксировать договорные ограничения и контролировать их соблюдение. Тем самым частноправовая автономия реализуется в пределах публично установленных требований к обращению информации.

Особое значение имеет связь конфиденциальности с категорией доверия. Утечка сведений способна подорвать доверие к цифровой инфраструктуре, пуб-

¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

² Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1–88.

личным институтам и частным платформам¹. Конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни и запрета на сбор, хранение и распространение информации о частной жизни без согласия лица подтверждают базовое публично-правовое значение охраны конфиденциальности². В современных исследованиях цифровое доверие рассматривается как механизм устойчивости и предсказуемости социально-правовых отношений [8, с. 111]. В этой перспективе конфиденциальность выполняет не только охранительную, но и легитимирующую функцию.

Именно поэтому оценка конфиденциальности не может сводиться к формальному наличию согласия субъекта или договорного условия о неразглашении. Необходимо учитывать характер информации, масштаб обработки, круг лиц, возможные последствия раскрытия и общественную значимость риска. Национальные цели цифрового развития также предполагают повышение доверия к цифровым сервисам и безопасной цифровой среде³. Следовательно, конфиденциальность в цифровую эпоху выступает элементом более широкой правовой архитектуры, соединяющей защиту информации, управление рисками и поддержание доверия.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что конфиденциальность не является самостоятельным субъективным правом, разновидностью нематериального блага или исключительно договорным обязательством. Она представляет собой межотраслевой правовой режим ограничения доступа к информации, внутри которого возникают конкретные права, обязанности, запреты, притязания и меры ответственности. Публичное право формирует нормативное ядро такого режима, устанавливает минимальные стандарты защиты и пределы допустимого обращения сведений. Частное право адаптирует эти стандарты к гражданскому обороту, обеспечивая договорную конкретизацию, распределение рисков и компенсацию неблагоприятных последствий.

Соотношение публичного и частного начал в режиме конфиденциальности не следует понимать как их конкуренцию или слияние. Речь идет о режимной координации: публичное начало задает императивные границы допустимости, а частное начало обеспечивает их реализацию в конкретных отношениях. В цифровой среде такая координация приобретает особое значение, поскольку утрата конфиденциальности способна причинять не только индивидуальный имущественный вред, но и системный ущерб доверию, безопасности и устойчивости правового порядка.

¹ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2026).

³ Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

Библиографический список

1. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – Т. 1. – 576 с.
2. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 560 с.
3. Камалова Г. Г. Информация как правовая категория: развитие концептуальных подходов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 3. С. 185–192.
4. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 320 с.
5. Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий: монография / под общ. ред. А.В. Минбалеева; Институт государства и права РАН. – М.; Саратов: Амирит, 2022. – 338 с.
6. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2011. – 1326 с.
7. Gellert R. The Risk-Based Approach to Data Protection. Oxford: Oxford University Press, 2020. 279 p.
8. Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: модели и типология рисков: монография / под общ. ред. А. Ю. Мамычева; Владивостокский государственный университет. – Владивосток: Изд-во ВВГУ, 2023. – 152 с.

© Гимадрисламова О.Р., 2026

УДК 347.736

Дюженков Николай Андреевич,
Аспирант 3-го года обучения, Российский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия
dyugenckovn@gmail.com

Научный руководитель:
Войкова Наталья Андреевна,
к.ю.н., доцент Кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права Российского университета
дружбы народов им. Патриса Лумумбы
voykova_na@rudn.ru

КЛЮЧЕВЫЕ КРИТЕРИИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ РОСКОШНОСТИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА

Аннотация. В статье рассматривается наличие у единственного жилого помещения должника признаков роскошности как основание ограничения действия

имущественного иммунитета указанного имущества в рамках дела о банкротстве гражданина. Автор анализируются критерии, сформированные судебной практикой, для определения признаков роскошности жилых помещений, а также рассматриваются подходы, применяемые судами при разрешении вопроса о возможности включения единственного жилого помещения в конкурсную массу должника. Рассматривается возможность определения роскошности жилого помещения на основании соотношения его площади с нормативами, закрепленными в жилищном законодательстве, а также на основании совокупности факторов, устанавливаемых судами в рамках конкретного дела. Делается вывод о невозможности разрешения данной категории дел исключительно на основании судебское усмотрения, предлагаются механизмы по совершенствованию действующего законодательства в части закрепления конкретных характеристик жилых помещений для их квалификации в качестве роскошных.

Ключевые слова: право на жилище, банкротство, несостоятельность, иммунитет, имущественный иммунитет, конкурсная масса, жилое помещение, норма предоставления.

Diuzhenkov Nikolai Andrrevich

3rd year postgraduate student, Patrice Lumumba
Russian University of Peoples' Friendship
Moscow, Russia
dyugencovn@gmail.com

Scientific Supervisor: Vojkova Natalia Andreevna

PhD in Law, Associate Professor at the Department
of Civil Law and Procedure and Private International Law at the Patrice Lumumba Peoples'
Friendship University of Russia
vojкова_na@rudn.ru

KEY CRITERIA FOR DETERMINING THE LUXURY OF A RESIDENTIAL PROPERTY IN A BANKRUPTCY CASE

Abstract. The article examines the presence of luxury features in the debtor's only residential property as a basis for limiting the property immunity of this property in the context of a bankruptcy case. The author analyzes the criteria established by judicial practice for determining the luxury features of residential properties, as well as the approaches used by courts in resolving the issue of whether the debtor's only residential property can be included in the bankruptcy estate. The article also examines the possibility of determining the luxury features of a residential property based on the ratio of its area to the standards established in housing legislation, as well as based on a combination of factors determined by courts in specific cases. The article concludes that it is not possible to resolve this category of cases solely based on judicial discretion and proposes mechanisms for improving the current legislation by establishing specific characteristics of residential properties that can be classified as luxurious.

Keywords: right to housing, bankruptcy, insolvency, immunity, property immunity, bankruptcy estate, living space, standard of accommodation.

Институт банкротства физических лиц, о котором пойдет речь в настоящем исследовании, является сравнительно молодым по меркам российского законодательства. Положения действующей главы X Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)¹, устанавливающие основы несостоятельности граждан, применяются лишь с 2015 года – до этого нормы законодательства о банкротстве распространялись лишь на индивидуальных предпринимателей и крестьянские фермерские хозяйства². Между тем, несмотря на относительно недавнее появление общих правил банкротства физических лиц, в области отдельных его институтов и подинститутов законодательство и практика его применения развивались настолько активно, что их текущее состояние диаметрально противоположно существовавшему десять лет назад правовому регулированию. Одним из наиболее показательных примеров такой трансформации является институт имущественного иммунитета.

Под имущественным иммунитетом принято понимать правовой режим, в основе которого лежит запрет на обращение взыскания на принадлежащее должнику имущество [1, с. 32]. Изначально понятие «имущественный иммунитет» было введено Конституционным Судом РФ в ходе толкования положений статьи 446 ГПК РФ, закрепляющей перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание в рамках исполнительного производства³.

Однако постепенное развитие законодательства, в том числе, появление института несостоятельности граждан, в основе которого также лежит удовлетворение требований кредиторов за счет имущества должника, предопределило распространение положений об имущественном иммунитете на правоотношения, складывающиеся в рамках банкротства гражданина. Это находит отражение как в положениях Закона о банкротстве, напрямую отсылающих к норме

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. ст. 4190.

² Федеральный закон от 29.06.2015 № 154-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.07.2015. № 27. ст. 3945.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьей части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна» // Собрание законодательства РФ. 23.07.2007. № 30. ст. 3988.

статьи 446 ГПК РФ¹ при определении перечня имущества, подлежащего исключению из конкурсной массы (пункт 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве), а также подтверждается обширной судебной практикой². При этом в правовой доктрине все чаще звучат предложения о необходимости обособления иммунитетов в рамках дела о несостоятельности от исполнительских иммунитетов, предусмотренных законодательством об исполнительном производстве, и формировании самостоятельной модели конкурсных иммунитетов [2, с. 57–58] [3, с. 120–121].

Таким образом, на сегодняшний день имущественные иммунитеты получили полноценное закрепление в законодательстве о банкротстве граждан. Между тем, в развитие изложенной выше мысли о существенном изменении правового регулирования имущественных иммунитетов и в подтверждение позиции тех исследователей, которые указывают на различную правовую природу конкурсного и исполнительского иммунитета, следует отдельно остановиться на особенностях содержания правового режима имущественных иммунитетов граждан. Причем указанные особенности выходят далеко за рамки предмета настоящего исследования и, помимо иммунитета единственного жилого помещения должника, находят также отражение в положениях об иммунитете имущества должника сверх прожиточного минимума³, а также иммунитета денежных средств, оставшихся после реализации единственного жилья⁴. Между тем, коль скоро предметом настоящего исследования являются вопросы, связанные с определением критериев роскошности жилого помещения при разрешении вопроса о его исключении из конкурсной массы, необходимо более подробно остановиться на иммунитете единственного жилья должника и на изменении правоприменительных подходов к его определению.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. ст. 4532.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.03.2025 № 305-ЭС24-20514 по делу № А41-67743/2021; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2024 № 304-ЭС23-25261 по делу № А75-10710/2021; Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2024 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой акционерного общества «Юридическое бюро «Факториус» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 23.01.2026).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. Февраль. 2019.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2023 № 307-ЭС22-27054 по делу № А56-51728/2020 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 23.01.2026).

Итак, иммунитет единственного жилого помещения должника является ключевым видом имущественного иммунитета гражданина, в основе которого лежит закрепленный в законодательстве об исполнительном производстве принцип неприкосновенности минимума имущества должника [4, с. 24], который, в свою очередь, основан на неотчуждаемом конституционном праве гражданина на жизнь и на жилище [5, с. 173]. Столь существенный конституционно-правовой базис, лежащий в основе правового режима иммунитета единственного жилья, на протяжении долгого времени определял его абсолютный характер – его безусловное действие и невозможность ограничений, вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств. На безусловность указанного вида иммунитета указывали В.А. Гуреев [6, с. 33], С.А. Карелина [7, с. 19–20], А.Ю. Старицын [8, с. 9–10].

Такой взгляд на иммунитет единственного жилья был основан, в том числе, на правовом подходе Конституционного Суда РФ, выраженном в Постановлении от 14.05.2012 № 11-П, согласно которому, Конституционный Суд РФ, хоть и признавал дефектность положений статьи 446 ГПК РФ в части предоставления ими должнику чрезмерного уровня защиты, тем не менее отказался констатировать их несоответствие Конституции РФ, рассчитывая на принятие соответствующих мер федеральным законодателем¹. Н.С. Бондарь, комментируя указанное постановление, справедливо отмечал отсутствие у него какого-либо правового значения, ввиду уклонения Конституционного Суда РФ от формулирования выводов о неконституционности рассматриваемых положений [9, с. 54].

Однако по прошествии почти десяти лет, в 2021 году Конституционный Суд РФ был вынужден повторно рассмотреть вопрос о соответствии основному закону положений статьи 446 ГПК РФ. В этот раз Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26.04.2021 № 15-П (далее – Постановление № 15-П), констатируя длительное и необоснованное бездействие федерального законодателя в части учета ранее данных комментариев и внесения в закон соответствующих изменений, впервые допустил возможность ограничения имущественного иммунитета единственного жилого помещения гражданина-должника, указав, что положения рассматриваемой статьи более не могут являться безусловным основанием для отказа в обращении взыскания на единственное жилье².

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // Собрание законодательства РФ. 21.05.2012. № 21. ст. 2697.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // Собрание законодательства РФ. 10.05.2021. № 19. ст. 3290.

Значение выводов Конституционного Суда РФ сложно переоценить, поскольку именно с вынесением указанного судебного акта принято связывать окончательный слом концепции об абсолютности имущественного иммунитета и последующую разработку механизмов его ограничения. Как верно отмечает Л.Ю. Михеева, позиция Конституционного Суда РФ является полноценным шагом на пути «к установлению истинной, а не мнимой социальной справедливости» [10, с. 18–19].

Между тем, не отрицая значительной символической ценности вышеуказанных выводов, следует отметить, что возможность их практического применения, остается крайне затруднительной. В частности, допустив ограничение имущественного иммунитета, Конституционный Суд РФ не привел исчерпывающего перечня оснований для такого ограничения. Более того, Конституционным Судом РФ, хоть и был введен термин «жилые помещения, объективные характеристики которых превышают разумно достаточные для удовлетворения потребности в жилище» («роскошное жилое помещение», «роскошное жилье»), однако не были сформулированы конкретные характеристики данных помещений, условия для возможности ограничения их иммунитета.

Мы согласны с точкой зрения Е.А. Лагуновой о том, что конкретные критерии, которым должны отвечать жилые помещения для признания наличия у них статуса «роскошного жилья», могут быть разработаны только федеральным законодателем [11, с. 64]. В то же время, благодаря сформировавшейся довольно обширной судебной практике Верховного Суда РФ по данному вопросу, а также практике арбитражных судов, в настоящий момент мы можем более детально проанализировать, что именно понимается судами под «роскошным жильем», каким параметрам оно может отвечать, а что, напротив, не должно приниматься во внимание при разрешении вопроса о возможности ограничения имущественного иммунитета.

Так, Верховным Судом РФ сразу после вынесения Постановления № 15-П сформулировано следующее основание для ограничения имущественного иммунитета единственного жилого помещения – кратное превышение размеров имеющегося у гражданина жилья нормам предоставления жилых помещений на условиях социального найма в регионе проживания должника¹. Установление такого превышения будет являться основанием для реализации спорного имущества с обязательным условием предоставления должнику и членам его семьи замещающего жилья.

Таким образом, единственным критерием для установления у жилого помещения статуса роскошного становилась норма предоставления жилых помещений на условиях социального найма (далее также – норма предоставления), кратное превышение площади спорного жилья над которой становилось основанием для ограничения имущественного иммунитета. Данный подход представляется нам ошибочным.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2021 № 304-ЭС21-9542(1,2) по делу № А27-17129/2018 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 21.01.2026).

Во-первых, анализ конкретных величин норм предоставления, утвержденных на территории Российской Федерации, демонстрирует, что даже кратное их превышение (в два раза и более) не может свидетельствовать о действительной роскошности жилого помещения. В частности, норма предоставления в Москве составляет 18 кв.м.¹, в Московской области 18 кв.м. на одного члена семьи, состоящий из двух и более человек, и 33 кв.м. – на одиноко проживающих граждан соответственно². Кратно превышающей указанные нормативы подлежит признанию, например, квартира площадью 36 кв.м. и 66 кв.м. соответственно, квалификация которой в качестве роскошной представляется несколько сомнительной. При этом арбитражные суды, буквально толкуя вышеприведенные выводы Верховного Суда РФ признают роскошными квартиры, площадь которых составляет 73 кв.м.³, а в некоторых случаях – и 42 кв.м.⁴, полагая указанную величину площади избыточной для должника. Такая практика, по нашему мнению, безусловно является порочной.

Во-вторых, нельзя не согласиться и с мнением тех авторов, кто считает принципиально не допустимой возможность применения специфических нормативов, закреплённых в жилищном законодательстве, для оценки имущества граждан по делам о несостоятельности. Так, Т.И. Шайхеев справедливо указывает на неприменимость норм предоставления для оценки роскошности жилых помещений [12, с. 122–125], той же точки зрения придерживается Р.Т. Мифтахутдинов [10, с. 23–24]. В.К. Захаров и вовсе полагает, что именно непригодность использования установленных в жилищном законодательстве нормативов в совокупности с отсутствием иных ориентиров, пригодных для оценки жилых помещений, и обусловила отказ Конституционного Суда РФ в признании положений статьи 446 ГПК РФ не соответствующими Конституции РФ [13, с. 4].

Вероятно, совокупность указанных причин в итоге и послужила основанием для постепенного отказа от использования нормы предоставления как меры измерения роскошности жилого помещения. В частности, в некоторых случаях суды стали указывать на то, что факт превышения размера площади жилого помещения над нормами предоставления не может являться единственной причиной для отказа в применении имущественного иммунитета. С этой точкой зрения в итоге согласился Верховный Суд РФ, тем самым отказавшись от ранее

¹ Закон г. Москвы от 14.06.2006 № 29 (ред. от 20.02.2019) «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» // СПС «Гарант» (дата обращения: 21.01.2026).

² Закон Московской области от 26.07.2006 № 124/2006-ОЗ «О порядке предоставления жилых помещений жилищного фонда Московской области по договорам социального найма отдельным категориям граждан» (с изменениями на 22 декабря 2020 года) // СПС «Гарант» (дата обращения: 21.01.2026).

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.03.2024 № Ф08-1898/2024 по делу № А53-42315/2020 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 28.01.2026).

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2024 № Ф05-25522/2023 по делу № А40-47959/2022 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 28.01.2026).

выработанного подхода. С учетом последних выводов Верховного Суда РФ, при анализе жилья на предмет его роскошности, следует уделять внимание совокупности параметров: размеру жилого помещения, его расположению, внешней и внутренней отделке, инфраструктуре района и т.д.

Таким образом, фактически Верховный Суд РФ отошел от необходимости установления четких критериев роскошности, делегировав решение вопроса о возможности ограничения имущественного иммунитета судам, с учетом обстоятельств конкретного дела и параметров конкретного имущества. В настоящий момент разрешение вопроса о наличии или отсутствии у жилья признаков роскошности находится осуществляется судом в рамках своих дискреционных полномочий.

Такой подход имеет как преимущества, так и недостатки. С одной стороны, отсутствие четких критериев, предъявляемых к жилому помещению для признания его роскошным, не ограничивает суды рамками количественных параметров и позволяет учесть все обстоятельства конкретного дела. С другой стороны, вопрос, связанный с лишением должника принадлежащего ему жилья, представляется в достаточной степени значимым, затрагивающим конституционные права гражданина, и потому особенно чувствительным, ввиду чего перспективы его разрешения должны быть более прозрачными и предсказуемыми. По нашему мнению, именно по данной категории споров закрепление конкретных критериев жилого помещения в федеральном законе и четкое им следование должно иметь приоритет над усмотрением суда. Иной порядок разрешения данной категории дел может привести к формированию разнонаправленной и противоположной судебной практики, что может негативно сказаться на положении граждан-должников.

Анализ судебной практики дополнительно подтверждает обоснованность вышеуказанных опасений. Например, в некоторых случаях суды не признают роскошным жилое помещение, площадь которого превышает 290 кв.м., со стоимостью – 90 млн. руб., указывая на то, что такие параметры не могут свидетельствовать о роскошности¹, тогда как в другом деле соответствующие признаки усматриваются у квартиры, площадью 91 кв.м., в том числе, ввиду ее нахождения в центре города, а также ввиду доступа к развитой инфраструктуре². В некоторых случаях суды отказывают в ограничении имущественного иммунитета квартиры, площадь которой превышает 144 кв.м., в том числе, ввиду невозможности нарушения прав должника и членов его семьи на сохранение привычной для них инфраструктуры³.

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.06.2022 № Ф05-12662/2022 по делу № А40-98653/2021 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.01.2026).

² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.09.2022 № Ф08-7808/2022 по делу № А63-14159/2019 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.01.2026).

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.12.2025 № Ф09-1223/25 по делу № А60-69079/2023 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.01.2026).

Встречаются и случаи, когда в отношении фактически аналогичных объектов имущества разными судами выносятся противоположные и взаимоисключающие судебные акты. Например, в одном случае была констатирована роскошность жилья, расположенного в центре города, в доме с услугами консьержа, фитнес-студией, химчисткой и рестораном¹, в другом случае во включении в конкурсную массу аналогичного жилья судами было отказано².

Иными словами, анализ применения судами положений статьи 446 ГПК РФ в совокупности с приведенными выше разъяснениями Верховного Суда РФ демонстрирует, что на текущий момент отсутствует представление о том, какие конкретно параметры могут свидетельствовать о роскошности жилого помещения и являться основанием для его включения в конкурсную массу. Рассмотренные судебные акты позволяют заключить, что при разрешении вопроса о наличии у имущества признаков имущественного иммунитета суды действительно анализируют материалы конкретного дела, подробно исследуют параметры спорного имущества, однако результаты такого при прочих равных условиях могут отличаться.

Озвученная проблема, по нашему мнению, может быть решена путем разработки единых количественных критериев для признания жилого помещения роскошным и включения его в состав конкурсной массы, механизм определения которых должен быть закреплен федеральным законодателем. За основу такого механизма может быть взят подход, сформированный в американском законодательстве, где разрешение вопроса о возможности исключения имущества из конкурсной массы поставлено в зависимость от его стоимости, превышение стоимости спорного жилья над которой является безусловным основанием для его реализации и включения в конкурсную массу денежных средств в части сверх установленного лимита [14, с. 96–97].

Представляется, что такая предельная стоимость может быть установлена как произведение средней стоимости жилых помещений на первичном или вторичном рынке в зависимости от региона проживания гражданина и двукратного (или выше) размера стандарта нормативной площади жилого помещения, установленного законодательством субъектов федерации. Предложенная формула является приблизительной и может быть скорректирована с учетом характеристик, более точно отражающих действительные параметры квартир, находящихся в собственности граждан Российской Федерации.

Разработка указанных критериев позволит, наконец, исполнить требования Конституционного Суда РФ, предъявленные к федеральному законодателю в приведенных выше постановлениях. Кроме того, установление четких критериев, предъявляемых к жилому помещению для признания наличия у него при-

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.03.2024 № Ф08-1898/2024 по делу № А53-42315/2020 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.01.2026).

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.12.2022 № Ф04-460/2021 по делу № А27-21932/2019 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.01.2026).

знаков роскошности, по нашему мнению, способно упростить разрешение судами обособленных споров, связанных с исключением имущества из конкурсной массы, а также обеспечить большую предсказуемость и прозрачность в процессе рассмотрения указанной категории дела, что будет соответствовать как обеспечению прав и законных интересов граждан-должников, так и их кредиторов.

Библиографический список

1. Слабоспицкий А.С., Соловьева Д.А. Исполнительский иммунитет при банкротстве должника // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2023. № 3 (39). С. 31–38.
2. Фролов И.В. Потребность в формировании модели конкурсного иммунитета в сфере несостоятельности и банкротства граждан и ее достоинства по отношению к модели исполнительского иммунитета // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 56–63.
3. Немова А.В. Конкурсный иммунитет по делу о несостоятельности (банкротстве) граждан: понятие и особенности // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 113–122.
4. Малюшин К.А. Влияние концепции защиты прав человека и основных свобод на исполнительное производство // Исполнительное право. 2012. № 4. С. 23–28.
5. Ивановский К.В. Неотчуждаемость прав и свобод как конституционный принцип / К. В. Ивановский // Права человека: история, теория, практика: Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 28 ноября 2023 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. С. 171–174.
6. Гуреев В.А. Современное восприятие исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника в рамках процессуального законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 31–35.
7. Карелина С.А. Особенности реализации общеправовых принципов в процессе банкротства граждан // Закон. 2023. № 6. С. 15–24.
8. Старицын А.Ю. Обращение взыскания на роскошь // Российский судья. 2024. № 10. С. 9–13.
9. Бондарь Н.С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // Цивилист. 2012. № 4. С. 50–57.
10. Михеева Л., Гальперин М., Ярков В., Мифтахутдинов Р., Безруков А., Гонгало Б., Улетова Г., Ерохова М., Клеточкин Д. Исполнительский иммунитет в отношении единственного жилья: разрубил ли Конституционный Суд гордиев узел? // Закон. 2021. № 5. С. 18–30.
11. Лагунова Е.А. О действии принципа исполнительского иммунитета в делах о банкротстве граждан в аспекте конституционных положений о защите семьи и праве на жилище // Российский судья. 2021. № 10. С. 60–64.

12. Шайхеев Т.И. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о банкротстве граждан // Арбитражные споры. 2023. № 1. С. 100–143.

13. Захаров В.К. Действие правила о допустимости обращения взыскания на единственное жилое помещение гражданина во времени // Арбитражные споры. 2021. № 4. С. 4.

14. Дюженков Н.А. Правовое регулирование исключения недвижимого имущества из конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: российский и зарубежный опыт / Н. А. Дюженков // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сборник статей Международного научного юридического форума памяти В. К. Пучинского, Москва, 18 октября 2024 года. Москва: Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2024. С. 93–100.

© Дюженков Н.А., 2026

УДК 347.254

Зайцева Юлия Алексеевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии
Саратов, Россия, zaitseva-srtv@mail.ru

СУДЬБА ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ГРАЖДАНИНА-БАНКРОТА

Аннотация: Статья посвящена реализации жилого помещения собственника гражданина – банкрота. Определены особенности реализации единственного жилого помещения гражданина – банкрота, так и возможность сохранения его за гражданином - банкротом. По общему правилу единственное жилое помещение подлежит исключению из конкурсной массы должника, но в установленных законом случаях происходит его реализация. Исследовано определение роскошного жилого помещения. Обозначены проблемы в случае, если жилое помещение является совместно нажитым имуществом, а также права членов семьи собственника на жилое помещение в случае смерти должника. Проанализировано развитие законодательства о банкротстве по обозначенному вопросу, его правоприменительная практика, мнения ученых. Сформулирован вывод, что необходимо дальнейшее совершенствование законодательства о банкротстве, касающееся реализации жилого помещения гражданина-банкрота.

Ключевые слова: жилое помещение; гражданин; кредитор; банкротство; финансовый управляющий; арбитражный суд.

Zaitseva Yulia Alekseevna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Civil Law
of the Saratov State Law Academy
Saratov, Russia, zaitseva-srtv@mail.ru

THE FATE OF THE ONLY RESIDENTIAL HOUSE OF A BANKRUPT CITIZEN

Abstract. The article is devoted to the sale of residential premises of a bankrupt citizen owner. The specifics of the sale of the only residential premises of a bankrupt citizen, as well as the possibility of retaining it for the bankrupt citizen, are determined. As a general rule, the only residential premises are subject to exclusion from the debtor's bankruptcy estate, but in cases established by law, the debtor's residential premises are sold. The definition of luxury living space is explored. The problems are identified in cases where the residential premises are jointly acquired property, as well as the rights of the owner's family members to the residential premises in the event of the debtor's death. The development of bankruptcy legislation on the designated issue, its law enforcement practice, and the opinions of scientists are analyzed. The conclusion is that further improvement of bankruptcy legislation is necessary, concerning the sale of residential premises of a bankrupt citizen.

Key words: residential premises, citizen, creditor, bankruptcy, financial manager, arbitration court.

Каждый гражданин нуждается в крыше над головой. Важнейшим элементом содержания правоспособности граждан является право на жилище, которое впервые закреплено в ст. 44 Конституции СССР 1977 г.¹. Основное неотъемлемое социальное право российских граждан, охраняемое государством, такое как право на жилище, определено в ст. 40 Конституции РФ². Ни один гражданин не может быть выселен из жилого помещения или ограничен в праве пользования жилым помещением иначе как по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ЖК РФ, другими федеральными законами (ч. 4 ст. 3 ЖК РФ³). В этом и заключается суть принципа недопустимости произвольного лишения жилища.

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617; Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 12, ст. 189.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

³ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14; 2025. № 52 (Часть I). Ст. 8316.

Одним из таких законов является Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее - Закон о банкротстве). В большинстве случаев граждане являются собственниками жилых помещений, в отношении которых возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве). Согласно статистике в 2025 г. количество судебных потребительских банкротств достигло 568 тыс. дел, что на 31,5% больше, чем в 2024 г.². Практически в каждом деле о банкротстве определяется дальнейшая судьба жилого помещения.

Несмотря на то, что в Конституции РФ определено право на жилище, в Законе о банкротстве со ссылкой на ст. 446 ГПК РФ³ установлены исключения. По общему правилу не может быть обращено взыскание по исполнительным документам на единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение (абсолютный исполнительный иммунитет). Предполагается сохранение права граждан на достойную жизнь. Но противоположная ситуация, если обозначенное жилое помещение является предметом ипотеки и на него может быть обращено взыскание. Не стоит забывать, что должник, несмотря на то, что в отношении него возбуждена процедура банкротства, он обязан содержать жилое помещение (в частности, оплачивать коммунальные платежи) [1, с. 31]. Однако на практике данная обязанность вызывает множество проблем.

В.А. Никифоров пишет о возможности исключения из конкурсной массы жилого помещения, предоставленная финансовому управляющему на основании закона, а также на основании определения арбитражного суда [2, с. 41]. На практике финансовые управляющие зачастую не включают единственное жилое помещение в конкурсную массу, руководствуясь тем, что в силу закона оно подлежит исключению из конкурсной массы. По мнению М.А. Губиной и А.М. Хвостунцева, движение конкурсной массы должно происходить только на основании судебного акта [3, с. 147]. При этом недопустимо повторное обращение в арбитражный суд с заявлением об исключении из конкурсной массы единственного жилого помещения, только при наличии новых (вновь открывшихся) обстоятельствах⁴.

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон Рос. Федерации от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; 2025. № 52 (Часть I). Ст. 8331.

² Банкротства в России: 2025 год // Официальный сайт Федресурса. URL: [https://download.fedresurs.ru/news/Банкротство статрелиз 2025 на сайт.pdf](https://download.fedresurs.ru/news/Банкротство%20статрелиз%2025%20на%20сайт.pdf) (дата обращения: 26.01.2026).

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. от 22.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; Рос. газ. 2026. 16 января.

⁴ Обзор судебной практики по актуальным вопросам применения законодательства о банкротстве граждан (утв. президиумом Арбитражного суда Уральского округа 28.07.2023). Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31 августа 2022 № Ф09-1493/17 по делу № А60-3496/2016// Экономическое правосудие в Уральском округе. 2023. № 3(67). С. 36-57.

При банкротстве гражданина кредиторы вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о включении требования в реестр требований кредиторов, в срок, установленный Законом о банкротстве, а именно в течение двух месяцев с даты опубликования более позднего сообщения о признании обоснованным заявления о признании должника банкротом. При признании такого заявления обоснованным кредитором предоставляется право участвовать в первом собрании кредиторов с правом голоса¹. «Опоздавшие» кредиторы могут быть включены в реестр требований кредиторов [4, с.14] при наличии уважительной причины пропуска установленного срока. Предоставленное право кредиторам участвовать в собраниях кредиторов с правом голоса имеет решающее значение. Отчасти от кредиторов будет зависеть судьба единственного жилого помещения гражданина-банкрота.

В 2021 году Конституционный суд РФ разрешил обращать взыскание на единственное жилое помещение должника, которое является «роскошным»². Понятие роскошного жилого помещения не определено в законодательстве. Под роскошным жилым помещением понимается «недвижимость, существенно превосходящую нормы предоставления помещений на условиях социального найма в регионе»³. Как отмечалось ранее на собрании кредиторов определяется судьба единственного жилого помещения гражданина-банкрота. С.А. Кочкалов и А.Е. Ключков отмечают, что на собрании кредиторов подлежат обсуждению следующие моменты: «признаки «роскошности» объекта недвижимости, экономическая целесообразность его продажи, характеристики замещающего жилья и условия его предоставления, и т.д.» [5, с. 58-66]. В случае признания жилого помещения «роскошным», оно подлежит включению в конкурсную массу, но реализуя конституционное право на жилище, гражданину-банкроту обязательно предоставляется замещающее жилое помещение. Детализировав подход Конституционного суда РФ, Верховный суд РФ указал, что замещающее жилое помещение не может быть меньше нормы предоставления жилого помещения на условиях социального найма и определил, что жилое помещение должно быть выдано в пределах го-

¹ О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 (ред. от 17.12.2024) // Рос. газ. 2015. 19 октября; 2024. 26 декабря.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 19. Ст. 3290.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07 октября 2021 г. № 304-ЭС21-9542(1,2) по делу № А27-17129/2018 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

родской агломерации¹. Продажа заложенного жилого помещения может быть происходить на заключительном этапе исполнения должником плана реструктуризации долгов [6, с. 13].

Права на жилое помещение могут принадлежать не только гражданину-банкроту, но и его супруги. Как указано Постановлении Конституционного Суда РФ от 04 июня 2024 г. № 28-П при определении состава конкурсной массы и при оценке обоснованности притязаний супруга, кредиторов на исключение части имущества из конкурсной массы необходимо провести соотношение норм семейного права и норм о банкротстве². В случае расторжения брака законный интерес бывшего супруга должника в сохранении единственного жилого помещения учитывается³. Также интересный вопрос в правоприменительной практике, когда должнику принадлежало единственное жилое помещение, в котором он проживал с членами семьи, однако, впоследствии умер. По данным вопросам отсутствует единообразие в правоприменительной практике. Арбитражный суд вправе привлечь прокурора для дачи заключения по делу о банкротстве граждан, когда затрагиваются жилищные права граждан (в частности, права несовершеннолетних детей)⁴. Данный вопрос требует проведения самостоятельного, комплексного исследования.

Должнику предоставлено право сохранить жилое помещение за собой, несмотря на то, что жилое помещение является заложенным имуществом (ст. 213.10-1 Закона о банкротстве)⁵. Внимание Е.В. Горбачевой обращено на кардинальные изменения, касающиеся судьбы единственного жилого помещения гражданина-банкрота [7, с. 95-99]. Речь идет о заключении отдельного мирового соглашения. По общему правилу для заключения отдельного мирового соглашения согласия иных кредиторов гражданина не требуется, за исключением согласия залогового кредитора. При этом, если жилое помещение также яв-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2021 г. № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 04 июня 2024 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой акционерного общества «Юрическое бюро «Факториус»» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 24. Ст. 3390.

³ Обзор судебной практики по актуальным вопросам применения законодательства о банкротстве граждан (утв. президиумом Арбитражного суда Уральского округа 28.07.2023). Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 марта 2023 г. № Ф09-7046/19 // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2023. № 3(67). С. 36-57.

⁴ О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 // Рос. газ. 2022. 14 янв.

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: Федер. закон Рос. Федерации от 08 августа 2024 г. № 298-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4994.

ляется предметом последующей ипотеки, то в заключении отдельного мирового соглашения должны участвовать залоговые (реестровые) кредиторы. Как верно отмечает А.В. Божинов, что альтернативой ликвидационным процедурам является локальное мировое соглашение [8, с. 6-10].

При решении любого исследуемого вопроса судам необходимо учитывать обеспечение справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника¹.

Одним из вариантов решение жилищного вопроса в обозначенной ситуации, когда гражданин-банкрот все-таки лишается своего жилого помещения предусмотрено в ЖК РФ, в котором закреплена возможность временного предоставления жилого помещения из маневренного фонда гражданину, жилое помещение которого продано (обращено взыскание на жилое помещение), на период расчетов с кредиторами (ст.ст. 95, 106 ЖК РФ). На практике с реализацией данного права сложно, так как зачастую в субъектах РФ отсутствуют свободные жилые помещения и период времени предоставления жилого помещения достаточно непродолжительный. Получается, что граждане должны самостоятельно решить свой жилищный вопрос. Для решения обозначенной проблемы В.А. Шаронов предлагает создать специальные «банкротные кредиты» для приобретения жилья [9, с. 73].

Подводя итог, стоит отметить, что решая жилищный вопрос гражданина-банкрота, необходимо сохранить баланс интересов между должником и кредиторами, при этом защитить жилищные права членов семьи, особенно несовершеннолетних детей. Учитывая современные вызовы, требуется дальнейшее совершенствование законодательства о банкротстве, касающееся реализации жилого помещения гражданина-банкрота.

Библиографический список

1. Иванушкина К.Ю., Гаврина М.И. Исключение из конкурсной массы гражданина денежных средств на оплату коммунальных платежей: проблематика применения действующих правовых подходов, выработанных судебной практикой // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2024. № 4 (35). С. 27-34.
2. Никифоров В.А. Исключение имущества из конкурсной массы должника в делах о банкротстве гражданина: некоторые вопросы правоприменения на примере практики Арбитражного суда Сахалинской области // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2024. № 4 (35). С. 40-47.
3. Губина М.А., Хвостунцев А.М. Формирование конкурсной массы гражданина-должника: проблемы правоприменения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1 (50). С. 145-149.

¹ О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 (ред. от 17.12.2024) // Рос. газ. 2015. 19 октября; 2024. 26 декабря.

4. Витрянский В.В. Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями // Хозяйство и право. 2015. № 4 (459). С. 3-29.

5. Кочкалов С.А., Клочков А.Е. Исключение имущества должника из конкурсной массы в процедуре банкротства гражданина: основания и порядок правоприменения // Либерально-демократические ценности. 2023. Т. 7. № 1. С. 58-66.

6. Абдуллаев К.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) граждан, не осуществляющих предпринимательскую деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 32 с.

7. Горбачева Е.В. Механизмы сохранения единственного жилья, являющегося предметом ипотеки (залога), в процедурах несостоятельности (банкротства) гражданина // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2025. № 1 (36). С. 95-99.

8. Божинов А.В. Отдельное (локальное) мировое соглашение в делах о банкротстве: в поисках баланса интересов // Российский судья. 2025. № 8. С. 6 - 10

9. Шаронов В.А. Возможность реализации единственного «роскошного» жилого помещения гражданина-банкрота в рамках дела о несостоятельности (банкротстве): поиск баланса интересов // Власть Закона. 2020. № 1 (41). С. 61-77.

© Зайцева Ю.А., 2026

УДК 347

Зарапина Лидия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
ФГБОУВО «РГУП»
г. Москва, Россия, zarapinalv@mail.ru

Белокопытова Наталья Юрьевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Пятигорского института (филиала)
ФГБОУВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
г. Пятигорск, Россия, nb2018@mail.ru

ПРАВА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПО ДОГОВОРУ НА ОКАЗАНИЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИХ ЗАЩИТЫ

Аннотация: В статье проанализированы проблемы правового регулирования защиты прав потребителей по договору на оказание жилищно-коммунальных услуг в условиях внедрения цифровых технологий. Акцентируется внимание на решении проблемы правовой защиты прав потребителей при получении некачественных жилищно-коммунальных услуг способами,

предусмотренными гражданским и жилищным законодательством как отражение преемственности положений гражданского права в жилищном, подтверждая их взаимосвязь и в определенной степени договорной характер отношений. В статье сделан вывод о необходимости комплексного изменения в контексте стремительного технологического развития как законодательных положений, так и правоприменительной практики с учетом актуализации соответствующих доктринальных позиций.

Ключевые слова: права потребителей; договор; жилищно-коммунальные услуги; цифровизация; возмещение вреда.

Zarapina Lydia Vladimirovna

candidate of law, associate professor department of civil law
Federal state budget institution «Russian state University of justice»
Moscow, Russia,
zarapinalv@mail.ru

Belokopytova Natalia Yurievna

the senior teacher of chair of civil law and process
Pyatigorsk Institute (branch) of Federal state Autonomous educational institution of higher professional education
North-Caucasian Federal University,
Pyatigorsk, Russia, nb2018@mail.ru

CONSUMER RIGHTS UNDER A CONTRACT FOR THE PROVISION OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND ENSURING THEIR PROTECTION

Abstract. The article analyzes the problems of legal regulation of consumer protection under a contract for the provision of housing and communal services in the context of the introduction of digital technologies. Attention is focused on solving the problem of legal protection of consumer rights when receiving substandard housing and communal services in ways provided for by civil and housing legislation as a reflection of the continuity of civil law provisions in housing, confirming their interrelationship and, to a certain extent, the contractual nature of the relationship. The article concludes that there is a need for a comprehensive change in the context of the rapid technological development of both legislative provisions and law enforcement practice, taking into account the updating of relevant doctrinal positions.

Keywords: consumer rights; contract; housing and communal services; digitalization; compensation for harm.

В современных условиях цифровизации сфера ЖКХ занимает особое место в общественных отношениях между гражданами, организациями и органами власти различных уровней. В контексте трансформации и развития современных подходов к проектированию социально-экономического развития госу-

дарства, внедрения технологий управления инцидентами обуславливают важность процесса цифровизации сферы ЖКХ на региональном и местном уровнях, а не только на федеральном в масштабах РФ [1, с. 143-144].

По результатам опроса общественного мнения в 2025 году доля россиян, удовлетворенных качеством жилищно-коммунальных услуг, выросла за последние десять лет с 20 % до 28 %. При этом 74 % из числа опрошенных отметили, что скорее или полностью удовлетворены техническим состоянием своего дома, что говорит скорее об умеренном оптимизме применительно к качеству потребительских услуг в жилищно-коммунальных отношениях¹. По мнению И. Дроздова и А. Петрова одной из причин позитивной, но при этом все еще сдержанной оценки качества услуг ЖКХ, является внедрение в индустрию обозначенных услуг цифровых технологий [2].

Права потребителей жилищно-коммунальных услуг по своей правовой природе безусловно в полной мере относятся к социально-экономическим правам граждан. В первую очередь, гарантируется каждому право на жилище (статья 40 Конституции РФ). Право на жилище является одним из основополагающих прав и свобод личности в международных правовых актах, включенных и в российскую правовую систему. При этом особое внимание уделено вопросам реализации права на жилище, его природе и правильному пониманию в системе прав личности. Так, статья 2 ЖК РФ разрешает вопрос о порядке реализации права на жилище, определяя механизмы, способствующие установлению соответствия им, в том числе посредством наделения собственников помещений правом на получение жилищно-коммунальных услуг в соответствии со статьей 779 ГК РФ.

Центральное место в системе нормативного регулирования на федеральном уровне занимают Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов (утв. постановлением Правительства РФ от 06 мая 2011 года № 354). Данный нормативный документ устанавливает многоуровневую структуру надзора за деятельностью компаний, предоставляющих услуги потребителям в сфере жилищно-коммунального хозяйства. В эту систему включены общественные структуры и организации некоммерческого характера, осуществляющие защиту прав потребителей.

Второе звено этой системы представлено муниципальными службами, которые реализуют надзорные полномочия над жилыми помещениями муниципального фонда, преимущественно находящимися в многоквартирных домах. Региональные структуры, осуществляющие жилищный надзор и контроль за лицензированием, составляют третью ступень данной многоуровневой контрольной системы.

Данные правила также регулируют отношения между потребителями и исполнителями коммунальных услуг, устанавливают их права и обязанности, порядок заключения договора, содержащего положения о предоставлении ком-

¹ ВЦИОМ: 36% россиян положительно оценили качество услуг ЖКХ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/24408833>

мунальных услуг, а также порядок контроля качества предоставления коммунальных услуг, ряд других вопросов.

В теории и российском законодательстве отсутствует легальная дефиниция «жилищно-коммунальные услуги». Это дает возможность исследователям российского права для выражения самостоятельных позиций к данному вопросу. В структуре дефиниции «жилищно-коммунальные услуги» выделяют две составляющие: жилищные услуги и коммунальные услуги.

В подпунктах д) и е) пункта 5 Приказа Росстата от 20 декабря 2023 года № 668 «Об утверждении официальной статистической методологии формирования официальной статистической информации об объеме платных услуг населению» отдельно перечислены жилищные и коммунальные услуги. Из данного подзаконного нормативного правового акта также определяются конкретные виды деятельности, отнесенные к каждому из видов услуг.

Жилищно-коммунальные услуги представляют собой комплекс мероприятий, образующихся вследствие волеизъявления объединенной группы собственников жилых и нежилых помещений, направленных на создание, поддержание, совершенствование комфортной реализации прав, свобод и законных интересов лиц, поддерживаемых регламентированием данной деятельности правовыми актами органами государственной власти, а также муниципальных образований.

Круг субъектов, участвующими в оказании и потреблении коммунальных услуг, определяется Правилами предоставления коммунальных услуг (утв. Постановлением Правительства РФ от 06 мая 2011 года № 354). В их число входят как непосредственные участники по оказанию и потреблению коммунальных услуг (потребитель, исполнитель, ресурсоснабжающая организация), органы местного самоуправления, так и опосредованные участники (лица, привлеченные собственниками жилых помещений с целью управления МКД).

Система прав и обязанностей в сфере ЖКХ отражает специфичность отрасли жилищного права, включая в себя разнообразный круг субъектов и, как следствие, дифференциацию и взаимосвязь юридического содержания их деятельности. В доктрине жилищного права имеются различные позиции применительно к классификации прав потребителей, основанием которых выступает содержание их отдельного права на объект и их характеристике.

Подзаконные нормативные правовые акты при определении системы прав издаются Правительством Российской Федерации. Безусловно, системообразующим актом выступает законодательство о защите прав потребителей, однако, руководство специальными нормами права в условиях стремления к совершенствованию правового регулирования и юридической практики в сфере защиты обозначенного вида прав позволит обозначить особенности данной сферы правоотношений.

Систему прав потребителей в жилищно-коммунальной сфере следует классифицировать на общую и специальную. Общие права, безусловно, принципиального отличия от прав потребителя в иных сферах отношений не имеют, однако, специфичность прослеживается. Но более всего она выражена в специ-

альных правах потребителя, который вступает в жилищные правоотношения с самостоятельным объектом и предметом правового регулирования.

В условиях внедрения цифровых технологий в систему ЖКХ право потребителя на информацию о содержании и качестве предоставляемой услуги является безусловно актуальным. В 2016 году в РФ процесс цифровизации потребительских услуг в сфере индустрии жилищного и коммунального сервиса обусловлен созданием и введением в действие информационной базы обо всех услугах предприятий жилищно-коммунального хозяйства - государственной информационной системы (ГИС ЖКХ)¹. Граждане могут воспользоваться системой для подачи жалоб, заявлений, оплаты счетов и проверки правильности начислений, возможность проводить общие собрания собственников помещений в МКД посредством электронного голосования на платформах ГИС ЖКХ или Госуслуг. Управляющие организации используют систему для размещения отчетов о проделанной работе, расчете тарифов и формирования документации.

Гражданско-правовой договор, выступая многогранным средством реализации предоставленных услуг в потребительской сфере жилищных отношений, выступает как универсальное средство, упорядочивающее разнонаправленную деятельность субъектов отношений. Помимо того, что гражданско-правовой договор в большинстве случаев является правоустанавливающим документом при возникновении имущественных прав на объект собственности, им могут быть установлены условия, порядок, особенности пользования помещениями в рамках жилищно-коммунальных отношений.

По общему правилу потребительские отношения возникают из возмездных гражданско-правовых договоров на оказание услуг, в том числе применительно к правоотношениям, связанным с предоставлением жилищно-коммунальных услуг (договор подряда, договор энергоснабжения и др.).

Начиная с 2018 года появилась возможность заключения так называемых «прямых договоров» на поставку коммунальных ресурсов, заключаемых между исполнителем коммунальных услуг (УК или ТСЖ) с одной стороны, и собственниками жилых помещений с другой стороны. «Прямые договоры» создали ряд определенных обязанностей для ресурсоснабжающих организаций и способствовали распространению действия «прямых расчетов» между собственниками.

Защита прав потребителей жилищно-коммунальных услуг – комплекс мер и процедур, целью которых является обеспечение качества и безопасности предоставляемых услуг. В соответствии со статьей 11 ЖК РФ защита жилищных прав потребителей может осуществляться судом или, в строго определенных случаях, в административном порядке.

В ряде регионов РФ имеется положительный результат использования электронных цифровых платформ для обратной связи, в том числе и по вопросам оказания жилищных и сервисных коммунальных услуг не надлежащего ка-

¹ Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // Российская газета от 23 июля 2014 г. № 163.

чества. Исследуя эффективность использования электронных цифровых платформ в области предоставления услуг ЖКХ, можно упомянуть один из первых положительный опыт в г. Москва. Жители г. Москва продуктивно пользуются электронным сервисом «ЖКХ Москвы», «Наш город», в том числе в целях эффективной защиты своих прав в досудебном порядке.

Так, в Красноярском крае введена в эксплуатацию и активно используется электронная цифровая платформа «Активный гражданин», где жители могут оставлять свои претензии и рекомендации к качеству сервиса и уровню потребительских услуг индустрии ЖКХ [3, с. 163].

Комплекс механизмов защиты жилищных прав изложен в части 3 статьи 11 ЖК РФ, при этом с отсылочной диспозицией в пункте 6 указанной статьи на статью 12 ГК РФ.

При получении некачественных жилищно-коммунальных услуг потребитель имеет право на защиту способами, предусмотренными гражданским и продублированными жилищным законодательством. Тем самым наблюдается преемственность положений гражданского права в жилищном, подтверждая их взаимосвязь и в определенной степени договорной характер отношений.

Гражданско-правовая ответственность – основной вид ответственности в рамках отношений в сфере управления МКД, обладающий к тому же компенсационным характером, восстанавливая нарушенные имущественные права потребителя. Положительным аспектом гражданско-правового способа разрешения спора является прямая ответственность исполнителя перед потребителем, в то время как в административном порядке исполнитель за нарушение прав потребителя несет ответственность перед государством.

Судебная защита прав потребителей считается наиболее перспективным средством, использующаяся широким кругом сторон отношений в сфере ЖКХ. В Российской Федерации признается пять видов судопроизводств, некоторые из которых напрямую могут рассматривать и разрешать дела о защите прав потребителей. Безусловно, это не только гражданское судопроизводство, но и административное в двух формах его проявления – дела об административных правонарушениях и административные дела, вытекающие из административных и иных публичных отношений.

Споры, связанные с оказанием жилищно-коммунальных услуг, в гражданском процессе разрешают в порядке приказного и искового производства.

В юридической практике согласно разъяснениям высшей судебной инстанции разрешена спорная позиция относительно возможности потребителя требовать компенсацию морального вреда и суммы штрафа за нарушение прав потребителей, взыскиваемого судом в случае некачественного оказания коммунальных услуг со стороны управляющей организации, в следствии чего стало повреждение имущества собственника¹.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 июня 2025 г. № 41-КГ25-28-К4 [Электронный ресурс] режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412265208/?ysclid=mka5ln67eh656904937>

Как видно из примера приведенной судебной практики в ситуации, когда в результате неудовлетворительного состояния общего имущества собственников - фасада МКД, явившегося результатом некачественного исполнения договорных обязательств управляющей организацией, был причинен материальный ущерб имуществу истца. Исследуемые правоотношения подпадают под действие норм Закона РФ «О защите прав потребителей» и дают истцу право защищать свои интересы в суде и требовать возмещение компенсации морального вреда с взысканием суммы штрафа за отказ добровольном порядке удовлетворить требования потребителя.

Таким образом, Законом о защите прав потребителей признается право на возмещение вреда вследствие недостатков товара (работы, услуги) и за потерпевшим, не состоящим в договорных отношениях с управляющей организацией¹. Данный вывод вполне обоснован и отражает сформировавшуюся практику Верховного Суда РФ относительно защиты прав потребителей в сфере предоставления сервисных жилищных и коммунальных услуг².

В юридической практике распространённой ситуацией ущемления интересов жильцов в сфере жилищно-коммунального хозяйства выступает недостаточно качественная эксплуатация отопительного оборудования, находящегося в коллективной собственности многоквартирного дома. Проблема часто заключается в несвоевременной замене элементов теплоснабжения — к примеру, трубопроводов на чердачных помещениях, что создаёт риск проникновения воды в расположенные ниже жилища владельцев.

Когда жилище пострадавшего оказалось затоплено по вине компании, управляющей домом, не обеспечившей должный уход за совместной собственностью жильцов, это квалифицируется как некачественное предоставление жилищных услуг. Подобные обстоятельства дают пострадавшему гражданину правовое основание для обращения в суд иском о возмещении материального ущерба от залива помещения. Кроме того, потерпевший вправе потребовать взыскание компенсации морального вреда с управляющей организации, поскольку последняя нарушила его законные права в качестве получателя коммунальных услуг.

Таким образом, нормативная база в области защиты прав потребителей по договору на оказание жилищно-коммунальных услуг в условиях цифровизации ЖКХ в существенной части неполна, неустойчива и подвержена частым изменениям. Суд является основным средством защиты прав потребителей жилищно-коммунальных услуг, при этом отдельные институты судопроизводства могут вызывать сложности для потребителя, для правильного изъяснения собственных требований. Механизм судебной защиты прав потребителей обладает возможностью обеспечения равных прав и возможностей для защиты прав.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда от 15 ноября 2022 г. № 16-КГ22-27-К4 [Электронный ресурс] режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405826367/?ysclid=mka5mxykk557879272>

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда от 29 апреля 2025 г. № 45-КГ25-1-К7 [Электронный ресурс] режим доступа: <https://base.garant.ru/411994056/?ysclid=mkb4k7milr301378646>

Библиографический список

1. Ковалева О.А. Проблемные аспекты правового регулирования применения цифровых технологий в предоставлении услуг в области жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 143–148.
2. Дроздова И., Петров А. Мировая практика и российский опыт цифровизации жилищно-коммунального хозяйства [Электронный ресурс] режим доступа: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20184400031>.
3. Толстоног К.В. Способы защиты прав потребителя в сфере ЖКХ // Сборник материалов XIX Всероссийской студенческой научной конференции «Студенческая наука - взгляд в будущее». Красноярск, Красноярский государственный аграрный университет, 2024. С. 162-164.

© Зарапина Л.В., Белокопытова Н.Ю., 2026

УДК 347.441

Заречин Максим Александрович,
аспирант кафедры гражданского и предпринимательского
права Юридического института Самарского университета
Самара, Россия, MZarechin01@ya.ru

Научный руководитель:
Поваров Юрий Сергеевич
к.ю.н., доцент кафедры гражданского и предпринимательского
права Юридического института Самарского университета
Самара, Россия

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НИЧТОЖНОЙ СДЕЛКИ

Аннотация: В статье исследуется проблема допустимости договорного регулирования последствий недействительности ничтожной сделки в российском гражданском праве. Анализируется соотношение общих положений о недействительности сделок и специального регулирования, закреплённого в пункте 3 статьи 431.1 ГК РФ. Действующее законодательство исходит из ограничительного подхода, допускающего соглашения о последствиях недействительности только сделок оспоримых. Подобное решение законодателя, по мнению автора, не согласуется с принципом свободы договора и целями гражданско-правового регулирования. Обосновывается вывод о возможности и целесообразности признания правомерными соглашений о последствиях недействительности ничтожной сделки действительными с момента их заключения, при отсутствии нарушения прав третьих лиц и публичных интересов.

Ключевые слова: последствия недействительности сделки; недействительность сделок; реституция; свобода договора.

Zarechin Maksim Aleksandrovich,

Postgraduate Student of the Department of Civil and Entrepreneurial Law

Law Institute of Samara University

Samara, Russia, MZarechin01@ya.ru

ON THE ADMISSIBILITY OF CONTRACTUAL REGULATION OF THE CONSEQUENCES OF INVALIDITY OF A VOID TRANSACTION

Abstract. The article examines the issue of the admissibility of contractual regulation of the consequences of invalidity of a void transaction in Russian civil law. It analyses the relationship between the general provisions on invalid transactions and the special regulation enshrined in paragraph 3 of Article 431.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Current legislation is based on a restrictive approach, allowing agreements on the consequences of invalidity only with respect to a voidable transaction, which does not always correspond to the principle of freedom of contract and the objectives of civil-law regulation. The article substantiates the conclusion that agreements on the consequences of invalidity of a void transaction may and should be recognised as lawful and effective from the moment of their conclusion, provided that public interests and the rights of third parties are not infringed.

Keywords: invalidity; voidness; consequences of invalidity; restitution; freedom of contract.

Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ была введена статья 431.1, регулирующая отношения, связанные с недействительностью договора. Пункт 3 статьи 431.1 ГК РФ при этом допустил заключение соглашения о последствиях недействительного договора, положения которого будут отличаться от «стандартных» предписаний статьи 167 ГК РФ.

На сегодняшний день опция заключения соглашения о последствиях недействительности сделки нашла достаточно малый отклик среди участников оборота, о чём косвенно свидетельствует и незначительное число судебных споров, в которых пункт 3 статьи 431.1 ГК РФ применялся судами.

Как видится, отчасти непопулярность обсуждаемого механизма продиктована и множеством ограничений, содержащихся в пункте 3 статьи 431.1 ГК РФ. Так, соглашение о последствиях недействительности договора:

(а) в системном прочтении должно относиться к последствиям недействительности двусторонней, а не односторонней сделки;

¹ Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая // Собрание законодательства РФ. 1994 № 32 Ст.3301.

(б) может быть заключено лишь после того, как соответствующая сделка будет признана недействительной;

(в) применяется к последствиям недействительности оспоримой сделки и не распространяется на ничтожные сделки, что прямо вытекает из буквального толкования данной нормы;

(г) касается последствий недействительности договора, исполнение которого связано с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности;

(д) не должно затрагивать интересы третьих лиц и не может противоречить публичным интересам [1, с. 170].

Лишь последнее из перечисленных ограничений можно признать справедливым и разумным. Тем не менее в настоящем исследовании остановимся именно на вопросе о допустимости договорного регулирования последствий недействительности ничтожной сделки.

Гражданскому законодательству известны две разновидности порочности сделок: оспоримость, при которой сделка переходит в разряд недействительных лишь вследствие признания её таковой судом, и ничтожность, при которой правопорядок изначально не придаёт сделке какого-либо юридического значения вне зависимости от наличия судебного подтверждения, констатации «бессилия юридического акта», поскольку подобная сделка рассматривается им как изначально лишённая правового эффекта, то есть как своего рода «юридический ноль» (пункт 1 статьи 166 ГК РФ). Указанное разграничение недействительных сделок на оспоримые (оспариваемые) и ничтожные было известно ещё дореволюционной российской цивилистике [2, с. 126–127], а в сущностном виде сохранялось и в советской цивилистике [3, с. 15-16], хотя текстуально ни ГК РСФСР 1922 года, ни ГК РСФСР 1964 года не разделяли недействительные сделки на оспоримые и ничтожные.

Однако как первая, так и вторая форма влекут за собой идентичные правовые последствия в виде возврата сторонами всего полученного по сделке, то есть так называемой двусторонней реституции (пункт 2 статьи 167 ГК РФ).

Уже из этого обстоятельства к действующей редакции пункта 3 статьи 431.1 ГК РФ могут быть выдвинуты претензии системного характера. Если последствия признания сделки недействительной едины для обеих форм порочности (как эффективно оспоренные, так и ничтожные сделки не влекут никаких юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с их недействительностью), то почему мы ограничиваем стороны в праве заключить соглашение, регулирующее последствия ничтожности сделки?

На первый взгляд, может показаться, что из самого существа ничтожности следует невозможность «вторжения» сторон в строго императивную сферу такого тяжелого порока сделки. Однако эта мысль на проверку оказывается, скорее, благовидной, нежели истинной.

Уже исходя из анализа оснований ничтожности сделок в соответствии с ГК РФ мы можем проследить, что выбор законодателя в пользу подобного последствия является, скорее, ситуативным решением, «и не связано напрямую с серьезностью или предосудительностью нарушения, как обычно полагают» [4, с. 79]. Так, в частности, к числу оспоримых законодатель относит сделки, со-

вершённые под воздействием обмана либо насилия, несмотря на их очевидную нравственную неприемлемость (статья 179 ГК РФ), а также сделки, заключённые без требуемого согласия попечителей либо органов опеки и попечительства (статьи 175, 176 ГК РФ). Одновременно с этим законодатель квалифицирует в качестве ничтожных соглашения, направленные на перевод долга без получения согласия кредитора (пункт 2 статьи 391 ГК РФ), тем самым устанавливая исключение из общего правила, согласно которому сделки, совершённые при отсутствии предусмотренного законом согласия третьего лица, рассматриваются как оспоримые (статья 173.1 ГК РФ), что ощутимо контрастирует на фоне значимости охраняемых законом отношений.

В любом случае никакое существо порока при ничтожности сделки, опять же, не отражается на обязанности сторон в рамках реституции.

Судя по всему, в пункте 4 статьи 431.1 ГК РФ нашло отражение до сих пор господствующее в доктрине представление о том, что реституция – это охранительная мера *sui generis*, отличная от иных обязательств, а потому требующая особого регулирования [5, с. 72; 6, с. 325]. Не отрицая допустимости и, в определённых случаях, необходимости установления специальных норм, регулирующих последствия недействительности сделок, стоит отметить следующее.

Обозначенная предпосылка об особом, специальном, характере реституционного правоотношения не находит опоры в действующем законодательстве. Так, пункт 2 статьи 167 ГК РФ устанавливает лишь обязанность каждой из сторон возвратить другой все полученное по сделке, не предопределяя особой природы данного обязательства. В качестве предписания позитивного права, дающего ответ на вопрос о природе реституционного обязательства, может быть назван пункт 3 статьи 307.1 ГК РФ, поскольку он предусматривает субсидиарное применение общих положений об обязательствах к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделки. Однако, на наш взгляд, приведённая лишь устанавливает иерархию применения правовых норм, представляя собой приём законодательной техники, не стремясь при этом разграничить правоотношения с точки зрения их правовой природы.

Схожие рассуждения мы можем обнаружить и в правовой доктрине. По мнению Д.О. Тузова, обязанность возвратить все полученное по недействительной сделке не является обязательством *sui generis*, а представляет собой либо виндикационное, либо кондикционное требование в зависимости от истребуемого предмета [7, с. 429, 433, 466, 475]. При этом автор исследовал, среди прочего, наднациональные акты унификации гражданского права и положения иностранных правопорядков (Австрия, Англия, Италия, США, Франция, ФРГ, Швейцария), отметив, что они «не знают какого-либо специального средства для обратного истребования того, что было предоставлено сторонами друг другу по недействительной сделке» [7, с. 415].

Аналогичного мнения придерживалась и Н.В. Рабинович. Правовед квалифицировала обязанность возвратить все полученное по недействительной сделке либо в качестве обязательства о возврате неосновательного обогащения (если переданные по недействительной сделке вещи определялись родовыми

признаками), либо в качестве виндикационного притязания (если передавались индивидуально-определённые вещи) [3, с. 114, 118].

Таким образом, встречные требования сторон о возврате всего полученного по недействительной сделке нельзя признать требованиями *sui generis*, отличными от виндикации (статья 301 ГК РФ) или кондикции (глава 60 ГК РФ). Вместе с тем допустимость заключения соглашений по поводу истребования вещи из чужого незаконного владения или по поводу возврата неосновательного обогащения между сторонами таких правоотношений не вызывает никаких сомнений в том числе с учетом принципа свободы договора (статья 421 ГК РФ).

С другой стороны, можно было бы предположить, что ничтожные сделки априори нарушают права и законные интересы третьих лиц либо публичные интересы. Однако пункт 3 статьи 431.1 ГК РФ уже устанавливает критерий, охраняющий названные интересы. Блокирование же возможности заключения соглашения, регулирующего последствия недействительности ничтожной сделки, способно в большей мере навредить, нежели защитить: тогда субъекты лишатся права заключить такие соглашения и в ситуациях, не причиняющих никому вреда.

Выше упомянут случай ничтожности договора при неполучении согласия кредитора на перевод долга. Здесь недействительность договора повлечёт за собой отсутствие правового эффекта в виде перехода имущественной обязанности к новому лицу, вследствие чего должником «пострадавшего» кредитора останется всё тот же контрагент. Установление же между несостоявшимися первоначальным и новым должником порядка возврата перечисленных денежных средств, выплаты процентов за их использование и фиксирование размера ответственности первоначального должника за неполучение согласия кредитора, вряд ли, может как-то затронуть сферу законных интересов кредитора.

Помимо ситуативного исследования каждого основания ничтожности на предмет приемлемости заключения соглашения о последствиях недействительности, стоит остановиться на категории ничтожности договора или его условий при их противоречии существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства. Фактически данный состав ничтожности был выведен Верховным Судом РФ при толковании статьи 168 ГК РФ¹.

Исходя из содержания указанного порока, приводящего к ничтожности сделки, можно установить, что он содержательно не связан с нарушением интересов третьих лиц и публичных интересов и сам по себе не направлен на причинение им вреда. Данную гипотезу подтверждает и пример, приведённый Верховным Судом РФ в том же пункте постановления Пленума о ничтожности условия договора доверительного управления имуществом, устанавливающего, что по истечении срока договора переданное имущество переходит в собственность доверительного управляющего.

¹ Абзац второй пункта 74 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации".

Сомнительно, что обозначенные интересы могут быть подвержены воздействию, если доверительный управляющий и учредитель управления согласуют сроки и порядок возврата предмета управления или пролонгацию договора управления на новый срок, а равно обязанность сторон, например, заключить договор аренды с правом выкупа в отношении данного имущества (предварительный договор). Поскольку от такого соглашения не пострадают ни его стороны, ни третьи лица, было бы несправедливым ограничивать свободу договора субъектов.

Иным примером может стать дело ООО «Хороший переводчик», в рамках которого Верховный Суд РФ признал недопустимым вечное начисление процентов на сумму займа, а также бессрочность самого займа, в связи с чем «...судам в соответствии с пунктом 2 статьи 66 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации следовало предложить сторонам представить дополнительные доказательства относительно периода, в течение которого ими изначально предполагалось участие истца в получении прибыли от деятельности Общества (пункт 1 статьи 162, статья 431 ГК РФ), включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон»¹.

Обращает внимание, что стороны могли бы восполнить «выпавшее» условие своим соглашением и установить срок пользования займом, а также определить иные условия ввиду ничтожности части их договора, дабы минимизировать негативные последствия такого исхода. Подобная договорённость нивелировала бы сложности с доказыванием «периода, в течение которого ими изначально предполагалось участие истца в получении прибыли от деятельности Общества». Однако действующая редакция пункта 3 статьи 431.1 ГК РФ не предполагает такой опции.

Представленные примеры не являются исчерпывающими и единичными – они приведены сугубо для иллюстрации неоднозначности подхода, заложенного в пункт 3 статьи 431.1 ГК РФ.

Как видится, безоговорочный запрет на заключение соглашения о реституционных последствиях ничтожной сделки не может найти ни политико-правовой, ни догматической поддержки. Как при недействительности оспоримой, так и при недействительности ничтожной сделки последствия в виде двусторонней реституции будут идентичными вне зависимости от формы порочности, в связи с чем строить искусственные различия между ними по данному вопросу нерационально.

Позиции о неоднозначности подобного ограничения автономии воли сторон в случае ничтожности договора и ранее высказывались правоведами [8, с. 592].

Таким образом, пункт 3 статьи 431.1 ГК РФ нуждается в пересмотре: из неё следует исключить оговорку «который является оспоримой сделкой».

¹ Определение СКЭС ВС РФ от 02.06.2025 № 305-ЭС24-24318 по делу № А40-206328/2023.

Возникает вопрос о том, в каком порядке должна фиксироваться подобная договорённость? В силу прямого предписания пункта 3 статьи 431.1 ГК РФ соглашение о последствиях недействительности оспоримого договора допустимо лишь после признания такого договора недействительным, что нередко становится объектом критической оценки в доктрине [9, с. 113]. Указанное требование не может быть безоговорочно распространено на ничтожные сделки, поскольку они являются недействительными с момента их совершения независимо от судебного установления данного обстоятельства, что отмечалось ранее.

С учётом того, что ничтожная сделка изначально лишена способности порождать какие-либо юридические последствия, отсутствует и сама возможность её «признания» недействительной в смысле трансформации юридически действительного акта в недействительный, как это имеет место применительно к оспоримым сделкам. Суд в подобной ситуации не осуществляет преобразующего воздействия на правовой статус сделки, а лишь констатирует, что соответствующее волеизъявление изначально не приобрело юридической силы и поэтому рассматривается правопорядком как юридически несостоявшееся.

В связи с изложенным, наиболее разумным вариантом регулирования *de lege ferenda* представляется допущение заключения соглашения о последствиях ничтожности договора с самого момента его заключения, поскольку данный момент совпадает с моментом недействительности подобных порочных сделок.

Библиографический список

1. Зикун И.И. Проблемы признания сделок недействительными в трудах В.С. Ема // Вестник гражданского права. 2025. №2. С. 166-183.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Фирма «СПАРК», 1995. 556 с.
3. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия Л., 1960. 171 с.
4. Недействительность сделки: комментарий к статьям 166–181 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2025. 1310 с.
5. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. 311 с.
6. Советское гражданское право / под ред. Д. М. Генкина. М., 1961. 559 с.
7. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007. 600 с.
8. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020. 1425 с.
9. Абушенко Д.Б. Соглашение о реституционных последствиях: размышления о процессуальных механизмах реализации правовой конструкции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. №12. С. 98-115.

© Заречин М.А., 2026

Зарубин Алексей Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент,
судья Двадцать первого арбитражного
апелляционного суда

Севастополь, Россия, a.v.zarubin@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Аннотация: в статье разрешается вопрос о применимости категории управления к отношениям общей собственности, возникающим вследствие установления прав нескольких лиц в отношении одной неделимой вещи. Анализируя понятие управления, автор приходит к выводу, что оно могло быть применено к рассматриваемым отношениям, если бы они строились по принципу корпоративных. Обозревая современное законодательство и ряд научных зрений, касающихся природы общей собственности и корпоративных отношений, внутренних связей в тех и других, членства в корпорациях, природы доли и иные, автор делает вывод, что категория управления не только применима к отношениям общей собственности, она подталкивает к пересмотру традиционных взглядов на общую собственность, как особого права, и приводит к заключению о формировании новой системы (концепции правовых общностей), которая видит в сообществе собственников прежде всего коллектив.

Ключевые слова: управление; собственность; общая собственность; корпорация; сообщество; внутренние отношения; правовая общность.

Alexey Valentinovich Zarubin
PhD, Twenty-first Arbitration Court of Appeal,
Sevastopol, Russia, a.v.zarubin@yandex.ru

MANAGEMENT OF COMMON PROPERTY FROM THE PERSPECTIVE OF THE CONCEPT OF LEGAL COMMUNITIES

Abstract. The author's goal is to address the applicability of the concept of management to shared ownership relationships that arise from the establishment of multiple rights over a single indivisible asset. By analyzing the concept of management, the author concludes that it could be applied to these relationships if they were structured in a corporate manner. By reviewing current legislation and a number of scientific views on the nature of common ownership and corporate relations, internal connections in both, membership in corporations, the nature of shares, and others, it is concluded that the category of management is not only applicable to common ownership relations, but also leads to a revision of the paradigm of common ownership as a special right, resulting in the formation of a new concept (the concept of legal communities) based on the idea that the uniqueness of common ownership is not in its special control over the property, but in its special method of forming the will to exerci.

Keywords: management; ownership; common property; corporation; community; internal relations; legal community.

На первый взгляд управление – категория публичного права, в особенности – административного, поскольку подразумевает наличие вертикальных отношений. Гражданское право строится на принципах равенства участников, недопустимости произвольного вмешательства в частные отношения, свободы договора и других, исключающих отношения власти-подчинения. По этой причине может сложиться мнение, что управление в гражданских правоотношениях существовать не может. Однако это суждение является ошибочным.

Гражданский кодекс РФ упоминает рассматриваемый термин в контексте доверительного управления имуществом и управления организациями. Суть доверительного управления заключается во временной передаче другому лицу имущества для осуществления господства над ним в интересах собственника (п. 4 ст. 209, 1012 ГК РФ). Управление организацией приобретает различные формы в зависимости от типа юридического лица: унитарное или корпоративное (ст. 65.1 ГК РФ). Вне зависимости от типа юридического лица управлением им входит в предмет регулирования гражданского права. Однако управление в корпорации (ст. 65.3 ГК РФ) сложнее и разнообразнее, чем в унитарной организации. Это целая система взаимосвязанных отношений органов управления, участников, заинтересованных лиц. Более того, отношения, связанные с участием именно в корпоративных организациях или с управлением такими организациями, прямо названы законом, как регулируемые гражданским законодательством (ст. 2 ГК РФ).

Подробный разбор категории управления применительно к гражданским правоотношениям делать не будем. Для целей настоящей статьи достаточно уяснить, что управление может касаться объекта права (имущества) или субъекта права (организации). В первом случае за управлением скрывается осуществление правомочий собственника другим лицом. Во втором – процессы волеобразования и волеизъявления организации. Описанное нами деление во все не дихотомно и может сочетаться. Например, для управления общим имуществом многоквартирного дома (объектом) может создаваться товарищество собственников жилья (субъект) со своими внутренними процессами управления (ст. 291 ГК РФ).

Определившись с тем, что такое управление, можно перейти к вопросу о том, есть ли оно в отношениях общей собственности, по крайней мере, тех, которые возникают в отношении неделимой вещи (ст. 244 ГК РФ). Принято считать, что общая собственность – особенная разновидность права собственности, отличающаяся установлением права на одну вещь одновременно несколькими лицами. Если так, то отношения управления второго типа не возникают. Как мы уже сказали ранее, управление имеет место там, где один от имени другого осуществляет правомочия собственника, либо там, где необходимо упорядочить процессы волеобразования и волеизъявления сложного коллективного образования. Право общей собственности на неделимую вещь осуществляется непосредственно соучастниками. Ввиду прямой и непосредственной связи со-

участников с вещью, система взаимосвязанных отношений участников между собой и органами управления тоже, казалось бы, не возникает, да и не может возникнуть, так как отношения общей собственности не предполагают создание какого-либо сообщества, членства в нём, образования органов управления и т.д.

Вместе с тем, анализ положений ГК РФ, касающихся осуществления права общей собственности, даёт нам совершенно иную картину. Во-первых, в вопросах владения, пользования (ст. 247 ГК РФ), а также распоряжения имуществом (ст. 246 ГК РФ) закон упоминает некие межсобственнические соглашения. Говорит закон о них и применительно к определению долей (ст. 245 ГК РФ), распределению плодов, продукции и доходов от использования общего имущества (ст. 248 ГК РФ), разделу общего имущества (ст. 252 ГК РФ) и т.д. Общий смысл такого рода соглашений – выработка общей воли по всем вопросам жизненного цикла отношений общей собственности. Следовательно, по логике закона, отношения общей собственности предполагают не только установление вещной связи соучастника с общим имуществом, но и соучастников между собой для выработки общей воли для осуществления комплекса прав в отношении вещи. Во-вторых, право общей собственности в содержательном плане не отличается от единоличного права собственности. Оно устанавливается на те же вещи, имеет такое же содержание и защищается такими же способами защиты. Особенность права общей собственности состоит именно в необходимости формирования общей воли, учете воли и интереса других соучастников. В-третьих, законодатель считает, что там, где есть сособственники, образуется гражданско-правовое сообщество (п. 2 ст. 181.1 ГК РФ). Объединив первое, второе и третье, мы получим вывод: общая собственность предполагает образование сообщества, в котором складывается система взаимосвязанных отношений, в том числе участников между собой. Причем, сособственники вступают во взаимные отношения и для того, чтобы сформировать общую волю для реализации собственнических прав в отношении общей вещи. То есть, элемент управления в отношениях общей собственности все же имеется. Этот вывод входит в диссонанс с доктринальным пониманием права общей собственности, как особой разновидности права собственности, а не общности, нуждающейся в управлении. Ну и, кроме того, для управления сособственники должны обладать правами участия, а их при первом взгляде в отношениях общей собственности нет.

Устранить сомнения в том, что привычное нам право общей собственности вовсе не особенное, а вполне ординарное право, и в том, что несколько собственников одной вещи образуют сообщество и обладают правами участия, дающими правомочие управления, можно при помощи концепции, которую условно назовем «концепция правовых общностей». Эта концепция утверждает, что владение несколькими лицами одной вещью порождает не особое право собственности, а особое гражданско-правовое сообщество со своими внутренними связями и процессами управления. Концепция выглядит очень необычно, и чтобы подготовить читателя к её принятию, попытаемся передвинуть идею со ступеньки «неприемлемая, но обсуждаемая» на уровень – «не одобряемая, но

вызывающая интерес» и, возможно даже, нам удастся добраться до порога «логически обоснованная и рациональная».

В научной литературе давно обсуждается феномен права общей собственности и отношений, которые вокруг неё складываются. Одна из первых работ, посвященных этому вопросу, вышла из-под пера В.Ф. фон Зелера в 1895 г. и называлась «Учение о праве общей собственности по римскому праву». В ней автор отмечал два связанных и наиболее принципиальных для нас момента: 1) ординарное право собственности предполагает непосредственное господство над вещью, а право общей собственности даёт соучастнику лишь право осуществлять собственнические акты [6; 20]; 2) отношения общей собственности осложнены взаимными связями участников [6; 17]. Немного позже – в 1916 г. схожую мысль высказывал Д.Д. Grimm. Он писал, что имущественная общность независимо от основания возникновения создаёт взаимные отношения заинтересованных лиц [3; 331]. Цивилисты советского периода тоже интересовались проблемами общей собственности. В качестве примера можно назвать исследование Р.П. Мананковой «Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству», опубликованное в 1970 г. В нем автор разделяет внутренние и внешние отношения общей собственности, относя к последним отношения соучастников между собой [8; 5]. Сторонники идеи выделения особых внутренних отношений есть и в наши дни. К ним можно отнести, например, С.А. Сеницына. Более того, он не просто пишет о наличии внутренних отношений общей собственности, а на этом основании делает заключение о существовании некоей правовой общности [11; 57]. Другие ученые: С.Г. Певницкий и Е.А. Чефранова также констатируют факт деления отношений общей собственности на внешние и внутренние, подчеркивая, что последний носят черты корпоративных отношений [10; 46]. В своей работе «Институт права общей собственности: традиции и перспективы» Л.В. Щенникова отмечает, что корпоративные отношения должны быть определяющими в вопросах общей собственности [13; 31]. В завершении обзора научных взглядов на проблему природы отношений общей собственности процитируем А.В. Егорова и В.А. Лаптев. Первый утверждает, что в отношениях общей собственности собственником имущества необходимо считать сообщество собственников [5; 4]. Второй – что общее имущество принадлежит сообществу, как составному собственнику [7; 9].

Краткий обзор научных взглядов на проблему отношений общей собственности демонстрирует поступательное движение от отрицания прямой вещной связи сособственника с общим имуществом и простой констатации факта существования внутренних отношений, то есть отношений между соучастниками – до гипотезы об образовании соучастниками некоего корпоративного сообщества, и далее – до признания того, что собственником общей вещи является это сообщество, подтверждая, собственно, начальную точку рассуждений об отсутствии прямой вещной связи между соучастниками и общим имуществом.

Важное значение в понимании тезиса о возникновении сообщества вследствие присвоения одной вещи одновременно несколькими лицами играют тру-

ды выдающегося советского ученого А.В. Венедиктова, который разработал теорию коллектива, объясняющую сущность юридического лица [2; 683]; объяснил механизмы образования социалистического хозяйства путем соединения разрозненных мелких частных хозяйств и превращения прав мелких товаропроизводителей не в право на долю, но в право членства [2; 707], тем самым продемонстрировав связь отдельных лиц с коллективом, наличие внутренних связей в нём, а также то, насколько сложными и многоуровневыми могут быть отношения собственности.

Итак, чтобы предположение о построении отношений общей собственности по типу корпоративных, основанное на образовании сообщества собственников, которому и принадлежит вещь, переросло в научную теорию, необходимо обосновать наличие отношений членства, ведь известно, что корпоративные отношения – это отношения участия в корпоративных организациях или управления ими (ст. 2 ГК РФ). Другими словами, не достаточно обнаружить, что принадлежность одной вещи одновременно нескольким лицам порождает образование некоего сообщества с гипотетическими внутренними связями и установлением этим сообществом власти над имуществом. Необходимо доказать, что сособственники связаны с сообществом и друг с другом именно членскими правами, а потому наделены правомочием управления. Если доказательств связанности участников между собой и сообществом такого рода правами не будет найдено, мы будем вынуждены вернуться к тому, что общая собственность предполагает установление вещной связи участника с общим имуществом, а множественность собственников не влечет образование коллектива и представляет собой лишь усложнение вещных отношений множеством управомоченных лиц.

Здесь пришло время обратиться к общему понятию корпоративного права. Так, В.К. Андреев полагает, что корпоративное право – самостоятельное гражданское право, которое предоставляет правомочие по управлению коллективным образованием [1; 58]. О.В. Гутников утверждает, что основное корпоративное право – это право принимать участие в управлении юридическим лицом, которое реализуется посредством голосования. Права участия, по мнению О.В. Гутникова, включают также права на получение информации о работе органов управления и т.д. Особенность данных прав состоит в наличии элемента власти-подчинения (подчинения большинству), а также в их длящимся характере [4; 26].

Таким образом, квинтэссенция корпоративных отношений - права участия в управлении организацией, которые осуществляются посредством голосования. Есть такого рода права и в отношениях общей собственности. Так, В.Ф. фон Зелер, рассуждая на тему о полномочиях отдельного сособственника в отношении общего имущества, задавался вопросом: «Что он может сделать, не спрашивая других сотоварищей?» [6; 47]. Вопрос риторический и ответ на него очевиден – ничего. По видимому, ставя такой вопрос, В.Ф. фон Зелер хотел продемонстрировать, что в вопросах управления общей собственностью значение имеет только согласованная воля участников. Впрочем, в науке и не отрицается тот факт, что любое юридически значимое действие в отношении

общего имущества требует соглашения участников. Современное законодательство тоже содержит положения, обязывающие участников вырабатывать общую волю по вопросам владения, пользования и распоряжения общей вещью (ст. 246, 247 ГК РФ). Следовательно, если возьмем каждого соучастника в отдельности, то найдем у него лишь возможность выражать свою волю по вопросам совершения юридически значимых действий в отношении общего имущества, то есть, по сути, по вопросам управления общими делами сообщества. Данное обстоятельство сближает отношения общей собственности и корпоративные отношения, демонстрируя, что сособственник, также как и участник корпоративной организации, обладает правом управления посредством выражения своей воли, которая соединившись с волей других участников, даёт положительный правовой эффект. В пользу этого вывода свидетельствует и то обстоятельство, что правомочия по управлению общими делами имеют длящийся характер и существуют так долго, как долго сохраняется общая вещь или сообщество. Кроме того, правами участия может быть наделен лишь член сообщества. Например, если лицо улучшило имущество, не завершив процедуру приобретения доли, то есть, пока не вступив в сообщество, то оно не вправе требовать увеличения доли даже после того, как станет полноправным соучастником (п. 3 ст. 245 ГК РФ). Впрочем, между управлением в сообществе собственников и управлением в корпоративной организацией есть различия. К примеру, первые требуют единогласного решения, а вторые приобретают силу, как правило, при наличии большинства. Однако эти различия не настолько существенны, чтобы отрицать главный тезис – отношения общей собственности основаны на членстве и предполагают наличие у участников прав управления.

Для того, чтобы окончательно убедиться в справедливости вывода о том, что несколько собственников одной вещи образуют сообщество и обладают правами участия, дающими правомочие управления, нам предстоит найти в этой системе координат место доле, которая, как принято сейчас считать, является «частью права общей собственности». Вообще, идея о доле, как части права, настолько плоха, что хуже может быть только мысль о доле, как части вещи. Дело в том, что право собственности не может делиться, так как оно представляет собой исключительное господство над вещью [12; 226] [9; 285]. Допуская деление права собственности, пусть даже на мыслимые части, именуемые «идеальными долями», мы разрушаем постулат об исключительном господстве. Право собственности не может принадлежать кем-либо по частям. Есть только один собственник, которому принадлежит единое и неделимое право собственности, обеспечивающее исключительное господство над вещью. В нашем случае это – сообщество собственников. Теория, согласно которой доля – часть вещи, тоже ошибочна. Если вещь может быть разделена, то право общей собственности должно прекратиться.

По нашему мнению, долю необходимо воспринимать, как независимый нематериальный объект, который свидетельствует о членстве в общности долевых собственников и даёт владельцу правомочия по управлению общими делами сообщества. Этот вывод будет органично сочетаться с тем, что сказано ранее о природе права общей собственности, как собственности особого гражданско-правового образования; о наличии внутренних связей участников, построенных по принципу корпоративных; о наделении участников правами управления.

На основании изложенного можно сделать вывод, что категория управления не только применима к отношениям общей собственности, она подталкивает нас к пересмотру парадигмы данных отношений, заставляя перейти от концепции «разделенного права» к концепции «правовых общностей», основанной на том, что уникальность права общей собственности состоит в особом порядке формирования воли для осуществления господства над вещью, но не образования какого-то необычного права собственности. Общность собственников неделимой вещи обладает чертами гражданско-правового сообщества и должна признаваться собственником имущества. Право собственности, в том числе принадлежащее общности собственников, нераздельно и едино. По этой причине так называемая «доля в праве» – это не часть права, а независимый нематериальный объект гражданских прав, который свидетельствует о членстве в общности и наделяет владельца правомочием по управлению общими делами общности собственников.

Библиографический список

1. Андреев В.К. Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридических лиц // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 58-68.
2. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. Москва-Ленинград, 1948.
3. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права: пособие для слушателей. Петроград, 1916.
4. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 26-39.
5. Егоров А.В. Общая долевая собственность: механизм защиты прав собственников // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12. № 4. С. 4-41.
6. Зелер В.Ф. фон. Учение о праве общей собственности по римскому праву. Харьков, 1895. С. 20.
7. Лаптев В.А. Понятие общего имущества на современном этапе // Lex Russica / Русский закон. 2024. Т. 77. № 2 (207). С. 9-21.
8. Мананкова Р.П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Томск, 1970.
9. Мейер Д.И. Русское гражданское право: чтения, изданные по запискам слушателей. – 3-е изд., испр. СПб., 1864.

10. Певницкий, С.Г., Е.А. Чефранова. Многоквартирные дома: проблемы и решения. М., 2006.
11. Синицын С.А. Корпоративное право: опыт, состояние, перспективы: монография. М., 2023.
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 4-е изд. Казань, 1902. С. 226;
13. Щенникова Л. В. Институт права общей собственности: традиции и перспективы // Нотариальный вестник. 2015. № 12. С. 29-32.

© Зарубин А.В., 2026

УДК 347

Зусин Борис Аркадьевич,
аспирант Юридического института РУДН
Москва, Россия, boriszusin@yandex.ru

Научный руководитель
Русакова Екатерина Петровна
д.ю.н., профессор Кафедра гражданского права и процесса
и международного частного права
Юридического института РУДН
Москва, Россия, rusakova-ep@rudn.ru

МЕДИАЦИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ ПО ВНЕДОГОВОРНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: глобализация на фоне интеграции и цифровизации ведет к усложнению общественных отношений, возрастанию нагрузки на суды из-за увеличения случаев неисполнения обязательств сторонами. Требуется поиска новых оперативных и эффективных механизмов разрешения споров, в том числе по внедоговорным обязательствам. В этих условиях использование инновационных технологий при реализации внесудебных примирительных процедур, таких как медиация, могут стать решением проблемы при разрешении споров по внедоговорным обязательствам в гражданском праве.

Ключевые слова: внедоговорные обязательства, гражданско-правовые отношения, медиация, цифровизация, инновации, платформы.

Zusin B.A.,
Postgraduate student
Law Institute, RUDN University
Moscow, Russia, boriszusin@yandex.ru
Academic advisor

Rusakova E.P.,
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Department of Civil Law, Procedure,
and Private International Law,
Law Institute, RUDN University
Moscow, Russia, rusakova-ep@rudn.ru

MEDIATION IN THE RESOLUTION OF DISPUTES ON NON-CONTRACTUAL OBLIGATIONS IN CIVIL LAW UNDER DIGITALIZATION

Abstract. Globalization against the background of integration and digitalization leads to complexity of social relations, increased burden on the courts due to increasing cases of non-compliance by parties. Requires the search for new prompt and effective dispute resolution mechanisms, including on non-contractual obligations. Under these conditions, the use of innovative technologies in the implementation of out-of-court conciliation procedures such as mediation can be a solution to disputes over non-contractual obligations in civil law.

Key words: non-contractual obligations, civil law relations, mediation, digitalization, innovation, platforms.

Сегодня определяющими процессами общемирового развития являются глобализация и цифровизация. Наряду с позитивными для общественного процесса факторами интеграции, унификации, возрастания уровня правовой защиты, расширения доступа к новейшим технологиям, возникновения инновационных отраслей, роста эффективности, наблюдаются негативные тенденции, такие, как возрастание неравенства, зависимость от крупных корпораций, угрозы безопасности на фоне возрастания конфликтности, угроза потери конфиденциальности, экологические проблемы, сложности адаптации национальных законодательств на фоне интеграционной трансформации. Все это приводит к взрывному росту в последние годы числа конфликтов и споров, требующих разрешения в гражданских правоотношениях.

При разрешении споров исторически общепризнанным и наиболее эффективным методом считается обращение в юрисдикционные органы, в частности органы судебные. Такие споры могут осуществляться как по договорным, так и по внедоговорным обязательствам. Споры по внедоговорным обязательствам могут возникать из различных обстоятельств. Это могут быть споры о причинении (возмещении) вреда, тогда мы говорим о деликтных обязательствах. Спор может идти в случае подозрения на необоснованное обогащение

одной из сторон конфликта. В ряде случаев возможна ситуация, когда услуга оказана, а договор в силу обстоятельств так и не был заключен. Природа судебного процесса в силу присущей ей состязательности не всегда позволяет проявить во всей полноте истинные интересы сторон. Результатом становится осложнение взаимоотношений участников спора, что в ситуации, когда необходимо продолжение деловых и личных отношений бывает крайне неудобно. Вместе с тем, стоит принять во внимание государственную потребность в экономии процессуальных ресурсов. Снижение нагрузки на судей и суды сегодня стало одной из основных проблем судебной системы России, разрешить ее в полной мере пока не удастся. Такая перегруженность, увеличивая сроки рассмотрения дел, сказывается в конечном итоге на качестве решений и приговоров, что в свою очередь редуцирует правовую защищенность граждан и бизнеса. Тенденция к возрастанию нагрузки на юрисдикционные органы носит общемировой характер. Глобализация на фоне интеграции и цифровизации, предполагая прогресс человечества и предлагая решения нацеленные на развитие, наряду с этим ведет к усложнению общественных отношений, возрастанию конфликтности, требуя поиска новых оперативных и эффективных механизмов разрешения споров, в том числе по внедоговорным обязательствам. В мировой практике среди таких механизмов можно выделить медиацию [1. с. 22], а так же переговоры, арбитраж и адьюдикации с участием сопровождающих независимых экспертов¹. В целях внедрения примирительной процедуры медиации в российскую юридическую практику в 2011г. был принят федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» ФЗ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ².

Актуальность обращения к проблеме медиации при разрешении споров по внедоговорным обязательствам в гражданском праве в условиях цифровизации, таким образом, определяется всеми вышеизложенными обстоятельствами.

Объектом исследования стали общественные отношения, возникающие в процессе применения медиации в разрешении споров по внедоговорным обязательствам в гражданском праве, в том числе генерируемые в процессах цифровой трансформации.

Предмет исследования составили доктринальные принципы и нормы права, определяющие феномен медиации в правоприменении.

Целью исследования является комплексное изучение теоретических, правовых и практических аспектов применения медиации при урегулировании споров по внедоговорным обязательствам в эпоху цифровизации при этом рассматривая и споры по цифровым правоотношениям и непосредственно цифровую медиацию, как форму процедуры медиации.

¹ Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража впервые опубликовал правила адьюдикации. 28 февраля 2025 – URL: <https://centerarbitr.ru/adjudication/rules/> (Дата обращения 29.12.2025)

² Федеральный закон от 27.07.2010 №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. №31. Ст.4162

В работе решались задачи выявить специфику споров по внедоговорным обязательствам в условиях цифровизации, в том числе как предмета медиации; детерминировать понятие и определить основные особенности медиации в контексте разрешения споров по внедоговорным обязательствам в гражданском праве; проанализировать существующее правовое регулирование медиации; рассмотреть процесс разрешения споров по внедоговорным обязательствам в гражданском праве с применением медиации и цифровой медиации.

В исследовании применялись сравнительно-правой, формально-логический, системный методы, проводился анализ данных.

При подготовке исследования использовались монографии, статьи отечественных исследователей правоведов, нормы российского права, судебные акты, статистические материалы.

Известно, что правовые отношения могут наступать не по воле сторон, а в силу возникновения ряда предусмотренных законом обстоятельств. Такие отношения, в отличие от договорных, имеющих в основании добровольное соглашение сторон, возникают не из договора, а из других юридических фактов и относятся в гражданском праве к внедоговорным обязательствам. Их особенность является односторонний характер таких обязательств, когда ответственность налагается на одну сторону спора в отношении второй, а так же связанность с имущественными отношениями, хотя возникать в рамках гражданских правоотношений они могут как при нарушении имущественных, так и при нарушении не имущественных прав граждан. Целью такого спора будет компенсация последствий противоправных действий и восстановление прав, которые были нарушены. Таким образом, основанием возникновения внедоговорных обязательств являются противоправные действия (бездействие) лица, причинившего вред, а так же последовавшее следом нанесение ущерба, ответственность при этом наступает в отношении лица, предпринявшего действие (бездействие). Внедоговорные споры могут возникать как деликтные, из вреда и ущерба, так и из неосновательного обогащения, вследствие необходимости возврата излишне либо по ошибке выплаченных ранее денежных средств, компенсации работ и услуг, выполненных в силу обстоятельств без заключения договора, при возврате имущества, полученного без правовых оснований, ошибки перевода, повторной выплате и т.д.

Цифровые деликты представляют собой противоправные деяния, совершённые с использованием применяемых в цифровой среде компьютеров, серверов информационно-телекоммуникационных сетей, серверов, компьютеров и иных устройств. Повреждение при этом наносится виртуально с использованием цифровой среды. Причиной ущерба может быть нарушение вследствие нелегального размещения цифрового контента авторских и смежных прав, незаконное распространение персональных данных, фрод и фишинг в интернете, использование вредоносных вирусов, т.е. специальных программ, кибератаки, подмена сайтов и ссылок, дискредитация репутации, умаление чести и достоинства пострадавшего лица. Если привычный деликт предполагает материальное воздействие субъекта на физический мир другого субъекта, то цифровой

деликт характеризуются отсутствием физического контакта. Повреждение наносится виртуально через цифровую среду, но последствия могут иметь ощутимую материальную и моральную компоненту [2. с. 24].

Пострадавшее лицо в соответствии с существующими нормами права может требовать возмещения причиненного ему противоправными действиями ущерба, а так же возмещения своих затрат на имущество, которое приобретено лицом добросовестно, и возмещения убытков, возникших в связи с изъятием имущества третьим лицом, а так же возмещения собственных затрат на содержание общего имущества, когда несет расходы на содержание общего имущества сверх своей доли.

Ответственность по внедоговорным обязательствам так же носит внедоговорной характер. Глава 59 ГК РФ регулирует «Обязательства вследствие причинения вреда». В частности ст. 1064 ГК РФ в п. 1 1 статьи устанавливается, что «вред, причинённый личности или имуществу гражданина, а также вред, причинённый имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объёме лицом, причинившим вред». Статья 1102 ГК РФ устанавливает нормы обязательств, возникающих из неосновательного обогащения, когда «Лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение)».

Хотя на сегодняшний день в перечне ст. 128 ГК РФ объектов гражданских прав нет прямого включения термина «цифровые права», но смысл общего подхода Гражданского кодекса, а так же имеющиеся отдельные законы и проекты нормативных актов по конкретным формам цифровых прав (ст. 1225-1234 ГК РФ., ст. 1261, 1262 ГК РФ, Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных»), позволяют отнести деятельность в цифровой среде, а также цифровые активы и продукты к правоотношениям, регулируемым гражданским правом.

Споры, связанные с цифровыми деликтами, разрешаются с использованием норм ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ, она регулирует цифровые права, имеющие содержание и условия, определяемые в соответствии с правилами информационной системы. Специализированным законодательством - Федеральным законом от 31 июля 2020г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, регулирующим правоотношения, связанные с цифровыми финансами; Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных»; Постановлением Правительства РФ № 1119 «Об утверждении требований к обеспечению защиты персональных данных при обработке в информационных системах персональных данных»; Федеральными законами, касающимися борьбы с киберпреступлениями и незаконным оборотом информации в Сети.

¹ Федеральным законом от 31.07.2020г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. №31. Ст.5018

Таким образом, когда речь идет о внедоговорных обязательствах, практика нормоприменения, отличается разнообразием и находится в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Медиация представляет собой альтернативный способ внесудебного характера с участием независимого посредника (медиатора) по урегулированию правовых споров. Задача медиатора при этом помочь участникам разрешить конфликт и найти взаимоприемлемое решение. Медиация применяется к широкому спектру споров, возникающих из гражданских правоотношений при экономической деятельности, в трудовых, семейных отношениях [3, с. 71], в образовательной деятельности, в отношении правоотношений в сфере защиты прав потребителей и т.д. Эта процедура не применяется при решениях по внедоговорным корпоративным спорам, коллективным трудовым спорам и спорам, затрагивающим публичные интересы, такие как налоговые либо пенсионные споры. Медиация всегда проводится при взаимном волеизъявлении сторон. Федеральный закон от 27.07.2010 №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» закрепляет основные принципы (ст.3) процедуры медиации, среди которых выделяются принцип добровольности, подразумевающий, в том числе, свободу входа и выхода сторон из процедуры и свободу определения ими условий медиативного соглашения; принцип конфиденциальности, когда медиатор не вправе разглашать, ставшую ему известной в процессе медиации информацию, а содержание медиативного соглашения может раскрываться лишь в целях исполнения требований закона; принцип нейтральности беспристрастности и независимости медиатора, когда медиатор занимает беспристрастную позицию, не судит и не оценивает, не ставит в приоритет интересы ни одной из сторон, равно как не умаляет ни чьи интересы [4, с. 126]; принцип сотрудничества и равноправия сторон, когда стороны в процессе имеют равные права и возможности выбрать медиатора, вести обсуждение, участвовать в выработке медиативного соглашения.

Процедура медиации отличается от судебного разбирательства прежде всего тем, что при медиации именно интересы сторон будут приняты во внимание в первую очередь, в то время, как суд, руководствуясь буквой закона, сосредоточит свое внимание на доказательствах и правовых позициях сторон. Таким образом, медиация при разрешении гражданских споров по внедоговорным обязательствам обладает существенным преимуществом. Эта процедура оказывается особенно полезной в ситуациях, когда для сторон особенно важно сохранить конструктивные деловые и личные отношения, не позволив таковым перейти в отношения неприязни и отказа от дальнейшего сотрудничества и взаимодействия. В ситуациях, когда будущие интересы сторон, участников спора, превалируют над необходимостью.

Медиация подходит для разрешения спорных ситуаций, в основе которых значительное число проблем, предполагающих постконфликтное продолжение взаимоотношений сторон. Ситуаций, в которых главными являются не правовые претензии участников друг к другу, связанные с прошлым, а будущие интересы конфликтующих сторон. Именно эти признаки бывают присущи гражданским спорам по внедоговорным обязательствам. Обращение к процедуре

медиации при разрешении споров по внедоговорным обязательствам позволяет существенно экономить время, потраченное на разрешение спора, ведь затягивание процесса может негативно отразиться на финансах и репутации участников. Медиация от судебного процесса отличается тем, что ее участники получают гарантии конфиденциальности, поскольку информация не фиксируется официально и не становится достоянием общественности. Судебная госпошлина, услуги адвокатов, оплата экспертиз и подготовки документов составляют большую сумму, чем затраты на услуги медиатора [5, с. 25]. Медиатор заинтересован в сохранении конструктивных отношений между участниками спора и активно прилагает к этому все усилия¹, а значит, дальнейшее взаимодействие и сотрудничество будут продолжены. Стороны сами вырабатывают взаимоприемлемое решение, учитывая индивидуальные потребности участников в полном соответствии со спецификой сложившейся ситуации, что для судов, строго ограниченных рамками закона, не всегда бывает возможным. Процедура медиации по сравнению с судебным разбирательством не так заформализована, участники могут более гибко подходить к разрешению спора, место и время переговоров может выбираться по взаимному согласию [6, с. 44].

Таким образом, процедура медиации при разрешении гражданских тяжб по внедоговорным обязательствам представляет собой рациональный и эффективный механизм альтернативного внесудебного и, что очень важно, дружественного урегулирования спора, позволяющего найти устраивающее стороны решение, в целях продолжения сотрудничества и взаимодействия сторон, в условиях сохранения глубокой конфиденциальности.

При медиации споров в сфере цифровых технологий конфиденциальность, и существенное сокращение времени на разрешение спора может являться существенными обстоятельствами для участвующих сторон в пользу выбора процедуры медиации.

Сама процедура медиации при разрешении внедоговорных споров определяется Федеральным законом № 193-ФЗ. Основными этапами процедуры медиации являются подготовка, когда проявляется инициатива сторон и происходит заключение соглашения о медиации, определяются место, сроки, согласуется порядок выбора медиатора. Далее идет этап выбора медиатора самостоятельный или посредством обращения к специализированной организации. Затем наступает этап проведения переговоров, встреч, обмена информацией, формулирования предложений. На этапе итоговых договоренностей происходит подписание письменного медиативного соглашения, если договоренности достигнуты, если нет - завершение процесса без подписания соглашения. Закон

¹ Модельный закон о медиации (внесудебном урегулировании споров): принят на 39 пленарном заседании

Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ в г. Санкт-Петербурге (Постановление N 39-14 от 29 ноября 2013 года) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ №60. Доступен на сайте МПА СНГ - URL: https://iacis.ru/deyatelnost/izdatelskaya_deyatelnost/informatcionnij_byulleten. (дата обращения: 29.12.2025).

№ 193-ФЗ определяет понятия медиации и медиаторского соглашения, определяет условия начала и окончания процедуры медиации, устанавливает правила выбора медиатора, условия гарантий его независимого участия, порядок, по которому будет составляться и утверждаться медиативное соглашение. Медиативное соглашение может быть заключено по результатам медиации с соблюдением автономности воли сторон, добровольно и свободно в соответствии с нормами ст.8 ГК РФ о способах защиты гражданских прав, Гл.27 о Договоре и обязательстве, ст.421 о свободе договора.

Современное развитие цифровых и информационно-коммуникационных технологий и средств связи позволяет организовывать для разрешения споров цифровую медиацию. Такая медиация может производиться дистанционно, посредством электронных гаджетов и он-лайн средств. Среди ее преимуществ доступность, географическая и трансграничная независимость, сокращение транспортных и временных затрат, существенное ускорение переговорного процесса, обеспечение физической безопасности участников, возможность обеспечения дополнительной конфиденциальности использованием специальных средств защиты переговорных каналов, универсальность и удобство для применения в различных правовых сферах. Таким образом, применение цифровых инструментов использования онлайн-платформ в медиации способствует снижению издержек и упрощению самой процедуры. К рискам стоит отнести технические проблемы разного рода, такие как неустойчивое соединение, отказ оборудования и т.д.; трудности психологического характера, когда установление доверительных отношений между сторонами требует дополнительного внимания медиатора [7. с. 2], как следствие удаленного формата; соблюдение особых требований законодательства о защите персональных данных, передаваемых в электронной форме.

Этапами цифровой медиации станут договоренность о проведении медиации в электронной форме. Выбор медиатора. Подготовка материалов. Проведение сессии в форме он-лайн встреч и переговоров с участием всех заинтересованных лиц. Заключение соглашения.

Само медиационное соглашение представляет собой документ, являющийся результатом успешной медиации, который закрепляет условия разрешения возникшего гражданского спора, обязательства сторон, по которым достигнуто согласие и последовательность дальнейших действий. Это соглашение станет основой для дальнейшего исполнения обязательств каждой из сторон, обеспечивая стабильность правовых отношений участников спора. Соглашение подписывается в свободной форме, при этом, оно должно содержать обязательные реквизиты, как то название «Медиационное соглашение»; указание даты и места заключения данного соглашения; должны быть так же прописаны обязательно полные наименования участников спора; описан предмет спора; приведен перечень условий и обязательств, взятых на себя сторонами спора; на документе должны стоять подписи уполномоченных представителей обеих сторон. Возможно внесение положений о конфиденциальности и порядке внесения в соглашение возможных изменений.

Возможно и нотариальное удостоверение медиативного соглашения. Такое заверение придаст этому документу особый юридический статус [8. с. 28]. Оно усилит его правовую значимость. Соглашение получит силу исполнительного документа. Такой документ может быть предъявлен судебному приставу для исполнения. Ст.39 Федерального закона № 193-ФЗ закрепляет право сторон обратиться для заверения соглашения к нотариусу, несмотря на положение о том, что медиативное соглашение подлежит добровольному исполнению сторонами. При дальнейших спорах в суде наличие нотариального подтверждения соглашения упрощает доказательство факта его заключения.

Таким образом, разрешение споров по внедоговорным обязательствам имеет свою специфику в гражданском праве, обусловленную способами возникновения и защиты таких обязательств. Цифровизация привносит свою уникальность в такие правоотношения, создавая их новые формы и предлагая инновационные методы их разрешения. Медиация представляет собой важнейший альтернативный судебному разбирательству механизм разрешения споров по внедоговорным обязательствам. Такой механизм обладает рядом существенных преимуществ для участвующих сторон. Инновационное развитие общества делает доступной для широкого пользования самые передовые цифровые формы процедуры медиации, с использованием цифровых платформ и он-лайн средств связи. Цифровая медиация обладает наравне с существенными преимуществами, так же и определенными рисками, которые необходимо учитывать при подготовке процедуры. Общая тенденция правоприменения по разрешению споров по внедоговорным обязательствам в эпоху цифровизации указывает на то, что значение цифровой медиации, как важного инструмента гражданского правосудия будет возрастать. Вместе с тем будет возрастать количество споров, связанных с защитой гражданами цифровых прав.

Видимо дальнейшее совершенствование системы праворазрешения гражданских споров будет двигаться по пути автоматизации и цифровизации гражданского процесса с возрастанием роли альтернативных внесудебных примирительных процедур, среди которых медиация занимает важное место. Будет идти активное внедрение компьютерных программ в практику разрешения споров. Сегодня Федеральный закон № 193-ФЗ признает медиатора лишь как совершеннолетнее имеющее специальную подготовку физическое лицо, хотя и разрешает участникам медиации самостоятельно выбирать форму проведения процедуры, используя, в том числе электронные средства связи и телекоммуникаций. Возможно, завтра на смену живому медиатору придет программа или алгоритм, дополнительные средства, которые позволят автоматизировать процесс медиации в высокой мере.

Для этого потребуются существенная доработка правового поля, изменение существующих правовых норм, создание новых специальных правил и стандартов, генерация регламентов и баз данных. Потенциал автоматизации цифровой медиации велик.

Разработка специализированных платформ и сервисов, способных обеспечивать безопасность и конфиденциальность медиационных переговоров и фиксацию принимаемых сторонами решений, сделает цифровую медиацию еще

более перспективным инструментом для разрешения широкого спектра гражданских споров.

Таким образом, использование медиации при разрешении споров по внедоговорным обязательствам в гражданском праве в условиях цифровизации оказывает значительное положительное влияние на развитие сферы гражданского права, способствует укреплению правовой культуры субъектов гражданских правоотношений, возрастанию доверия между спорящими сторонами, повышению уровня безопасности таких споров, способствуют сохранению деловых и личных взаимоотношений между респондентами процедуры медиации.

Библиографический список

1. Калашникова С.И. Медиация в гражданской юрисдикции: М.: Инфотропик Медиа, 2011. 304 с.
2. Гутников О.В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве / О.В. Гутников // Закон. 2017. № 1. С. 22–37.
3. Борисова Е.А. Обязательная семейная медиация как предчувствие // Законодательство. 2021. № 5. – С. 71-76.
4. Медиация в практике нотариуса (отв. ред. С.К. Загайнова, Н.Н. Тарасов, В.В. Янков). – «Инфотропик Медиа», 2013 г.
5. Шамликашвили Ц.А., Медиация – современный метод внесудебного и досудебного разрешения споров / Ц.А. Шамликашвили. – Москва: Редакция «Российской газеты», 2021. – 159 с.
6. Судоргина, Е.В. Медиация в гражданском и арбитражном процессе / Е.В. Судоргина // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 10А. – С. 40-46.
7. Diaz-Prinz J. Yes, we can meet online. But can we negotiate peace there? // United States of Peace blog. 15.05.2020. URL: <https://www.usip.org/blog/2020/05/yes-we-can-meet-online-negotiate-peace-there> (Дата обращения: 29.12.2025).
8. Карпунина О.В. Нотариальное удостоверение медиативных соглашений: вопросы теории и практики. // Нотариальный вестник, 2022. №2. С. 27-35.

© Зусин Б.А., 2026

Кантор Наталья Евгеньевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
advokat7155@yandex.ru

БЕНЕФИЦИАРНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ АКТИВАМИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ АКАДЕМИКА А.В. ВЕНЕДИКТОВА

Аннотация: В статье рассматривается бенефициарная модель управления активами, основанная на передаче экономическим собственником своего имущества правоспособному субъекту, находящемуся под контролем собственника. Показана эквивалентность и взаимозаменяемость отдельных правовых форм управления активами в историческом и сравнительно-правовом аспектах на примерах оперативного управления государственными предприятиями, компаниями одного лица, идеи расщепления прав.

Ключевые слова: бенефициарное владение, бенефициарный владелец, обособление имущества, персонификация, модель управления активами, расщепление прав

Natalia E. Kantor,
Associate Professor of the Entrepreneurial and Corporate Law
Department of the Kutafin Moscow State Law University
(MSAL), Cand. Sci. (Law).
Moscow, Russia, advokat7155@yandex.ru

THE BENEFICIAL ASSET MANAGEMENT MODEL IN THE LIGHT OF THE CONCEPT OF ACADEMICIAN A.V. VENEDIKTOV

Abstracts: The article considers a beneficial asset management model based on the transfer of an economic owner's property to a legally capable entity under the control of the owner. The equivalence of individual legal forms of asset management in historical and comparative legal aspects is shown using examples of operational management of state-owned enterprises, one-man company, and the idea of splitting rights.

Key words: beneficial ownership, beneficial owner, asset partitioning, personification, asset management, splitting rights

Имущество публично-правовых образований, бизнес-активы и частный капитал равным образом нуждаются в эффективном управлении - осуществлении распорядительной власти над имуществом в целях извлечения из него выгоды, полезных свойств в интересах собственника.

Управление может осуществляться правообладателем актива лично либо с применением определенных законодательством правовых форм: юридического лица (корпорации, личного фонда, унитарного предприятия), договора доверительного управления имуществом, паевых инвестиционных фондов. Исторически в гражданском обороте сложилась еще одна особая форма управления — передача имущества номинальным собственникам с различными целями, в том числе для сохранения, сокрытия имущества у доверенных лиц от обращения взыскания кредиторами, раздела имущества между супругами.

Каждая из перечисленных форм управления имеет особый правовой режим в части распределения рисков ответственности между экономическим собственником и кредиторами, способов контроля за активом и получения выгод от его использования.

К примеру, при управлении имуществом в корпоративных структурах действуют принципы отделения, ограничения ответственности юридического лица принадлежащим ему имуществом, а контроль за активом основан на индивидуальном урегулировании уставом и корпоративным договором вопросов компетенции, кворума принятия решения органами корпорации и пр.

Некоторые правовые формы управления включают в себя вещно-правовые элементы. Например, унитарные предприятия сочетают в себе расщепление права собственности и аналог корпоративного механизма: «управленческие» права учредителя, которые аналогичны корпоративным правам [1, с. 74-75]. Паевые инвестиционные фонды (ПИФ) – это эклектика вещных прав (права общей долевой собственности пайщиков на имущество ПИФ) и обязательственных правоотношений пайщиков с управляющей компанией, фактически осуществляющей правомочия собственника имущества ПИФ. Это приводит некоторых авторов к выводам о необходимости признания ПИФ субъектами права [2, с. 13], об изменчивости понятия права собственности [3, с. 27], о пересмотре подхода к сохранению за пайщиком права собственности на имущество ПИФ и применении другой модели правоотношений [4, с. 181].

Все перечисленные формы управления имуществом основаны на общем подходе: имущество передается другому лицу в собственность (применимо к корпорации, личному фонду, номинальному собственнику), на ограниченном вещном праве - унитарному предприятию, либо управляющему субъекту предоставляются полномочия, обеспечивающие контроль над имуществом, сопоставимый с полномочиями собственника (свойственно доверительному управлению, ПИФ). При этом экономический собственник сохраняет опосредованную связь с переданным имуществом, имея контроль над действиями управляющего субъекта и выгоду от использования актива.

Отмеченная структурная общность элементов позволяет обозначить бенефициарную модель управления активами как особый вид юридической связи экономического собственника с активом. В литературе выделяется также бенефициарная модель корпоративного управления, основанная на управлении в корпоративных группах через номинальных владельцев [5, с. 16]. Данную модель можно считать частным случаем, подвидом бенефициарной модели, как она обозначена выше, со следующими отличительными чертами: (1) использо-

вание модели при построении корпоративных структур, (2) непрозрачность системы управления и принадлежности выгоды (доходов) определенному бенефициару с точки зрения третьих лиц.

Бенефициарная модель вызывает ассоциации с трастовыми отношениями, возникшими в праве справедливости в системе английского общего права и свойственными теперь другим юрисдикциям с теми же правовыми традициями. Действительно, общим для перечисленных выше правовых форм управления активами выступает экономическое расщепление правомочий в отношении имущества в пользу нескольких лиц. Вместе с тем, потребность гражданского оборота в экономическом расщеплении в правовом смысле реализуется в российском законодательстве только в тех формах, которые соответствуют концепции унитарного права собственности и принципу *numerus clausus* вещных прав. К примеру, личный фонд – гибридная форма, соединившая в себе черты коммерческой и некоммерческой организации, унитарного и корпоративного юридического лица, оформившая идею траста через концептуальные подходы континентального права.

Актуальность идентификации бенефициарной модели как особой, требующей индивидуальной анализа, диктуется вопросами, возникающими в судебной практике.

Первый блок вопросов касается номинальной собственности. Передача имущества подставному лицу прямо не запрещена законом, однако до сих пор не обоснован единый подход к тому, к чьей имущественной массе (номинального или действительного собственника) будет относиться актив в случае банкротства указанных лиц [6, с. 133] либо раздела имущества супругов. При банкротстве действительного собственника такое поведение может быть квалифицировано как недобросовестный вывод имущества, в связи с чем в судебной практике выработаны критерии для выявления подставных собственников и возврата имущества в конкурсную массу действительного собственника через оспаривание сделок [7, с.35-43; 8, с. 126-184]. При разделе имущества супругов судебная практика в аналогичных ситуациях находится в стадии становления.

Второй блок вопросов связан с бенефициарным владением в корпоративных системах, а именно с признанием за бенефициарным владельцем прав, которые установлены законом для непосредственных правообладателей – прямых участников, а именно: права на косвенный иск в интересах подконтрольной корпорации [9, с. 193-199] права на получение информации о деятельности обществ нижних уровней системы¹.

Отдельно следует обозначить проблему признания правовых последствий действий бенефициарного владельца для третьих лиц. Новеллой является позиция Верховного Суда РФ, высказанная им в определении № 305-ЭС24-16398 от 09.01.2025: правовое значение надлежащего одобрения крупной сделки при дано ситуации, когда бенефициарный владелец фактически одобрил сделку либо

¹ Пункт 7 Обобщения судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. Февраль. 2024

был осведомлен о ее совершении, в сочетании с тем, что добросовестный контрагент полагался на такое фактическое одобрение бенефициара.

Обозначенные вопросы, связанные с реализацией интереса бенефициара через обособленные правосубъектные единицы (бенефициарную модель управления активами), имеют единую природу как для имущества публично-правовых образований, так и капитала частных лиц.

В целях структурного анализа бенефициарной модели интересны наработки советского периода, особенно первых его десятилетий, когда юридическая наука столкнулась с уникальной проблемой обеспечения самостоятельной правосубъектности отдельных имущественных комплексов, находящихся в социалистической собственности государства.

Изыскания по проблематике управления имуществом в частноправовом смысле невозможно проводить без учета масштабного исследования, которое провел академик АН СССР Анатолий Васильевич Венедиктов. Ученому была предоставлена возможность проведения правового эксперимента в экономических отношениях, ранее не известных частному праву, что потребовало не просто критической переработки частно - правовых конструкций зарубежных правовопорядков, но и выработки нового правового механизма.

Советский опыт показал, что значительный капитал, вся масса промышленного имущества, производительные силы, находящиеся в государственной собственности, в целях планомерного хозяйствования, требуют разделения на экономически самостоятельные звенья и персонификации [10, с. 70; 11, с. 19].

Основой обособленности государственных предприятий по отношению друг другу и государству как носителю права собственности на орудия и средства производства, индивидуальной ответственности, в тех условиях стала идея правомочий (хозяйственно-оперативных функций) социалистических госорганов по непосредственному оперативному управлению предоставленным им государством имуществом.

Такое управление, по мнению А.В. Венедиктова, охватывало собой не только направление всего процесса производства «одной управляющей волей», но и осуществление самого процесса производства [12, с. 331]. В переложении на современную проблематику это означает, что экономический собственник своим волеизъявлением наделяет правосубъектную единицу (корпорацию и нижестоящие звенья корпоративной структуры), физическое лицо (номинального собственника) полномочиями и компетенцией для реализации интересов экономического собственника. После чего активы управляются специальным субъектом к пользе и выгоде бенефициара – экономического собственника или назначенных им лиц.

Примечательно, что первые попытки советских авторов были сосредоточены на применении к обособлению хозяйствующих субъектов исключительно догматических конструкций гражданского права и построении соответствующих концепций: фидуциарной и разделенной собственности, где обособление государственных органов достигалось закреплением за ними имущества и противопоставлялось вещному праву государства как *dominium utile* и *dominium*

directum [13, с. 10-16]; частной собственности, расчлененной между государством и множеством собственников - отдельными хозорганами [14, с. 180-182.].

Особый интерес вызывает представленная А.В. Венедиктовым в 1928 году теория «персонифицированного товаровладельца», основанная на практике введения в оборот нескольких one-sole corporations как правовых «масок», находящихся под контролем одного лица. Ученый отмечал, что только «эластичная фигура юридического лица, допускающая самое разнообразное внутреннее строение ... позволяет выступать в товарном обороте государственному имуществу «в нескольких лицах» [10, с. 70-72.] Данный подход к созданию цепочек/групп подконтрольных юридических лиц, обособлению имущества под оболочкой компаний одного лица свойственен и современному гражданскому обороту. Более того, с 01.08.2025 снято ограничение на многослойное создание одночленных хозяйственных обществ: согласно новой редакции п. 2 ст. 66 и п. 6 ст. 98 ГК РФ хозяйственное общество может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица¹.

Важно отметить, что в своем генезисе право оперативного управления прошло путь от научных попыток заимствования идей расщепленной собственности и «маски» одночленной компании, позднее - через доктринальную концепцию оперативного управления имуществом, вплоть до появления в 1961 году в Основных гражданском законодательства Союза ССР и республик собственно вещного права оперативного управления как подчиненного праву собственности государства. В современных исследованиях обнаруживается обратная тенденция: подчеркивается целесообразность отказа от вещно-правовых отношений между государством-собственником и унитарным предприятием в пользу корпоративных отношений государства как единственного участника юридического лица – собственника своего имущества. Это обосновывается, в частности, утратой экономического значения государственной собственности, рудиментарностью советской конструкции, объективно корпоративной природой отношений, нарушением государственными предприятиями – несобственниками конкурентной среды [1, с. 67–79], сложностью нормативного регулирования юридического обособления одного и того же имущества одновременно посредством ограниченного вещного права и конструкции юридического лица [2, с. 10]

Исторический экскурс очевидным образом демонстрирует взаимную связь правового обособления имущества с вопросами персонификации и обладания гражданской правоспособностью [10, с. 80-84] как предпосылки взаимодействия самостоятельных субъектов между собой в гражданском обороте. Тема юридического обособления имущества сохраняет свою актуальность и подвергается исследованию в иностранной литературе [15], и вслед за этим — в отечественных научных работах [2, с. 1-194; 16, с. 27-39].

Таким образом, на примере советского государственного хозяйства, представлявшего собой увеличенную до максимальных размеров модель управле-

¹ Федеральный закон №178-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 846 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» от 17.06.2025// Российская газета. № 139. 27.06.2025.

ния активами в интересах одного бенефициара, отчетливым образом прослеживается закономерность по наделению правосубъектностью отдельных имущественных целевых комплексов, управление (а не только фактическое обладание) которыми осуществляется хозяйствующими единицами через посредство специально сконструированных правовых форм, отвечающих интересам экономического собственника.

Не менее интересно преломление современной проблематики внутригрупповых сделок и ответственности членов корпоративной группы по обязательствам друг друга через подходы к безубыточности и рентабельности советских предприятий, составляющих единую группу под контролем единого собственника – государства.

Концепция А.В. Венедиктова предусматривала общий запрет на покрытие убытков вследствие неудовлетворительной деятельности предприятия; восполнение допускалось лишь при расширении производственных программ или плановой убыточности предприятий или даже целых отраслей [12, с. 511]. Необходимой предпосылкой безубыточности выступало последовательное проведение принципа «эквивалентности» в отношениях с государством, в частности, недопустимости внепланового изъятия у предприятий оборотных средств для покрытия административно-хозяйственных расходов госорганов. Ученым отмечалась недопустимость замаскированного изъятия имущества и его аналога – задержки оплаты счетов до истечения срока исковой давности и последующего списания этой задолженности за истечением давностного срока. Последствиями таких незаконных действий, как указывал ученый, выступают возврат незаконно изъятых ценностей либо обращение их в доход бюджета, с привлечением виновников незаконного изъятия к персональной ответственности [12, с. 509].

Аналогичные недобросовестные действия можно увидеть в корпоративных группах в форме вывода имущества, создания центров прибыли и убытков, мнимых задолженностей, которые влекут за собой реституцию имущества по итогам оспаривания сделок, субсидиарную ответственность контролирующих лиц и выгодоприобретателей, корпоративную ответственность членов органов управления.

Рассмотренные метаморфозы показывают, что любой системе хозяйствования свойственны схожие экономические потребности и риски. Юридическая техника позволяет «вписать» экономическую потребность в тот правовой механизм, правую форму, которые соответствуют политико-правовым задачам конкретного государства. В силу эквивалентности, взаимозаменяемости правовых форм, предназначенных для управления имуществом (как в историческом, так и в сравнительно-правовом аспекте), каждый правопорядок способен создать свой собственный набор таких форм, достаточный для удовлетворения интересов экономических собственников. В случае, если реализация интереса связана с юридическим обособлением имущества и управлением им через посредство правоспособных субъектов, находящихся под контролем экономического собственника и действующих к его выгоде, имеет место бенефициарная модель управления активами.

Библиографический список

1. Гутников О. В. Конструкция государственных унитарных предприятий как форма обособления имущества публично-правовых образований // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 3. С. 66–82.
2. Ибрагимов К.Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве. Дисс.... Канд. юр наук. СПб, 2024. 194 С.
3. Рыбалов А.О. О будущем права собственности // Закон. 2023. № 7. С. 25–31
4. Барабина Е.А. Бенефициарные собственники и эрозия унитарной модели собственности // Закон. 2023. № 6. С. 178-186.
5. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2019. 384 с.
6. Столярчук М.В. Номинальные участники процедуры банкротства. Дисс... канд. юр.наук. М., 2025. 222 С.
7. Галкин С. С. Оспаривание оснований номинальной собственности как правовое средство восстановления баланса интересов в банкротстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. №8. С. 35-43.
8. Чупрунов И.С. Симулятивные сделки. Часть 1: общее понятие, эффект, соотношение со смежными категориями, вопросы давности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 9. С. 126-184
9. Богусевич С.И. Об основаниях предъявления двойных косвенных исков // Закон. 2025. №11. С. 191-200.
10. Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий. Л., 1928. 151 с.
11. Брагинский М.И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. М., 1981. 190 с.
12. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М. Л., 1948. 840 с.
13. Мартынов Б.С. Государственные тресты. М, 1924. 60 с.
14. Курс советского хозяйственного права / под ред. Л. Гинцбурга, Е. Пашуканиса. Т.1. М., 1935. 447 с.
15. Hansmann, H. Legal Entities, Asset Partitioning, and the Evolution of Organizations. / H.Hansmann, R.H. Kraakman, R. Squire // Newly Revised Draft for NBER Conference. – 2002. 69 p. // URL: https://pcg.law.harvard.edu/wp-content/uploads/papers/Hansmann_Paper.pdf.
16. Домшенко (Червец), Е.И. О сохранении бизнеса и экранировании имущества. Сравнение некоторых инструментов имущественного обособления // Юридический мир. 2021. №9. С. 27-39.

© Кантор Н.Е., 2026

Капцинель Михаил Вадимович,
Аспирант, Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация, kapcinel99@gmail.com

Научный руководитель:
Надежин Николай Николаевич,
д.ю.н., профессор, доцент кафедры гражданского права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
NNNADEZHIN@msal.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ В СОБСТВЕННОСТЬ ПРИ РЕНОВАЦИИ И КОМПЛЕКСНОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация: В статье проведен сравнительно-правовой анализ договорных конструкций, применяемых при предоставлении жилых помещений в собственность в рамках программы реновации жилищного фонда и комплексного развития территорий. Автор исследует правовую природу договоров, заключаемых между государственными органами и гражданами при реализации указанных механизмов, выявляя их общие черты и отличительные особенности. Раскрывается смешанный характер рассматриваемых договорных конструкций, сочетающих гражданско-правовые нормы о мене и купле-продаже с императивными нормами жилищного и градостроительного права. Особое внимание уделяется элементам публичности в договорных отношениях, ограничению свободы договора, механизмам защиты прав граждан при изъятии жилых помещений.

Ключевые слова: реновация жилищного фонда, комплексное развитие территорий, договорные конструкции, жилищное право, публичность договора.

Kaptsinel Mikhail Vadimovich
Postgraduate student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation, kapcinel99@gmail.com

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CONTRACTUAL STRUCTURES FOR THE PROVISION OF RESIDENTIAL PREMISES IN THE COURSE OF RENOVATION AND INTEGRATED DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of contractual structures used in the provision of residential premises as part of the housing renova-

tion program and integrated territorial development. The author examines the legal nature of contracts concluded between government agencies and citizens in the implementation of these mechanisms, identifying their common features and distinctive features. The mixed nature of the contractual structures under consideration is revealed, combining civil law norms on exchange and sale with imperative norms of housing and urban planning law. Special attention is paid to the elements of publicity in contractual relations, the restriction of freedom of contract, and mechanisms for protecting citizens' rights when residential premises are seized.

Keywords: renovation of housing stock, integrated development of territories, contractual structures, housing law, publicity of the contract.

Теоретическое осмысление правовой природы отношений, возникающих при реновации, требует обращения к фундаментальным категориям договорного права. О.А. Красавчиков в свое время обоснованно указывал, что в гражданском законодательстве и науке права при употреблении термина «договор» смешиваются два разных понятия: договора как юридического факта и как формы существования правоотношения [1, с. 117]. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский развивают эту мысль, подчеркивая, что договоры относятся к той разновидности юридических фактов, которая именуется сделками, а значит, представляют собой действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [2, с. 233].

Согласно статье 420 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор определяется как соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей¹. Анализируя данное понятие, необходимо учитывать принцип свободы договора, закрепленный в статье 421 ГК РФ, который предполагает равенство сторон договора при принятии решения о его заключении, при выборе контрагента и при определении вида договора.

Применительно к отношениям реновации принцип свободы договора раскрывается весьма неоднозначно. У участников программы отсутствует возможность отказаться от заключения того или иного договора в процессе переселения, и в случае уклонения переселение может быть произведено в судебном порядке. На первый взгляд это противоречит основополагающим началам гражданского законодательства. Однако следует помнить, что переселение производится только из домов, большинством голосов жителей которых было принято решение о включении дома в программу. Таким образом, обязанность по заключению договоров, предусматривающих переселение, взята на себя участниками реновации добровольно, что соответствует норме пункта 2 статьи 421 ГК РФ.

При передаче жилых помещений по программе реновации в собственность применяются различные договорные конструкции в зависимости от конкретной ситуации.

¹ Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст.33

В науке гражданского права существует классификация договоров, согласно которой выделяют договоры о передаче вещи, о выполнении работ и оказании услуг, о передаче результатов интеллектуальной деятельности и иные. Применительно к реновации обоснованный интерес вызывает группа договоров о передаче вещи, которая подразделяется на поименованные и непоименованные. К поименованным относятся купля-продажа, дарение, мена. Существуют также поименованные договоры, указанные не в ГК РФ, а в специальном законодательстве, например, договор передачи жилого помещения в собственность, предусмотренный статьей 7 Закона РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»¹.

По договору купли-продажи одна сторона обязуется передать вещь в собственность другой стороне, а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму. При реализации программы реновации данный договор используется в ограниченных случаях, в частности, когда участники реновации обладают правом в течение двух лет после получения новой квартиры приобрести еще одну квартиру в районе переселения со скидкой 10 процентов. Однако к наиболее распространенной ситуации, когда участник реновации передает в собственность города свою старую квартиру и получает новую без доплаты, данная договорная конструкция неприменима.

Более подходящим для целей юридического оформления отношений реновации представляется договор мены. По договору мены каждая из сторон обязуется передать в собственность другой стороне один товар в обмен на другой. При этом стороны признаются одновременно и продавцом, и покупателем, а обмениваемые товары по общему правилу предполагаются равноценными. Казалось бы, эта конструкция идеально соответствует ситуации, когда участник реновации передает право собственности на квартиру в доме, подлежащем сносу, и взамен приобретает право собственности на квартиру в доме-новостройке. Несмотря на то, что стоимость квартиры в старом доме значительно меньше, чем в новом, для целей реновации данные квартиры являются равнозначными, и участник реновации не доплачивает за предоставление новой квартиры.

Однако законодатель сознательно избегает термина «мена» при формировании норм, предусматривающих заключение договора, согласно которому происходит передача жилых помещений по реновации. Понятие «мена» содержится только в Постановлении Правительства Москвы от 1 февраля 2018 года № 45-ПП² применительно к ситуациям приобретения дополнительной жилой площади с доплатой.

¹ Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 28. Ст. 959.

² Постановление Правительства Москвы от 01.02.2018 N 45-ПП «О порядке приобретения собственниками жилых помещений в многоквартирных домах, включенных в Программу реновации жилищного фонда в городе Москве, или гражданами, имеющими право пользования такими жилыми помещениями на условиях социального найма, за доплату жилых помещений большей площади и (или) жилых помещений,

Следует высказать предположение о том, что отказ от использования понятия «мена» в основном нормативном акте связан с намерением вывести отношения по передаче жилых помещений в рамках программы реновации из сферы исключительно гражданско-правового регулирования. Договор, заключаемый между Департаментом городского имущества и участником реновации, обладает признаками административного договора со свойственным ему элементом публичности. Данный вывод подтверждается рядом существенных обстоятельств. Например, в отличие от классического договора мены, для заключения которого необходима воля обеих сторон, для заключения договора, предусматривающего переселение участника реновации в равнозначное жилое помещение, прямое выражение его воли в момент заключения договора не требуется.

Кроме того, если при обычном договоре мены участник отношений имеет возможность неограниченного выбора контрагента и товара, то при заключении договора, предусматривающего переселение по реновации, такой свободы нет. Договор может быть заключен только с Департаментом городского имущества города Москвы, а выбор квартиры существенно ограничен.

Кроме реновации в жилищном праве существуют и другие механизмы предоставления жилых помещений взамен иных жилых помещений, принадлежащих на праве собственности. К таким механизмам относится комплексное развитие территорий, правовое регулирование которого было существенно обновлено Федеральным законом от 30 декабря 2020 года № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий»¹.

Согласно пункту 34 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации², комплексное развитие территорий представляет собой совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории и направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования поселений.

Многие исследователи и практики отмечают сходство между программой реновации и комплексным развитием территорий, поскольку обе программы предусматривают снос ветхого и аварийного жилья с последующим предоставлением гражданам новых жилых помещений [3, с. 74]. Однако существуют и принципиальные различия. Московская реновация осуществляется за счет

имеющих большее количество комнат, чем предоставляемые им равнозначные жилые помещения» // «Вестник Мэра и Правительства Москвы». № 8. 2018.

¹ О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (часть I). Ст. 33.

² Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть I). Ст. 16.

средств регионального бюджета, в то время как расселение по комплексному развитию территорий должно преимущественно финансироваться застройщиками, которые берутся за подобные проекты.

Реализация комплексного развития территории осуществляется на основании договора о комплексном развитии территории, который заключается с победителем торгов либо с правообладателями земельных участков.

Проводя сравнительный анализ договоров, заключаемых по программе реновации и по программе комплексного развития территорий, можно выявить ряд существенных сходств и различий. Обе категории договоров направлены на обеспечение жилищных прав граждан при обновлении жилищного фонда. И в том, и в другом случае собственникам предоставляются равнозначные или равноценные жилые помещения взамен изымаемых. Процедура заключения договоров в обоих случаях носит обязательный характер, а при уклонении от заключения договора возможно обращение в суд с требованием о понуждении к его заключению.

Существенным сходством является также ограничение свободы договора. Как в случае реновации, так и при комплексном развитии территорий собственник не может свободно выбирать контрагента по договору и имеет ограниченные возможности влияния на условия договора. Это обусловлено публично-правовым характером отношений, направленных на реализацию социально значимых целей обновления жилищного фонда. Кроме того, в обоих случаях законодательство предусматривает механизмы защиты прав граждан. Собственники вправе обжаловать решения о равнозначности или равноценности предоставляемого жилого помещения.

Вместе с тем существуют и определенные различия. Например, при реновации основной акцент делается на предоставлении равнозначного жилого помещения, то есть помещения, соответствующего прежнему по своим потребительским характеристикам: метражу, количеству комнат, расположению в том же районе. При комплексном развитии территорий законодательство оперирует понятием равноценного возмещения, что предполагает возможность более широкого выбора, включая денежную компенсацию.

Необходимо отметить, что существенным различием между указанными программами является разграничение нормативной базы, регулирующей порядок и сроки заключения договоров при передаче жилых помещений в собственность. Статья 7.3 Закона Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации»¹ закрепляет специальные правила для московской программы реновации, в то время как статья 32.1 Жилищного кодекса Российской Федера-

¹ Закон РФ О статусе столицы Российской Федерации от 15.04.1993 г. № 4802-1 (ред. ФЗ от 31.12.2017 № 507-ФЗ) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 13.05.1993 г. № 19. Ст. 683.

ции¹ содержит универсальные нормы, применяемые при комплексном развитии территорий в целом по стране.

Например, установление временных рамок для заключения договора о передаче жилого помещения. При реновации в соответствии со статьей 7.3 указанного Закона собственникам предоставляется определённый период, в течение которого они должны принять участие в процедуре заключения договора. Однако конкретные временные границы для данной процедуры в этом нормативном акте определены с учётом специфики московской программы и особенностей её организации. Напротив, часть 14 статьи 32.1 Жилищного кодекса содержит ясное указание на срок 45 дней со дня получения собственником жилого помещения проекта договора.

Несмотря на сходство в целях и правовых принципах, подлежащих применению в обоих случаях, законодательные режимы реновации и комплексного развития территорий остаются специализированными и взаимно исключающими.

Судебная практика подтверждает применение аналогичных подходов при разрешении споров, связанных как с реновацией, так и с комплексным развитием территорий. Суды исходят из необходимости обеспечения баланса частных интересов граждан-собственников и публичных интересов, связанных с обновлением жилищного фонда. При этом суды признают обязательность заключения договоров в установленных законом случаях, но тщательно проверяют соблюдение прав граждан, в частности, соответствие предоставляемого жилого помещения критериям равнозначности или равноценности.

Таким образом, можно прийти к выводу, что правовая природа договоров, заключаемых при реновации жилищного фонда и комплексном развитии территорий, обладает существенным сходством. Обе категории договоров характеризуются наличием элементов публичности, что проявляется в ограничении свободы договора, обязательности его заключения, строгой регламентации существенных условий.

Вместе с тем нельзя утверждать, что эти договоры полностью утрачивают гражданско-правовую природу. Основной массив применимых к ним норм заимствован из гражданского законодательства о купле-продаже, мене, передаче имущества. Сохраняется принцип равноценного или равнозначного обмена, действуют общие правила о форме договора, порядке регистрации перехода права собственности, ответственности сторон.

Следует также признать, что рассматриваемые договоры представляют собой особый вид смешанных договоров, сочетающих в себе элементы гражданско-правовых и административно-правовых отношений. Гражданско-правовая составляющая проявляется в том, что стороны вступают в отношения по поводу передачи имущества, возникает обязательство передать жилое помещение и принять его. Административно-правовая составляющая выражается в им-

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). ст. 14.

перативности значительной части условий, обязательности заключения договора, ограничении свободы сторон, подчинении отношений целям реализации публичной функции государства.

Такое сочетание публичных и частных начал в договорных конструкциях, применяемых при реновации и комплексном развитии территорий, является объективно необходимым. С одной стороны, требуется обеспечить эффективную реализацию масштабных программ обновления жилищного фонда, что невозможно без императивного регулирования и ограничения договорной свободы. С другой стороны, необходимо защитить частные интересы граждан-собственников, обеспечить справедливость обмена, недопустимость произвольного лишения имущества, что достигается применением норм и принципов гражданского права.

Использование данной совокупности норм является наиболее эффективным для целей реализации своевременного переселения граждан по программе реновации и в рамках комплексного развития территорий. Применение исключительно гражданско-правовых механизмов сделало бы невозможным достижение целей обновления жилищного фонда в разумные сроки, поскольку потребовало бы согласования множества условий с каждым собственником, предоставления ему полной свободы выбора. В то же время полное исключение гражданско-правовых начал и перевод отношений в плоскость административного принуждения противоречило бы конституционным гарантиям права собственности и справедливого возмещения при изъятии имущества для государственных нужд.

В связи с этим представляется обоснованным вывод о том, что договорные конструкции, применяемые при реновации и комплексном развитии территорий, представляют собой непоименованные смешанные договоры особого рода, сочетающие нормы гражданско-правового характера о мене, купле-продаже и императивные нормы публично-правового характера о переселении граждан из сферы жилищного и градостроительного права. Сходство правовой природы этих договоров обусловлено единством целей обновления жилищного фонда, необходимостью обеспечения баланса публичных и частных интересов, общностью принципов защиты прав граждан при изъятии жилых помещений. Различия же связаны со спецификой организационно-правовых механизмов реализации программ, источников финансирования, территориальной сферы применения.

Библиографический список

1. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1950. 220 с.
2. Брагинский М. И. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 847 с.
3. Гусева Г. В. Реновация и комплексное развитие территорий: сущность и взаимосвязь // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14, № 1. С. 72-81.

Ковалева Ольга Александровна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса, доцент,
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
г. Оренбург, Россия, radaurist@mail.ru

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ПРИНЦИПОВ ЖИЛИЩНОГО ПРАВА

Аннотация: в условиях стремительного развития цифровых технологий и урбанизации общества жилищное право сталкивается с нуждой интеграции принципов из смежных отраслей права, таких как гражданское, конституционное, экологическое, административное и пр. Адаптационный способ внедрения принципов из других отраслей права приводит к противоречиям в их определении и применении к жилищным отношениям. В статье рассматриваются ключевые межотраслевые принципы, включая принцип добросовестности, принцип неприкосновенности жилища, принцип социальной справедливости, принцип достаточности жилища. Автор научной статьи предлагает доктринальные и практические рекомендации, направленные на устойчивое развитие жилищных отношений на основе адаптационного способа внедрения выделенных межотраслевых принципов права.

Ключевые слова: отрасли права; жилищное право; межотраслевые принципы; доктринальные проблемы; экономика замкнутого цикла.

Kovaleva Olga Aleksandrovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure FSBEI HE «Orenburg State University»,
Russia, Orenburg, radaurist@mail.ru

DOCTRINAL PROBLEMS OF DETERMINING INTERDISCIPLINARY PRINCIPLES OF HOUSING LAW

Abstract. In the context of the rapid development of digital technologies and the urbanization of society, housing law faces the need to integrate principles from related branches of law, such as civil, constitutional, environmental, administrative, etc. The adaptive way of implementing principles from other branches of law leads to contradictions in their definition and application to housing relations. The article examines key intersectoral principles, including the principle of good faith, the principle of inviolability of housing, the principle of social justice, and the principle of housing sufficiency. The author of the scientific article offers doctrinal and practical recommendations aimed at the sustainable development of housing relations based on an adaptive way of implementing the identified intersectoral principles of law.

Keywords: branches of law; housing law; intersectoral principles; doctrinal problems; closed-loop economy.

Актуальность темы научной статьи обусловлена растущим числом дискуссий относительно влияния межотраслевых принципов права на другие отрасли права. В рамках исследования автор научной статьи затронет лишь те межотраслевые принципы, которые адаптивным способом внедряются в жилищное право. Изучение данных принципов не только внесет новую теоретическую базу для жилищного права, но и позволит предложить практические рекомендации для его гармонизации с другими отраслями права и дальнейшего благополучного развития.

Целью исследования является анализ доктринальных проблем определения межотраслевых принципов жилищного права. Предметом исследования выступают интерпретации понятий межотраслевых принципов жилищного права и доктринальные проблемы определения данных принципов в жилищном праве. Методы, которые были использованы в процессе исследования: системный метод, метод синтеза, аналитический метод и доктринальный анализ.

Ф.С. Набиев справедливо утверждает, что при упоминании межотраслевых принципов правоведы упускают указание к каким двум и более отраслям относится тот или иной принцип [9, с. 61]. Автор научной статьи солидарен с мнением Ф.С. Набиева и ориентирован на подробную аргументацию результатов своего исследования. Следует начать с того, что некоторые правоведы имеют сомнения в существовании отраслевых принципов права, так как есть только общие, именно поэтому они не видят смысла говорить о межотраслевых принципах, так как нет отраслевых [9, с. 62-63]. Думается, что такое утверждение устарело, ведь центром системы принципов права являются межотраслевые принципы, которые включают в себя базис для нескольких отраслей права и регулируют схожие общественные отношения [9, с. 63].

По мнению Ф.С. Набиева межотраслевые принципы следует трактовать как «общую для двух и более отраслей основную идею, отражающую закономерности и связи развития общественных отношений, нормативно закрепленную в позитивном праве, направляющую правовое регулирование и определяющую сущность, и социальное назначение права» [9, с. 61]. Стоит отметить, что Г.Е. Филиппченко, разделяя взгляд В.М. Шерстюка, говорит о том, что к обесцениванию принципов может привести их необдуманное и неоправданное расширение [10, с. 332]. Действительно, одной из проблем определения межотраслевых принципов является риск их излишнего расширения, так как это может «размыть» нормативную ценность и привести к хаосу в правоприменительной практике, где принципы перестают служить четкими ориентирами для судов и законодательной власти. В контексте жилищного права такая проблема может проявлять себя особенно остро, так как принципы, заимствованные из гражданского или конституционного права, часто адаптируются без достаточной конкретизации. Так, автором научной статьи уже был сделан акцент на том, что некоторые из принципов гражданского права трансплантированы в жилищное право, но их содержание требует нового истолкования или обновления, а некоторые не понимаются как основа жилищного законодательства [5, с. 161]. Изучая межотраслевые принципы и их влияние на отрасли права, в которые они проникают, следует сказать, что это проникновение происходит с помощью

адаптивного метода, который видится как гибкий, динамичный и прагматичный подход к созданию, применению и интерпретации принципов права, который предполагает его постоянную корректировку в ответ на новые технологические, социальные, экономические и экологические вызовы. С помощью адаптивного метода принципы должны не просто устанавливать статичные правила, а создавать процессы, механизмы и институты, способные эффективно реагировать на изменения и неопределенности в обществе.

Далее рассмотрим принципы, которые автор относит к межотраслевым принципам жилищного права.

Это принцип добросовестности, он лежит в основе гражданского, жилищного права и регулирует правильное поведение участников общественных отношений. Так Т.И. Абдреев провел подробный межотраслевой анализ принципа добросовестности и пришел к выводу о том, что данный принцип имеет отражение также и в налоговом, и в бюджетном праве [1]. Принцип не упоминается как жилищный принцип в Жилищном кодексе Российской Федерации (далее – ЖК РФ) [5, с. 162]. О добросовестности сказано в п. 2 ст. 7 ЖК РФ¹, но подробно она там не регламентирована. Е.В. Басос утверждал, что добросовестность является противопоставлением термина «злоупотребление правом» и направлена на осуществление своих прав без намерений причинить вред кому-либо, то есть не действовать злонамерено [2, с. 7]. Подобный императив установлен в ст. 1 ЖК РФ, однако принцип добросовестности взаимодействует с диспозитивностью гражданско-правовых отношений, особенно когда речь ведется о несовершеннолетних (например, реализация родителями жилищных прав детей) [5, 162-163].

Принцип неприкосновенности жилища закреплен в конституционном, гражданском, уголовном и жилищном праве. Автор научной статьи исследовал данный принцип в одной из своих работ [8] и пришел к выводу о том, что в п. 3 ст. 3 ЖК РФ необходимо конкретизировать лиц, которые имеют право в отсутствие разрешения суда и при чрезвычайных обстоятельствах проникать в жилище [8, с. 58]. Также необходимо отметить проблему неустойчивости определения содержания и пределов принципа неприкосновенности жилища, данный принцип наиболее всех подвержен изменениям ввиду различных политических причин и ввиду доктринальных дискуссий о толковании понятия «жилище», как в нашей стране, так и в иностранных юрисдикциях. Например, политический фактор изменений данного принципа прослеживается в международном опыте, в Южно-Африканской Республике [6].

Принцип социальной справедливости отраженный в конституционном, жилищном и гражданском праве проявляется в вере в добро и справедливость. Его очертания можно наблюдать в преамбуле Конституции РФ, а в ЖК РФ закрепление социальной справедливости аналогично добросовестности [5, с. 164]. Закрепление принципа социальной справедливости и определение его понятия необходимо в Конституции РФ и ЖК РФ, например, принцип социальной спра-

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

ведливости можно определить как основополагающую идею государственной политики, направленную на создание условий для справедливого распределения благ и возможностей, с учетом индивидуальных потребностей и вклада граждан в развитие государства и его общества. В контексте жилищного права социальная справедливость подразумевала бы не только равный доступ к жилищу, но и его качество, так как жилище является базовой потребностью человека. К сожалению, исследование принципов социальной справедливости в современной социальной политике показало, что на протяжении 20 лет в Российской Федерации социальная политика не снизила неравенство, что свидетельствует о несостоятельности данной политики [3, с. 82].

Принцип достаточности жилища возник из международного права и проникает в конституционное, гражданское и жилищное российское право. Право на достаточное жилище закреплено во многих Конституциях за рубежом, в том числе и в России [4, с. 46-47]. Исследовав право на достаточное жилище [4] автор научной статьи пришел к выводу о том, что ввиду многочисленного трактования института достаточности жилища возникает проблема конкретизации понятий «международное право на достаточное жилище» и «право на жилище» в национальном законодательстве, решение данной проблемы видится в закреплении достаточности жилища как принципа, который будет являться межотраслевым как для жилищного, так и для гражданского права.

Принципы «экономики замкнутого цикла» облаченные в нормах права и проходящие пока только тонкой нитью (упоминается в нормах права, что жилое помещений должно соответствовать требованиям законодательства, в том числе и экологическим требованиям) проходят через жилищное, градостроительное, экологическое право. Данные принципы пока являются теоретическими и новыми для российского законодательства, но у автора научной статьи есть основания полагать, что принципы «экономики замкнутого цикла» необходимо сформулировать и закрепить в праве, и они могут быть межотраслевыми как минимум для экологического и жилищного права. К данным принципам относят: сокращение бытовых отходов (Reduce), повторное использование бытовых отходов (Reuse), переработку отходов (Recycle) [11, с. 759]. М.А. Гурева и Ю.С. Девяткова отмечали, что экономика замкнутого цикла позволит минимизировать зависимость от производственных ресурсов, преодолеть социальное неравенство и уменьшить вред окружающей среде [13, с. 167], с чем трудно не согласиться, так как переработка твердых бытовых отходов должна стать одним из ключевых элементов в жилищной политике Российской Федерации, интегрируя экологические нормы в отношения управления жилыми помещениями.

В контексте жилищного права принцип сокращения отходов (Reduce) может подразумевать минимизацию потребления материалов с наибольшей опасностью для окружающей среды и здоровья человека при эксплуатации жилища (например, при ремонте жилого помещения и в бытовой жизнедеятельности). Принцип сокращения отходов (Reduce) заключается в повторном использовании материалов, которые создают риски для благоприятной окружающей среды и здоровья человека, тем самым сокращая появление нового вредоносного материала. Так как с большей вероятностью в ближайшие десятилетия наше

общество не сможет отказаться от всех материалов, которые несут в себе риски для окружающей среды (например, пластиковые тары), то их использование должно быть рациональным и при возможности их нужно использовать повторно. Данную тенденцию поведения, среди населения следует продвигать уже сейчас, чтобы облегчить введение этого принципа доктринально в будущем. Стоит ввести такое поведение в культурный код нации. Принцип сокращения отходов в жилищных отношениях можно сформулировать на этапе введения сначала как обязывающий, а далее как запрещающий. И сформулировать следующим образом: «Запрещается проектирование, строительство и эксплуатация объектов жилищного фонда с применением решений, приводящих к необоснованному образованию отходов, при наличии технически и экономически обоснованных альтернатив, обеспечивающих сокращение их объёма.»

Принцип переработки (Recycle) относился бы в большей степени к организации по сбору твердых бытовых отходов, после чего отходы перерабатывались бы во вторичное сырье или шли на вторичное использование. Эту практику в рамках жилищного законодательства и отношений по предоставлению коммунальных услуг и управлению многоквартирным домом, можно было бы ввести в деятельность управляющих компаний и в полномочия собственников, как обязанность заключения договоров с различными компаниями, а не только с региональным оператором на отдельный сбор мусора. Раздельный сбор мусора пропагандируется, ставятся мусорные ящики для раздельного сбора отходов, но приезжает мусорная машина и все раздельно собранные отходы сваливаются в одну мусорную машину...и вывозятся на утилизацию региональным оператором..., чтоб этого не происходило за сортировкой мусора и его вывозом должна следить управляющая компания (можно продумать в данном случае разные экономически выгодные варианты: например доходы от раздельного сбора мусора, его реализации и переработки идут на общедомовые нужды и определенный процент в доход управляющей компании.)

Повторное использование бытовых отходов – это превращение мусора в ценное сырье для производства новых товаров, что сокращает потребление природных ресурсов, экономит энергию и снижает нагрузку на свалки. Положительных примеров внедрения принципов «экономики замкнутого цикла» предостаточно в разных странах. Например, работа Т. Далтон и его соавторов иллюстрирует роль строительных материалов в переходе жилищной индустрии Австралии к экономике замкнутого цикла. Авторы анализируют жилищную отрасль как институциональную систему, которая сопротивляется изменениям, но нуждается в трансформации для снижения углеродного следа и минимизации отходов. Авторы предлагают переход к новому циклу: развитие рынков вторичных материалов, регуляции низкоуглеродных альтернатив (например, геополимерный бетон) и улучшение переработки отходов (значительная часть отходов в Австралии отправляется на свалки) [12].

Данные рекомендации также можно использовать и в Российской Федерации для применения принципов циркулярной экономики. В Австралии жилищная отрасль включает в себя градостроительную, но в рамках Российской Федерации стоит учитывать разграничение градостроительного и жилищного

права и вносить законодательные изменения для обеих отраслей. Правовые пробелы в законодательстве об утилизации твердых бытовых отходов также не должны остаться без внимания и их необходимо восполнить, исследованию данной проблемы была посвящена одна из научных работ автора статьи [7].

Таким образом, к межотраслевым принципам можно отнести: принцип добросовестности; принцип неприкосновенности жилища; принцип социальной справедливости; принцип достаточности жилища; принципы экономики замкнутого цикла.

Также автором научной статьи межотраслевыми принципами, которые относятся к гражданскому и жилищному праву, были обозначены: принцип свободы договора [5, с. 161-162]; принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав [4, с. 164-165], принцип восстановления и защиты нарушенных прав [5, с. 165], принципы равенства и доступности [5, с. 165].

Думается, что такое соотношение межотраслевых принципов и отраслей права лишь примерно и автор научной статьи не исключает отнесение того или иного принципа к другим отраслям.

Следует подвести итог выявленных доктринальных проблем определения межотраслевых принципов жилищного права, данные проблемы можно подразделить на общие и специальные. Общие проблемы относятся ко всем межотраслевым принципам, включая принципы жилищного права, а специальные – только к межотраслевым принципам жилищного права. Общими доктринальными проблемами можно назвать:

- 1) упущение правоведами указания, к каким двум и более отраслям относится конкретный межотраслевой принцип;
- 2) устаревшее утверждение об отсутствии межотраслевых принципов;
- 3) риск излишнего расширения межотраслевых принципов и последующее их обесценивание;
- 4) адаптация принципов из других отраслей без их достаточной конкретизации;
- 5) отсутствие единой методологии классификации межотраслевых принципов;
- 6) отсутствие нормативного закрепления принципов, которые уже регулируют общественные отношения.

Специальными доктринальными проблемами следует указать:

- 1) отсутствие упоминания добросовестности как принципа в ЖК РФ;
- 2) нестабильность определения содержания принципа неприкосновенности жилища ввиду возможных политических причин;
- 3) отсутствие закрепления в Конституции РФ и ЖК РФ принципа социальной справедливости, что приводит к неопределенности его применения, несостоятельность социальной политики государства свидетельствует о наличии данной проблемы.
- 4) многочисленные трактовки института достаточности жилища приводят к проблеме уточнения некоторых понятий, что требует закрепления достаточности жилища как принципа и его конкретизации.

Библиографический список

1. Абдреев, Т. И. Принцип добросовестности в Российском праве: межотраслевой анализ / Т. И. Абдреев, Э. В. Краснов // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 7(149). – С. 58-62. – DOI 10.24158/tipor.2020.7.10. – EDN QAZCPZ.
2. Басос, Е. В. Толкование принципов жилищного права / Е. В. Басос // Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты): Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 19 ноября 2020 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021. – С. 3-9. – EDN QXYSMG.
3. Гретченко, А. И. Реализация принципов социальной справедливости в современной социальной политике (на примере национального проекта "человеческий капитал") / А. И. Гретченко, Н. А. Каверина // Вестник НГУЭУ. – 2020. – № 2. – С. 71-85. – DOI 10.34020/2073-6495-2020-2-071-085. – EDN PFZMOF.
4. Ковалева О.А. Основные подходы к изучению права на достаточное жилище: систематический обзор научных источников. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022;12(2):42-51. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-42-51>.
5. Ковалева О.А., Трансплантация гражданско-правовых принципов в жилищное право / О.А. Ковалева // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: IX Национальная научно-практическая конференция (г. Казань, 27-28 февраля 2025 г.) / Под ред. д-ра юрид. наук Р.Ф. Степаненко, д-ра юрид. наук А.Б. Мезяева, д-ра юрид. наук С.Н. Тагаевой, канд. юрид. наук С.М. Аламовой: в 2-х ч. – Казань: ИЦ Университета управления «ТИСБИ», 2024. – Ч. I. – С. 160-166.
6. Ковалева, О. А. Влияние принципов уголовного права на развитие и реализацию принципов жилищного права: содержание, пределы и правоприменительная практика / О. А. Ковалева // Актуальные проблемы интеграции науки и образования в регионе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Бузулук, 21 мая 2025 года. – Бузулук: Оренбургский государственный университет, 2025. – С. 241-245. – EDN DYCQTY.
7. Ковалева, О. А. Правовые пробелы в законодательстве об утилизации твердых бытовых отходов / О. А. Ковалева // Проблемы и перспективы развития права в контексте глобальных вызовов: Материалы национальной научно-практической конференции, Оренбург, 23–24 ноября 2023 года. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2024. – С. 51-57. – EDN GDPTIJ.
8. Ковалева, О. А. Принцип неприкосновенности жилища как конститутивный (устанавливающий) принцип структурирования жилищного права / О. А. Ковалева // International Law Journal. – 2022. – Т. 5, № 6. – С. 55-60. – EDN WLFCJW.

9. Набиев, Ф. С. Межотраслевые принципы права: понятие и классификации / Ф. С. Набиев // Академический юридический журнал. – 2016. – № 1-2(17-18). – С. 62-75. – EDN CCUMSC.

10. Филипченко, Г. Е. Особенности закрепления и реализации межотраслевых принципов права на примере производства по делам об административных правонарушениях / Г. Е. Филипченко // Власть Закона. – 2023. – № 2(54). – С. 321-334. – EDN PWNCAE.

11. Шишмарева, А. В. Принципы экономики замкнутого цикла / А. В. Шишмарева // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Красноярск, 23–24 апреля 2020 года / под общей редакцией Ю. Ю. Логинова. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева", 2020. – С. 758-760. – EDN AWNQTV.

12. Dalton, T., [...] M., Moore, T. (2023). Building materials in a circular economy. AHURI Final Report No. 402. Australian Housing and Urban Research Institute Limited. doi: 10.18408/ahuri5328401.

13. Gureva, M.A., Deviatkova, Yu.S. (2020). Formation of the Concept of a Circular Economy. *Sistemas & Gestão*, 15(2), 156–169. doi: 10.20985/1980-5160.2020.v15n2.1656.

© Ковалева О.А., 2026

УДК 347

Козлова Ксения Яковлевна,
Адвокат Московской коллегии адвокатов «Манакон и партнеры»,
Москва, Россия, k.k.ya@mail.ru

МЕХАНИЗМ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА КАК ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО БОРЬБЫ С САНКЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В современных экономических реалиях России, характеризующихся беспрецедентным санкционным давлением со стороны западных государств, механизм параллельного импорта приобрёл стратегическое значение как инструмент обеспечения национальной экономической безопасности и сохранения доступа к критически важным товарам и технологиям. Однако текущая реализация данного механизма сопряжена с рядом существенных недостатков, включая непрозрачность логистических цепочек, увеличение издержек импортёров, отсутствие официальной гарантийной поддержки, а также сложности с таможенным оформлением и сертификацией продукции.

В представленной статье автором предложена оптимизация механизма параллельного импорта как инструмента преодоления санкционного давления на основе глубокого анализа судебно-арбитражной практики, сложившейся в современной экономико-правовой действительности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, механизм, оптимизация, параллельный импорт, санкции, товар, санкционные ограничения, защита прав, судебная практика.

Kozlova Ksenia Yakovlevna,
Lawyer of the Moscow Bar Association «Manakov and Partners»,
Moscow, Russia, k.k.ya@mail.ru

PARALLEL IMPORT MECHANISM AS A LEGAL MEANS OF COMBATING SANCTIONS PRESSURE FROM UNFRIENDLY STATES

Abstract. In the modern economic realities of Russia, characterized by unprecedented sanctions pressure from Western countries, the parallel import mechanism has acquired strategic importance as a tool to ensure national economic security and maintain access to critical goods and technologies. However, the current implementation of this mechanism is fraught with a number of significant drawbacks, including the lack of transparency of logistics chains, increased costs for importers, lack of official warranty support, as well as difficulties with customs clearance and product certification.

In the presented article, the author suggests optimizing the mechanism of parallel imports as a tool for overcoming sanctions pressure based on an in-depth analysis of judicial arbitration practice established in modern economic and legal reality.

Keywords: entrepreneurial activity, mechanism, optimization, parallel import, sanctions, goods, sanctions restrictions, protection of rights, judicial practice.

Убеждены, что в современных условиях критическое значение приобретает разработка и внедрение системных мер по оптимизации механизма параллельного импорта, которые позволят не только нивелировать его текущие недостатки, но и трансформировать его во всеобъемлющий инструмент долгосрочного противодействия санкционному давлению с учётом специфики различных отраслей экономики и технологического суверенитета страны.

Именно поэтому, как представляется, разработка эффективных направлений оптимизации механизма параллельного импорта становится критически важной задачей для российской экономики. Современное состояние параллельного импорта характеризуется определённой стихийностью, фрагментарностью правового регулирования и недостаточной системностью подходов к его организации.

Обратим отдельное внимание на то обстоятельство, что рассматриваемый механизм изначально рассматривавшийся как временная мера, в настоящее время приобрёл характер системообразующего элемента внешнеэкономической деятельности, обеспечивающего доступ к критически важным товарам зарубежного производства. Национальная экономика получила инструмент, позволяющий частично нивелировать негативные последствия ограничительных

экономических мер, однако эффективность данного механизма требует существенного повышения через комплексную оптимизацию.

Полагаем, что частичная легализация механизма параллельного импорта в России сопровождается изменением традиционного подхода к охране исключительных прав. Одной из ключевых проблем в указанной области является правовая неопределённость, возникающая при квалификации действий участников гражданского оборота, реализующих товары, ввезённые на территорию России без прямого согласия правообладателя.

В контексте осуществления ввоза товаров по параллельному импорту ключевым критерием, определяющим правомерность таких действий, выступает подлинность (оригинальность) продукции. Это обусловлено тем, что перечень, утверждённый Минпромторгом РФ, не распространяется на случаи ввоза контрафактной продукции. Как уже было отмечено ранее, импортёру необходимо иметь исчерпывающий пакет документов, достоверно подтверждающей всю логистическую цепочку движения товара – от первоначального иностранного дистрибьютора до конечного потребителя.

По нашему мнению, при разрешении споров, связанных с определением оригинальности продукции, ввозимой в рамках параллельного импорта, необходимо чаще обращаться к институту судебной экспертизы. Привлечение специалистов, обладающих компетенциями и специализированными знаниями в области конкретных категорий товаров, позволит объективно установить соответствие продукции признакам оригинальности. В качестве экспертов целесообразно рассматривать в том числе лиц, ранее осуществлявших сервисное и гарантийное обслуживание продукции тех компаний, которые прекратили свою деятельность на территории Российской Федерации.

Следует констатировать, что современное состояние системы параллельного импорта характеризуется множеством проблем: удлинением сроков поставок из-за необходимости выстраивания сложных цепочек транзитных перевозок; снижением качества поставляемых товаров и рисками приобретения контрафактной продукции; отсутствием должного гарантийного обслуживания; отсутствием единообразия в правоприменительной практике по спорам, связанным с введением механизма параллельного импорта.

Первым направлением оптимизации должно стать совершенствование нормативно-правовой базы параллельного импорта. Законодательное регулирование, в частности, требует более чёткого определения статуса параллельно импортируемых товаров, установления механизмов защиты прав потребителей при приобретении такой продукции, разработки систем сертификации и маркировки товаров, направленные на подтверждение подлинности. Правовая определённость, как показывает иностранная правоприменительная практика, позволит снизить риски для участников внешнеэкономической деятельности и создаст предсказуемые условия для развития данного сегмента.

Диверсификация географии параллельного импорта является четвёртым важнейшим направлением оптимизации. Расширение круга стран-посредников, установление специальных торговых режимов с государствами, не присоединившимися к санкциям, а также создание сети доверенных контрагентов в раз-

личных регионах мира позволят снизить уязвимость каналов поставок. Ключевое значение приобретает развитие сотрудничества со странами БРИКС, ШОС, ЕАЭС и другими партнёрами, заинтересованными в развитии многополярной экономической системы [1, с. 26].

С технологической точки зрения, поддержка механизма параллельного импорта должна включать создание цифровых решений для отслеживания товаров, верификации их подлинности, координации цепочек поставок. Использование блокчейн-технологий с целью повышения прозрачности и безопасности транзакций, наряду с разработкой аналитических платформ для мониторинга и прогнозирования поставок, представляется важным шагом к технологической модернизации механизма.

Важным направлением оптимизации выступает создание системы государственной поддержки и координации параллельного импорта. Формирование специализированных институтов, отвечающих за развитие данного направления, разработка программ субсидирования критически важных поставок, а также организация информационно-консультационной поддержки участников внешнеэкономической деятельности обеспечат более системный подход к решению возникающих проблем. Эффективная государственная координация позволит концентрировать ресурсы на наиболее важных направлениях, минимизировать дублирование усилий и повысить эффективность импортозамещения.

Развитие специализированных компетенций и подготовка кадров для работы в условиях параллельного импорта также должно рассматриваться как самостоятельное направление оптимизации. Разработка образовательных программ по специфике организации поставок в условиях санкционных ограничений, юридического сопровождения таких операций, управления рисками, а также поиска альтернативных поставщиков и логистических маршрутов обеспечит профессиональную основу для развития механизма [2, с. 180].

В перспективе постепенная интеграция параллельного импорта с программами импортозамещения создаст синергетический эффект. При этом параллельный импорт должен рассматриваться не как постоянное решение, а как переходный механизм, обеспечивающий доступ к необходимым компонентам и технологиям в период развития отечественных производств. Координация программ параллельного импорта с программами локализации производства позволит определить приоритетные направления государственной поддержки и инвестиций.

Таким образом, трансформация механизма параллельного импорта из экстренного решения в элемент долгосрочной экономической стратегии требует комплексного подхода, сочетающего нормативно-правовое регулирование, инфраструктурное развитие, финансовую поддержку, технологические инновации и кадровое обеспечение. Только при условии комплексной реализации по всем указанным направлениям позволят превратить параллельный импорт из вынужденной меры реагирования на санкционное давление в эффективный инструмент обеспечения экономического суверенитета России в условиях глобальной геополитической турбулентности.

Формирование эффективной логистической инфраструктуры для параллельного импорта требует комплексного подхода, включающего создание раз-

ветвлённой сети специализированных логистических хабов в стратегически важных приграничных территориях России, а также в дружественных государствах, не присоединившихся к санкционной политике.

Цифровизация логистических процессов при параллельном импорте предполагает внедрение унифицированных цифровых платформ, обеспечивающих прозрачность всей цепочки поставок, начиная от закупки у иностранного поставщика и заканчивая доставкой конечному потребителю в России. Такие платформы должны интегрировать функции отслеживания грузов в режиме реального времени, автоматизированного таможенного оформления, расчёта оптимальных маршрутов и координации действий всех участников логистического процесса. Представляется, что реализация таких технологических решений позволит параллельным импортёрам с лёгкостью доказывать оригинальность ввозимых товаров посредством предоставления достоверной информации о всей логистической цепочки от производителя до конечного потребителя при наличии соответствующих споров.

Существенным направлением оптимизации выступает создание специальных экономических зон (далее – СЭЗ) с упрощёнными таможенными процедурами для компаний, специализирующихся на параллельном импорте. СЭЗ могут располагаться в приграничных регионах России, предоставляя резидентам налоговые льготы, упрощённый порядок таможенного оформления и возможность применения процедуры свободной таможенной зоны. Таким образом, подобные меры значительно снижают административные барьеры и ускоряют процесс поставки импортных товаров на российский рынок [3, с. 20].

Финансовые трудности, с которыми сталкиваются параллельные импортёры, многогранны и требуют комплексного решения. Ограничения доступа к международным платёжным системам, сложности с проведением трансграничных расчётов и высокие валютные риски создают значительные барьеры для эффективного функционирования механизма параллельного импорта. Правовые аспекты также вызывают существенную озабоченность бизнеса – несмотря на легализацию параллельного импорта в России, компании опасаются потенциальных исков правообладателей, особенно при выходе на международные рынки.

Развитие специализированных финансовых инструментов для поддержки параллельного импорта должно стать приоритетным направлением государственной политики. Представляется целесообразно создание специального фонда льготного кредитования участников параллельного импорта с упрощёнными требованиями к обеспечению и пониженными процентными ставками. Безусловно, государственные гарантии по кредитам для импортёров значительно снизили бы финансовую нагрузку и риски для банковского сектора, делая финансирование таких операций более доступным.

Таким образом, внедрение альтернативных механизмов международных расчётов представляет собой важнейший элемент финансовой независимости системы параллельного импорта. Совершенствование финансового обеспечения логистических операций при параллельном импорте требует формирования специализированных финансовых инструментов и механизмов расчётов, устойчивых к санкционным ограничениям. В частности, внедрение альтернативных

платёжных систем, использование цифровых финансовых активов в международных расчётах могут создать необходимую финансовую инфраструктуру для бесперебойного осуществления логистических операций.

Кроме того, развитие корреспондентских отношений с банками дружественных стран, а также создание клиринговых центров вне западных юрисдикций позволит обойти ограничения традиционных платёжных систем. С учётом существующих условий валютный контроль требует существенной либерализации для участников параллельного импорта – продление сроков репатриации валютной выручки, смягчение требований по обязательной 69 продаже валютной выручки, а также упрощение документооборота при проведении валютных операций [4, с. 59].

Кроме того, налоговое стимулирование участников параллельного импорта способно существенно повысить эффективность данного механизма. Введение налоговых льгот, включая сниженные ставки по налогу на прибыль и НДС для компаний, осуществляющих параллельный импорт критически важных товаров, временное освобождение от налога на имущество для складских комплексов, используемых в цепочках параллельного импорта, создаст дополнительные стимулы для бизнеса.

В свою очередь, формирование специализированной инфраструктуры финансовой поддержки параллельного импорта предполагает создание специализированного института развития или наделение существующих институтов (ВЭБ.РФ, Российский экспортный центр) соответствующими полномочиями и ресурсами. Данный институт мог бы координировать финансовую поддержку параллельного импорта, предоставлять гарантии, осуществлять консультирование и обучение участников внешнеэкономической деятельности, разрабатывать и внедрять новые финансовые инструменты.

В результате совершенствование финансово-правовых механизмов поддержки параллельного импорта позволит значительно расширить круг участников данной деятельности, снизить стоимость импортируемых товаров, обеспечить стабильность поставок критически важной продукции и в конечном итоге повысить устойчивость российской экономики к санкционному давлению.

Автором доказывается, что в условиях введённых ограничительных мер со стороны иностранных государств, правовой механизм параллельного импорта, применяемый в Российской Федерации, представляет собой временную и во многом адаптивную экономико-правовую меру, направленную на обеспечение стабильного товарооборота в условиях внешнеэкономических ограничений, установления неправомерного санкционного давления на нашу страну. Несмотря на определённые положительные результаты, достигнутые в части «насыщения» внутреннего рынка товарами, его нормативно-правовая основа остаётся несистемной и фрагментарной. Использование преимущественно подзаконных актов, не подкреплённых едиными принципами, закреплёнными в Гражданском кодексе РФ, создаёт риск произвольного правоприменения и неоднозначности в толковании норм при защите частных и публичных интересов. В то же время, эффективное функционирование параллельного импорта сопряжено с рядом

правовых сложностей, включая вопросы разграничения контрафактной и оригинальной продукции.

Библиографический список

1. Амирова Н.Р., Саргина Л.В. Параллельный импорт как инструмент обеспечения экономической безопасности России в условиях санкций // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2023. № 3 (129). С. 24-36.
2. Беркович М.И., Тихонова Е.С. Эффективность механизма параллельного импорта в контексте обеспечения экономического суверенитета России // Экономика и предпринимательство. 2023. № 5. С. 178-183.
3. Глазьев С.Ю. Экономическая стратегия России в условиях санкционного давления: новые вызовы и решения // Вопросы экономики. 2022. № 7. С. 5-29.
4. Кузнецов С.В., Горин Е.А. Диверсификация экономических связей: параллельный импорт и технологический суверенитет // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2023. № 2 (75). С. 57-69.

© Козлова К.Я., 2026

УДК 347.21

Коновалов Алексей Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права Юридического института
Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы
Москва, Россия, 11422306848@rudn.ru

Научный руководитель:
Одинцов Станислав Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института
Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы
Москва, Россия, odintsov-sv@rudn.ru

ТОКЕНИЗАЦИЯ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА И СОВМЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация: статья посвящена исследованию феномена токенизации как правового и технологического инструмента, способного трансформировать традиционные модели управления общим имуществом. На основе анализа цивилистической доктрины и опыта иностранных юрисдикций по регулированию оборота цифровых активов, включая токенизированное имущество, предлага-

ются пути совершенствования законодательства России в исследуемой области. Особое внимание уделено правовым аспектам токенизации, а также исследованию моделей реализации совместного управления токенизированным имуществом.

Ключевые слова: правовое регулирование; цифровая экономика; цифровые активы; токены; токенизация имущества; право общей собственности; децентрализованные автономные организации.

Kononov Aleksey Sergeevich

graduate student of the department of civil law and
procedure and international private law at the Law Institute
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russia, 11422306848@rudn.ru

Scientific supervisor:

Odintsov Stanislav Valerievich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and
Procedure and Private International Law at the Law Institute
P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia, odintsov-sv@rudn.ru

TOKENIZATION OF COMMON PROPERTY AND JOINT MANAGEMENT: DOCTRINAL FOUNDATIONS AND FOREIGN EXPERIENCE

Abstract: this article explores the phenomenon of tokenization as a legal and technological instrument capable of transforming traditional models of co-ownership property management. Based on an analysis of civil law doctrine and the experience of foreign jurisdictions in regulating the circulation of digital assets, including tokenized property, it proposes avenues for improving Russian legislation in this field. Particular attention is paid to the legal aspects of tokenization and the study of models for implementing the joint management of tokenized property.

Key words: legal regulation; digital economy; digital assets; tokens; asset tokenization; co-ownership property law; decentralized autonomous organizations.

Введение

Цифровая трансформация экономики и социальных отношений оказывает значительное воздействие на традиционные институты гражданского права, порождая новые вызовы устоявшимся цивилистическим конструкциям и открывая ранее недоступные технологические возможности. Одним из наиболее значимых и дискуссионных феноменов последних десятилетий стала технология распределенных реестров (TPP) и её производные – цифровые активы. Если изначально интерес законодателей и исследователей был прикован к криптовалютам, то сегодня он в значительной степени смещен в сторону токенов.

В контексте ТРР токен – это записанная в цифровой платформе, основанной на распределённом реестре (ТРР-платформа), виртуальная учетная единица, выступающая цифровым представлением материального или нематериального объекта права [1, с. 26]. Процесс создания токена, представляющего определённый объект, принято именовать токенизацией этого объекта [2, с. 30]. Токенизация, как правовое явление, может стать серьёзным вызовом и одновременно перспективным направлением для классической цивилистики. В частности, данный феномен может оказать влияние на институт права собственности.

Воздействие токенизации на институт права собственности уже становилось предметом исследования в трудах российских цивилистов: Л. А. Новоселовой, А. И. Савельева, Л. Г. Ефимовой, Ю. С. Харитоновой, Л. В. Санниковой, Е. Е. Фроловой, С. В. Одинцова, Д. А. Павловой и др. В то же время проблемы воздействия токенизации на право общей собственности, включая вопросы совместного управления имуществом, изучены явно недостаточно, исследования носят фрагментарный характер. Целью настоящего исследования является восполнение указанного правового пробела.

Цели исследования:

- 1) Анализ доктринальных основ токенизации имущества;
- 2) Изучение зарубежного опыта правового регулирования токенов, включая сферы токенизации общего имущества и совместного управления;
- 3) Определение допустимых пределов и условий использования токенов как цифровых представлений имущества в гражданском обороте;
- 4) Формирование предложений по развитию правового регулирования России в исследуемой области.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, токенизация позволяет адаптировать право собственности к цифровой экономике, но режим владения, пользования и распоряжения токенизированным общим имуществом остаётся малоизученным. Во-вторых, токенизация способна повысить ликвидность традиционно малоликвидного имущества, а также снизить транзакционные издержки. В-третьих, существует запрос на более гибкие и прозрачные механизмы управления общей собственностью. В-четвертых, феномен токенизации сталкивается с противоречиями регулирования – неопределённостью правовой природы токена, рисками для добросовестных приобретателей и вопросами легитимности управления через смарт-контракты¹ (СмК).

Концептуальные подходы к определению правовой природы токенов

Несмотря на появление в российском законодательстве категории цифровых прав, правовой режим токенизации имущества, в том числе находящегося в общей собственности, остается фрагментарным и несистемным. Анализ существующих доктринальных подходов чрезвычайно важен для понимания проблематики токенизации общего имущества.

- Токен как технический способ фиксации права (адаптивный подход).

¹ Смарт-контракты представляют собой программные протоколы, которые в автоматическом режиме исполняют прописанные сторонами условия сделки при выполнении заданных критериев, исключая необходимость привлечения третьих лиц.

Значительная группа авторитетных российских ученых (Л. Ю. Василевская, О. С. Гринь, И. М. Конобеевская, Е. А. Суханов и др.) рассматривают токен не в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, а как современный цифровой способ фиксации и учета уже известных имущественных прав, являющийся эволюционным продолжением таких инструментов, как запись в реестре или бездокументарная ценная бумага. Сторонники этой позиции утверждают, что так называемое «цифровое имущество» не образует нового вида объектов гражданского оборота, а представляет собой лишь инновационный технический способ фиксации и обращения прав, главным образом обязательственных и корпоративных, сущность которых остается неизменной. В рамках данного подхода токенизация доли в общем имуществе может быть интерпретирована как новая форма учета прав: переход от ведения традиционного реестра (например, акционеров) к использованию ТРР, что может повысить надежность и снизить издержки, но не порождает качественно новых правовых категорий.

- Токен как носитель самостоятельного «цифрового права» (усложненный адаптивный подход).

Другая группа ученых (А. В. Герасимов, И. К. Харитонов, Б. М. Гонгало) настаивает на уникальной, синтетической правовой природе цифровых прав, предлагая считать их новым, самостоятельным объектом гражданских прав (как это установлено ст. 128 ГК РФ), стоящим в одном ряду с вещами, имущественными правами и нематериальными благами [3, с. 82-104]. Однако как справедливо отмечает Л.Г. Ефимова, российский законодатель вкладывает в понятие «цифровые финансовые активы»¹ содержание удостоверяемых прав, а не определяет правовой режим самого токена-носителя [1, с. 27]. Это приводит к терминологической коллизии: токен де факто выступает цифровым носителем, который удостоверяет цифровые права, что создает концептуальную путаницу и затрудняет однозначное определение объекта правоотношения.

- Токен как самостоятельный объект гражданских прав – «цифровое имущество» (сепаративный подход).

Наиболее новаторская и методологически значимая позиция, аргументированная в работах Л. Г. Ефимовой, заключается в последовательном признании «цифрового имущества», представленного в распределенном реестре определенными видами токенов (прежде всего, цифровой валютой и токенизированными ценными бумагами), являющимися самостоятельными объектами гражданских прав. Эти объекты предлагается относить к условной собирательной категории «нематериального имущества» (*res incorporales*) [1, с. 31]. Ключевыми признаками данной категории имущества являются нематериальность

¹ Статья 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // www.consultant.ru [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=521674&dst=1000000001&cacheid=952CF4F613FEAC9A79E605690C22731F&mode=splus&rnd=a6DbAQ#iWBz0AVqKn4GgER71> (дата обращения: 30.01.2026).

форма и способность выступать в качестве объекта абсолютных правоотношений, обязывающего всех третьих лиц воздерживаться от каких-либо посягательств.

Л. Г. Ефимова предлагает разграничивать «токены первого вида», фиксирующие права на существующее в реальном мире имущество, и «токены второго вида», ценность которых неразрывно связана с их цифровой природой. Последние являются не просто цифровым представлением определенного объекта, а либо создают новый цифровой актив, неразрывно с ним сливаясь (например, криптовалюта), либо становятся необходимым технологическим условием самого возникновения права требования (например, токенизированные ценные бумаги) [1, с. 27]. Правовой режим токенов второго вида может существенно отличаться от правового режима того имущества, которое они представляют, обосновывая их обособление в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

На такое «цифровое имущество», по мнению Л. Г. Ефимовой, могут возникать абсолютные правоотношения, структурно аналогичные вещным, в которых правообладателю токена противостоит неограниченный круг третьих лиц, обязанных воздерживаться от любых нарушений [1, с. 30, 38]. Следует отметить, что такой подход согласуется с идеями английской правовой доктрины и государственных институтов, в частности, Комиссии по правовой реформе Англии и Уэльса¹ (Law Commission, UKLC).

- Квалификация токена по функциональному и экономическому признаку (прагматический подход).

Данный подход широко распространен в зарубежной практике (Сингапур, США, Швейцария) и поддерживается рядом отечественных исследователей (С. В. Одинцов, И. В. Косорукова, М. А. Федотова и др.). Он предполагает, что правовая квалификация токена должна напрямую зависеть от его экономического содержания и набора прав, которые он предоставляет своему владельцу [3, с. 52-63].

Применительно к общему имуществу определенную релевантность могут иметь следующие разновидности токенов, выделяемые в доктрине:

- Токены-сертификаты: являются «цифровыми двойниками», предоставляющими держателю возможность удостоверить свои права на вещи и иное имущество, результаты работы, либо услуги. Их юридическая судьба и правовой режим неразрывно связаны с базовым активом.

- Инвестиционные токены: по своей правовой и экономической природе близки к бездокументарным ценным бумагам, так как предоставляют держателю определенные имущественные права (например, право требования выплаты, право на дивиденды, право на участие в корпоративном управлении, право на ликвидационную стоимость). Данная категория токенов является наиболее подходящей для использования при токенизации общего имущества.

¹ United Kingdom Law Commission. Digital assets: Final report, № 412, HC 1486. 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://lawcom.gov.uk/document/digital-assets-final-report/> (дата обращения: 25.01.2026).

- Служебные (утилитарные) токены: предоставляют держателю право доступа к определенным услугам или функциональным возможностям ТРР-платформы. Такие токены работают исключительно в рамках одной ТРР-платформы, что не позволяет квалифицировать их как самостоятельный объект гражданских прав. В контексте управления общим имуществом данная разновидность токенов может быть использована в качестве инструмента для аутентификации пользователей и управления общим имуществом.

- Платежные токены (криптовалюта): в связи с платежной природой этого типа токенов с точки зрения гражданского права они могут быть классифицированы как средство платежа. Платежные токены являются особой разновидностью безналичных денежных средств с признаками фидуциарного характера и могут использоваться для автоматического распределения доходов между совладельцами общего имущества через СмК.

- Гибридные токены: сочетают в себе функции других разновидностей токенов и могут использоваться совладельцами (пользователями) общего имущества в качестве универсального технического, правового и экономического инструмента [4, с. 1154-1156].

Модели реализации совместного управления токенизированным имуществом

Ряд зарубежных юрисдикций (Швейцария, Мальта, Лихтенштейн, Германия, отдельные штаты США и др.) уже накопили определенный опыт как нормативно-правового регулирования, так и судебно-арбитражной практики в рассматриваемой сфере. Компаративное исследование позволяет выделить три базовые модели правового регулирования цифровых активов (токенов), которые, будучи экстраполированы на сферу токенизированного общего имущества, формируют соответствующие модели его совместного управления.

■ Консервативная модель: корпоративно-трастовая архитектура управления.

Данная модель характерна для юрисдикций, которые в регуляторных целях квалифицируют токены исходя из их функционального и экономического содержания (прагматический подход). Как следствие, в рамках этой модели квалификация токена осуществляется по аналогии, в рамках уже существующих правовых конструкций – чаще всего ценных бумаг или иных финансовых инструментов. Такая модель, в частности, может быть реализована в США, Гонконге и ряде государств ЕС.

В этой парадигме токен рассматривается как цифровой аналог акции или пая. Управление токенизированным имуществом строится по классической иерархической схеме с централизованным эмитентом. Держатели токенов реализуют свои имущественные права через традиционные процедуры: участие в общем собрании, голосование по вопросам повестки, избрание органов управления и т.д.

Повседневная операционная деятельность и принятие текущих решений в рамках такой модели делегируются доверительному управляющему (трасти). ТРР, токены и СмК при этом играют лишь вспомогательную, сервисную роль,

автоматизируя стандартные процессы учета прав, подсчета голосов и распределения выплат, не меняя сути корпоративных отношений.

- Адаптивная модель: гибридное управление на основе СмК.

Эта модель, прослеживаемая в подходах Канады, Австралии и отчасти в текущем российском регулировании, предполагает более гибкое сочетание традиционных договорных конструкций (например, соглашения о совместной деятельности или договора доверительного управления) с автоматизированным исполнением принятых решений через СмК. Ключевые управленческие параметры, такие как кворум, порядок распределения доходов, условия одобрения крупных сделок или выбор подрядчиков, кодируются непосредственно в СмК.

Такая модель позволяет сократить объем обязанностей доверительного управляющего, обеспечив большую прозрачность и скорость исполнения решений, а также снизить агентские издержки. Она может быть реализована в рамках усложненного адаптивного подхода к квалификации токенов, когда известные гражданско-правовые конструкции наполняются новым цифровым содержанием.

- Сепаративная модель: децентрализованное автономное управление.

Наиболее радикальная и инновационная трансформация управления общим имуществом связана с созданием специальных правовых режимов для цифровых активов, как это имеет место в Великобритании (Англия и Уэльс), Сингапуре, Японии, Беларуси и Казахстане [3, с. 63]. Эта модель открывает путь для реализации наиболее прогрессивной формы управления общим имуществом – децентрализованного автономного управления (Decentralized Autonomous Organization, DAO). Потребность в управляющем сведена к минимуму, либо же полностью отсутствует, воплощая принцип прямого коллективного управления.

В рамках данной модели токены, представляющие доли в имуществе, одновременно являются инструментами управления. Держатели токенов благодаря СмК могут напрямую голосовать по ключевым вопросам, связанным с управлением. Результаты голосования, без участия посредников, могут быть также автоматически исполнены через запрограммированные СмК, которые, например, могут управлять счетами или взаимодействовать с внешними сервисами.

Ключевые правовые проблемы и риски токенизации общего имущества

Токенизация имущества и внедрение любых из рассмотренных моделей совместного управления им сопряжено с рядом специфических правовых проблем, требующих заблаговременного решения, рассмотрим их более подробно.

1. Проблема легитимации прав на токенизированное имущество.

Наибольшая сложность для внедрения в гражданский оборот совместного управления токенизированным имуществом связана с вещами, права на которые подлежат обязательной государственной регистрации. Без синхронизации данных в ТРР-платформе и государственных реестрах передача токена будет порождать правовые последствия лишь для участников ТРР-платформы, но не будет иметь юридической силы для третьих лиц. Для легитимации перехода прав в ТРР-платформе требуется законодательное признание юридической си-

лы записей в распределенном реестре и их прямая интеграция с государственными информационными системами [2, с. 27].

Отдельную сложность составляют вопросы квалификации СмК, опосредующих совместное управление токенизированным имуществом. Если такой СмК будет признан сделкой, требующей нотариального удостоверения или государственной регистрации (ст. ст. 163, 164 ГК РФ), выполнить данные формальные требования исключительно в рамках алгоритмического кода будет невозможно. Потребуется совершение сделки в письменной форме в виде отдельного документа (ст. ст. 153, 160 ГК РФ), поскольку СмК не содержит предусмотренных законом реквизитов и в настоящее время не может быть удостоверен нотариусом или внесен в государственный реестр.

2. Проблема идентификации пользователей на ТРР-платформах.

Противоречие между анонимностью пользователей публичных ТРР-платформ и императивными требованиями права является серьезным вызовом. ТРР опирается на криптографию и шифрование, скрывающие личность пользователей. При этом отсутствие процедур идентификации (Know Your Customer, KYC) создает риск признания недействительными сделок, совершаемых с токенизированным имуществом. Проблема связана с невозможностью соблюдения при таких условиях обязательных требований, гражданского законодательства к субъектному составу участников правоотношений (ст. ст. 166–180 ГК РФ).

Особую остроту проблема приобретает в контексте совместного управления общим имуществом, где легитимность решений «собрания токенодержателей» требует верифицированного состава участников. Анонимность приводит к подрыву основ гражданского права, допуская к управлению имуществом неустановленных или неуправомоченных лиц, либо позволяя обойти установленные законом ограничения (например, для иностранных владельцев).

Решение видится в использовании приватных (private) или пермиссионных (permissioned) ТРР-платформ, где все узлы и участники известны и верифицированы, а также в развитии института цифровой идентификации, что, однако, может нивелировать некоторые декларируемые преимущества децентрализации. Перспективным направлением также является внедрение в ТРР-платформы систем проверки пользователей и транзакций, при которых данные остаются зашифрованными, не подвергаясь раскрытию. В реализации такого подхода могут помочь протоколы доказательства с нулевым разглашением, а также методы криптографического хеширования, для безопасного хранения информации.

3. Проблема гражданско-правовой квалификации токенов и выбора механизмов защиты прав пользователей.

Отсутствие четкого правового статуса токенов ТРР-платформ в российском праве порождает проблему их гражданско-правовой квалификации и выбора адекватных механизмов защиты прав владельцев. Данная проблема обусловлена двойственной природой токена: он одновременно является и записью (информацией) и деривативным инструментом, опосредующим право на базовый актив (материальный или нематериальный). Такая гибридность вызывает

дискуссию о том, следует ли считать токен новым объектом права (*sui generis*) или особой формой фиксации других, уже существующих объектов права: вещей, бездокументарных ценных бумаг, иных имущественных прав и др.

От выбора правовой квалификации токена напрямую зависит применимый правовой режим, включая вопросы оборотоспособности, момента перехода прав, возможности применения тех или иных способов защиты, а также основания и способы обеспечения связанных с токеном обязательств. Если квалифицировать токен как обязательственное право требования, защита владельца будет сводиться к договорным искам, например, о понуждении исполнения обязательства, либо о возмещении убытков. Если же к токенам, как предлагают некоторые ученые, по аналогии применять правовой режим вещей (*res incorporales*), в этом случае в полной мере могут использоваться вещно-правовые иски, в частности, виндикационный и негаторный.

В то же время, ввиду трансграничности виртуальных правоотношений, существующие юрисдикционные способы защиты не слишком эффективны, особенно в случае банкротства контрагента или когда контрагентом является DAO. Кроме того порядок доказывания добросовестности приобретения и «выбытия из владения» в цифровой среде ТРР-платформ в настоящее время остается неопределённым и сопряжен с уникальными сложностями, не характерными для других объектов права.

4. Вопросы ответственности участников правоотношении с токенизированным имуществом, управляемым СмК.

Автоматизация управления токенами через СмК размывает субъект ответственности, а публичные оферты платформ зачастую оставляют владельцев токенов без эффективной защиты. Особую остроту проблема приобретает для моделей децентрализованного коллективного управления по типу DAO, где анонимность участников и отсутствие статуса юридического лица блокируют применение традиционных механизмов ответственности.

В российском правовом поле отсутствует системное регулирование и сложившаяся судебная практика по сделкам с токенами. Данный правовой вакуум, затрудняет распределение бремени доказывания и ограничивает доступ владельцев токенов к судебной защите [5, с. 479]. Требуется разработка специальных норм об ответственности операторов ТРР-платформ, эмитентов токенов и разработчиков СмК, а также институтов судебного вмешательства в исполнение СмК и обязательного страхования профессиональной ответственности ключевых участников экосистемы ТРР-платформ.

Российский законодатель уже предпринял первые шаги по регулированию данной сферы, введя в Гражданский кодекс РФ категорию «цифровых прав» как нового объекта гражданских прав и приняв специальные законы, регулирующие их оборот¹. В то же время действующий правовой режим остаётся

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении измене-

фрагментарным, слабо применим к иностранным ТРР-платформам и существующему рынку цифровых активов. Необходимо формирование правоприменительной практики или принятие дополнительного специального регулирования для иностранных цифровых активов.

5. Проблема запрета на использование криптовалюты в качестве средства платежа.

На рынке цифровых активов существуют так называемые гибридные токены, которые могут совмещать платежную функцию (цифровой валюты) с функцией удостоверения права на определенное имущество (например, долговое обязательство или драгоценный металл). Сделки с такими цифровыми активами, как и расчеты в криптовалюте, прямо противоречат императивному запрету на использование цифровых валют в качестве средства платежа на территории России (ст. 140 ГК РФ, ч. 5 ст. 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ).

Установленные ограничения, защищая монополию рубля в качестве законного средства платежа, идут вразрез с логикой развития цифровой экономики и де-факто делают незаконными значительную часть сделок российских граждан с цифровыми активами, включая токенизированное имущество [6, с. 20]. Правовые риски усугубляются еще и тем, что сделки с цифровыми активами, как правило, совершаются гражданами России на иностранных ТРР-платформах. С точки зрения российского гражданского права такие сделки, даже в случае попыток квалификации их в качестве договора мены, могут быть признаны недействительными (ст. ст. 168-170 ГК РФ).

Российский запретительный подход противоречит глобальному тренду на контролируемую легализацию цифровых активов через лицензирование и соблюдение стандартов FATF¹. Ограничение на расчеты в цифровой валюте сдерживает практическую реализацию концепции токенизированного имущества, так как лишает эмитируемые токены ликвидности и возможности использования в качестве инструмента расчетов. В рамках российского правового поля официальное распределение дивидендов, роялти, процентов по займу или иного дохода в виде цифровой валюты становится невозможно.

Заключение

Проведённое исследование показало, что токенизация имущества представляет собой сложный и многоаспектный феномен, оказывающий существенное влияние на классические институты гражданского права, включая право общей собственности. При этом правовой режим токенизации общего имуще-

ний в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // www.consultant.ru [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482679&dst=1000000001&cacheid=17D444B47C9E8BAE72902D7F6B44A4CA&mode=splus&rnd=a6DbAQ#BswM1AV1ALdZ3xv> (дата обращения: 30.01.2026).

¹ Financial Action Task Force (FATF) – Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, являющаяся международной межправительственной организацией, деятельность которой направлена на борьбу с отмыванием денег, противодействие финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения.

ства остаётся фрагментированным и противоречивым в большинстве юрисдикций, создавая ряд существенных рисков и препятствий для широкой практической реализации.

Международный опыт показывает, что успешное внедрение отдельных элементов токенизации общего имущества возможно посредством расширения функционала классических организационно-правовых форм (корпораций, товариществ, фондов), включения в структуру управления элементов автоматизации на основе СмК и введения специализированных правовых режимов для цифровых активов.

Для успешной интеграции оборота токенизированного имущества в российскую правовую систему необходимо решить ряд вопросов: установить единые правила квалификации токенов, определить пределы и условия их использования в гражданском обороте, обеспечить защиту прав добросовестных приобретателей, разработать эффективные механизмы разрешения споров и предотвращения возможных злоупотреблений.

По итогам исследования автором предлагаются следующие меры по совершенствованию законодательства России в сфере оборота и совместного управления токенизированным общим имуществом:

1. Установление единого правового режима токенов в качестве объектов гражданских прав. Необходимо ввести чёткое легальное определение токенов ТРР-платформ и их видов, закрепив единую квалификацию в зависимости от их функций и экономических характеристик. Такой подход позволит защитить интересы держателей токенов и избежать противоречий при разрешении судебных споров;

2. Разработка специального регулирования и определение форм совместного управления токенизированным имуществом. Для предотвращения правовых конфликтов и обеспечения эффективности функционирования моделей совместного управления токенизированным имуществом следует регламентировать процедуры правового взаимодействия собственников токенизированного имущества.

3. Обеспечение защиты прав добросовестных приобретателей токенов. Законодательство должно обеспечивать эффективную защиту добросовестных участников рынка цифровых активов, включая защиту от уголовно-правовых посягательств. Целесообразно заимствовать опыт разрешительного регулирования (Германия, Швейцария, Беларусь, Казахстан и т.д.) через внедрение лицензирования и стандартов FATF в отношении оборота токенов, а также разработать подходы к контролю над идентификацией пользователей ТРР-платформ и восстановлению утраченных токенов.

4. Ограниченная легализация расчетов в цифровой валюте. Запрет на использование цифровых валют в качестве средства платежа препятствует развитию в России оборота цифровых активов, необходимо рассмотреть возможность частичной легализации расчётов в цифровой валюте.

Библиографический список

1. Ефимова Л. Г. Категория «цифровое имущество» в контексте доктринальных споров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №. 9 (121). С. 25–39. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.025-039.
2. Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. №. 12. С. 29–44.
3. Павлова, Д.А. Цифровые права как объект частноправового регулирования : дис. ... канд. юр. наук : 5.1.3. / Павлова Дария Андреевна ; ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет». Санкт-Петербург, 2025. 210 с.
4. Odintsov S. V., Koncheva V. A., Trubina M. V. Tokens: Actual Problems of Determining the Legal Status and Classification //Institute of Scientific Communications Conference. Cham: Springer International Publishing, 2019. P. 1152–1158. DOI: 10.1007/978-3-030-47945-9_125.
5. Фролова Е. Е., Купчина Е. В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 3 (61). С. 479–498. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-479-498.
6. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. №. 6. С. 7–29. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29.

© Коновалов А.С., 2026

УДК 347

Крикунова Виктория Игоревна,
Судья Арбитражного суда г. Москвы
Москва, Россия, northstar20001@gmail.com

ЗАЩИТА ПРАВ УЧАСТНИКОВ ТРАНСГРАНИЧНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Аннотация: Поддержка российских участников международных коммерческих сделок со стороны государства реализуется посредством нормативных актов различного уровня, направленных на создание комфортных условий для ведения бизнеса в условиях ограничительных мер, установленных иностранными государствами и их союзниками.

В представленной статье рассматривается защита прав участников трансграничных коммерческих отношений в связи с введением экономических санкций, автором сформулированы отдельные выводы и предложения.

Ключевые слова: санкции, государственная поддержка, защита прав, предпринимательские отношения, международные коммерческие сделки, санкционные ограничения.

Krikunova Victoria Igorevna,
Judge of the Moscow Arbitration Court
Moscow, Russia, northstar20001@gmail.com

PROTECTION OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CROSS-BORDER COMMERCIAL RELATIONS IN CONNECTION WITH THE IMPOSITION OF ECONOMIC SANCTIONS

Abstract. Government support for Russian participants in international commercial transactions is implemented through regulations at various levels aimed at creating comfortable business conditions under restrictive measures imposed by foreign states and their allies.

The presented article examines the protection of the rights of participants in cross-border commercial relations in connection with the introduction of economic sanctions, the author formulates some conclusions and suggestions.

Keywords: sanctions, government support, protection of rights, business relations, international commercial transactions, sanctions restrictions.

В 2022 году в ответ на усиление санкционного давления российские власти оперативно сформировали пакет антикризисных мер, призванных обеспечить поступательное развитие национальной экономики¹. Параллельно с этим была создана Правительственная комиссия, основной функцией которой стало повышение устойчивости экономики страны к внешним ограничительным мерам. В рамках своей деятельности комиссия обеспечивает согласованное взаимодействие между федеральными и региональными органами власти, а также институтами развития, сосредоточив усилия на реализации комплексных мер по стабилизации финансового сектора, поддержанию занятости населения и обеспечению устойчивого функционирования стратегически важных отраслей². Так, например, в соответствии с Указом Президента РФ № 81, был установлен особый порядок осуществления сделок по предоставлению кредитов и займов лицам из недружественных стран, а также сделки, влекущие за собой право собственности на ценные бумаги и недвижимое имущество. Теперь такие сдел-

¹ План первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления // URL: <https://plan.nso.ru/measures/federal?ysclid=levn16phl26187601#plan1> (дата обращения: 20.12.2025).

² Постановление Правительства РФ от 21.01.2022 № 25-2 «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по повышению устойчивости Российской экономики в условиях санкций» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1485.

ки могут осуществляться только с разрешения, выданного Правительственной комиссией¹.

Государственная поддержка предоставляется не всем участникам рынка, а носит целенаправленный характер. Для того чтобы охватить всех нуждающихся субъектов и учитывать различия в регулировании в зависимости от сфер деятельности и отраслей, предлагается разделить меры поддержки по следующим критериям.

Государственные меры поддержки предпринимателей можно классифицировать по трем основным критериям:

1) По целевому назначению:

– Компенсационные меры, которые предназначены для субъектов, уже подвергшихся иностранным санкциям, с целью восстановления их правового статуса;

– Превентивные меры, которые направлены на минимизацию риска потенциальных ограничений путем защиты прав предпринимателей от возможных нарушений.

2) По адресности применения:

– Общие меры, распространяющиеся на всех российских предпринимателей;

– Специальные меры, касающиеся исключительно тех субъектов хозяйственной деятельности, в отношении которых введены ограничительные меры.

3) По сферам государственного регулирования предпринимательской деятельности, где применяются меры господдержки:

1. В сфере налогового регулирования: физические лица, являющиеся иностранными налоговыми резидентами и подвергшиеся ограничительным мерам (санкциям) в соответствующем налоговом периоде, не признаются налоговыми резидентами Российской Федерации в целях недопущения двойного налогообложения²;

2. В сфере валютного регулирования: резиденты освобождаются от административной ответственности за отдельные нарушения валютного законодательства, если такие нарушения обусловлены применением иностранных ограничительных мер и относятся к правоотношениям, возникшим в период с 23 февраля 2022 года по 31 декабря 2023 года³;

3. В сфере раскрытия информации: юридическим лицам, зарегистрированным на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя, а также субъектам предпринимательской деятельности, в отношении которых применяются иностранные ограничительные меры, предоставлено законное право не размещать в ЕГРЮЛ отдельные категории сведений, включая информацию об учредителях (участниках), проводимых процедурах реоргани-

¹ Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022 №10, Ст. 1466.

² Федеральный закон от 03.04.2017 № 58-ФЗ «О внесении изменений в главу 23 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 15 (ч. I). Ст. 2133.

³ Примечание 10 к ст. 15.25 КоАП РФ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

зации и полученных разрешительных документах¹. Параллельно кредитные организации² и эмитенты ценных бумаг³ получили законодательно закрепленную возможность ограничивать объем предоставляемой информации в случаях введения в отношении них санкционных ограничений иностранными государствами. Законодательство предусматривает исключения для ООО: в случаях, когда контрагентом выступает российское юрлицо, находящееся под санкциями иностранных государств или международных объединений, общество освобождается от обязанности раскрывать данные о крупных сделках и сделках с заинтересованностью⁴;

4. Совершенствование механизмов судебной защиты: в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации⁵ (далее – АПК РФ) были внесены существенные изменения, а именно статьей 248.1, закрепляющей исключительную подсудность споров с участием лиц, в отношении которых введены иностранные ограничительные меры, а также споров, связанных с применением таких мер, арбитражным судам Российской Федерации, и статьей 248.2 АПК РФ, предусматривающей право указанных лиц обращаться в российские суды с заявлениями о запрете инициирования или продолжения разбирательств в иностранных судебных органах и международных коммерческих арбитражах за пределами территории Российской Федерации;

5. В области государственных закупок (если введение санкций повлекло невозможность исполнения поставщиком контракта и, как следствие, расторжение с ним контракта и направление заказчиком в уполномоченный орган обращения о включении информации в РНП, такому поставщику дано право принять участие в заседании комиссии уполномоченного органа с представлением информации и документов, подтверждающих, что исполнение контракта оказалось невозможным в связи с введением санкций: «К такой информации и до-

¹ Постановление Правительства РФ от 06.06.2019 № 729 «Об определении случаев, в которых доступ к содержащимся в едином государственном реестре юридических лиц сведениям (документам, содержащим сведения) о юридическом лице может быть ограничен» // СЗ РФ. 2019. № 24. Ст. 3089.

² Постановление Правительства РФ от 23.11.2018 №1403 «Об особенностях раскрытия небанковскими кредитными организациями информации, подлежащей раскрытию в соответствии с требованиями Федерального закона "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)"» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. VI). Ст. 7608.

³ Постановление Правительства РФ от 04.04.2019 № 400 «Об особенностях раскрытия и предоставления информации, подлежащей раскрытию и предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона "Об акционерных обществах" и Федерального закона "О рынке ценных бумаг"» // СЗ РФ. 2019. № 15 (ч. IV). Ст. 1767.

⁴ Постановление Правительства РФ от 15.01.2018 №10 «Об определении случаев освобождения акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью от обязанности раскрывать и (или) предоставлять информацию, касающуюся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СЗ РФ. 2018. № 4. Ст. 628.

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

кументам могут быть отнесены любые информация и документы, содержание которых позволяет определить причинно-следственную связь между санкциями и невозможностью надлежащего исполнения контракта (то есть, последовательно развивающиеся события между введением таких санкций до невозможности надлежащего исполнения контракта)»¹;

6. В сфере исполнения обязательств: сформирован особый правовой режим, допускающий временную корректировку ключевых параметров контрактных отношений в сфере государственных и муниципальных заказов на выполнение строительных работ, объектов капитального строительства и работ по капитальному ремонту. Данный механизм предусматривает возможность оперативного пересмотра существенных условий контрактов в условиях экономической нестабильности².

В доктрине профессор А.Н. Левушкин обоснованно определяет, что в рамках частноправовых отношений защита законных прав и интересов участников экономической деятельности в условиях санкций осуществляется с использованием тех же механизмов, что и для любого другого субъективного гражданского права, но с учетом специфики жестких международных ограничительных мер санкционного давления [2, с. 7].

В современных реалиях беспрецедентного санкционного давления со стороны недружественных стран, под угрозой оказались ранее заключенные или только планируемые к заключению трансграничные коммерческие контракты, где одной из сторон является российский контрагент. В связи с этим российские участники трансграничных коммерческих сделок пытаются найти для себя способы минимизации санкционных рисков. Можно проследить возникновение следующих тенденций способствующих минимизации рисков:

- 1) Отказ от применения права недружественных стран и выбор российского либо нейтрального права;
- 2) Включение в контракты санкционных оговорок;
- 3) Проведение санкционного комплаенса перед заключением контракта;
- 4) Применение механизма освобождения от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, которое было вызвано введением санкций (оговорки о форс-мажоре и оговорки о затруднениях).

Способы защиты прав участников экономических отношений, закрепленные в гражданском законодательстве, имеют весьма эффективную форму реализации. Их применение способствует оптимальному использованию финансо-

¹ Информационное письмо Минфина России от 08.04.2022 № 24-01-09/29768 «О направлении информации о применении постановления Правительства Российской Федерации от 21 марта 2022 № 417» // Вестник ценообразования и сметного нормирования. 2022. Выпуск 4.

² Постановление Правительства РФ от 16.04.2022 № 680 «Об установлении порядка и случаев изменения существенных условий государственных и муниципальных контрактов, предметом которых является выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объекта капитального строительства, проведение работ по сохранению объектов культурного наследия» // СЗ РФ. 2022. № 17. Ст. 2894.

вых ресурсов компании и преодолению возможных препятствий для ведения бизнеса в рамках корпорации при санкционном давлении [2, с. 8].

Если компания обнаружит своего контрагента в одном из указанных списков, то стоит рассмотреть вопрос о целесообразности продолжения деловых отношений с ним. Помимо проверки самой компании-контрагента необходимо провести проверку ее руководителей, учредителей, бенефициаров и дочерних компаний. При такой проверке используется правило «50% + 1», согласно которому в случае принадлежности лицу, находящемуся под санкциями, свыше 50% уставного или акционерного капитала компания также считается подсанкционной [1].

В современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основаны на договорных отношениях, в том числе носящих предпринимательский характер [3, с. 15] [4, с. 31]. Любой договор - это, конечно, разновидность сделки. В свою очередь, сделка, в соответствии со ст. 153 ГК РФ, это действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Одним из действенных способов снижения рисков, связанных с санкциями, является добавление в договор санкционной оговорки. Включенная в международный контракт санкционная оговорка позволяет участникам заранее установить порядок действий в случае негативного влияния санкций на выполнение обязательств, а также предусматривает возможность расторжения соглашения и освобождения сторон от ответственности за невыполнение или ненадлежащее исполнение условий. Такие оговорки обычно подразделяются на два типа в зависимости от последствий введения санкций для участников – санкционные и антисанкционные условия.

Ключевое значение имеет правильный выбор правовой квалификации, поскольку именно он определяет круг фактов, подлежащих доказыванию, а также возможные процессуальные последствия (изменение условий договора, освобождение от ответственности или полное прекращение обязательств).

Таким образом, на сегодняшний день существует несколько способов защиты законных прав и интересов российских участников международных коммерческих сделок. Каждый из описанных выше способов применим на практике, однако не может обеспечить стопроцентную защиту стороны от санкционных рисков. Именно поэтому компании заблаговременно должны продумать основания для одностороннего внесудебного расторжения контракта, дабы избежать излишних финансовых и временных затрат в последующем. Также крайне действенным способом будет являться выстраивание политики санкционного комплаенса внутри компании.

В трансграничных экономических отношениях между контрагентами особенно актуальным является вопрос о роли санкционных оговорок во внешнеэкономических контрактах. Юридическое сообщество всерьез озадачено поиском способов защиты российских контрагентов трансграничных коммерческих отношений. Представляется важным определить необходимость такой оговорки в контракте, каким образом её интерпретируют суды, и в чём заключается разница между этой оговоркой и условием о форс-мажорных обстоятельствах.

Санкционная оговорка является лишь одной из множества видов оговорок в международных коммерческих контрактах, и стоит наряду с арбитражной оговоркой, оговоркой о применимом праве, форс-мажорной и валютной оговоркой. Очевидно, что подробно сформулированные положения о санкциях важны для компаний, участвующих в международной торговле, поскольку это поможет им управлять санкционными рисками, а также позволит и дальше вести бизнес, соблюдая различные режимы санкций.

В частноправовой науке обоснованно определено, что современное гражданское и предпринимательское законодательство направлены на создание и обеспечение равных экономических условий и возможностей для всех участников корпораций, обеспечение баланса их интересов, на защиту частных притязаний лиц и организаций с учетом публичных потребностей в сфере корпоративных отношений [5, с. 32].

Таким образом, совершенно очевидно, что сфера антисанкционного регулирования является динамичной. Это означает, что со временем перечень мер будет расширяться, сами меры будут видоизменяться, как будет изменяться и политическая ситуация в мире.

Библиографический список

1. Бутакова Я. Санкционные риски и договор: как обезопасить компанию // Юрист компании. 2022. URL: <https://www.law.ru/article/22599-sanktsionnye-riski-i-dogovor> (дата обращения: 20.12.2025).
2. Левушкин А.Н. Применение отдельных способов защиты корпоративных прав // Право и бизнес. 2025. № 3. С. 6-11.
3. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14 – 18.
4. Левушкин А.Н. Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 31-35.
5. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 29 – 36.
6. Хасанова Э. Инструменты санкционного комплаенса для бизнеса // URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/instrumenty-sanktsionnogo-komplaensa-dlya-biznesa/> (дата обращения: 20.12.2025).

© Крикунова В.И., 2026

Крыцула Алексей Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева
г. Краснодар, Россия, aakrytsula@gmail.com

ПЛАТФОРМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ КАК НОВАЯ ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ ДОГОВОРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: Значение платформенных решений в современных цифровых реалиях трудно переоценить. В ряде случаев платформы выступают единственно в качестве технического средства связи. В других же ситуациях платформы влияют на природу возникающих отношений, например, в случаях, когда они опосредуют возникновение и исполнение обязательств, связанных с цифровыми объектами, генерируют контент без участия человека, обеспечивают поступление информации к пользователям, регулируя состояние спроса и предложения на рынках и т.д. При этом не всегда можно ответить на вопрос о том, где заканчивается технологический аспект платформенных решений и в какой момент цифровое взаимодействие начинает трансформировать общественные отношения качественно. В таких условиях сложно обозначить те случаи, которые требуют специального правового регулирования, а в отношении которых достаточно уже существующих норм.

Ключевые слова: платформенные решения; цифровые платформы; цифровые объекты; обязательства; договорное право; гражданское право.

Krytsula Aleksey Alekseevich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor, Department of Civil Law,
North Caucasus Branch of the
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russia, krytsulaa@mail.ru

PLATFORM SOLUTIONS AS A NEW DIGITAL MODEL OF CONTRACTUAL INTERACTION

Abstract. The importance of platform solutions in today's digital reality is difficult to overestimate. In some cases, platforms act solely as a technical means of communication. In other situations, platforms influence the nature of emerging relationships, for example, when they mediate the creation and fulfillment of obligations related to digital objects, generate content without human intervention, ensure the flow of information to users, regulate supply and demand in markets, and so on.

However, it is not always possible to determine where the technological aspect of platform solutions ends and at what point digital interaction begins to fundamentally transform social relations. In such circumstances, it is difficult to identify cases that require special legal regulation and those for which existing norms are sufficient.

Keywords: platform solutions; digital platforms; digital objects; obligations; contract law; civil law.

Долгое время в научной литературе отсутствовал единый подход к определению цифровых платформ. Они рассматривались с точки зрения технических наук («информационная система» [1, с. 165], «совокупность программ для ЭВМ...» [2, с. 5]), а также с позиции экономических наук («цифровой продукт (рынок)...» [3, с. 88]) или как понятия комплексные («целостная система представлений о цифровых платформах...» [4, с. 88]). Как правило, для всех дефиниций сущностей, которые потенциально можно определять в качестве разновидностей цифровых платформ, в качестве родового понятия используются либо понятие информационной системы (то есть через ее техническое понимание), либо понятие бизнес-модели [5, с. 40]. Последнее понимание также затруднительно было назвать универсальным: к бизнес-моделям нельзя отнести платформы для осуществления государственных и муниципальных функций.

В связи с закреплением термина «цифровые платформы» в Федеральном законе от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» потребность в дискуссиях касательно расхождений в их понимании отпала. Так, под цифровыми платформами понимаются три типа объектов: информационная система, сайт в сети Интернет, программа для ЭВМ. Все они обеспечивают технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг¹. Таким образом, понятие цифровой платформы было определено для целей его использования касательно сферы электронной коммерции. Однако можно ли свести все многообразие платформенных решений только к сфере торговли? Представляется, что нет.

Первоначально цифровые платформы как техническая основа взаимодействия действительно возникли непосредственно в сфере экономического оборота, однако впоследствии обеспечение платформами оперативности взаимодействия и фиксация всех действий субъектов стали причиной их использования в сфере публично-правового управления. Нельзя не признавать наличие существенных отличий между государственными платформенными решениями и платформами «экономическими»: в части целей создания и функционирования, направленности деятельности, условий доступа и др. [1]. Кроме того, такая характеристика цифровых платформ, как высокий уровень саморегулирования, не

¹ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.11.2025).

может распространяться на платформенные решения, инициированные публично-правовыми образованиями для выполнения своих функций. Это, в свою очередь, может нивелировать те преимущества, которые призваны нести с собой платформы, в частности, преимущества их гибкости и оперативности реагирования на запросы общества.

Сами платформы динамичны, они способны менять форматы как в части взаимодействия с пользователями, так и в части включенности в их отношения. Сам пользователь не может с достаточной уверенностью определить, с кем именно он взаимодействует – непосредственно с самой платформой или с лицом, использующим данную платформу в качестве посредника. Все платформы существуют в рамках системы обязательственных правоотношений: внешне бесшовное взаимодействие скрывает под собой сложную структуру гражданско-правового взаимодействия (между платформами и пользователями, а также в рамках иных организационных связей – логистических соглашений и др.) [6, с. 117].

В законодательствах разных стран нет единой позиции касательно того, выполняет ли посредник единственно свою функцию без какого-либо вмешательства или выступает как отдельный субъект правоотношений и за какие именно действия он будет нести ответственность. Примером ситуации, обостряющей данный вопрос, стало неконтролируемое функционирование платформ искусственного интеллекта, оно может привести к генерации контента, правовая и моральная приемлемость которого стоит под вопросом. В таком случае не может быть однозначно определен не только автор контента, но и лицо, несущее ответственность за его создание. Другие аспекты вопроса – ответственность за технические сбои на платформах и ответственность за ограничение доступа к функционалу платформ.

При этом большинство платформ на основании пользовательских соглашений снимает с себя ответственность за качество оказанной услуги [7, с. 69]. В условиях очевидного неравенства переговорных возможностей правовое регулирование ответственности цифровых платформ должно обеспечивать баланс интересов сторон.

Отечественный законодатель пошел по пути разграничения случаев ответственности платформ и пользователей. Так, в рамках правового регулирования инвестиционных платформ можно выделить требования к взаимодействующим как «субъект – субъект», так и «субъект – объект – субъект» (например, в части установления оператором срока восстановления работы платформы) [8]. Нормы, исключаящие случай ответственности цифровой платформы, также содержатся в ст. 1253.1 Гражданского кодекса РФ (посвященной ответственности информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав), п. 2.1. ст. 12 Закона о защите прав потребителей (определяющей ответственность владельца агрегатора за предоставление информации) и т.д. Судебная практика, в свою очередь, не всегда дает четкие критерии разграничения случаев ответственности платформы. Так, в соответствии с п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 г. № 26 определение ответственности агрегатора такси зависит от того, могло ли у добросовестного гражданина-

потребителя сложится мнение, что договор заключается непосредственно с владельцем платформы [9]¹. Таким образом, решение об определении ответственности может зависеть от субъективного, индивидуального фактора внимательности или невнимательности конкретного потребителя.

Национальный подход разграничения случаев ответственности отличается от подхода иных правовых порядков. В свою очередь в Китае по отношению к сфере электронной торговли установлена коллективная ответственность как предпринимателя, так и владельца электронной площадки за размещение незаконного контента [10, с. 49]. В таких условиях можно предположить, что законодатель в определенных случаях сам может возложить функции регулятора на электронные платформы.

Представляется, что особенности функционирования платформ позволяют осуществлять регуляторные и контролирующие функции достаточно эффективно. Контент, зачастую генерируемый пользователями, проходит проверку алгоритмов, а сами платформы автоматизированы. Поэтому нарушение требований платформы становится практически невозможным (за исключением случаев программных сбоев или наличия белых пятен в механизме функционирования платформы). В тех случаях, когда платформа непосредственно становится средой исполнения, программный код делает отклонения невозможными. Если речь идет о выполнении платформой посреднической функции, а само обязательство исполняется в «живой среде», такие особенности цифровых платформ, как масштабируемость, повторяющиеся взаимодействия и техническая идентификация, позволяющие внедрить новые формы регулирования частной жизни – обзоры, рейтинги и рекомендации, – создают систему доверия, позволяющую платформам стать альтернативой традиционному регулированию.

Таким образом, основная особенность цифровых платформ и платформенных решений заключается в том, что платформа (как компьютерная программа) сама определяет условия среды: порядок и принципы ее функционирования «защиты» в коде.

Данная особенность позволила исследователям говорить о появлении «платформенного права» (термин *law of the platform*, предположительно, впервые встречается в специальном докладе Дэвида Кея ООН). Различные онлайн-образования в таком случае выступают в качестве нормотворцев [11, с. 110], поскольку требования, зашитые в код программ, распространяются на всех их пользователей. Поскольку действие платформы определяется программой, а не размещенными на ней правовыми документами, можно сказать, что платформенное право – это и не право вообще, это правила программы платформы, которые ввиду обязательности на платформе приобретают схожесть с нормами права. Однако зачастую термин «платформенное право» в литературе используется в более широком смысле, в качестве синонима цифрового права (т.е. как от-

¹ О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 // Российская газета. 04.07.2018. № 142.

расль права или отрасль законодательства) [12]. Здесь также следует отграничить платформенное право от машиночитаемого права. Последнее представляет собой изложение правовых норм¹ (то есть норм, установленных государством) на языке кода, в то время как платформенное право – изложение норм платформы. Однако в рамках использования одного конкретного платформенного решения, администрируемого в целях осуществления публично-правовыми образованиями своих функций, разница между машиночитаемым правом и платформенным стирается.

Таким образом, прозрачность работы, универсальность, гибкость платформенных решений обусловили их использование в самых разных сферах жизни общества, вызвав тем самым необходимость их позиционирования в правовом поле. Несмотря на пристальное внимание (и активную работу) законодателя в указанной области, терминологический аппарат остается разрозненным, зачастую предметным и узкоспециализированным. Платформенные решения, снижая транзакционные издержки, меняют их структуру, увеличивая в их общей массе издержки оппортунистического поведения и защиты имущественных прав. На исключение последних направлены как правила самих платформ, так и государственное регулирование (например, в части идентификации субъектов взаимодействия и установления систем оценок и рейтингов). Беспроводное взаимодействие на платформах, скрывая сложную структуру обязательственных связей, порождает вопрос о субъектах ответственности. Представляется, что в случае законодательного увеличения случаев ответственности цифровых платформ контроль самими платформами будет приобретать большее значение. Возможность контроля (в том числе коллективного) и установления правил платформами несет в себе потенциал конкуренции правовых норм и правил платформ. Обостряется данная проблема в том числе в связи с трансграничностью платформ и необходимостью соблюдения норм разных правовых порядков, а также необходимостью обеспечения интересов национальных экономических субъектов.

Библиографический список

1. Терещенко Л.К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 163–175.
2. Егорова М.А., Петров Д.А., Попондопуло В.Ф. Цифровая (платформенная) экономика в свете антимонопольного регулирования (сетевой эффект, цифровая платформа, запрет монополистической деятельности) // Конкурентное право. 2024. № 1. С. 2–5.
3. Алтухов А.В., Кашкин С.Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86–94.

¹ Концепция развития технологий машиночитаемого права [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 25.02.2025).

4. Жевняк О.В. О теоретическом моделировании цифровой платформы как многоаспектного явления // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 9. С. 80–90.
5. Саяпин С.П. Гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений с использованием цифровых платформ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 229 с.
6. Белов В.А. Онлайн-посреднические платформы: обсуждаемые подходы и отечественная система правового регулирования // Закон. 2022. № 6. С. 116–125.
7. Харитонов Ю.С. Автономия цифровых платформ генеративного искусственного интеллекта в регулировании отношений с пользователями // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 66–75.
8. Рыбакова С.В. Платформенная экосистема как финансово-правовой феномен // Российский юридический журнал. 2024. № 1. С. 133–140.
9. Ананьева А.А. Совершенствование правового и индивидуального регулирования работы сервисов заказа услуг такси как одна из мер, направленных на защиту прав пассажиров // Транспортное право. 2020. № 4. С. 20–23.
10. Трощинский П.В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования // Право и цифровая экономика. 2021. № 1. С. 44–58.
11. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. 2019. № 2 (147). С. 107–120.
12. Савенко Н.Е. Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 145–171.

© Крыцула А.А., 2026

УДК 347

Кузбагаров Асхат Назаргалиевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, ashat69@mail.ru

ВНЕДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: К ВОПРОСУ О ПРАВИЛЬНОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация: Внедоговорная ответственность является гражданско-правовым институтом, что является известным правовым явлением. Однако его

правовой смысл, в т.ч. теоретический и отраслевой, а также практическое применение норм его регулирующих, не отражают однозначности в понимании и единообразного судебного правоприменения, если рассматривать такую внедоговорную ответственность в условиях социального обеспечения гражданина, что образует интерес и предмет авторского рассуждения, в том числе в таких аспектах как: гражданские отношения по возмещению вреда причиненного жизни или здоровью, с точки зрения отношений социального обеспечения; учет социальной значимости в отношениях неосновательного обогащения; о не применимости положений статьи 395 ГК РФ при предоставлении мер социальной поддержки. В статье раскрываются указанные аспекты.

Ключевые слова: внедоговорная ответственность; социальное обеспечение и социальная значимость; субъективные гражданские права; жизнь; здоровье.

Kuzbugarov Askhat Nazargalievich,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, ash69@mail.ru

NON-CONTRACTUAL LIABILITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL SECURITY: ON THE CORRECTNESS OF CLASSIFYING LEGAL RELATIONS

Abstract: Non-contractual liability is a civil law institution, which is a well-known legal phenomenon. However, its legal meaning, including its theoretical and sectoral aspects, as well as the practical application of the norms that regulate it, do not reflect a clear understanding or uniform judicial application of such non-contractual liability in the context of a citizen's social security, which forms the basis for the author's discussion, including in aspects such as: civil relations related to compensation for damage to life or health, which are intertwined with social security relations; consideration of social significance in the context of unjust enrichment; and the inapplicability of Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation in the provision of social support measures. The article reveals these aspects.

Keywords: non-contractual liability; social security and social significance; subjective civil rights; life; health.

Изучение и анализ отношений внедоговорной ответственности, как правило направлено на раскрытие типичного содержания данного института и его сущности без особенностей их регулирования. Хотя понятно, что имеются особенности регулирования этих отношений по применению общих положений обязательственного права, нет правила *lex specialis*. Вместе с этим в этом вопросе имеется ясность, определяемая п. 2 ст. 307 со значком 1 ГК РФ, которой закреплено, к обязательствам вследствие неосновательного обогащения общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено правилами главы 60 ГК или не вытекает из существа отношений. Однако в тех слу-

чаях, когда рассматриваемые отношения пронизывают отношения социального характера, в том числе основанные на необходимости учета социального обеспечения, то они обретают межотраслевой характер, приобретают ряд дополнительных особенностей. В юридической литературе справедливо отмечена относительная молодость права социального обеспечения в системе юридических знаний и науки [1, с. 10]. В самом деле, обременение общественных отношений необходимостью учета социальной ответственности в российском обществе, только в последнее время (три, четыре года) стало ярко проявляться в общественно-политической жизни российского общества, на что было впервые обращено прямое внимание Президента РФ [2, с. 10] и как следствие в правоприменении и теории гражданского права.

Раскрытие последних можно отразить в трех аспектах, в том числе:

- гражданских отношений по возмещению вреда причиненного жизни или здоровью, с тенью отношений социального обеспечения;
- учете социальной значимости в отношениях неосновательного обогащения;
- о не применимости положений статьи 395 ГК РФ при предоставлении мер социальной поддержки. Раскроем каждый из указанных аспектов.

1. Восстановление нарушенных отдельных субъективных гражданских прав, в частности таких нематериальных благ как жизнь и здоровье гражданина, имеют особое содержание, защита которых строится в особом порядке правового регулирования, в котором нормы гражданского права применяются субсидиарно. Например, если установленная статьей 7 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» страховая выплата полностью не возмещает причиненный вред, то суммы возмещения вреда в недостающей части подлежат взысканию с владельца транспортного средства по правилам статьи 1079 ГК РФ.

Со всей очевидностью такой порядок определен приоритетом того, что жизнь и здоровье, являются высшей ценностью, их признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства (статья 2 Конституции РФ), что соответствует Всеобщей декларации прав человека (*принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948*), статьей 3 которой провозглашено право каждого на жизнь. Этим же наднациональным нормативным документом в статье 25 закреплено право каждого такого жизненного уровня, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи (в том числе пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание), а также право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам. Такое социальное обеспечение помимо указанного документа, закреплено статьей 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» (*принята 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН*).

На социальную значимость содержания и обеспечение указанными выше правами Верховный Суд РФ ориентирует нижестоящие суды в постановлении Пленума от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»¹, в целях обеспечения единства судебной практики и законности. Подпунктом б) пункта 27 постановления, разъяснено, судам следует иметь в виду, что расходы на лечение и иные дополнительные расходы подлежат возмещению причинителем вреда, если будет установлено, что потерпевший (1) нуждается в этих видах помощи и ухода и (2) не имеет права на их бесплатное получение.

Абзацем 2 подпункта б) пункта 27 Постановления № 1 также разъяснено: в отличие от утраченного заработка (дохода) размер дополнительных расходов не подлежит уменьшению и при грубой неосторожности потерпевшего, поскольку при их возмещении вина потерпевшего в силу пункта 2 статьи 1083 ГК РФ не учитывается. По мнению автора, вина потерпевшего не имеет значения в вопросе уменьшения дополнительных расходов, а имеет значение их социальное значение. Без них потерпевший не сможет восстановить свое здоровье, в том числе, когда он в них нуждается, но лишен их получения безвозмездно.

Социальный характер носят отношения, когда потерпевший на момент причинения вреда не работал, но вправе рассчитывать на заработок до увольнения либо обычный размер вознаграждения работника его квалификации в данной местности, не менее прожиточного минимума трудоспособного населения, установленного соответствующим законом (пункт 4 статьи 1086 ГК РФ).

Такую же природу социального характера носят отношения по возмещению вреда, причиненного здоровью детям. Так, если вред причинен малолетнему (до 14 лет) и он не имеет заработка (дохода), с причинителя вреда *подлежат взысканию следующие расходы*: расходы по уходу за ним, на его дополнительное питание, протезирование, санаторно-курортное лечение и другие фактически понесенные в связи с увечьем расходы, но при условии, если он в них нуждается, и не ставится их получение в зависимость от невозможности получения их бесплатно. Несовершеннолетний потерпевший после наступления 14 лет, а также получившим вред в возрасте от 14 до 18 лет и не имеющему заработка (дохода), вправе требовать возмещение вреда, связанного с утратой или уменьшением трудоспособности, исходя из установленной в соответствии с законом величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации.

2. Другим аспектом на который надо обратить внимание читателя является проникающее значение социальной значимости в институте неосновательного обогащения.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.

Верховный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что по делам данной категории на истца возлагается обязанность доказать факт приобретения или сбережения имущества ответчиком, а на ответчика - обязанность доказать наличие законных оснований для приобретения или сбережения такого имущества либо наличие обстоятельств, при которых неосновательное обогащение в силу закона не подлежит возврату.

В развитие рассматриваемого предмета обозначенной темы представляет интерес пункт 3 статьи 1109 ГК РФ, которым закреплено, одним из оснований невозврата имущества, являются заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки. Два условия являются важными, но они заслуживают отдельного рассмотрения и не входят в предмет настоящей статьи.

Социальный характер приведенным отношениям придает субъектный состав. Из буквального толкования следует, получателем денежных сумм может быть только гражданин.

Другим признаком является то, что все полученные им денежные суммы являются средствами к существованию гражданина, т.е. его жизнеобеспечению. Из этого следует, явно не относятся к таким суммам те из них, которые получены гражданином в связи с его экономической деятельностью (процент от займа, плата от сдачи вещи в наем, получение сумм за посреднические услуги и др.). Не важно кто является плательщиком, это может быть частное лицо, публично-правовое образование, в лице его учреждений, работодатель и др.

Особый значимый характер отношениям неосновательного обогащения с тканью социального обеспечения придает целевое назначение выплат. Всегда ли можно считать расходование денежных средств не по целевому назначению формой неосновательности обогащения? Вместе с тем, его понятие не надо воспринимать буквально.

Так, в одном деле, истец (Минсельхоз Республики Мордовия) ссылаясь на то, что ответчик (супруги С. и Р.) использовал социальную выплату не по целевому назначению, в связи с чем требовал через суд ее взыскания, по основаниям статьи 309, 310, 1102 ГК РФ. Обстоятельствами дела было то, что молодая семья (молодые специалисты) были предоставлены денежные средства в виде социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности. Полученные средства были потрачены на ремонт и реконструкцию приобретенного жилого дома приобретенного за счет ипотечного кредита и собственных средств, а за счет социальной выплаты семья осуществила в приобретенном доме ремонт, используя тем самым социальную выплату, по версии истца, не по целевому назначению.

Суд первой инстанции иски требования удовлетворил и взыскал с ответчика денежные средства, полученные в виде социальной выплаты на строительство жилого дома и сослался на ст. ст. 309, 310 ГК РФ. Суд апелляционной инстанции, применил к спорным отношениям положения ст. ст. 401, 1102 ГК РФ, и обосновал суждением, ответчик должна была осознавать, что предостав-

ленная социальная выплата расходуется им не по целевому назначению, не освобождают ответчика от обязанности возвратить денежные средства социальной выплаты, использованные не по целевому назначению. Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ выводы судебных инстанций о нецелевом использовании ответчиком социальной выплаты и о наличии правовых оснований для взыскания этой выплаты признала неправомерными и вернула дела на новое рассмотрение, отменив судебные акты.

Высший судебный орган применил положения пункты «ж» и «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. N 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» и указал необходимость соблюдения правил социальной защиты и применил п. 2 ст. 2 ЖК РФ о необходимости социального обеспечения органами государственной власти и местного самоуправления условий для осуществления гражданами права на жилище, использование бюджетных средств и иных не запрещенных законом источников денежных средств для улучшения жилищных условий, в том числе путем предоставления в установленном порядке субсидий для приобретения или строительства жилых помещений, действующую федеральную целевую программу об устойчивом развитии сельских территорий на 2014 - 2017 годы и на период до 2020 года, утвержденной постановлением Правительства РФ от 15.07.2013 № 598. Именно по данной Программе ответчик получил денежные средства, а также ВС РФ указал, при разрешении спора по требованию уполномоченного органа о взыскании с получателя социальной выплаты денежных средств в размере предоставленной социальной выплаты ввиду ее нецелевого использования суду (*первой инстанции*) следует исходить из целей и задач государственной аграрной политики, направленных на повышение уровня жизни сельского населения, включая обеспечение жильем молодых семей (молодых специалистов), проживающих и работающих в сельской местности и не имеющих достаточных собственных средств для приобретения жилья, путем предоставления им социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья в сельской местности. ВС РФ также обосновал свой вывод правовой позицией Конституционного Суда РФ, который в постановлении от 14 января 2020 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности абзацев первого и четвертого пункта 30 Типового положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам (приложение № 4 к федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 - 2017 годы и на период до 2020 года» указал на недопустимость формального подхода в делах, в которых гражданин в отношениях с органами публичной власти, в данном случае в отношениях, связанных с предоставлением социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья в сельской местности и использованием данной выплаты ее получателем в соответствии с целевым назначением этой выплаты, выступает как слабая сторона, в которых применение правовых норм без учета всех обстоятельств дела может привести к тому, что его

имущественное положение будет значительно ухудшено. По мнению ВС РФ подлежат учету обстоятельства, связанные с совершением получателем социальной выплаты действий, направленных на улучшение жилищных условий с использованием этой социальной выплаты, в том числе приобретение или создание объекта жилищного строительства (жилого дома, жилого помещения), пригодного для постоянного проживания, обеспеченного централизованными или автономными инженерными системами, отвечающего критериям, установленным постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции»¹.

ВС РФ отметил, судами первой и апелляционной инстанций указанные выше нормативные положения к спорным отношениям применены не были, вследствие чего юридически значимые обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения требований истца о взыскании с ответчика предоставленной ей как молодому специалисту, проживающему и работающему в сельской местности, нуждающемуся в улучшении жилищных условий, социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья в сельской местности ввиду нецелевого расходования данной социальной выплаты, определены и установлены не были.

Особый интерес представляет оценка сделанная ВС РФ о суждении суда апелляционной инстанции, который сослался на положения ст. 1102 ГК РФ, в том числе о том, что Ответчик должна была осознавать нецелевой характер расхода предоставляемой ей социальной выплаты. Исходя из характера и предназначения предоставленной Ответчику меры социальной поддержки - социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности, эта социальная выплата по своей правовой природе может быть отнесена к денежным суммам, перечисленным в подп. 3 ст. 1109 ГК РФ и не подлежащим возврату в качестве неосновательного обогащения при отсутствии недобросовестности со стороны гражданина или счетной ошибки, наличие которых обязана доказать Истцовая сторона, требующая возврата выплаченных сумм². В данном правоотношении, надо прямо полагать добросовестность Ответчика – предполагается, в силу пункта 5 статьи 10 ГК РФ.

Еще одним аспектом в рассматриваемом тезисе является надлежащая правовая квалификация отношений по выплате государственным служащим дополнительного материального стимулирования. Например, военнослужащим РФ, данные выплаты регулируются приказом Министра обороны Российской

¹ Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 N 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 6. Ст. 702.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.2022 N 15-КГ21-3-К1 (УИД 13RS0003-02-2020-000265-95)

Федерации от 26 июля 2010 года N 1010¹. Судебной практике известен случай спорного характера, когда РФ, в лице Федерального казенного учреждения «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации» взыскивало по правилам статьи 1102 ГК РФ полученные военнослужащим денежные средства, полученные им в форме дополнительного материального стимулирования. Решением гарнизонного военного суда, куда командир войсковой части обратился с иском к военнослужащему Н., о взыскании необоснованно выплаченного ему дополнительного материального стимулирования - в качестве неосновательного обогащения. Иск был удовлетворен, с Н. в пользу данной воинской части взыскано неосновательное обогащение. Суд первой инстанции исходил из того, что обеспечение дополнительной выплатой, установленной приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 года N 1010², не относится к случаям, предусмотренным статьей 1109 ГК Российской Федерации, так как данная выплата не является ни заработной платой, ни приравненным к ней платежом либо пенсией, пособием, стипендией, возмещением вреда, причиненного жизни или здоровью, алиментами и иной денежной суммой, предоставленной гражданину в качестве средства к существованию. Решением вышестоящих инстанций, в том числе Апелляционным определением окружного военного суда, Кассационный военный суд. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации в передаче кассационной жалобы Н. на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции было отказано.

Н. не согласился с судебными актами и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации, с просьбой проверить соответствие Конституции РФ подпункт 3 статьи 1109 ГК РФ. В своей позиции КС РФ заключил, денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (соответственно, и все составные его части, включая дополнительное материальное стимулирование, установленное для данной категории военнослужащих приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 года № 1010), являясь формой оплаты их труда, по смыслу подпункта 3 статьи 1109 ГК Российской Федерации представляет собой платеж, приравненный к заработной плате³.

3. Третий аспект посвящен отношениям по применению или неприменению ответственности за неисполнение денежного обязательства при неоснова-

¹ Приказ Министра обороны РФ от 26.07.2010 N 1010 «О дополнительных мерах по повышению эффективности использования фондов денежного довольствия военнослужащих и оплаты труда лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации» // Российская газета. 2010 22 сентября.

² Приказ Министра обороны РФ от 26.07.2010 N 1010 «О дополнительных мерах по повышению эффективности использования фондов денежного довольствия военнослужащих и оплаты труда лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации» // Российская газета. 2010, 22 сентября

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.03.2021 N 8-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Носаева»

тельном обогащении (статья 395 ГК РФ), обремененных социальной значимостью. Надо полагать бесспорным является то, что положения статьи 395 ГК РФ применяются при нарушении денежных обязательств, из чего следует, применение предусмотренных данной нормой мер ответственности (последствия нарушения) может иметь место только в гражданских правоотношениях. Указанной нормой закреплены последствия неисполнения или просрочки исполнения денежного обязательства, в связи с чем на должника может быть возложена обязанность уплатить деньги и исполнить возврат долга. Данный вопрос был предметом рассмотрения жалобы ОАО «Большевик» Конституционным Судом РФ, который в своем Определении от 19.04.2001 г. № 99-О отразил аналогично отмеченному выше позицию¹.

Для целей предмета рассмотрения заявленной темы представляет интерес случай, когда гражданином были получены денежные средства от плательщика, в качестве мер социальной поддержки. Т.е. гражданин реализовал свое право на получение данной меры, но с него требуют ее возврата по основанию неосновательного обогащения (статья 1102 ГК РФ). В такой ситуации возникает вопрос: Подлежит ли применению к данным отношениям положения статьи 395 ГК РФ? Ответ – нет, не подлежит применению, если отношения по получению мер регулируются нормами специального законодательства, например, Законом Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»², и гражданин получал ежемесячные денежные выплаты, по основаниям предусмотренным Законом № 1244-1, а потом выяснилось, что он не должен был их получать.

Указанное выше утверждение подтверждается судебной практикой. Так, Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, при рассмотрении дела по иску территориального органа Пенсионного фонда Российской Федерации к гражданину Г. о взыскании излишне выплаченной суммы ежемесячной денежной выплаты и процентов за пользование чужими денежными средствами. Коллегия при рассмотрении исковых требований сделала адекватный вывод о не применении положений статьи 395 ГК РФ к отношениям по предоставлению мер социальной поддержки в виде ежемесячной денежной выплаты³.

Рассмотренное выше позволяет сделать вывод о том, отношения по возмещению вреда причиненного жизни или здоровью, неосновательного обогащения, с учетом оценки применения в них положений об ответственности за

¹ Пункт 3 Определения Конституционного Суда РФ от 19.04.2001 № 99-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Большевик» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 2 и пунктом 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации» (документ не был опубликован).

² Закон РФ от 15.05.1991 N 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»// Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 N 15-КГ19-3

неисполнение денежного обязательства (статья 395 ГК РФ), но пронизанные тканью отношений социальной значимости, являются комплексными отношениями, не однозначными, осложненные необходимостью социальной поддержки, надлежит квалифицировать с учетом публично-правовой природы указанных цивилистических отношений.

Библиографический список

1. Истомина Е.А. Концепция социального риска: понятие и значение для права социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. 2022. № 4. С. 10-14.

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/by-date/15.01.2020>. 17-с.

© Кузбагаров А.Н., 2026

УДК 347

Кузбагарова Вероника Александровна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста)»,
г. Санкт-Петербург, Россия, veronika73@list.ru

РЕШЕНИЕ СУДА КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Аннотация: Прекращение правоотношений объектом которых являются жилое помещение, прочно занимают свое место, относящихся к группе отношений, возникающих помимо воли управомоченного лица. Важной правовой гарантией обеспечивающих законность данных отношений является то, что основанием их возникновения и прекращения может быть только решение суда, вступившее в законную силу. Решение задач, стоящих перед судом при разрешении дела соответствующей правовой природы, во многом опирается не просто на необходимость строго применения норм права, а на соблюдение сбалансированности публичных и частных интересов заинтересованных лиц, что составляет полноту содержания законности. В статье раскрывается то, на что необходимо обращать внимание при изучении и анализе вопросов рассматриваемой темы.

Ключевые слова: жилое помещение; прекращение права на жилое помещение; решение суда; соседское право.

Veronika Aleksandrovna Kuzbagarova,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Civil Procedure at the St. Petersburg Institute (Branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice),
St. Petersburg, Russia, veronika73@list.ru

COURT DECISION AS A BASIS FOR TERMINATING THE RIGHT TO RESIDENCE

Abstract. The termination of legal relations whose object is a residential premises firmly occupies its place among the group of relations that arise beyond the will of the authorized person. An important legal guarantee that ensures the legality of these relations is that their emergence and termination can only be based on a court decision that has entered into force. The resolution of the challenges faced by the court in resolving cases of this legal nature is largely based not only on the strict application of legal norms, but also on the balance between public and private interests of the parties involved, which constitutes the full content of legality. The article reveals what should be paid attention to when studying and analyzing the issues under consideration.

Keywords: residential premises; termination of the right to a residential premises; court decision; neighborly right.

Решение суда является одним из оснований возникновения, изменения или прекращения прав на жилое помещение, что закреплено в ст. 12 ГК РФ. Вместе с тем это процессуальный документ, который имеет законную силу и влечет за собой материально-правовые последствия в отношении прав на жилое помещение, одной из форм которых может быть прекращение права собственности помимо воли управомоченного лица. В системе гражданско-правовых средств защиты права на жилище решение суда выступает, с одной стороны, как форма юрисдикционной защиты нарушенного или оспариваемого права, а с другой — как самостоятельное основание возникновения, изменения и прекращения вещных и обязательственных прав, в том числе прав на жилое помещение. При этом суд не создает «новое» содержание вещного права, а фиксирует и придает юридическую определенность уже сложившимся фактическим и юридическим отношениям, включая случаи злоупотребления собственником своим правом, нарушения им режима использования жилого помещения и прав соседей [1, с. 14].

Разрешая споры о прекращении права на жилое помещение, суд определяет права и обязанности собственника жилого помещения и при этом должен руководствоваться принципом недопустимости произвольного вмешательства в частные дела. При вынесении решения суд обязан соблюдать баланс между законными интересами общества и необходимыми условиями защиты прав личности, включая конституционные гарантии права на жилище и неприкосновенности собственности. Решение суда представляет собой индивидуальный пра-

вой акт, имеет юридическую силу и обязательно для лиц, участвующих в деле, а также подлежит исполнению на всей территории Российской Федерации.

Право собственности на жилое помещение прекращается только по основаниям, предусмотренным законом. Причины прекращения права могут быть различными; большинство из них связано с волей собственника, например продажа жилого помещения, его обмен, дарение, заключение договора ренты либо отказ от права собственности в порядке ст. 236 ГК РФ. Вместе с тем прекращение права собственности может иметь принудительный характер: изъятие жилого помещения для государственных и муниципальных нужд, обращение взыскания на жилое помещение, реквизиция и конфискация, прекращение права собственности в связи с признанием жилого помещения самовольной постройкой, а также лишение права собственности по основаниям, связанным с ненадлежащим использованием вещи. Есть случаи, когда поводом к принудительному прекращению права является недобросовестное поведение собственника или нарушение им обязательств, в связи с чем на жилое помещение может быть обращено взыскание, в том числе по решению суда. Право собственности прекращают также такие основания, как случайная гибель имущества или ликвидация организации-собственника [2, с. 112].

Одним из оснований прекращения может быть решение суда о прекращении права собственности на жилое помещение, если пользование им происходит с нарушением правового режима, в том числе при использовании жилого помещения не по назначению или с нарушением интересов других лиц. Так, например, в результате проведенной проверки прокуратурой Советского района города Казани, администрация района обратилась в суд с иском о прекращении права собственности на жилое помещение с последующей реализацией недвижимости посредством публичных торгов (дело № 2-4973/2025-М-2867/2025 Советского районного суда г. Казани по обращению жителей дома № 18 по улице Гастелло). Прокуратурой было установлено, что жители многократно обращались в различные государственные органы с просьбой оказать помощь в выселении соседа, регулярно нарушающего их права и интересы; сосед неоднократно привлекался к административной ответственности за шум в ночное время и употребление наркотических веществ. Администрацией района собственнику неоднократно выдавались письменные предупреждения о необходимости соблюдения прав соседей, однако на них собственник квартиры не реагировал. Аналогичное дело было рассмотрено в 2023 году Индустриальным районным судом города Барнаула, который принял решение о лишении права собственности на квартиру жителя краевой столицы, исходя из систематического нарушения им прав соседей и невозможности защитить их иным способом [3, с. 96].

Вопросы прекращения прав на жилое помещение тесно связаны с конституционно-правовыми гарантиями права на жилище и неприкосновенности собственности. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что любое лишение лица жилища влечет необходимость проверки соблюдения принципа соразмерности между охраняемыми публичными интересами и степенью вмешательства в частную сферу. В своих постановлениях КС РФ исходил из допустимости одностороннего расторжения договоров, связанных с использованием

жилым помещением, и последующего выселения лишь при условии, что предусмотренные законом или договором основания не нарушают существенных характеристик права на жилище и являются заранее известными соответствующему субъекту¹.

Проблематика прекращения права собственности на жилое помещение получила широкое освещение в современной гражданско-правовой доктрине. На уровне общетеоретических положений о вещных правах вопросы оснований и пределов прекращения права собственности анализируются в работах Е.А. Суханова, который подчеркивает, что принудительное лишение права собственности возможно лишь в строго ограниченных законом случаях и при соблюдении конституционных гарантий неприкосновенности собственности и права на жилище. Особое значение придается тому, что вмешательство государства в сферу частной собственности должно отвечать требованиям необходимости и пропорциональности, а также сопровождаться предоставлением справедливой компенсации в случаях изъятия жилого помещения для государственных или муниципальных нужд [4, с.209].

Специально гражданско-правовому регулированию прекращения прав на жилые помещения посвящено диссертационное исследование, в котором обосновывается необходимость системного подхода к закреплению оснований прекращения как права собственности, так и производных от него прав пользования. Отмечается, что фрагментарность регулирования в ГК РФ и ЖК РФ осложняет единообразное применение норм о принудительном прекращении права собственности на жилое помещение, в частности по основаниям ненадлежащего использования, разрушения помещения, систематического нарушения прав соседей.

Значительный вклад в исследование принудительного прекращения права собственности на жилое помещение внесла М.Н. Рахвалова, подробно рассмотревшая основания прекращения права собственности на жилое помещение помимо воли собственника, а также проблемы разграничения гражданско-правовых и жилищно-правовых механизмов такого прекращения. Подчеркивается, что применение ст. 293 ГК РФ следует рассматривать как исключительную меру, допускаемую лишь при доказанности существенного нарушения интересов других лиц и невозможности достижения правомерной цели менее обременительными средствами воздействия. В этой связи обосновывается необходимость строгой доказательственной оценки поведения собственника, а также установления судом факта систематичности нарушений и их реальной опасности для окружающих [2, с. 112].

В более поздних исследованиях акцент смещается на соотношение норм гражданского и жилищного законодательства при принудительном прекраще-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2022 N 23-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной" // Собрание законодательства РФ. 2022. № 25. Ст. 4391.

нии права собственности на жилое помещение. Отмечается, что жилищное законодательство должно исходить из исчерпывающего перечня оснований принудительного прекращения права собственности, сформулированного в ГК РФ, в то время как специальные нормы ЖК РФ должны детализировать порядок применения этих оснований с учетом особенностей жилых помещений. Так, изъятие жилого помещения в связи с самовольной перепланировкой или переустройством допустимо лишь тогда, когда такие действия собственника реально нарушают права и законные интересы других лиц либо создают угрозу разрушения жилого дома или его части.

Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные прекращению права собственности в связи с признанием жилого помещения непригодным для проживания либо аварийным, в том числе в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. В этих исследованиях обосновывается необходимость учета баланса публичных и частных интересов при принятии решений о сносе жилых домов и переселении граждан, а также выработки единых критериев для признания жилого помещения непригодным для проживания, применимых как органами публичной власти, так и судами [5, с. 95].

В литературе обращается внимание на необходимость разграничения прекращения права собственности на жилое помещение и прекращения права пользования жилым помещением лиц, не являющихся собственниками. Право пользования может иметь различную правовую природу: оно нередко возникает из договора (найма, безвозмездного пользования), семейных отношений, наследственных или иных оснований и по-разному реагирует на изменение статуса собственника жилого помещения [3, с. 112], [6, с. 105].

В диссертации, посвященной праву пользования жилым помещением лиц, не являющихся собственниками, показано, что реформирование жилищного законодательства привело к существенному расширению круга оснований прекращения такого права. В частности, у бывших членов семьи собственника право пользования жилым помещением, как правило, прекращается без предоставления другого жилья, а у членов семьи собственника — при переходе права собственности к другому лицу, если иное не установлено соглашением сторон или судом. Делается вывод, что результатом реформ стало укрепление статуса собственника жилого помещения за счет ослабления гарантий прав пользователей, прежде всего бывших членов семьи [3, с. 147].

Указанный автор исходит из того, что по своей правовой природе право пользования жилым помещением лиц, не являющихся собственниками, может быть квалифицировано как ограниченное вещное право (личный сервитут), обеспечивающее возможность удовлетворения жилищной потребности конкретного лица. В этой связи обосновывается необходимость систематизированного закрепления в Жилищном кодексе РФ перечня оснований прекращения права пользования жилым помещением, который включал бы: смерть субъекта права пользования; истечение срока, на который право было установлено; гибель жилого помещения; отказ субъекта от принадлежащего ему права; соединение в одном лице собственника жилого помещения и субъекта права пользования; возникновение у субъекта права пользования права собственности на

иное жилое помещение; прекращение семейных отношений с собственником; выселение в случаях, предусмотренных законом [3, с. 160].

На уровне диссертационных и монографических исследований анализируются договорные основания прекращения права пользования жилым помещением. В работах, посвященных прекращению договорного пользования жилыми помещениями, рассматриваются принципы правового регулирования расторжения договоров найма жилых помещений, включая случаи одностороннего отказа наймодателя при существенном нарушении обязанностей нанимателем, невнесении платы за жилое помещение, использовании жилого помещения не по назначению, создании угрозы разрушения жилого дома. Отмечается, что договорное регулирование не может произвольно расширять перечень оснований расторжения договора найма, поскольку такие условия должны соответствовать конституционным гарантиям права на жилище и требованиям справедливости и соразмерности [6, с. 107], [7, с. 57].

Исследователи, занимающиеся проблемами прекращения права пользования жилыми помещениями, основанного на договоре найма, подчеркивают необходимость четкого разграничения материальных и процессуальных оснований выселения. Выселение как форма принудительного прекращения права пользования должно опираться на доказанность нарушений со стороны нанимателя, их существенный характер, а также на соблюдение гарантий судебной защиты, включая право на участие в процессе и обжалование судебного решения. В этой связи подчеркивается важность единообразного применения судами положений ЖК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ о допустимых пределах вмешательства в право на жилище при разрешении споров, связанных с выселением граждан и прекращением их права пользования [7, с. 61].

В 2012 году был разработан проект внесения изменений в части 1–4 ГК РФ, в котором предлагалось закрепить понятие соседских прав. Предусматривалось, что лица, владеющие соседними недвижимыми вещами, при осуществлении принадлежащих им вещных прав должны соблюдать ограничения, установленные в соответствии с ГК РФ в пользу соседей (соседские права), в том числе поддерживать свои недвижимые вещи в надлежащем состоянии. К сожалению, данный законопроект не был принят Государственной Думой, однако поставленная им проблема добрососедских отношений получила дальнейшее развитие в доктрине вещного и жилищного права.

Е.А. Суханов справедливо отмечает отсутствие в действующем ГК РФ специальных норм о соседских правах, применимых к отношениям между собственниками (владельцами) жилых и нежилых помещений, и подчеркивал необходимость их системного закрепления. В своем исследовании М.В. Шавалеев, обобщая судебную практику, выделил следующие случаи, которые могут быть квалифицированы как нарушения соседских прав: возведение на земельном участке постройки, оказывающей воздействие на соседний земельный участок; отведение поверхностных вод; нарушение права на вид; нарушение правил содержания дачных домовладений и садовых участков. На сегодняшний день институт соседских прав имеет лишь фрагментарное закрепление в ГК РФ,

в частности ст. 274 регулирует соседские земельные правоотношения и устанавливает правила пользования сервитутом [8, с. 38].

Основная цель регулирования соседских правоотношений заключается в обеспечении добропорядочных отношений между соседями на основе баланса их прав и законных интересов. Институт добрососедских отношений выполняет важную функцию «мягкого регулирования» поведения собственников и пользователей жилых помещений, позволяя предупредить конфликты, которые в противном случае могли бы привести к принудительному прекращению прав на жилое помещение. Предлагаемые в доктрине модели развития соседских прав исходят из необходимости сочетания частноправовых и публично-правовых механизмов воздействия на собственников и пользователей, нарушающих права соседей, включая административную ответственность, гражданско-правовые способы защиты и, в крайних случаях, принудительное прекращение права собственности или права пользования [7, с. 61], [3, с. 68].

Жилищный кодекс РФ (ст. 17) и п. 16 Приказа Минстроя России от 14.05.2021 № 292/пр «Об утверждении правил пользования жилыми помещениями»¹ закрепляют правила пользования жилым помещением с учетом соблюдения прав и законных интересов проживающих в этом жилом помещении граждан, соседей, требований пожарной безопасности, санитарно-гигиенических, экологических и иных требований законодательства, а также в соответствии с утвержденными правилами пользования жилыми помещениями. В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» дается разъяснение, что собственник обязан использовать жилое помещение по назначению, то есть для проживания граждан (ч. 1 ст. 17 ЖК РФ, п. 2 ст. 288 ГК РФ), соблюдать права и законные интересы соседей². Нарушение установленных законом пределов осуществления права собственности на жилое помещение влечет применение к собственнику различных мер ответственности, предусмотренных законодательством, в том числе административной ответственности в виде предупреждения или штрафа (ст. 7.21, 7.22 КоАП РФ), а также гражданско-правовой ответственности в виде лишения права собственности на жилое помещение (ст. 293 ГК РФ).

Судебная практика исходит из того, что продажа жилого помещения с публичных торгов является исключительной мерой ответственности в отношении лица, злоупотребляющего своими правами, и иное противоречило бы ст. 35 Конституции РФ, предусматривающей охрану права частной собственности. В делах о прекращении права собственности на жилое помещение суды все чаще прибегают к комплексной оценке поведения собственника, учитывая не

¹ Приказ Минстроя России от 14.05.2021 № 292/пр «Об утверждении правил пользования жилыми помещениями» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.09.2021.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

только формальные нарушения (нарушение тишины, санитарных норм, требований пожарной безопасности), но и фактическую опасность для жизни и здоровья соседей, связанную с бесхозяйственным обращением с жилым помещением, употреблением психоактивных веществ, агрессивным поведением. При этом, как показывает практика, до применения крайней меры в виде прекращения права собственности суды, как правило, исследуют вопрос о возможности применения иных мер: привлечение к административной ответственности, вынесение предупреждений, проведение психиатрического освидетельствования лица в порядке специального закона и др.

Вышеизложенное позволяет отметить, что в случае, если собственник жилого помещения систематически нарушает права и законные интересы соседей и использованы все меры по привлечению к административной ответственности, предусмотренные КоАП РФ, следующей мерой в ряде ситуаций оказывается необходимость проведения психиатрического освидетельствования лица без его согласия или без согласия его законного представителя. На основании ст. 25 Закона РФ № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в неотложных случаях возможно освидетельствование, когда по полученным сведениям лицо представляет непосредственную опасность для себя или окружающих¹. В приведенном выше примере жильцы отмечали наличие запаха газа, периодически происходящие потопы, разбитые окна и регулярные «пьяные» ссоры, то есть действия собственника жилого помещения представляли опасность как для себя, так и для окружающих соседей.

Таким образом, отношения пользования жилым помещением на условиях его использования по назначению, без нарушения прав и охраняемых законом интересов других лиц, непосредственно проживающих в жилых помещениях по соседству, формируют необходимость пребывания в добрососедских отношениях, которые могут быть отнесены к числу гражданско-правовых или жилищно-правовых. В этой системе координат решение суда выступает не только как средство защиты уже нарушенных прав соседей, но и как юридический инструмент, способный в крайнем случае привести к прекращению права собственности или права пользования жилым помещением при доказанности злоупотребления правом и систематического нарушения установленного законом правового режима использования жилого помещения.

Библиографический список

1. Илларинов С.Ю. Автореферат дисс...соиск. уч.ст. к.ю.н.12.00.03. Гражданско-правовое регулирование прекращения прав на жилые помещения. М. 2009 г. 26 с.
2. Рахвалова М.Н. Прекращение права собственности на жилое помещение помимо воли собственника // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 3 (24). С. 111–113.

¹ Закон РФ от 02.07.1992 N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

3. Ганчин Т.В. Право пользования жилым помещением лиц, не являющихся собственниками: теоретический и практический аспект. Дисс... соиск. уч. ст. к.ю.н. 12.00.03. М. 2009. 177 с.

4. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. с. 559.

5. Емельянова Ю. В. К вопросу о прекращении права собственности на жилое помещение против воли собственника // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики: Материалы международного круглого стола, Минск, 24 октября 2023 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. – С. 91–99.

6. Цомартова У.В. Принципы правового регулирования прекращения договорного пользования жилищем // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 100–108.

7. Кисляк В.Ф. Прекращение права пользования жилым помещением, основанном на договоре найма. Дисс...соиск. уч.с т. к.ю.н. 12.00.03. М. 2004. с. 207.

8. Шавалеев М.В. Возможные способы развития норм соседского права в российском законодательстве // Закон. 2024. N 10. С. 29–40.

© Кузбагарова В.А., 2026

УДК 347.44(091)

Кузнецова Ольга Анатольевна,

доктор юридических наук,

профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права

Московского государственного юридического университета

им. О.Е. Кутафина, профессор кафедры предпринимательского права,

гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного

национального исследовательского университета

Москва, Пермь, Россия, kuznetsova_psu@mail.ru

НАУЧНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ А.В. ВЕНЕДИКТОВА О ДОГОВОРНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ И СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Аннотация. Договорная дисциплина играет важную роль в стабильности гражданского оборота, обеспечивает определенность поведения контрагентов, гарантирует удовлетворение их потребностей и защиту их интересов. Договорная дисциплина обеспечивается на разных уровнях и разными субъектами – от законодателей и правоприменителей до самих сторон договора и их конкретных работников. Большой вклад в развитие цивилистического учения о договорной дисциплине был сделан советскими учеными, в том числе академиком А.В. Венедиктовым, научные выводы которого о способах и механизмах обеспечения договорной дисциплины имеют и современное значение. В статье рассматривается влияние на современное российское законодательство и доктрину

идей А.В. Венедиктова о реальном исполнении обязательств, о компенсационной неустойке, а также о невиновности и непреодолимой силе как основаниях освобождения от договорной ответственности.

Ключевые слова: академик А.В. Венедиктов; договорная дисциплина; вина; непреодолимая сила; договорная ответственность

Kuznetsova Olga Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor at the Department of Business and
Corporate Law Kutafin Moscow State Law University,
Professor at the Department of Business Law, Civil
and Arbitration Procedure Perm State University
Moscow, Perm, Russia, kuznetsova_psu@mail.ru

A.V. VENEDIKTOV'S SCIENTIFIC VIEWS ON CONTRACTUAL DISCIPLINE CONTRASTED TO MODERN CIVIL LAW

Abstract. Contractual discipline plays an important role in the civil turnover stability, ensures the predictability of the parties' behaviour, guarantees the satisfaction of their needs and the protection of their interests. Contractual discipline is provided at different levels and by different actors – from legislators and law enforcers to the contracting parties and their particular employees. Soviet scientists made a great contribution to the development of the contractual discipline doctrine of the civil science, with academician A.V. Venediktov among them whose scientific conclusions on the ways and mechanisms of ensuring contractual discipline have significance nowadays. The article examines the ways of modern Russian legislation and doctrine being influenced by the ideas of A.V. Venediktov on the actual fulfilment of obligations, on the compensating penalty, on the innocence and force majeure as grounds for exemption from contractual liability.

Keywords: academician A.V. Venediktov; contractual discipline; guilt; force majeure; contractual responsibility.

Академик Анатолий Васильевич Венедиктов известен своими работами прежде всего о праве государственной собственности, значимость которых, бесспорно, пережила своего автора. Однако не должно остаться в тени и учение А.В. Венедиктова о договорной ответственности, из которого до сих пор «в активе остаются три положения: 1) о принципе реального исполнения договора; 2) об «оценочной», т.е. в современном звучании, о зачетной, природе штрафных санкций и о необходимости их дифференциации; 3) об ограничении случаев освобождения от ответственности за неисполнение договора между организациями вследствие вины» [1, с. 25-26].

В современных исследованиях договорной дисциплины упор сделан на её санкционную составляющую. Так, считается, что юридическим основанием применения режима договорной дисциплины является ненадлежащее исполнение обязательства [2, с. 9]. Большое внимание учеными уделяется также про-

блематике обеспечения договорной дисциплины внутри организации посредством работы юридических служб и конкретных сотрудников [3; 4].

Трудно не согласиться с И.В. Цветковым в том, что «договорная дисциплина есть строгое соблюдение всеми субъектами экономической деятельности правовых требований к установлению и реализации договорных связей» [5, с. 11]. Другой вопрос: что и кто должен предпринять для того, чтобы все указанные субъекты соблюдали эти требования, кроме реализации санкций в случае договорных правонарушений.

Необходимость обращения к трудам А.В. Венедиктова о договорной дисциплине очень хорошо и до сих пор актуально объяснил О.А. Красавчиков ещё в 1984 г.: «Это необходимо сделать потому, что молодое и даже среднее поколение представителей науки гражданского права практически не знакомы с данной книгой <Договорная дисциплина в промышленности>. Беда состоит не только в том, что некоторые из современных «маститых» ученых в годы своей цивилистической молодости гордились собственным «фрондированием», выступая против положений, высказываемых А.В. Венедиктовым, а теперь уже «бессильны» отказаться от этих выступлений. Беда заключается также в том, что многое из научного наследия академика не воспринято лишь по той простой причине, что не понятно» [6, с. 6].

А.А. Иванов пишет, что «принцип реального исполнения хозяйственного договора А.В. Венедиктов связывал с необходимостью выполнения плана: если бы вместо исполнения можно было предоставить денежную компенсацию, это подорвало бы плановое хозяйство» и полагает, что этот принцип «утвердился в нашем законодательстве в качестве универсального» [1, с. 26]. Однако это не совсем так. Принцип реального исполнения в действующем ГК РФ значительно сужен: при неисполнении обязательства возмещение убытков и уплата неустойки за его неисполнение освобождают должника от исполнения обязательства в натуре, а при ненадлежащем исполнении – уплата неустойки и возмещение убытков не освобождают должника от исполнения обязательства в натуре. Оба правила диспозитивные – иное может быть предусмотрено законом или договором (п.1, 2 ст. 396 ГК РФ).

Как видим, полное неисполнение договора может быть заменено денежной компенсацией. Исключений из этого правила не так много. В частности, в случае неисполнения продавцом обязательства по договору розничной купли-продажи возмещение убытков и уплата неустойки императивно не освобождают продавца от исполнения обязательства в натуре (ст. 505 ГК РФ); уплата неустойки (пени) и возмещение убытков императивно не освобождают изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченную организацию или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) от исполнения возложенных на него обязательств в натуре перед потребителем (п. 3 ст. 13 Закона «О защите прав потребителей»); уплата неустойки и возмещение убытков в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства диспозитивно не освобождают виновную сторону от исполнения обязательства в натуре (п. 2 ст. 8 закона от 02.12.1994 № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд»).

А.В. Венедиктов обосновывал принцип реального исполнения необходимостью соблюдения планов, характерных для командной экономики. В комментаторской литературе отмечается, что современный «подход отражает условия рыночной экономики, где денежные средства являются универсальным эквивалентом товаров, работ и услуг, предоставляемых в условиях свободной конкуренции их производителями» [7]. В.В. Кулаков пишет, что «кредитор, которому возмещаются понесенные им убытки, имеет возможность найти нового контрагента, что при наличии свободного рынка товаров и услуг является более целесообразным и простым правовым решением» [8, с. 86]. Е.В. Тирская обращает внимание, что в соотношении реального исполнения обязательства и возмещения убытков российский законодатель отдает приоритет последнему [9, с. 130-132]. Ю.Э. Монастырский оценивает современный подход к этому вопросу как прогрессивный: «Гибкости и устойчивости хозяйственной деятельности способствует возможность конвертации неосуществившегося ожидания блага в денежное требование и последующее его присуждение даже с дисконтом, а никак не увязание в тяжбах, где рассматривается безальтернативная претензия о получении нефинансового актива, который в зависимости от обстоятельств утрачивает для кредитора действительную либо потенциальную имущественную ценность. Неисполнение обязательств должно предполагать не только просрочку должника, но и законное непринятие результата его действий по причине того, что он ненадлежащий» [10, с. 85].

Однако такой подход в меньшей степени, чем венедиктовский, обеспечивает договорную дисциплину.

В этом отношении прав Е.В. Богданов, обративший внимание на то, что «если предприниматели не будут исполнять в натуре своих обязательств, то неизбежно возникнут проблемы с обеспечением населения... Исполнение обязательства в натуре должно быть основным, первичным, приоритетным перед денежной компенсацией» [11, с. 38].

Доктринальное толкование ст. 396 ГК РФ также стремится привести современный взгляд на реальное исполнение договора к подходу А.В. Венедиктова. Так, А.Г. Карапетов предлагает понимать «под неисполнением для целей толкования данной нормы ... не вид нарушения (текущую просрочку), а правовой итог, к которому приходит договор в результате нарушения и последовавшего расторжения. Расторжение договора оставляет договор неисполненным. И именно в таком значении понятие "неисполнение" используется в п. 2 ст. 396 ГК РФ» [12]. Выбор остается за кредитором даже при полном неисполнении договорного обязательства: либо потребовать возмещения убытков и уплаты неустойки, свидетельствующие о его отказе от договора, либо потребовать исполнения обязательства в натуре. Предпринял определенные шаги к усилению принципа реального исполнения договора и законодатель, введший в 2015 г. норму, согласно которой в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное

не предусмотрено ГК РФ, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства (п. 1 ст. 308.1 ГК РФ)¹.

Более того, учеными предлагается и новая формулировка пунктов 1 и 2 ст. 396 ГК РФ: «Возмещение убытков и уплата неустойки в случае нарушения обязательства не освобождают должника от исполнения обязательства в натуре, кроме случаев, предусмотренных законом или договором, либо когда из характера возмещенных убытков и уплаченной неустойки явствует намерение сторон прекратить обязательство» [13, с. 19].

Мало кто из исследователей принципа реального исполнения обязательства обращается к категории «договорной дисциплины», с необходимостью соблюдения которой Анатолий Васильевич увязывал его существование. В советском праве договорная дисциплина базировалась на необходимости соблюдения планов, в российском праве она основывается на принципе свободы договора, но от этого не должна быть утрачена её ценность как правовой категории и правового явления.

На наш взгляд, незыблемость принципа реального исполнения обязательства, на котором настаивал А.В. Венедиктов, должна быть последовательно возвращена в действующее российское право и юридическую практику именно как одна из важнейших гарантий договорной дисциплины. При его реализации необходимо учитывать два важных обстоятельства: во-первых, желание/нежелание кредитора сохранить договор и получить исполнение в натуре, и, во-вторых, объективную возможность должника предоставить такое исполнение².

Идея А.В. Венедиктова об оценочном (компенсационном) характере неустоек полностью нашла воплощение в действующем гражданском законодательстве, закрепившем зачетную неустойку как общее правило (п. 1 ст. 394 ГК РФ). Ценность представляет также его мысль о том, что штрафные санкции «могут быть допущены лишь в виде исключения для более жесткого обеспечения выполнения договоров с такими заказчиками, как, например, экспортные предприятия или предприятия, работающие на оборону, либо для обеспечения выполнения отдельных поставок, представляющих по тем или иным основаниям исключительное значение для выполнения основных задач <государства>...» [14, с. 412]. В действующем законодательстве, это, например, штраф за невывоз по вине перевозчика груза, предусмотренного договором перевозки груза в размере в размере двадцати процентов платы, установленной за перевозку груза (ч. 1 ст. 34 Устава автомобильного транспорта и городского назем-

¹ Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1412.

² См. п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

ного электрического транспорта"¹). В соответствии с ч. 1 ст. 10 закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору сторона, не исполнившая своих обязательств или ненадлежаще исполнившая свои обязательства, обязана уплатить другой стороне предусмотренные настоящим федеральным законом и договором неустойки (штрафы, пени), проценты и возместить в полном объеме причиненные убытки сверх таких неустоек (штрафов, пеней), процентов². Также продолжает оставаться актуальным вывод А.В. Венедиктова о ненужности терминологического разграничения пени, неустойки и штрафов в соответствии с принципом «главное – суть, а не термин».

Наибольший научный интерес в контексте укрепления договорной дисциплины вызывают выводы А.В. Венедиктова о необходимости ограничения случаев освобождения от гражданско-правовой ответственности за неисполнение договора. Ученый был последовательным противником принципа вины как основания ответственности предприятий: «включение в договоры условий, заранее в общей форме освобождающих поставщика от ответственности за неисполнение договора при наличии «не зависящих» от него затруднений, демобилизует («размагничивает») поставщика и создает излишний повод для ссылки на «объективные причины» там, где тот же поставщик, поставленный перед безусловной необходимостью выполнения договора, мог бы преодолеть эти «объективные препятствия» путем напряженного использования всех своих технических и хозяйственных возможностей» [14, с. 435].

В действующем ГК РФ принцип вины также по общему правилу исключен для субъектов предпринимательской деятельности (ст. 401 ГК РФ). В других случаях гражданско-правовая ответственность строится на началах вины. Конституционный суд РФ неоднократно обращал внимание, что принцип вины обеспечивает реализацию принципа надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств, направлен на установление справедливого баланса интересов участников обязательственных правоотношений³. Однако сейчас и сама

¹ Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Собрание законодательства РФ. 12.11.2007. № 46. Ст. 5555.

² Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 40.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 № 1363-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бухтоярова Геннадия Семеновича и Бухтояровой Ольги Павловны на нарушение их конституционных прав положениями пункта 1 статьи 10, пункта 1 статьи 333 и пункта 1 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 № 911-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шабанова Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав положением пункта 2

вина понимается нетрадиционно – как отсутствие той степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, непринятие всех мер для надлежащего исполнения обязательства.

А.В. Венедиктов писал, что предприятие должно проявлять не только «необходимую в обороте заботливость», но и использовать «все возможности и напрягать все свои силы для максимального выполнения своих договорных обязательств» [14, с. 439], что в целом соответствует современным трактовкам добросовестного поведения контрагентов, которые должны предпринять «все меры» для исполнения договорных обязательств. Суд вправе «освободить поставщика от ответственности в тех исключительных случаях, когда он принял все меры к исполнению договора» [14, с. 460]. Полезными для современных правоприменителей могут быть и данные ученым характеристики поведения контрагентов при исполнении договоров – «максимальное напряжение всех технических и финансовых ресурсов», «использование всех возможностей» до предела несовместимости с дальнейшим продолжением работы предприятия, изыскание всех технических и экономических средств для выполнения договора, несмотря на «неизбежность распутицы» и др.

Оценочное понимание гражданско-правовой вины и виновности в современном законодательстве коррелирует с выводом А.В. Венедиктова о необходимости «конкретного подхода к каждому невыполнению договора», которое должно быть «далеко от превращения какого-либо принципа в абстрактную догму или «фетиш»» [14, с. 439-440].

Основания освобождения от ответственности за неисполнение договора должны являться исключительными случаями, «ни в коей мере не колеблющие самого принципа максимального усиления ответственности каждого предприятия за выполнение всех его условий» [14, с. 440].

Считается также, что А.В. Венедиктов выступал за исключение непреодолимой силы из числа оснований освобождения от договорной ответственности, однако интересно его пояснение такого вывода: «ибо понятия непреодолимой силы, являясь специфической категорией буржуазного права, неразрывно связано с тем формально-абстрактным подходом к конкретным правовым отношениям, который характерен для буржуазного права вообще и который несовместим с конкретным подходом советского хозяйственного права к каждому отдельному правоотношению, к каждому отдельному договору» [14, с. 443]. В европейских правовых порядках сложился общий стандарт осмотрительности (заботливости), основанный на римской «осмотрительности заботливого главы семейства» [15, с. 10].

статьи 323 и пунктом 1 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 3043-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Фаст-Пласт" и общества с ограниченной ответственностью "Хотэйр" на нарушение конституционных прав и свобод рядом норм Гражданского кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Если не обращать внимание на нежелание А.В. Венедиктова использовать зарубежный термин в тех политико-идеологических условиях, в которых он жил и работал, стоит подчеркнуть, что ученый допускал чрезвычайные обстоятельства, исключающие ответственность неисправного контрагента, но требовал *конкретного подхода* к каждому отдельному явлению, учета как самого объективного события, так и возможностей и реальных действий должника в условиях этого события, а не только проявлений абстрактной заботливости. Этот подход вполне обоснован: одно и то же событие в двух разных обстоятельствах может исключать или не исключать ответственность.

Сторонников индивидуального, конкретного подхода к исключению договорной ответственности немало и в современной отечественной цивилистической доктрине. Так, О. Беляева пишет: «ни одно событие само по себе не может быть квалифицировано как форс-мажор. Возьмем, к примеру, следующий событийный ряд: коронавирус, специальная военная операция, западные санкции и российские контрсанкции, частичная мобилизация, релокация бизнеса и отдельных сотрудников, военное положение, режим среднего реагирования. Каждое из перечисленных событий в свое время отличалось как чрезвычайностью, так и непредотвратимостью. Но сыграло ли оно роль непреодолимого препятствия в отношении конкретного обязательства? Это вопрос оценки и доказывания. Проще говоря, форс-мажор – это всегда оценочная категория» [16, с. 9]. Любое чрезвычайное (стихийное) событие требует тщательной индивидуальной правоприменительной оценки для квалификации в качестве основания освобождения от договорной ответственности.

Задача и законодателя, и суда для обеспечения договорной дисциплины – максимальная сохранность договорных отношений при условии соблюдения баланса интересов сторон.

Современная доктрина обязательственного права и гражданское законодательство о договорах строятся не только на идеях романистов и дореволюционных цивилистов и прогрессивных зарубежных практиках, но и на наследии советских ученых. К сожалению, сегодня сам термин «договорная дисциплина» оказался несколько «задвинут» более новыми категориями свободы договора, принципами и способами исполнения договора, учением о расторжении договора и об отказе от договора. Обращение к научным взглядам А.В. Венедиктова и их новое осмысление позволит вернуть «договорную дисциплину» в активный понятийный аппарат современного гражданского права.

Библиографический список

1. Иванов А.А. Ученый и власть. Жизнь и деятельность А.В. Венедиктова (1887-1959) // Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому управу: в 2 т. М.: Статут, 2004. Т. 1. С. 7–68.
2. Кондрашов С.В. Договорная дисциплина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с. Цветков И.В. Договорная дисциплина в хозяйственной деятельности предприятия: теория и практика. М.: Книжный мир, 2006. 447 с.

3. Шохин А.А. Договорная дисциплина в промышленности. М.: Экономика, 1983. 103 с.
4. Цветков И.В. Договорная дисциплина в предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 50 с.
5. Красавчиков О.А. Договорная дисциплина: сущность и основные компоненты // Договорная дисциплина в советском гражданском праве: межвуз. сб. научных трудов. Свердловск, 1985. С. 4–27.
6. Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // СПС КонсультантПлюс. 2019.
7. Кулаков В.В. Обязательственное право: учебное пособие. М.: РГУП, 2016. 186 с. (параграф 3.2. «Принципы исполнения»).
8. Тирская Е.В. Категория денежного долга в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 215 с.
9. Монастырский Ю.Э. Законодательная концепция гражданско-правовых последствий прекращения договоров: достоинства и недостатки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 79–93.
10. Богданов Е.В. Договоры в сфере предпринимательства: монография. М.: Проспект, 2018. 304 с. (параграф 1.2. «Специфика и социальное значение предпринимательского договора»).
11. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (комментарий к п. 2 ст. 396).
12. Груздев В.В. Реальное исполнение обязательства // Право и экономика. 2024. № 4. С. 13–19.
13. Венедиктов А.В. Договорная дисциплина в промышленности // Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому управу: в 2 т. М.: Статут, 2004. Т. 1. 557 с.
14. Дождев Д.В. Умысел (dolus) и "природа человека" в системе критериев договорной ответственности // Вестник гражданского права. 2023. № 5. С. 9–54.
15. Беляева О. Форс-мажорная трансформация закупочных отношений и ее последствия // Прогосзаказ.рф. 2023. № 4. С. 6–11.

© Кузнецова О.А., 2026

Мазур Иван Константинович,
аспирант кафедры гражданского права
Уфимского университета науки и технологий

Научный руководитель:
Муратова Альмира Раисовна,
кандидат юридических наук, доцент
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, chempion99@mail.ru

**ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ:
ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ**

Аннотация: В статье рассматриваются содержание и практические механизмы применения принципа добросовестности в российском гражданском праве. Отдельно анализируются изменения, обусловленные реформой 2015 г. Автор подчеркивает значение Верховного Суда РФ в выработке объективного стандарта добросовестного поведения и критериев выявления недобросовестности, а также вклад Конституционного Суда РФ, закрепившего конституционно-правовое измерение данного принципа. В завершение кратко обозначены особенности реализации добросовестности на преддоговорной, договорной и постдоговорной стадиях.

Ключевые слова: принцип добросовестности, презумпция добросовестности, гражданский оборот, гражданские правоотношения, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, преддоговорная ответственность, договорные и постдоговорные отношения.

Mazur Ivan Konstantinovich
postgraduate student at the Department of the Chair Civil
of Law of the Institute of Law
Ufa University of Science and Technology

Scientific adviser: Muratova Almira Raisovna
Ph.D. in Law, Associate Professor
of Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, chempion99@mail.ru

**THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN LAW ENFORCEMENT:
LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CONSTITUTIONAL
COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article examines the content and practical mechanisms for applying the principle of good faith in Russian civil law. It also analyzes the changes

brought about by the 2015 reform. The author emphasizes the role of the Supreme Court of the Russian Federation in developing an objective standard of good-faith conduct and criteria for identifying bad faith, as well as the contribution of the Constitutional Court of the Russian Federation, which has affirmed the constitutional-law dimension of this principle. In conclusion, the specific features of implementing good faith at the pre-contractual, contractual, and post-contractual stages are briefly outlined.

Keywords: principle of good faith, presumption of good faith, civil turnover, civil legal relations, Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, pre-contractual liability, contractual and post-contractual relations.

В российском гражданском законодательстве принцип добросовестности закреплён в качестве одного из основополагающих начал (п. 3 ст. 1 ГК РФ), обязывающих участников гражданских правоотношений действовать честно и разумно при реализации прав и исполнении обязанностей. В рамках реформы Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) с 1 июня 2015 г. данный принцип получил развитие. Так, была введена презумпция добросовестности участников гражданского оборота (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Верховным и Конституционным Судами Российской Федерации (далее – ВС РФ и КС РФ, соответственно) были сформулированы правовые позиции, уточняющие содержание принципа добросовестности на преддоговорной, договорной и постдоговорной стадиях отношений. Так, ВС РФ в постановлениях Пленума разъяснил правовую природу и порядок применения принципа добросовестности в гражданском праве. Уже в Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»² суд подчеркнул, что оценка действий сторон как добросовестных или недобросовестных должна исходить из некоего объективного критерия – то есть поведения, которого разумно ожидает любой участник гражданского оборота, учитывающий права и законные интересы контрагента и действующий ему, в том числе в получении необходимой информации. Действия, не соответствующие этому стандарту, могут быть расценены как недобросовестные. ВС РФ исходит из презумпции добросовестности и разумности поведения участников гражданского оборота, действующей до того, пока не будет доказано обратное. Кроме того, суд вправе констатировать недобросовестное поведение по собственной инициативе, если установит очевидное отступление от требований добросовестности, даже при отсутствии соответствующих доводов со стороны другой стороны. В случае выявления недобросовестности суд может

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая (с посл. изм. и доп. от 25 ноября 2025 г. № 41-П) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

полностью или частично отказать нарушителю в защите права и применить иные меры для защиты интересов добросовестной стороны. Так, ВС РФ разъяснил, что если сторона своими недобросовестными действиями воспрепятствовала наступлению определённого условия договора, суд вправе считать это условие наступившим, либо, напротив, проигнорировать заявление стороны о недействительности сделки, если оно подано ею недобросовестно (например, лишь с целью уклониться от исполнения). Данная позиция ВС РФ фактически наделяет суд активной ролью по предотвращению злоупотребления правами и утверждает добросовестность как правовой стандарт поведения.

Значимым новшеством гражданского законодательства стало закрепление обязанности вести переговоры добросовестно (ст. 434.1 ГК РФ).

Позиция по применению преддоговорной ответственности изложена ВС РФ в Постановлении Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»¹. Верховный Суд указал на презумпцию добросовестности на стадии переговоров. Так, исходя из того, что стороны вступают в переговоры добросовестно, и само по себе их прекращение без указания причин не доказывает недобросовестность. Доказывание обратного возлагается на истца, который должен показать, что ответчик вел переговоры недобросовестно, например с намерением причинить вред – получить конфиденциальные сведения или воспрепятствовать заключению договора с третьим лицом. Вместе с тем ВС РФ указал на случаи, когда презумпция может быть опровергнута и без дополнительных доказательств, например, при предоставлении неполной либо заведомо недостоверной информации, а также при внезапном и необоснованном прекращении переговоров на стадии, когда контрагент объективно не мог ожидать такого исхода. В этих случаях обязанность доказать добросовестность поведения возлагается на ответчика.

Принцип добросовестности действует на всех стадиях исполнения обязательств. В Постановлении Пленума ВС РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении»² приведены разъяснения, в том числе относительно поведения кредиторов и должников. Верховный Суд РФ прямо указал, что кредитор (взыскатель) тоже обязан действовать добросовестно при реализации своих прав. Например, если кредитор в порядке исполнительного производства взыскал свою задолженность полностью с имущества одного из солидарных должников, он не вправе принимать исполнение от остальных, стремясь к избыточному удовле-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 25 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

нию, что расценивается как необоснованное обогащение. Иными словами, даже после вынесения судебного акта и на стадии его исполнения требования добросовестности продолжают ограничивать действия стороны.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»¹ указано, что условия договора следует толковать с учётом принципа добросовестности, не допуская извлечения одной из сторон выгоды из незаконного или недобросовестного поведения. При этом толкование не должно приводить к результату, который стороны явно не могли иметь в виду при заключении сделки. Тем самым Верховный Суд РФ сформировал основу для практического применения принципа добросовестности, введя объективные критерии оценки поведения сторон, закрепил презумпцию добросовестности на разных стадиях взаимоотношений и предусмотрел средства реагирования суда на случаи недобросовестного поведения.

Конституционный Суд РФ указал на конституционно-правовое значение принципа добросовестности [1, с. 157]. Так, КС РФ рассматривает презумпцию добросовестного поведения, закреплённую в п. 5 ст. 10 ГК РФ, как конкретизацию конституционных начал, определяющих правовой статус личности. В частности, в Определениях Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2021 г. № 2882-О² и от 21 июля 2022 г. № 1879-О³ подчёркивается, что требование действовать добросовестно при осуществлении гражданских прав следует из основополагающих конституционных ценностей, связанных с признанием и защитой достоинства личности, её прав и свобод. Соответственно, добросовестность участников гражданских правоотношений трактуется КС РФ как универсальный критерий законности и легитимности поведения, связанный с принципами справедливости и равенства, охраняемыми Конституцией Российской Федерации⁴. КС РФ указал, что надёжность и добросовестность сторон договора являются одним из условий стабильности гражданского оборота. Данная правовая позиция сформулирована в Постановлении КС РФ от 09 апреля 2020 г. № 16-П «По делу о проверке консти-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 2882-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2022 г. № 1879-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (с посл. изм. и доп. от 04 октября 2022 г., № 8-ФКЗ)) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

туционности пункта 2 части 3 статьи 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в связи с жалобой гражданина В.В. Сонины»¹. Суд указал, что добросовестное поведение участников договорных обязательств становится особенно значимым в сфере публичных закупок, т.к. затрагивает публичные интересы. При этом в Постановлении подчеркивается, что меры, направленные на предупреждение недобросовестности допустимы лишь при обеспечении объективной достоверности включаемых сведений и недопустимости перенесения негативных последствий на лиц, чья недобросовестность не установлена.

В Постановлении КС РФ от 03 апреля 2023 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова»² Суд рассмотрел вопрос об информировании покупателя при заключении договора. Было подчеркнуто, что сторона, обладающая преимуществом в информации (например, продавец сложного товара или услуги), обязана действовать добросовестно и предпринимать меры к уравниванию переговорных возможностей, предоставляя другой стороне всю необходимую информацию. Иными словами, принцип добросовестности обязывает сторону не злоупотреблять своей информированностью или экономическим превосходством при согласовании условий договора [2, с. 68]. Этот подход КС РФ фактически подчеркивает правило о недопустимости умолчания об обстоятельствах, существенных для сделки (закреплённое в п. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

Вопрос добросовестности нередко возникает при разрешении коллизий прав собственности и договорных прав третьих лиц. КС РФ в этом случае встает на защиту добросовестных приобретателей имущества. Например, в Постановлении КС РФ от 26 ноября 2020 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» (по делу о приобретательной давности)³ был дан ориентир для оценки добросовестности владения имуществом. Суд разъяснил, что даже если владелец осознаёт отсутствие у себя законных

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09 апреля 2020 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 3 статьи 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в связи с жалобой гражданина В.В. Сонины» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03 апреля 2023 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2020 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

оснований для приобретения собственности, само по себе это не исключает признания владения добросовестным, если вступление во владение произошло внешне правомерно и без противоправных действий. При этом КС РФ вновь указал на общее правило, гласящее участники гражданского оборота не вправе извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения. Таким образом, лицо, которое самоуправно овладело вещью, заведомо зная об отсутствии правовых оснований, не может считаться добросовестным давностным владельцем. В иных же ситуациях, когда лицо открыто владеет вещью как своей, полагаясь на кажущееся законным основание, его интересы подлежат защите. **КС РФ отдельно подчеркнул, что критерий добросовестности в институте приобретательной давности не тождествен критерию добросовестности приобретателя по статье 302 ГК РФ и подлежит оценке с учётом назначения статьи 234 ГК РФ – преодоления длительной неопределённости принадлежности имущества.**

Отметим также, что в некоторых решениях последних лет (например, Постановления КС РФ от 10 марта 2022 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Н. Елисеева»¹ и от 02 июня 2022 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной»²) обсуждается добросовестное поведение сторон в самом процессе правосудия как условие доступа к судебной защите. Так, в Постановлении КС РФ от 10 марта 2022 г. № 10-П Суд указал, что установленное законом ограничение поворота исполнения по трудовым требованиям допустим лишь при условии добросовестного участия взыскателя в процессе: полученные по судебному акту суммы не подлежат обратному взысканию, если отмена решения не обусловлена сообщением истцом ложных сведений либо представлением подложных документов. Одновременно КС РФ подчеркнул, что судебная защита не должна распространяться на денежные притязания, основанные на недобросовестном использовании процессуальных и материально-правовых возможностей. Мож-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Н. Елисеева» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02 июня 2022 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2026).

но сказать, что КС РФ формирует подход, согласно которому проверка добросовестности действий участников становится необходимым элементом реализации конституционного права на судебную защиту. Вышесказанное позволяет сделать вывод, что принцип добросовестности выступает универсальным критерием в различных аспектах гражданского правопорядка [3, с. 302].

Таким образом, анализ правовых позиций ВС РФ и КС РФ свидетельствует о закреплении принципа добросовестности в качестве одного из ключевых ориентиров современного правоприменения в гражданско-правовой сфере. Верховный Суд РФ вывел объективный стандарт добросовестного поведения, ввёл презумпцию добросовестности на всех стадиях гражданского оборота, наделил суды инструментами для пресечения недобросовестных действий. В Постановлениях Конституционного Суда РФ добросовестность была рассмотрена в свете конституционных ценностей, подчеркнута системное значение принципа для гражданского оборота, а также связь с его с принципами справедливости, равенства. Примечательно и то, что, согласно позициям КС РФ, требования добросовестности распространяются и на процессуальную сферу судопроизводства. Обе высшие судебные инстанции согласуются в том, что недобросовестное поведение недопустимо и не должно давать правовых выгод виновной стороне. При некоторой разнице ракурсов подходы ВС РФ и КС РФ дополняют друг друга, формируя доктрину добросовестности в российском праве. Данный принцип, на наш взгляд, обладает потенциалом выступать реально действующим правовым механизмом, обеспечивающим баланс интересов и справедливость в правоприменении.

Библиографический список

1. Бушев А.Ю. Принцип добросовестности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: к юбилею Гадиса Абдуллаевича Гаджиева // Закон. 2023. № 9. С. 156–169.
2. Мазур И.К. О некоторых аспектах применения принципа добросовестности в постдоговорных отношениях // Парадигма. 2025. № 10-2. С. 66–70.
3. Долматов Е.Н., Галятдинов Р.Р., Сандаков В.Д. Принцип добросовестности в российском гражданском праве // Образование и право. 2024. № 10. С. 300–304.

© Мазур И.К., 2026

Масалимова Альбина Алмазовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, masalimova_albina@mail.ru

ДОГОВОР АРЕНДЫ ПРЕДПРИЯТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В представленной статье исследованы юридические характеристики договора аренды предприятия по действующему законодательству Российской Федерации. Определен ряд актуальных проблем правоприменения, возникающих при реализации данного договора. Обосновано, что наиболее дискуссионным аспектом такого договора выступает необходимость сохранения единства имущественного комплекса, а также защита прав и интересов кредиторов. В целях преодоления выявленных проблем сформулированы предложения по совершенствованию отечественного законодательства в исследуемых отношениях.

Ключевые слова: аренда, предприятие, договор аренды предприятия, имущественный комплекс, условия договора, права и обязанности сторон, права кредиторов.

Masalimova Albina Almazovna
Candidate of Sciences (Law),
Associate Professor of the chair of Civil Law
of the Institute of Law of the
of Ufa University Science and Technology
Ufa, Russia. E-mail: masalimova_albina@mail.ru

ENTERPRISE LEASE AGREEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL FEATURES AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Abstract. The presented article examines the legal characteristics of an enterprise lease agreement under the current legislation of the Russian Federation. A number of urgent law enforcement issues arising during the implementation of this agreement have been identified. It is proved that the most controversial aspect of such an agreement is the need to preserve the unity of the property complex, as well as the protection of the rights and interests of creditors. In order to overcome the identified problems, proposals have been formulated to improve domestic legislation in the studied relations.

Key words: lease, enterprise, enterprise lease agreement, property complex, terms of the agreement, rights and obligations of the parties, creditors' rights.

Аренда как институт гражданского права играет важную роль в развитии юриспруденции России, обеспечивая правовые механизмы регулирования имущественных отношений, формируя практику разрешения споров и способствуя совершенствованию правоприменительной деятельности. Арендные отношения являются важнейшей частью гражданского оборота, регулируя доступ субъектов к недвижимости, оборудованию и иным материальным ресурсам на основе временного владения и пользования. Вопросы аренды оказывают значительное влияние на развитие договорного права, судебной практики и механизмов защиты прав участников гражданских правоотношений. Их развитие на постсоветском пространстве в условиях перехода к рыночной экономике привело не только к появлению новых правовых норм, регулирующих договорные отношения сторон, но и к необходимости учета специфики различных видов аренды в зависимости от предмета и субъектного состава договора. Несмотря на значимость аренды в экономической жизни страны, правовое регулирование в этой сфере зачастую отстает от реальных общественных отношений.

В условиях рыночной экономики аренда выполняет несколько ключевых юридических функций, среди которых можно выделить регулирование обязательственных отношений, защиту имущественных интересов сторон, обеспечение стабильности гражданского оборота и формирование правоприменительной практики.

Одной из важнейших сфер применения арендного законодательства является регулирование предпринимательской деятельности. Ведение бизнеса в современных правовых условиях требует четкого урегулирования прав и обязанностей сторон арендных отношений, установления правовых механизмов обеспечения обязательств и защиты участников гражданского оборота. Аренда позволяет субъектам предпринимательской деятельности минимизировать финансовые риски и распределять затраты в течение всего срока аренды. Для малого и среднего бизнеса аренда является важным правовым инструментом, обеспечивающим гибкость в управлении ресурсами и возможностью адаптации к изменяющимся рыночным условиям.

Правоприменительная практика показывает, что споры, возникающие в этой сфере, касаются вопросов недобросовестного исполнения обязательств, необоснованного повышения арендной платы, досрочного расторжения договоров и применения штрафных санкций. В этой связи важным направлением совершенствования законодательства является установление унифицированных стандартов заключения и исполнения договоров аренды¹.

Арендные отношения в промышленности и производственном секторе способствуют правовому обеспечению модернизации основных средств предприятий и повышению их конкурентоспособности. В современных условиях технологического развития оборудование и производственные мощности часто

¹ Гражданский кодекс РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Часть вторая (с посл. изм. и доп. от 24 июня 2025 г. № 178-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.01.2026).

приобретаются в рамках договоров аренды, что требует детальной правовой регламентации условий передачи имущества, обязательств сторон и механизмов разрешения споров¹. Важным направлением совершенствования арендных отношений является развитие законодательства, направленного на защиту прав арендаторов и арендодателей. В частности, актуальным является уточнение норм, регулирующих порядок пересмотра арендных платежей в кризисных ситуациях, определение механизмов досрочного расторжения договоров аренды и установление стандартов заключения арендных соглашений.

Другой важной задачей является повышение прозрачности арендных сделок. В некоторых сегментах рынка аренды наблюдается высокая доля неофициальных договоров, что создает правовые риски для участников гражданского оборота. Перспективным направлением развития арендных отношений является расширение механизмов аренды с правом выкупа. Такие схемы позволяют арендаторам постепенно приобретать имущество в собственность, что особенно важно для малого и среднего бизнеса. Развитие программ льготной аренды и государственных субсидий на аренду коммерческой недвижимости также может стать эффективным инструментом поддержки предпринимательства.

Договор аренды предприятия, недвижимости, оборудования и транспортных средств является основным инструментом обеспечения прав предпринимателей на пользование необходимыми ресурсами без их приобретения в собственность. Предприятие рассматривается не только как имущественный комплекс, но и как единый хозяйствующий субъект, что требует учета не только имущественных, но и обязательственных отношений, возникающих в ходе деятельности предприятия [1, с. 92].

Отдельным видом арендных правоотношений является аренда предприятия как имущественного комплекса. В отличие от классических договоров аренды, объектом таких сделок выступает не отдельное имущество, а целостная система, включающая недвижимость, оборудование, товарные знаки, интеллектуальную собственность и даже обязательства перед третьими лицами. Правовое регулирование аренды предприятий предполагает более сложную процедуру заключения договора, поскольку стороны должны учитывать не только материальные активы, но и финансовые обязательства арендуемого предприятия.

Рассмотрим ключевые особенности договора аренды предприятия и особенности правового регулирования договора аренды.

Ключевым моментом в договоре аренды предприятия является наличие такого факта, что арендодатель передает предприятие в целом как имуществен-

¹ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 марта 2024 г. по делу № А56-61750/2018 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZgchBZmIq3VI/> (дата обращения: 11.01.2026) ; Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-497/25 от 21 февраля 2025 г. по делу № А07-30754/2023 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/srmn79C7mubC/> (дата обращения: 11.01.2026).

ный комплекс, который включает себя определенное имущество отвечающее гражданской оборотоспособности и права, принадлежащие арендодателю.

Договор аренды предприятия включают в себя следующие основные положения.

Во-первых, предмет договора, то есть предприятие, включающее в себя комплекс имущества и имущественных прав, за исключением прав, полученных арендодателем на основании решения лицензирующего органа.

На сегодняшний день отсутствует четких классификация и понятий, на которых строится предмет договора аренды, это влечет негативные последствия для сторон при заключении, исполнении договора аренды предприятия. Для решения данной проблемы законодателю следует закрепить понятия «здание», «сооружение», «объект незавершенного строительства», «оборудование». Конкретизация данных понятий позволило бы точно изложить предмет договора аренды предприятия для составления конструкции договора и сведения на нет всех спорных моментов в процессе исполнения договора.

Во-вторых, участниками могут быть только предприниматели ввиду того, что предприятия используется исключительно для осуществления предпринимательской деятельности. Участниками выступают арендодатель – лицо, являющееся собственником передающего во временное владение и пользование либо только во временное пользование предприятие другому лицу за определенную плату – арендатору.

В-третьих, срок аренды определяется сторонами договора самостоятельно, он может быть любым. Главным отличием является то, что договор аренды предприятия при любом сроке необходимо регистрировать, когда простой договор аренды, если срок составляет больше года. Размер арендной платы определяется сторонами и стоит отметить, что предприятие нельзя сдавать в аренду безвозмездно. Это противоречит основам предпринимательской деятельности нацеленной за извлечение прибыли [2, с. 68].

В-четвертых, порядок использования предприятия. Он выражается в том, что арендатор вправе без согласия арендодателя распоряжаться имуществом: продавать, обменивать, сдавать в субаренду, передавать права и обязанности по договору. Главной особенностью является то, что стоимость всего имущественного комплекса не должна снижаться и что это не распространяется на землю, природные ресурсы и ряд других объектов.

В-пятых, говоря о содержании договора, то стоит сказать, что в большинстве случаев арендодатели имеют более выгодную позицию перед арендаторами и имеет большее влияние, что сводится к тому, что на арендатора возлагается наибольший объем ответственности и рисков. Но существуют базовые права и обязанности, закрепленные в ГК РФ, которые не могут быть оспорены ни одной из сторон. К таким правам по общему принципу следует относить осуществления текущего и капитального ремонта арендатором. Также необходимо выделить, что арендатор обязан своевременно и в полном объеме оплачивать установленную в договоре аренды предприятия денежную сумму, оплачивать эксплуатационные, коммунальные и иные расходы, а также нести риск случай-

ной гибели предприятия. Арендодатель, в свою очередь, обязан уведомить кредиторов до передачи предприятия или его части.

В юридической практике можно встретить большое разнообразие форм ответственности как арендодателя, так и арендатора. На практике каждая из сторон пытается возложить наибольший объем ответственности на другую сторону, но в законодательстве предусмотрен ряд ограничений, с помощью которого государство способствует защите малого и среднего предпринимательства.

Большое значение отдается порядку расторжения договора аренды предприятия в договоре. Арендодатель несущий риск случайной гибели имущества напрямую зависит от установки того или иного оборудования, чтобы имущество, переданное в аренду, не повредилось. Помимо этого, имущество предприятия, находящееся на «красных линиях», подвергается пристальному вниманию со стороны администраций районов и города, что также приводит арендодателя к ужесточению мер по установке вывески соответствующей общей концепции здания или места, где расположено арендуемое предприятие. Нельзя не отметить, что существуют прямо предусмотренные в законе условия, на которых может ссылаться арендодатель или арендатор в случае, если данные условия не были предусмотрены в договоре. Таким образом, условия по которым можно расторгнуть договор различны и могут отличаться в зависимости от расположения помещения и уровня компетентности арендодателя.

Отличительной особенностью договора аренды предприятия является то, что арендатор получает не только помещения или земельный участок, но и все производственные мощности, оборудование, технологии, торговые марки, необходимые для ведения бизнеса [3, с. 249].

В правоприменительной практике остается нерешенным ряд вопросов, связанных с правами и обязанностями сторон в арендных правоотношениях. Одним из дискуссионных является вопрос о содержании прав, передаваемых арендатору. Одной из ключевых особенностей аренды предприятия является необходимость сохранения единства имущественного комплекса, что подразумевает передачу не только материальных активов, но и прав, включая коммерческое обозначение [4, с. 77]. Это требование обусловлено стремлением законодателя обеспечить целостность предприятия как объекта аренды, что, в свою очередь, способствует достижению единой предпринимательской цели. Однако такая конструкция может создавать определенные трудности для арендатора, особенно если коммерческое обозначение арендодателя не соответствует его интересам или имеет негативную репутацию. В таких случаях арендатор лишается возможности использовать собственное коммерческое обозначение, что может негативно сказаться на его бизнесе.

Для решения этой проблемы, законодателю следует добавить третий абзац в статью 660 ГК РФ и изложить его следующим образом: «Арендатор вправе изменить вид деятельности арендуемого предприятия с письменным согласием арендодателя, если иное не предусмотрено договором аренды».

Важным аспектом является также защита интересов кредиторов. Законодатель предусматривает механизмы, позволяющие кредиторам отстаивать свои права при передаче предприятия в аренду. Однако отсутствие четких норм, регули-

рующих взаимодействие арендодателя и арендатора с работниками предприятия, создает пробел в правовом регулировании [5, с. 159]. Включение в Гражданский кодекс РФ положений, отсылающих к нормам Трудового кодекса РФ, могло бы способствовать решению данной проблемы. В частности, необходимо предусмотреть обязательное уведомление работников о предстоящей передаче предприятия в аренду, что позволит защитить их трудовые права. Кроме того, законодатель не устанавливает четких оснований для увольнения работников в связи с передачей предприятия в аренду, что создает неопределенность для обеих сторон договора. Введение соответствующих норм могло бы способствовать более эффективному регулированию трудовых отношений в рамках аренды предприятия.

Соответственно, для совершенствования правового регулирования аренды предприятий необходимы системные меры, направленные на уточнение действующих норм и разработку новых регулятивных инструментов. В частности, можно выделить следующие рекомендации:

- уточнение требований к составу и содержанию договора аренды предприятия. Необходимо ввести более детальные нормы, регулирующие состав имущественного комплекса: какие именно объекты и права должны быть указаны, как фиксировать наличие лицензий и прав на интеллектуальную собственность, в каком порядке происходит передача документов и что именно включается в обязанности сторон по обеспечению функционирования предприятия.

- расширение информационной поддержки участников арендных отношений. Участники хозяйственного оборота зачастую оказываются не готовы к сложностям, связанным с оформлением аренды предприятия. Разработка методических рекомендаций, типовых форм договоров и единых стандартов описания имущественного комплекса способствовала бы существенному снижению правовых рисков и сокращению конфликтов.

- формирование специализированных норм о коммерческой аренде. Текущая нормативная база не содержит развернутых положений, затрагивающих все аспекты аренды предприятия предпринимателями. Создание отдельного блока норм в Гражданском кодексе РФ о коммерческой аренде предприятий может упростить правоприменительную практику и повысить предсказуемость судебных решений.

Таким образом, действующее законодательство в области аренды предприятия требует дальнейшего развития и уточнения. Особое внимание следует уделить вопросам передачи коммерческого обозначения, досрочного расторжения договора, защиты интересов кредиторов и работников, а также уточнению прав и обязанностей сторон договора. Совершенствование правовых норм в данной сфере будет способствовать повышению эффективности аренды предприятия как инструмента предпринимательской деятельности и обеспечению баланса интересов всех участников правоотношений. Дальнейшее совершенствование законодательной базы, сопровождаемое систематизацией судебной практики и повышением квалификации участников рынка, позволит сделать аренду ещё более эффективным инструментом для развития российского предпринимательства и юриспруденции в целом.

Библиографический список

1. Бекбузарова З. Р., Мальсагов М. Б. Теоретические основы арендных отношений // Актуальные вопросы современной науки и образования. 2023. № 1. С. 92-93.
2. Добрачёв Д.В. Размер арендной платы как существенное условие договора аренды земельного участка // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 66-75.
3. Василенко А.В. Особенности правового регулирования аренды предприятий // Бюллетень науки и практики. 2020. № 2. С. 249-252
4. Орлов А. А. Некоторые вопросы сделок с предприятием как имущественным комплексом // Вестник магистратуры. 2020. № 1-2. С. 76-78.
5. Таран Г.Г., Ахтямова Е.В. Особенности договора аренды предприятия и различие от договора коммерческой концессии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3-1. С. 159-161.

© Масалимова А.А., 2026

УДК 347.763

Муратова Альмира Раисовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, almiramuratova@mail.ru

НОВЕЛЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЯМЫХ СМЕШАННЫХ ПЕРЕВОЗОК

Аннотация: анализируются новеллы Федерального закона от 08.08.2024 № 288-ФЗ «О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Автором исследуются публично-правовые механизмы государственного регулирования, включая нормативное утверждение формы единого транспортного документа и его электронного формата, а также порядок обмена данными в государственной информационной системе электронных перевозочных документов. Рассматриваются процедура организации перевозок посредством заключения многостороннего соглашения, договорная основа взаимоотношений участников, реализуемая через конструкцию «единого окна», и полисубъектный механизм гражданско-правовой ответственности, включающий правила определения размера ответственности.

Ключевые слова: прямая смешанная перевозка, единый транспортный документ, ответственность участников перевозочного процесса

Almira R. Muratova,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Department of Civil Law of the Institute of Law
of the Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation, almiramurtova@mail.ru

NOVELTIES IN THE LEGAL REGULATION OF DIRECT MULTIMODAL TRANSPORT

Abstract: the novelties of the Federal Law of 08.08.2024 No. 288-FZ «On Direct Multimodal transport and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» are analyzed. The author examines the public law mechanisms of state regulation, including the regulatory approval of the form of a single transport document and its electronic format, as well as the procedure for data exchange in the state information system of electronic transportation documents. The article considers the procedure for organizing transportation through the conclusion of a multilateral agreement, the contractual basis for the relationship between the participants, implemented through the design of a «single window», and a polysubject mechanism of civil liability, including rules for determining the amount of liability.

Keywords: direct multimodal transportation, single transport document, responsibility of participants in the transportation process

До недавнего времени транспортное законодательство, при всей его отраслевой детализированности, не содержало комплексного регулирования отношений, возникающих в сфере перевозок грузов и пассажиров различными видами транспорта по единому перевозочному документу.

Принятие Федерального закона от 08.08.2024 № 288-ФЗ «О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон) восполнило этот существенный пробел, создав правовую основу для организации и осуществления перевозок в прямом смешанном сообщении. Закон, вступивший в силу с 1 сентября 2025 года, упорядочивает взаимодействие участников такой перевозки, регламентируя ключевые аспекты: государственное регулирование, процедуру организации перевозок и договорную основу взаимоотношений участников, а также их ответственность.

Обращаясь к аспекту государственного регулирования, необходимо отметить, что Закон содержит публично-правовой механизмы, в числе которых важная роль отводится единому транспортному документу, подтверждающему заключение договора перевозки в прямом смешанном сообщении.

Форма единого транспортного документа на бумажном носителе, порядок его оформления или формирования в виде электронного документа утверждены федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по

выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта¹.

Формат же электронного единого транспортного документа утвержден федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах², по согласованию с Министерством транспорта, что обусловлено фискальным значением перевозочных документов.

Существенной новацией является императивное направление электронного единого транспортного документа при перевозке грузов в государственную информационную систему электронных перевозочных документов. Порядок обмена электронным единым транспортным документом и сведениями, содержащимися в нем, а также порядок его направления в указанную информационную систему устанавливаются Правительством Российской Федерации³.

Представляется, что предложенный законодателем механизм создает единую цифровую среду для отслеживания прямых смешанных перевозок, что соответствует современным трендам цифровизации транспортной отрасли. Таким образом, государственное регулирование в рассматриваемом контексте проявляется не в прямом установлении тарифов или маршрутов, а в легитимации единственно возможной формы договора, определении обязательных реквизитов и порядка обмена данными, а также в обеспечении публичной достоверности сведений о перевозке через государственную информационную систему.

Переходя к процедуре организации перевозок, важно отметить, что значимым элементом рассматриваемой процедуры выступает соглашение об организации перевозок в прямом смешанном сообщении. Исходя из анализа пункта 2 статьи 2 Закона, соглашение можно определить как многосторонний организационный договор, заключаемый между участниками перевозочного процесса, сущность которого заключается в создании правовой и технологической основы для будущих договоров перевозки. Обязательные условия такого соглашения предусматриваются п. 3 ст. 2 Закона. При этом важнейшей характеристикой данной процедуры является диспозитивность и свобода волеизъявления:

¹ Приказ Минтранса России от 11.06.2025 № 187 «Об утверждении формы единого транспортного документа на бумажном носителе, порядка его оформления на бумажном носителе или формирования в виде электронного единого транспортного документа» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

² Приказ ФНС России от 13.08.2025 № ЕД-7-26/717@ «Об утверждении форматов электронного единого транспортного документа» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

³ Постановление Правительства РФ от 10.07.2025 № 1036 «Об утверждении Правил обмена электронным единым транспортным документом, подтверждающим заключение договора перевозки груза в прямом смешанном сообщении, и сведениями, содержащимися в нем, и направления такого документа в государственную информационную систему электронных перевозочных документов» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

понуждение к заключению соглашения об организации перевозок или к присоединению к уже заключенному соглашению не допускается.

Рассматривая договорную основу взаимоотношения участников перевозки, поясним, что под этим аспектом мы рассматриваем непосредственно сам договор перевозки в прямом смешанном сообщении, положения о котором предусмотрены в ст.ст. 3-5 Закона.

По договору перевозки груза в прямом смешанном сообщении перевозчик, заключивший указанный договор, обязуется своевременно и в сохранности доставить груз, переданный грузоотправителем для перевозки, в пункт назначения с соблюдением условий его перевозки, и выдать груз лицу, управомоченному на его получение. Грузоотправитель обязан (п. 2, 10, 12 ст. 3 Закона): внести за перевозку плату, установленную договором; своевременно представить перевозчику достоверные документы и информацию, необходимые для перевозки, в том числе информацию о наименовании груза, об особых отметках, сведения о грузе и его свойствах. До предоставления грузоотправителем указанных документов и информации перевозчик вправе не приступать к исполнению договора перевозки в прямом смешанном сообщении.

По договору перевозки пассажира в прямом смешанном сообщении перевозчик, заключивший указанный договор, обязуется перевезти его в пункт назначения. Если пассажир сдает багаж (грузобагаж), перевозчик должен доставить его в пункт назначения и выдать лицу, управомоченному на его получение. Пассажир обязуется внести плату за проезд, установленную договором, а при сдаче багажа, грузобагажа - плату за его провоз (ч. 2 ст. 3 Закона). Пассажир, грузоотправитель вправе отказаться от перевозки в прямом смешанном сообщении, а также вернуть внесенную плату за такую перевозку в соответствии с заключенным договором (ч. 13 ст. 3 Закона).

Уникальность договора перевозки в прямом смешанном сообщении проявляется в том, что он заключается пассажиром или грузоотправителем только с одним перевозчиком - стороной соглашения об организации перевозок, тогда как перевозка физически осуществляется несколькими лицами, являющимися субъектами названного соглашения. Основной перевозчик принимает на себя функцию «единого окна»: он информирует пассажира, грузоотправителя, грузополучателя о ходе исполнения договора перевозки, предоставляет сторонам соглашения информацию о заключенном договоре и сумме полученной платы, взаимодействует со сторонами соглашения в целях организации конкретной перевозки, а также осуществляет расчеты со сторонами соглашения в связи с организацией и осуществлением перевозки.

При этом стороны соглашения, участвующие в осуществлении перевозки, определяют маршрут перевозки, а также осуществляют иные действия, необходимые для исполнения договора, в том числе согласовывают время передачи груза, багажа с одного вида транспорта на другой, время пересадки пассажира. Закон обязывает стороны исходить из необходимости оптимизации процесса перевозки, сокращения сроков такой перевозки в интересах грузоотправителей и пассажиров, в том числе посредством перевозки по кратчайшему расстоянию

и обеспечения минимальной разницы между временем отправления и временем прибытия транспортных средств.

Таким образом, учитывая анализ содержания процедуры организации перевозок и договорной основы взаимоотношений участников, отметим, что процесс перевозки в прямом смешанном сообщении выстраивается как двухуровневая система, подразумевающая: заключение соглашения об организации перевозок в прямом смешанном сообщении (п. 1, 2 ст. 2 Закона) и договора перевозки в прямом смешанном сообщении.

Переходя к вопросам ответственности участников прямой смешанной перевозки, следует указать, что Закон предусматривает полисубъектный механизм ответственности, который можно представить в виде нескольких последовательных правил.

Заключивший договор перевозки в прямом смешанном сообщении перевозчик (основной перевозчик) несет перед пассажиром, грузоотправителем или грузополучателем ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора, за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, его ручной клади, багажу, грузобагажу, а также за ущерб, причиненный грузовладельцу (п. 1 ст. 4 Закона). При этом в случаях, предусмотренных ст. 1079 ГК РФ, потерпевший вправе предъявить требование непосредственно перевозчику того вида транспорта, которым перевозка осуществлялась в момент причинения вреда, минуя основного перевозчика (п. 7 ст. 4 Закона).

Размер ответственности основного перевозчика определяется с учетом следующих особенностей. Если установлен конкретный вид транспорта, на этапе перевозки которым произошло нарушение или был причинен вред, то основания и размер ответственности определяются по правилам, установленным Гражданским кодексом РФ и отраслевым транспортным законодательством для данного вида транспорта (п. 2 ст. 4 Закона). Если нарушение или причинение вреда явилось результатом действий (бездействия) нескольких участников соглашения об организации перевозок, размер ответственности основного перевозчика определяется по правилам того вида транспорта, которые устанавливают максимальный размер ответственности за соответствующее нарушение (п. 3 ст. 4 Закона). Наконец, если невозможно установить этап перевозки, на котором произошло нарушение или был причинен вред, размер ответственности также определяется по максимальной ставке среди всех видов транспорта, участвовавших в перевозке. В этом случае стороны соглашения, непосредственно участвовавшие в перевозке, возмещают основному перевозчику уплаченное им потерпевшему возмещение в равных долях за вычетом доли, приходящейся на самого основного перевозчика (п. 5 ст. 4 Закона).

Законом также установлен механизм регрессных требований. Перевозчик, выплативший потерпевшему возмещение в полном объеме, имеет право регрессного требования к той стороне соглашения об организации перевозок, в результате действий (бездействия) которой произошло нарушение или был причинен вред, если иное не предусмотрено самим соглашением (п. 4 ст. 4 Закона). Кроме того, в случае, если основной перевозчик не выплатил возмещение или выплатил его не в полном объеме, стороны соглашения, непосред-

ственно участвовавшие в перевозке, обязаны выплатить такое возмещение потерпевшему в случаях и порядке, установленных соглашением, за вычетом доли, уже уплаченной основным перевозчиком (ч. 6 ст. 4 Закона).

За неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных договором перевозки груза в прямом смешанном сообщении, грузоотправитель несет ответственность перед основным перевозчиком. Основания и размер такой ответственности определяются Гражданским кодексом РФ, законодательством, регулирующим перевозки тем видом транспорта, при перевозке которым произошло нарушение, а также самим договором перевозки (п. 10 ст. 4 Закона). Полученные от грузоотправителя денежные суммы основной перевозчик распределяет между сторонами соглашения об организации перевозок, участвующими в осуществлении конкретной перевозки, в порядке и сроки, установленные соглашением (п. 13 ст. 4 Закона).

Кроме перечисленных новелл, Закон вносит изменения в действующие транспортные кодексы и уставы, затрагивающие прямые смешанные перевозки, что подтверждает его системообразующее значение.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что принятый Закон формирует правовую основу прямых смешанных перевозок, базирующуюся на двухуровневой системе, подразумевающей заключение соглашения об организации перевозок и договора перевозки в прямом смешанном сообщении, в сочетании с единым транспортным документом и системой распределения ответственности между участниками перевозочного процесса.

© Муратова А.Р., 2026

УДК 347.44

Набиев Александр Вадимович,
Аспирант кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, arhansd@yandex.ru

Научный руководитель:
Ахтямова Евгения Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ

Аннотация: Расторжение договора коммерческой концессии сопряжено с рядом специфических и острых проблем, вытекающих из его комплексной природы. Этот договор сочетает элементы лицензионного, агентского, комплексно-

го обязательства по ведению бизнеса и тесную зависимость пользователя (франчайзи) от правообладателя (франчайзера). В статье проводится комплексный анализ правовых механизмов расторжения договора коммерческой концессии (франчайзинга) в российском законодательстве. Рассматриваются общие и специальные основания прекращения договорных отношений, процедурные аспекты и специфические правовые последствия, характерные для данной договорной конструкции.

Ключевые слова: договор коммерческой концессии, расторжение договора, проблемы и тенденции

Nabiev Alexander Vadimovich

Student of the Institute of Law
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, arhansd@yandex.ru

Scientific supervisor:

Akhtyamova Evgeniya Viktorovna

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil Law
Institute of Law
Ufa University of Science and Technology

LEGAL REGULATION OF THE DISSOLUTION OF A COMMERCIAL CONCESSION AGREEMENT

Abstract. The termination of a commercial concession agreement is associated with a number of specific and acute problems arising from its complex nature. This agreement combines elements of a license, agency, and complex business obligation, as well as the close dependence of the user (franchisee) on the rightholder (franchisor). This article provides a comprehensive analysis of the legal mechanisms for terminating a commercial concession (franchising) agreement in Russian law. It examines the general and specific grounds for terminating contractual relations, as well as the procedural aspects and specific legal consequences that are characteristic of this contractual structure.

Keywords: commercial concession agreement, termination of the agreement, problems and trends

Правовое регулирование договора коммерческой концессии в России сталкивается с рядом проблем, которые затрудняют его применение и снижают эффективность этого инструмента для развития бизнеса. Основные из них связаны с пробелами в законодательстве, неоднозначностью правовых норм и сложностями в правоприменении.

Отдельного внимания заслуживают вопросы расторжения договора коммерческой концессии, так как они неизбежно сопряжены с рядом проблем, связанных с дисбалансом прав сторон, сложностями доказывания нарушений, процедуральными нюансами и последствиями прекращения отношений.

Договор коммерческой концессии (франчайзинга) регулируется главой 54 Гражданского кодекса Российской Федерации. Законодательное регулирование расторжения данного договора направлено на установление баланса между интересами правообладателя (франчайзера) и интересами пользователя (франчайзи). Правообладатель стремится к сохранению единых стандартов сети, защите деловой репутации и исключительных прав, а пользователь - к защите инвестиций, вложенных в создание и развитие бизнеса под чужим брендом.

Рассмотрим общие гражданско-правовые основания, предусмотренные главой 54 ГК РФ.

Расторжение по соглашению сторон (п. 1 ст. 450 ГК РФ¹) — наиболее предпочтительный способ, позволяющий сторонам детально урегулировать все этапы расторжения договора: сроки, порядок обезличивания, судьбу остатков товара, расчеты. На практике такое соглашение часто сопровождается выплатой отступного.

Судебное расторжение по требованию одной из сторон (п. 2 ст. 450 ГК РФ¹) — основное поле для правовых споров. Ключевым критерием является существенность нарушения.

Со стороны пользователя к существенным нарушениям судебная практика относит: систематическую неуплату регулярных платежей за право пользоваться чужой интеллектуальной собственностью, грубое нарушение фирменных стандартов (наносящее ущерб репутации сети), разглашение ноу-хау, ведение конкурентной деятельности.

Со стороны правообладателя: непредоставление обещанной помощи и обучения, передачу неполного или неработоспособного ноу-хау, непринятие мер по поддержанию актуальности бизнес-модели, что приводит к убыткам пользователя.²

Существенное изменение обстоятельств (ст. 451 ГК РФ¹) — применяется крайне редко ввиду высокого порога доказывания. Примеры из практики: резкое изменение законодательства, делающее бизнес-модель неработоспособной; форс-мажорные обстоятельства (пандемия COVID-19), но лишь в случаях, когда они носят долгосрочный и необратимый характер для конкретного бизнеса.

К специальным основаниям, предусмотренным главой 54 ГК РФ, относятся:

1) Прекращение права пользования торговым помещением (п. 2 ст. 1037 ГК РФ), если договор был зарегистрирован в Роспатенте³.

¹ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая (с посл. изм. и доп. от 30 октября 2024 г. № 49-П) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2026).

² Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая (с посл. изм. и доп. от 30 октября 2024 г. № 49-П) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2026).

³ Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ. Часть вторая (с посл. изм. и доп. от 16 декабря 2025 г. № 49-П) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2026).

2) Смена контроля над пользователем-юридическим лицом (переход более 50% долей/акций) без согласия правообладателя, если это запрещено договором.

3) Смерть правообладателя-гражданина и невступление его наследника в предпринимательскую деятельность (ст. 1038 ГК РФ²).

Обязательный досудебный (претензионный) порядок играет особую роль в спорах о расторжении договора коммерческой концессии. Направление обоснованной претензии с предложением устранить нарушения и четкими сроками не только является процессуальным требованием, но и позволяет сторонам оценить перспективы судебного спора.

Проблема доказывания имеет ключевое значение в судебных процессах. Правообладатель должен доказать не просто факт нарушения, а то, что это нарушение носит существенный характер, то есть причиняет или может причинить значительный ущерб. Для этого используются: заключения независимых экспертов (о качестве продукции, соответствии оформления), результаты контрольных проверок, подписанные пользователем, доказательства жалоб потребителей, негативных публикаций в СМИ, сравнительный анализ доходности и качества других точек сети.

В договоре коммерческой концессии можно наблюдать проблему неравенства прав сторон. Так, например, Положения ГК РФ предоставляют правообладателю более широкие возможности для защиты своих интересов по сравнению с пользователем. Правообладатель может отказаться от договора в одностороннем порядке при определённых нарушениях со стороны пользователя (например, при нарушении условий о качестве товаров/услуг, грубом нарушении инструкций, открытии неодобренной точки, задержке роялти). Для этого он должен направить пользователю претензию с требованием устранить нарушение [1]. Если нарушение не устранено в разумный срок или в течение года повторилось, правообладатель вправе расторгнуть договор.

Согласно ст. 1039 ГК РФ, последствия расторжения договора строго регламентированы, что защищает, в первую очередь, правообладателя¹.

После расторжения договора немедленно прекращается право использования комплекса исключительных прав. Пользователь обязан прекратить использование товарного знака, фирменного стиля, ноу-хау, обеспечить «обезличивание» (дебридинг), то есть провести демонтаж вывесок, замену оформления, уничтожить документацию, содержащую ноу-хау.

Распродажа остатков товара с фирменной символикой должна осуществляться в разумный срок и с согласия правообладателя, чтобы не наносить ущерб репутации.

Пользователь обязан обеспечить сохранность конфиденциальных данных. Обязательство по неразглашению коммерческой тайны и ноу-хау сохраняется бессрочно, в том числе и после расторжения договора.

¹ Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ. Часть вторая (с посл. изм. и доп. от 16 декабря 2025 г. № 49-П) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2026).

Пользователь может защитить свои права только через суд, за исключением случаев, предусмотренных ст. 1037 ГК РФ¹. Это создает дисбаланс, учитывая, что пользователи часто сталкиваются с нарушениями со стороны правообладателей [2].

Для расторжения договора в судебном порядке, согласно ст. 450 ГК РФ², пользователь должен доказать, что правообладатель существенно нарушил условия договора, то есть причинил ему ущерб. В действительности же это может быть затруднительно, если франчайзер не оказал обещанной поддержки или не передал полный комплекс исключительных прав. Пользователю необходимо предоставить убедительные доказательства того, что действие или бездействие правообладателя сделали невозможным использование франшизы в полном объеме. Суд может отказать в удовлетворении требований, если пользователь длительное время фактически использовал комплекс прав.

Правообладателем может быть закреплен в договоре односторонний внесудебный отказ, что может позволить ему расторгнуть договор даже по формальным и незначительным основаниям.

При одностороннем отказе от договора необходимо соблюдать сроки уведомления. Если договор бессрочный, пользователь или правообладатель могут расторгнуть его, уведомив другую сторону за полгода. Срок сокращается до 30 дней, если в договоре предусмотрено отступное. Нарушение этих сроков может привести к продолжению действия договора и начислению роялти. Не менее важно правильно направить уведомление на юридический адрес правообладателя, если в договоре не предусмотрен иной способ, так как ошибки в этой части могут привести к судебным спорам [3].

Досрочное расторжение договора коммерческой концессии подлежит государственной регистрации в Роспатенте, согласно п.2 ст. 1037 ГК РФ³. Отсутствие регистрации не прекращает действие договора, но может создать проблемы при взаимодействии с третьими лицами.

Необходимо также учитывать тот факт, что некоторые обязательства могут сохранять силу и после расторжения договора. Например, запрет пользователю осуществлять конкурирующую деятельность в течение определенного промежутка времени после расторжения договора коммерческой концессии затрудняет пользователю ведение бизнеса в аналогичной сфере. Требования о

¹ Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ. Часть вторая (с посл. изм. и доп. от 16 декабря 2025 г. № 49-П) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2026).

² Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая (с посл. изм. и доп. от 30 октября 2024 г. № 49-П) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2026).

³ Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ. Часть вторая (с посл. изм. и доп. от 16 декабря 2025 г. № 49-П) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2026).

взыскании всего дохода пользователя за период действия договора как убытков или установление запрета на конкуренцию на неограниченной территории часто признаются несоразмерными.

Суды учитывают, что нарушение, совершенное одним пользователем, может негативно сказаться на репутации всей сети, что позволяет правообладателям более успешно аргументировать существенность нарушений, связанных с репутационным ущербом.

В настоящее время сформировалась тенденция удовлетворять иски пользователей о расторжении договора и взыскании убытков, если правообладатель не оказывает должной поддержки, не обновляет ноу-хау, не ведет маркетинг сети, превращая договор в лицензию на товарный знак.

Таким образом, правовое регулирование расторжения договора коммерческой концессии в России представляет собой развивающуюся систему, стремящуюся к поиску справедливого баланса сторон.

Расторжение договора коммерческой концессии – это сложная процедура, имеющая значительную специфику из-за комплексной природы этого договора, требующая тщательной подготовки, внимания к деталям договора и доказательной базы.

Наилучший вариант – досудебное урегулирование с подписанием детального соглашения о расторжении, где будут прописаны все этапы и последствия. Если же конфликт переходит в судебную плоскость, исход во многом зависит от того, насколько четко и сбалансированно были изначально прописаны условия в самом договоре, поэтому ключевой рекомендацией для участников франчайзинговых отношений остается детальная проработка договора. Четкое определение стандартов, подробный регламент процедуры расторжения договора способны предотвратить большинство конфликтов или сделать их разрешение более предсказуемым и справедливым. Законодательное регулирование задает необходимые рамки, но именно договор является главным инструментом обеспечения стабильности во взаимоотношениях сторон.

Библиографический список

1. Соломина, Н. Г. Гражданское право. Общая часть: учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] / Н. Г. Соломина, С. К. Соломин. – Томск: ТУСУР, 2018. – 78 с. – Режим доступа: <https://edu.tusur.ru/publications/8308>.
2. Мазепов, П. Е. К вопросу о расторжении договора коммерческой концессии / П. Е. Мазепов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 232-236.
3. Пархоменко А.А. Правовые нюансы расторжения пользователем договора коммерческой концессии (франчайзинга) // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 5А. С. 258-269.

© Набиев А.В., 2026

Никитина Александра Андреевна,
младший юрист ООО «Совкомбанк Лизинг»
Москва, Россия, 2738396@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ЦИФРОВОГО ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация: в статье проанализирована правовая природа криптовалюты. Исследована возможность отнесения ее к каждому названному в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации объекту гражданских правоотношений. Рассмотрены подходы к криптовалюте в ряде иных государств. Сделан вывод, что на сегодняшний день криптовалюту следует отнести к виртуальным децентрализованным денежным единицам, которая выступает видом цифровой валюты.

Ключевые слова: объекты гражданских правоотношений, криптовалюта, правовая природа криптовалюты, цифровые права

Nikitina Alexandra Andreevna,
Junior Lawyer at Sovcombank Leasing LLC
Moscow, Russia, 2738396@mail.ru

THE LEGAL NATURE OF CRYPTOCURRENCIES AS A DIGITAL OBJECT OF CIVIL LAW RELATIONS

Abstract. The article analyzes the legal nature of cryptocurrencies. The possibility of attributing it to each object of civil legal relations named in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation is investigated. Approaches to cryptocurrencies in a number of other countries are considered. It is concluded that today the cryptocurrency should be classified as a virtual decentralized monetary unit, which acts as a type of digital currency.

Keywords: objects of civil law relations, cryptocurrency, legal nature of cryptocurrency, digital rights

Актуальность исследования криптовалюты опосредована рядом факторов, связанных с бурным развитием цифровых технологий, глобализацией экономики и необходимостью адаптации правовых систем к новым реалиям. Криптовалюты прошли путь от нишевых технологических экспериментов до активов с триллионной капитализацией, активно используемых для инвестиций, платежей, краудфандинга и создания новых финансовых продуктов. Это требует четкого правового регулирования их статуса и оборота.

До сих пор во многих юрисдикциях отсутствует единое понимание природы криптовалюты, является ли она денежным средством, имуществом, ценной бумагой, информационным объектом или чем-то иным. Отсутствие четкой

дефиниции создает правовую неопределенность для участников гражданского оборота, судов и регуляторов.

С момента своего появления криптовалюта сразу привлекла внимание правоведов во всех уголках планеты. Будучи основанной на технологии распределенного реестра, криптовалюта а priori была предназначена для создания аналога привычных миру фиатных денежных средств, открывающая возможность осуществления переводов такой формы активов без посредников в виде государственных органов, финансовых регуляторов, обеспечивающая полную анонимность транзакций. Однако, в связи с тем, что данная тема является достаточно инновационной, законодатель не успевает за регулированием и контролем такого феномена. Нельзя не отметить практически полное отсутствие законодательного регулирования криптовалюты в России, невозможность опираться на опыт иностранных государств ввиду уникальности и особенности правовых систем разных стран.

Актуальность темы настоящей статьи также обусловлена широким спектром нормативных, правоприменительных проблем, обширной научной дискуссией. В частности на сегодняшний день отсутствует единый подход к определению правовой природы криптовалюты, ее правового статуса и места в системе объектов гражданских правоотношений.

А. С. Лолаева подчеркивает, что «криптовалюта в чистом виде – это платежное средство, не имеющее самостоятельной ценности» [4, с. 20]. Названный автор рассматривает криптовалюту как средство обмена, которое, в отличие от других активов, не выполняет функции самостоятельной ценной единицы. Кроме того, Лолаева А.С. указывает на сложность применения традиционных юридических норм к криптовалютам, поскольку они не могут быть связаны с конкретными физическими активами.

Стоит отметить, что для работы с криптовалютой необходимо специальное программное обеспечение - онлайн- или оффлайн-кошелек, а также счета криптовалютных бирж. Эти программы позволяют пользователю взаимодействовать с системой блокчейн и создавать транзакции в данной сети.

Блокчейн - это выстроенная по определенным алгоритмам последовательная цепочка блоков, содержащих информацию. Копии этих цепочек находятся на разных компьютерах вне зависимости друг от друга. Информация о внутрисистемных переводах не шифруется и публикуется в открытом доступе. Для обеспечения постоянства базы цепочки блоков транзакций применяются криптографические элементы. Сначала транзакция поступает в цепочку блоков, затем после нескольких подтверждений средства начисляются на указанный криптовалютный кошелек. Иными словами, блокчейн представляет собой технологию, способ передачи информации, который при этом «обеспечивает неизменность первично согласованных условий» [7, с. 12, 18].

По сути, криптовалюта - это виртуальные децентрализованные денежные единицы, которые представляют собой уникальный криптографический код. В свою очередь, криптографический код - это блокчейн, который является длинной цепочкой блоков и транзакций, которые выполняются одновременно.

Важным аспектом выступает факт отсутствия какого-либо обеспечения криптовалюты, поскольку уникальный криптографический код существует исключительно в электронном виде, не имея физического воплощения в реальности. В этом и заключается основной феномен криптовалюты. С одной стороны, ее целью было стремление создать вид валюты, который бы позволил уйти от дополнительного бюрократического контроля со стороны государства или банков, обеспечив при этом полную безопасность транзакций, но, с другой стороны, современный этап развития государственности, правовой и экономической системы все еще не позволяет полностью уйти от контроля и централизации.

Этим в том числе и объясняется такой оживленный интерес научного юридического сообщества к феномену криптовалюты, к стремлению «вписать» такую важную технологию в юридическую действительность, чтобы иметь возможность в том или ином виде регулировать ее применение. Криптовалюта – новый финансовый инструмент для всего мира, поэтому каждое государство стремится урегулировать их правовое положение, подстраиваясь под реалии своего правопорядка [3, с. 154].

В Великобритании криптовалюты рассматриваются преимущественно как имущество, а регулирование сосредоточено на противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма. При этом цифровые активы делятся на три категории: security-токены, e-money токены и нерегулируемые токены, что позволяет дифференцировать подход к их контролю.

В США отсутствует единая трактовка: криптовалюты могут квалифицироваться как валюта, товар, ценная бумага или собственность в зависимости от юрисдикции и позиции регулирующих органов (FinCEN, CFTC, SEC, IRS). Такая разрозненность усложняет формирование унифицированной системы регулирования, хотя на федеральном уровне предпринимаются попытки консолидации норм.

В Сингапуре криптовалюты признаются средством платежа (цифровыми платежными токенами) и подлежат строгому лицензированию, что сочетается с прозрачной налоговой политикой. Пример Сингапура может быть полезен России в части установления правил лицензирования деятельности криптобирж, а также в части налогообложения деятельности, связанной с торговлей криптовалютой.

Определение правовой природы криптовалюты для российского правопорядка видится злободневным ввиду практически полного отсутствия законодательной позиции по этим вопросам. На сегодняшний день российское законодательство очевидно отстает от развития криптовалюты как инструмента и технологии. Стоит отметить недавние изменения в гражданском законодательстве, а именно, принятие Федерального закона от 18.03.2019 №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского

кодекса Российской Федерации»¹, который изменил ст. 128 ГК РФ², закрепив цифровые права в качестве нового объекта гражданских прав.

В законе появилось определение понятия цифровых прав, закрепленное в ст. 141.1 ГК РФ: названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Из указанного определения нельзя сделать однозначный бесспорный вывод о принадлежности криптовалюты к цифровым правам, хотя очевидно, что законодатель стремился именно к связыванию цифровых прав и криптовалюты.

Определяя место криптовалюты в системе объектов гражданских прав, стоит отметить, что в их перечне, содержащемся в ст. 128 ГК РФ, криптовалюта не является ни нематериальным благом, ни результатом интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствами индивидуализации, ни вещью, ни результатом работ или оказания услуг.

Вещью криптовалюта не является по той причине, что в общепринятом правовом понимании вещь – предмет, имеющий материальное внешнее выражение. Очевидно, что даже такие поверхностные признаки уже позволяют установить, что криптовалюта не может являться вещью в ее правовом значении. Однако дополнительно следует акцентировать внимание на том, что легального определения вещи в ГК РФ на сегодняшний день не закреплено, тем не менее юридическая доктрина, судебная практика, нормативно-правовые акты существенным образом формируют более-менее полную картину понимания сущности вещей. Так, ключевыми признаками вещи можно назвать явно выраженную обособленность, материальность и телесность. Вещь может иметь материальные границы и иметь физическое представление в реальном мире. Указанные признаки четко отграничивают вещи, в том числе наличные деньги и документарные ценные бумаги, от криптовалюты, основной идеей которой, напротив, являлось создание «нематериального» объекта. Криптовалюта не имеет физического выражения в материальном мире, она неосязаема, ее невозможно потрогать, определить ее границы.

Таким образом, очевидно, что к данной категории объектов гражданских прав криптовалюта относиться не может.

Далее рассмотрим причины, по которым криптовалюту нельзя отнести к такому объекту гражданских правоотношений, как результаты интеллектуальной деятельности. В первую очередь следует отметить, что процесс «создания» криптовалюты не носит творческого характера. Напротив, он максимально формализован и компьютеризирован, а «добывать» криптовалюту возможно с помощью компьютерных вычислений, которые не требуют участия интеллекта

¹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 5. Ст. 410.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

человека, его творческих усилий, которые необходимы для создания интеллектуальной собственности.

Следующий объект гражданских прав – результат выполнения работ или оказания услуг – также имеет ограниченное сходство с криптовалютой по своей правовой природе. В отличие от криптовалюты, которая существует как цифровой актив уже в момент совершения сделки, при заключении договора подряда или возмездного оказания услуг его предмет (будущий результат) еще не создан. Однако это не означает, что обязательство является безобъектным – гражданское законодательство (в частности, ст. 455, 432 ГК РФ) допускает заключение договоров в отношении будущих вещей и услуг, фиксируя в качестве предмета обязательства ожидаемый результат [1, с. 113].

Иными словами, криптовалюту также нельзя отождествлять с таким объектом гражданских прав, как результат выполнения работ или оказания услуг.

Криптовалюта также не является нематериальным благом в связи с тем, что последние всегда неразрывно связаны с личностью человека, нематериальные блага невозможно продать или обменять, они неотчуждаемы. Нематериальные блага не имеют экономического содержания в отличие от криптовалюты.

В рамках настоящего исследования следует обратить внимание на изменения, внесенные в Гражданский Кодекс РФ в 2023 году¹, когда появился еще один объект гражданских правоотношений – цифровые рубли. Новелла вызвала волну активных обсуждений, в частности, в рамках соотношения цифрового рубля с криптовалютой. Банк России опубликовал пояснения [2], касающиеся механизма и принципа работы цифрового рубля, его отличия от криптовалюты: цифровой рубль назван третьей формой рубля после наличных и безналичных денежных средств. Целью создания такой формы рубля было предоставление возможности стать средством платежей, не зависящим от банковских комиссий и ограничений.

При этом стоит отметить, что цифровые рубли предполагается хранить на специальных цифровых кошельках, доступных на специализированных платформах, где также можно будет совершать операции с цифровыми рублями, а также цифровой рубль, как и криптовалюта, тоже построен на технологии блокчейн.

Однако цифровой рубль и криптовалюта несмотря на внешнее сходство по ряду признаков все-таки являются разными объектами гражданских прав. По мнению Банка России, цифровой рубль и криптовалюта – это принципиально разные вещи. У криптовалюты нет эмитента и не существует единого центра, который нес бы обязательства по ним. Цифровой рубль – это национальное платежное средство, форма национальной валюты, которую выпускает ЦБ РФ.

Таким образом, цифровой рубль не отвечает ключевым признакам криптовалюты, которая создавалась в том числе с целью обеспечения анонимности

¹ Федеральный закон от 24 июля 2023 г. №339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2023. № 167.

транзакций, криптовалюта не обеспечена ничем, в отличие от денежных средств, эмиссию которых осуществляет государство. Следовательно, отнести криптовалюту и к этому объекту гражданских прав нельзя.

Криптовалюту нельзя отнести и к бездокументарным ценным бумагам. Безналичными денежными средствами криптовалюта однозначно не является по той причине, что ее владельцы не имеют прав требования в отличие от безналичных расчетов, подразумевающих право требования к банковским организациям.

Криптовалюту также невозможно отнести к электронным денежным средствам ввиду четко определенной правовой природы последних (п. 18 Федерального закона «О национальной платежной системе»¹).

Криптовалюта не является и бездокументарной ценной бумагой. Последние относятся к обязательственным и иным правам. В соответствии с п.1 ст.149 ГК РФ, лицами, ответственными за исполнение по бездокументарной ценной бумаге, являются лицо, которое выпустило ценную бумагу, а также лица, которые предоставили обеспечение исполнения соответствующего обязательства. Лица, ответственные за исполнение по бездокументарной ценной бумаге, должны быть указаны в решении о ее выпуске или в ином предусмотренном законом акте лица, выпустившего ценную бумагу. Эти признаки нельзя отнести к криптовалюте.

Криптовалюту следует назвать видом цифровой валюты. Примечательно, что в первоначальной редакции вышеназванного Федерального закона прямо называли видом цифрового финансового актива. А цифровыми финансовыми активами, в свою очередь, признаются цифровые права. Однако принятая в итоге редакция Федерального закона таких прямых выводов не содержит, в связи с чем целесообразно отнести криптовалюту к «иному имуществу» по смыслу ст. 128 ГК РФ.

Еще один аспект криптовалюты - это установление факта владения. Дело в том, что фактически владельцами такого рода активов являются криптобиржи, выступающие в роли так называемых «виртуальных банков». «Статус» банка, как изначально может казаться, должен также накладывать обязательства по обеспечению безопасности и сохранности активов, возмещению убытков в случае потери актива по независящим от лица – владельца личного кабинета обстоятельствам. Однако на практике так происходит далеко не всегда. Несмотря на все большее число попыток урегулировать деятельность криптобирж регулярные хакерские атаки оставляют владельцев криптокошельков без активов, а восстановить их далеко не всегда возможно [5, с. 94].

В судебной практике также имеют место попытки определить правовую природу криптовалюты. Так, Девятый Арбитражный апелляционный суд определяет криптовалюту как «некоторый набор символов, знаков содержащихся в информационной системе, при этом доступ к информационной системе осуществляется с помощью информационно-телекоммуникационной сети с ис-

¹ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Российская газета. 2011. № 153.

пользованием специального программного обеспечения». Далее суд следует отметить, что «по мнению суда апелляционной инстанции, криптовалюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество»¹.

Другие примеры из судебной практики (в особенности судебные акты, принятые до вступления в силу ФЗ № 259-ФЗ) показывают более формальный подход судов к разрешению вопроса о правовой природе криптовалюты и ее месте в системе объектов гражданских прав. Например, Арбитражный суд Поволжского округа суд указывает следующее: «из прямого толкования норм права «криптовалюта» не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, ее транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства, а отсутствие в системе криптовалюты контролирующего центра, анонимность пользователей криптовалют не позволяет с определенностью установить принадлежность криптовалюты в криптокошельке, находящемся в сети Интернет, конкретному лицу»².

В рассмотренном случае суд не усмотрел оснований для отнесения криптовалюты к любому из существующих поименованных объектов гражданских прав, а также не отнес криптовалюту к иному имуществу по смыслу ст. 128 ГК РФ.

Таким образом, на сегодняшний день в России правовая природа криптовалюты все еще остается предметом широких дискуссий. В отсутствие однозначного подхода законодателя к данному вопросу, считаем, что в настоящее время, с учетом положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, криптовалюту следует рассматривать в качестве иного имущества. Однако отсутствие однозначного определения ее правовой природы создает практические сложности, включая разрозненную судебную практику и трудности в защите прав участников правоотношений в исследуемой сфере.

В заключение стоит отметить, что игнорировать развитие технологии на законодательном уровне просто невозможно. Криптовалюта смогла закрепиться на рынке в качестве длительного инвестиционного инструмента. Несмотря на то, что надежность криптовалюты как инвестиционного инструмента на сегодняшний день не может оцениваться, как высокая [6, с. 86], тем не менее способы ее использования ограничиваются не только инвестированием. Обороты

¹ Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 по делу №А40-164942/19 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FEeAUUpDR1666/?ysclid=m7d6s2rulu449500831> (дата обращения: 06.11.2025).

² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.10.2018 по делу № А57-21957/2017 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/a6xjTVnOVk6a/?ysclid=m7d6u5nrnx33393982> (дата обращения: 06.11.2025).

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. 2020. № 173.

капиталовложений ежемесячно растут. В связи с этим продолжение работы по законодательному регулированию технологии является критически важным для России в экономическом, политическом, социальном аспектах, с точки зрения антисанкционной политики, а также развития IT-индустрии.

Библиографический список

1. Азархин А.В., Карев Д.А., Кавкаева Ю.А. К вопросу о правовой природе криптовалюты в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4-2. С. 112-116.
2. Банк России. Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться // Банк России: сайт. URL: <https://www.cbr.ru/faq/dr/> (дата обращения: 06.11.2025).
3. Гурылев Г.А. Регулирование рынка криптовалют: мировая практика и российский опыт // Экономические системы. 2023. №3. С. 154-161.
4. Лолаева А. С., Макиев С. А., Бутаева Э. С. Правовая природа криптовалюты // Юридические исследования. 2021. №. 12. С. 20-31.
5. Рожин А.В., Борисов С.В. Криптовалюта как объект гражданского права // Вестник магистратуры. 2021. № 5-4 (116). С. 94-97.
6. Сахарова Ю.В., Дебушевский Т.И. Акции и криптовалюта как предмет для инвестирования: сравнительное исследование // Экономика. Социология. Право. 2022. № 1(25). С. 83-87.
7. Сахарова Ю.В. Влияние цифровизации на процессы создания и функционирования юридических лиц // Частно-правовые отношения в эпоху цифровизации: адаптация правовых институтов: монография. Москва: Русайнс, 2024. 128 с. С. 9-22.

© Никитина А.А., 2026

УДК 346.3

Панова Альбина Сергеевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
albina_2005@rambler.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОСТАВКИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам использования цифровых технологий в сфере поставки. Отмечается, что в области правового регулирования поставки можно говорить по крайней мере о двух больших направлениях использования цифровых технологий. Во-первых, это правовое обеспе-

чение цифровизации цепочек поставок, во-вторых, правовое регулирование использования машиноисполняемых элементов в поставке. Сделан вывод о том, что для предприятий, участвующих в поставках продукции (товаров) может оказаться необходимым создание цифровой основы поставок, с опорой на действующее законодательство, которое, однако, в этой части недостаточно сформировано и по этой причине может потребоваться дополнение его новыми правилами. Использование цифровых технологий в области поставки продукции (товаров) может быть вызвано не только частными интересами бизнеса, но и обуславливаться государственными интересами. В статье обосновывается также возможность использования машиноисполняемых элементов в поставке, однако применение таких элементов в ряде случаев обладает техническими ограничениями, вызванными, в частности, невозможностью изменения первоначально заданных условий договора.

Ключевые слова: правовое регулирование поставки; цифровые технологии; цепочки поставок; машиноисполняемые элементы.

Albina Sergeevna Panova,
Dr. Sci. (Law), Associate Professor,
Professor of the Entrepreneurial and Corporate Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia
albina_2005@rambler.ru

LEGAL REGULATION OF DIGITALIZATION OF SUPPLY

Abstract. This article is devoted to the issues of using digital technologies in the field of supply. It is noted that in the area of legal regulation of supply, at least two major directions of the use of digital technologies can be identified. First, this is the legal support of the digitalization of supply chains; second, the legal regulation of the use of machine-executable elements in supply. It is concluded that for enterprises participating in the supply of products (goods), it may be necessary to create a digital foundation for supply, based on the existing legislation, which, however, is insufficiently developed in this area and, for this reason, may require supplementation with new rules. The use of digital technologies in the field of supply of products (goods) may be caused not only by the private interests of business, but also be conditioned by state interests. The article also substantiates the possibility of using machine-executable elements in supply; however, the application of such elements in a number of cases has technical limitations, caused, in particular, by the impossibility of modifying the initially established contractual terms.

Key words: legal regulation of supply; digital technologies; supply chains; machine-executable elements.

В современных условиях набирает оборот использование цифровых технологий в области поставки продукции (товаров). В законодательстве под технологиями понимаются имеющие научное и практическое обоснование методы,

средства, операции, процессы, используемые для преобразования энергии, вещества, информации для целей производства продукции, выполнения работ, оказания услуг, и как правило, обладающие перспективностью и новизной.¹ Разновидностью таких технологий являются цифровые технологии. Согласно Научно-образовательному portalу «Большая российская энциклопедия», цифровые технологии – это «технологии, позволяющие создавать, хранить, обрабатывать и распространять данные в электронном виде с использованием компьютера и компьютерных сетей (зачастую через Интернет)».² «По сравнению с аналоговыми, цифровые технологии лучше подходят для хранения и передачи больших массивов данных, обеспечивают высокую скорость вычислений. При этом информация передается максимально точно, без искажений».³ В специальной юридической литературе обоснованно отмечается о значительном регулятивном ресурсе цифровых технологий [4, с. 18], о возможности при помощи цифровых технологий отслеживать и контролировать сроки исполнения договоров [1, с. 133]. Возможность использования цифровых данных и технологий практически во всех сферах общественной жизни позволяет именовать цифровые технологии сквозными [4, с. 27].

В области правового регулирования поставки можно говорить по крайней мере о двух больших направлениях использования цифровых технологий. Во-первых, это правовое обеспечение цифровизации цепочек поставок, во-вторых, правовое регулирование использования машиноисполняемых элементов в поставке. Рассмотрим эти направления подробнее.

Прежде всего отметим, что правовое регулирование цепочек поставок в основном охватывается стандартами. Согласно ГОСТ Р ИСО 22095-2023 «Цепочки поставок. Общая терминология и модели» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 2 октября 2023 г. № 1030-ст),⁴ цепочка поставок (supply chain) представляет собой ряд процессов или действий, связанных с производством и распределением материала или продукта, через которые он проходит от источника.⁵ В современных условиях считается, что понимание происхождения исходных материалов, компонентов продукта, продуктов производства и условий, в которых они изготавливаются, становится все более важным. Изготовители хотят продемонстрировать соответствие продукта требованиям к здоровью и безопасности, экологическим, социальным и качественным аспектам. Потребители и другие конечные пользователи в свою очередь должны иметь возможность доверять требованиям, предъявляемым к этим продуктам. При этом ком-

¹ Подробнее см.: ст. 3 Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533.

² URL: <https://bigenc.ru/c/tsifrovye-tekhnologii-v-prave-a80897> (дата обращения: 10.12.2025; режим доступа: свободный).

³ URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e427ea9a79471089a0ec1d> (дата обращения: 10.12.2025; режим доступа: свободный).

⁴ М.: Российский институт стандартизации, 2023.

⁵ П. 3.2.1 ГОСТ Р ИСО 22095-2023.

паниям, непосредственно участвующим в цепочке поставок (изготовителям, поставщикам, перевозчикам, розничным продавцам и др.), а также тем, кто инвестирует в такие компании необходима прозрачность для понимания рисков и управления ими, а также обеспечения качества и содействия внедрению надежной системы цепочки поставок.¹

Современные цепочки поставок быстро меняются и тесно взаимосвязаны. Одно слабое звено - будь то транспортный затор, сбой в работе поставщика или несоответствие запасов - может вызвать дорогостоящие задержки и нарушить работу целых отраслей. Последствия этого носят быстрый и дорогостоящий характер. Среди основных угроз в области поставок отмечаются: риски, связанные с поставщиками (к примеру, финансовая нестабильность, ограничения производственных мощностей и др.), волатильность спроса (резкое изменение рыночных условий), а также киберугрозы, получающие в современном мире все большее распространение, поскольку использование особого рода программ-вымогателей и утечка данных способны парализовать работу предприятий и раскрыть их конфиденциальную информацию. В этой связи все большее значение придается эффективной стратегии управления рисками в цепочке поставок в киберпространстве.²

Для предприятий, участвующих в поставках продукции (товаров) может оказаться необходимым создание цифровой основы поставок, с опорой на действующее законодательство, которое, однако, в этой части недостаточно сформировано и по этой причине может потребоваться дополнение его новыми правилами. К числу современных инструментов оптимизации цепочек поставок, основывающихся на искусственном интеллекте и требующих правового сопровождения, можно отнести: автоматизацию закупок, цифровое управление производством, электронное управление складом, автоматизацию транспортировки и доставки, автоматизацию обслуживания клиентов.

Согласно проведенным отраслевым исследованиям, значительная часть компаний, которым поставляется продукция, не имеет никакой информации о цепочке поставок, кроме информации о своих прямых поставщиках, тогда как такие данные и их прозрачность являются критически важным фактором для эффективного управления негативными рисками в поставках [6, с. 4675].

Термин «прозрачность цепочки поставок» в специальной экономической литературе понимается как степень доступа участников цепочки поставок к своевременной информации об операциях поставок, других участниках, возможность руководствоваться или обмениваться такой информацией, которую они считают ключевой или полезной для своей деятельности [5, с. 1219]. К примеру, покупатель может проверить, поставляет ли один из его поставщиков продукцию конкуренту; страховщик может проследить за финансовым состоянием зависимых от цепочки поставок компаний; поставщик может узнать о высокодоходных контрактах, заключенных с его покупателем с тем, чтобы

¹ ГОСТ Р ИСО 22095-2023 (Введение).

² Подробнее: URL: <https://www.iso.org/transport/supply-chain-reliability> (дата обращения: 10.12.2025; режим доступа: свободный).

улучшить свои позиции на переговорах. Хотя подобный «надзор» уже мог быть распространен в цепочках поставок, до недавнего времени он осуществлялся вручную. Расширенное использование цифровых технологий позволяет автоматизировать сбор и анализ данных в гораздо больших масштабах, что позволяет осуществлять надзор практически в режиме реального времени, получая данные из множества источников [6, с. 4675]. Таким образом, контролировать действия участников поставки, используя цифровые технологии в таких цепочках становится проще и масштабнее, к тому же применение цифровых технологий способно повысить производительность поставок. Как обоснованно отмечается экспертами, «высокая производительность операций логистической цепочки обеспечивает непрерывное совершенствование процесса поставок, увеличение маржи прибыли вследствие сокращения затрат, а также рост доли рынка благодаря высокой репутации и доступности продукта или услуги» [3]. В то же время, использование цифровых технологий в поставках может упираться в возможное несовершенство механизмов проверки получаемых данных, вследствие чего могут возникать проблемы.

Тем не менее, на фоне сказанного, можно заключить, что технологии искусственного интеллекта имеют серьезный потенциал в сфере поставок и их использование возможно в различных форматах. К примеру, их можно применять для целей автоматического согласования оптимальных цен с поставщиками.

Отметим, что использование цифровых технологий в области поставки продукции (товаров) может быть вызвано не только частными интересами бизнеса, но и обуславливаться государственными интересами. Так, согласно Постановлению Правительства РФ от 01 июля 2021 г. № 1108 «Об утверждении Положения о национальной системе прослеживаемости товаров», предусматривается организация учета товаров, подлежащих прослеживаемости, и операций, связанных с оборотом таких товаров в рамках национальной системы прослеживаемости товаров.¹ Операторы электронного документооборота обязаны представлять в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный по контролю и надзору в области налогов и сборов в электронной форме счета-фактуры, в том числе корректировочные счета-фактуры, или содержащие реквизиты прослеживаемости универсальные передаточные документы, универсальные корректировочные документы в порядке, установленном таким федеральным органом исполнительной власти.²

Новым направлением в области правового регулирования поставки является правовое обеспечение использования машиноисполняемых элементов в поставке. Машиноисполняемость подразумевает использование компьютерной программы (программных средств), которая способна не просто формировать соглашение, но также его исполнять и обеспечивать соблюдение соглашения.

¹ Постановление Правительства РФ от 01 июля 2021 г. № 1108 «Об утверждении Положения о национальной системе прослеживаемости товаров» (с изм. от 15 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (ч. II). Ст. 5536.

² П. 2 Постановления Правительства РФ от 01 июля 2021 г. № 1108 «Об утверждении Положения о национальной системе прослеживаемости товаров».

Отметим, что в современной юридической науке ведутся активные разработки в данной области, изучается феномен «смарт-контракта» (smart contract). В большинстве случаев указанный термин связывают с программным кодом, который выполняет условия сделки на основе технологии блокчейн. Вместе с тем, специалистами в области права справедливо отмечается об отсутствии в доктрине единого подхода к понятию и правовой природе смарт-контракта. Причем такая ситуация характерна для различных стран [2, с. 85-90.]. «Множество разнородных точек зрения на понятие смарт-контракта ..., а также на способы их правового регулирования свидетельствуют об отсутствии надлежащей правовой концепции смарт-контрактов, которая была бы способна адекватно совместить как технические, так и правовые особенности рассматриваемого технико-правового явления» [2, с. 84]. С учетом сказанного выше отметим о необходимости продолжить исследования данного феномена, в том числе в связи с его ожидаемой высокой востребованностью хозяйственной практикой.

В области поставки машиноисполняемые элементы (компоненты компьютерной программы) можно использовать, как уже было отмечено, для обеспечения автоматизации процессов (цепочек) поставок, отслеживания движения товаров, а также для определения соответствия товаров заданным требованиям, осуществления предусмотренных договором расчетов между поставщиком и покупателем. Здесь следует обратить внимание на то, что несмотря на имеющиеся положительные моменты использования таких элементов: автоматизация, прозрачность и др., их применение в поставке подразумевает неизменяемость первоначально заданных условий договора, что может в некоторых случаях восприниматься не вполне положительно. Например, когда в силу изменившихся обстоятельств участникам договора необходимо внести в него изменения. Поэтому очевидно, что использование машиноисполняемых элементов в поставке может иметь технические ограничения. В этой связи следует согласиться с тем, что прогнозы будущих революций следует отличать от суровой реальности коммерческого рынка и технических ограничений блокчейнов. Тот факт, что технологическое решение является инновационным и элегантным, не обязательно означает, что оно всегда коммерчески полезно или юридически обосновано [7, с. 269]. Полагаем, что использование машиноисполняемых элементов в поставке вряд ли полностью освободит стороны договора от оков традиционных правовых и экономических институтов.

Библиографический список

1. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография / отв. ред. Л. К. Терещенко. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.
2. Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78-105.

3. Патрик И. Оптимизация оценки производительности поставщиков с помощью автоматической аттестации поставщиков // URL: <https://sapland.ru/publications/optimizatsiya-otsenki-proizvoditelnosti-postavschikov-s-pomoschiyu-avtomatiches.html> (дата обращения: 11.12.2025; режим доступа: свободный).

4. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 637 с.

5. Barratt M., Oke A. Antecedents of supply chain visibility in retail supply chains: a resource-based theory perspective // Journal of Operations Management. 2007. V. 25 (6). P. 1217–1233.

6. Brintrup A., Kosasih E., Schaffer P., Zheng G., Demirel G., Bart L. MacCarthy. Digital supply chain surveillance using artificial intelligence: definitions, opportunities and risks // International Journal of Production Research 2024. V. 62 (13). P. 4674-4695.

7. Mik E. Smart contracts: terminology , technical limitations and real world complexity // Law, Innovation and Technology. 2017. V. 9 (2). P. 269-300.

© Панова А.С., 2026

УДК 347.6

Пигарев Андрей Викторович,

аспирант Института права,
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, adv.pigarev@yandex.ru

Научный руководитель:

Тужилова-Орданская Елена Марковна,

доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НАСЛЕДСТВЕННОГО ФОНДА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация: В настоящей статье проводится комплексный анализ историко-правовых предпосылок формирования института наследственного фонда в российском гражданском праве. Автором исследуется эволюция наследственного законодательства от норм Древней Руси и Российской империи до ограничений советского периода, и расширения свободы завещания в современной России. Особое внимание уделяется влиянию зарубежного опыта, в частности англо-саксонского траста и континентальных фондов. Определяются социаль-

но-экономические факторы, обусловившие введение наследственного фонда в российскую правовую систему как эффективного механизма сохранения ценности имущества и бизнеса после смерти собственника.

Ключевые слова: гражданское право; наследственное право; гражданское законодательство; наследственный фонд; свобода завещания; траст; майорат.

Pigarev Andrey Viktorovich,
phd student at the Institute of Law,
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia, adv.pigarev@yandex.ru

Scientific supervisor:
Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna,
Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law
at the Institute of Law Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia

HISTORICAL AND LEGAL BACKGROUND OF THE INSTITUTE OF THE INHERITANCE FUND IN RUSSIAN CIVIL LAW

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the historical and legal background of the formation of the inheritance fund institution in Russian civil law. The author examines the evolution of inheritance legislation from the norms of Ancient Russia and the Russian Empire to the restrictions of the Soviet period and the expansion of the freedom of will in modern Russia. Special attention is given to the influence of foreign experience, particularly the Anglo-Saxon trust and continental foundations. The article identifies the socio-economic factors that led to the introduction of the inheritance fund in the Russian legal system as an effective mechanism for preserving the value of property and business after the death of the owner.

Key words: civil law; inheritance law; civil legislation; inheritance fund; freedom of testament; trust; entail.

Институт наследственного фонда представляет собой одно из значимых законодательных нововведений современного российского гражданского права, направленное на расширение возможностей граждан по распоряжению имуществом в случае смерти. Его введение в гражданское законодательство стало результатом длительного процесса развития наследственного законодательства, обусловленного как внутренними социально-экономическими потребностями общества, так и влиянием зарубежного правового опыта. Теоретическое осмысление значения данного института требует обращения к историческим аспектам регулирования отечественных наследственных отношений.

Наследственное право в России имеет глубокие корни, уходящие в период Древней Руси. В Русской Правде, одном из древнейших источников права, наследование регулировалось преимущественно нормами обычного права, где преобладало наследование по закону с акцентом на защиту интересов семьи и

рода [7, С. 30]. Завещательные распоряжения были ограничены, а имущество переходило к ближайшим родственникам, прежде всего к сыновьям. Женщины и дочери часто исключались из наследования недвижимого имущества, что отражало патриархальный характер общества. Впоследствии, в период Московского государства и Российской империи, наследственное право существенно видоизменилось под влиянием европейских идей.

Особый интерес в исследовании истории наследственного фонда представляет институт майората и фидеикомисса, заимствованный из европейского права. Майорат, как форма первородного наследования, предполагал передачу недвижимого имущества старшему сыну с целью сохранения целостности родовых имений и предотвращения их дробления.

В Российской империи майораты вводились в западных губерниях, особенно в Прибалтике и Царстве Польском, где они соответствовали местным традициям ординаций и фидеикомиссов. Фидеикомисс, происходящий из римского права, представлял собой доверительное распоряжение, при котором имущество передавалось наследнику с обязательством сохранить его для последующих поколений или передать определенным лицам [2, с. 478].

В период с 1831 по 1845 годы было создано несколько майоратов, а в 1845 году появились правила о заповедных наследственных имениях, позволяющие учреждать майораты с согласия императора. После отмены крепостного права в 1861 году такие ограничения свободы распоряжения имуществом постепенно утратили свою актуальность.

Сводом законов Российской империи, являвшегося главным источником российского наследственного права дореволюционного периода, признавались имеющими юридическую силу только завещания, объявляющие наследником юридическое лицо, уже созданное на момент его составления. Правовой механизм создания юридического лица, в котором бы его учредитель участия не принимал вследствие своей смерти, Сводом законов Российской империи предусмотрен не был. Более того, российские суды не признавали законность завещаний, в которых содержалось указание передать завещанное имущество юридическим лицам, которые будут созданы после ухода завещателя из жизни [5, с. 693].

В советский период наследственное право претерпело радикальные изменения. Гражданские кодексы РСФСР 1922¹ и 1964² годов существенно ограничили свободу завещания, установив круг обязательных наследников и максимальный размер имущества, подлежащего наследованию. Наследование рассматривалось как средство удовлетворения личных нужд граждан, а не как инструмент сохранения крупных капиталов. Так, завещательные распоряжения су-

¹ Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

² Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

ществовали лишь в строго ограниченных пределах, а институты, подобные майорату или фидеикомиссу, полностью отвергались как пережитки феодализма.

Переход к рыночной экономике в постсоветской России потребовал реформирования наследственного права. Принимаемое гражданское законодательство значительно расширило свободу завещания, в том числе, внедрением принцип универсального правопреемства и путем увеличения круга наследников по закону.

Однако, в условиях формирования крупного бизнеса и накопления значительных активов у отдельных граждан возникла необходимость в инструментах, позволяющих сохранить целостность имущества после смерти собственника. Прежде всего, речь идет о предотвращении его дробления среди многочисленных наследников и обеспечении непрерывности управления.

Значительное влияние на формирование института наследственного фонда оказал зарубежный опыт. В странах англо-саксонской правовой семьи широко применяется институт траста, позволяющий учредителю передать имущество в управление доверенному лицу с целью его сохранения и распределения доходов в пользу выгодоприобретателей. Траст обеспечивает защиту активов от претензий кредиторов учредителя, гибкость в управлении и возможность бессрочного существования. Аналогичные конструкции существуют в континентальном праве, например, Стифтунг в Лихтенштейне.

Стифтунг создается учредителем путем передачи имущества и регистрации, после чего управляется советом в соответствии с уставом. Эта форма особенно популярна для наследственного планирования, поскольку позволяет обособить активы, обеспечить их долгосрочную защиту и распределение доходов в пользу семьи или третьих лиц [8, с. 60].

Классическим примером наследственного фонда за рубежом служит фонд Альфреда Нобеля, созданный по его завещанию для управления капиталом и выплаты премий [1, с. 271]. Среди государств, где активно применяется возможность учреждения наследственного фонда можно выделить Германию, Швейцарию, Францию, Великобританию, Соединенные Штаты Америки, Канаду, Австрию, Бельгию [4, с. 140]. По замечанию И.И. Осмаева, в указанных странах, практика применения наследственного фонда является довольно широкой, в отличие от опыта использования рассматриваемого института права на территории нашего государства [6, с. 30].

Сравнительный анализ зарубежных конструкций выявляет как преимущества, так и ограничения, повлиявшие на российскую модель наследственного фонда. В отличие от траста, где имущество полностью обособлено и защищено от претензий кредиторов учредителя, континентальные фонды часто обладают статусом юридического лица. Более того, минимальный капитал для создания зарубежных фондов может достигать десятков тысяч евро, что отсутствует в российском регулировании как обязательное условие.

Логично предположить, что отечественный законодатель при внедрении института наследственного фонда опирался на англо-саксонский траст как на наиболее эффективный механизм сохранения бизнеса и активов, но адаптиро-

вал его к континентальной традиции путем придания фонду статуса унитарной некоммерческой организации.

В рамках настоящего исследования следует отметить, что предпосылки введения наследственного фонда, в первую очередь, связаны с развитием экономики России в начале XXI века. Прежде всего это вызвано ростом числа состоятельных граждан, владеющих сложными активами. К их числу следует относить доли в обществах, интеллектуальную собственность, зарубежное имущество.

В развитие данного тезиса Д.А. Литвиненко заключает, что «возникновение наследственного фонда явилось закономерным этапом в развитии действующего гражданского законодательства как минимум по трем причинам. Во-первых, субъектный состав тех лиц, кто мог бы быть заинтересован в таком способе передачи своего бизнеса по наследству - первая волна капиталистов. Во-вторых, существовавшие доселе правовые инструменты отечественного законодательства, которые можно задействовать для подготовки плана преемственности бизнеса, показали свою недостаточную эффективность в ряде вопросов. В-третьих, не стоит также обходить стороной такую сферу применения завещания с использованием наследственного фонда как реализация филантропических целей завещателя» [3, с. 3].

Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ¹ внес изменения в Гражданский кодекс², введя самостоятельный параграф о наследственных фондах. Анализируемый институт был размещен в главе о юридических лицах как особая организационно-правовая форма некоммерческой унитарной организации.

Наследственный фонд создается во исполнение завещания гражданина и представляет собой механизм, при котором имущество переходит не напрямую к наследникам, а к фонду, управляющему им в соответствии с условиями, определенными наследодателем. Такой порядок позволяет сохранить бизнес как единое целое, обеспечить совершение выплат выгодоприобретателям и реализовать благотворительные, семейные или иные цели. В отличие от траста, фонд обладает статусом юридического лица, что упрощает его участие в обороте, но одновременно подвергает ответственности по долгам наследодателя.

По мнению Ф.Н. Михайлова и М.Д. Черненко, институт наследственного фонда в настоящее время является одним из важнейших в гражданском праве. Теоретиками подчеркивается, что это обусловлено тем, что «все больше граждан имеют на своих банковских счетах значительные финансовые средства, полученные в результате успешного занятия предпринимательской деятельностью» [5, с. 695].

¹ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4808; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5115.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; № 32. Ст. 3301.

Таким образом, наследственный фонд в нашем государстве стал закономерным этапом эволюции российского наследственного права, заполнив пробелы в механизмах преемственности капитала для состоятельных граждан и владельцев крупного бизнеса. Данный институт способствует гармоничному сочетанию в себе исторических традиций сохранения целостности имущества (майорат, фидеикомисс) с современными потребностями рыночной экономики и зарубежным опытом. При дальнейшем совершенствовании норм исследуемый институт (включая возможные уточнения в отношении личных и наследственных фондов, развитие законодательной и судебной практики и т.д.) способен стать полноценным и востребованным инструментом долгосрочного наследственного планирования в России.

Библиографический список

1. Аюпова Г.Ф. Наследственный фонд в России: проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2019. № 25 (263). С. 270-271.
2. Копылов А.В. Виды фидеикомиссов в римском наследственном праве // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2021. №2. С. 477-487.
3. Литвиненко Д.А. Ретроспектива норм наследственного права как исторической основы возникновения института наследственного фонда // Юридические исследования. 2020. №9. С. 64-75.
4. Маркова А.В. Наследственный фонд: общая характеристика // Молодой ученый. 2019. № 45 (283). С. 140-142.
5. Михайлов Ф.Н., Черненко М.Д. Историко-правовой анализ развития института наследственного фонда // E-Scio. 2023. №5 (80). С. 692-701.
6. Осмаев И.И. Понятие института наследственного фонда в России и за рубежом // Вестник магистратуры. 2022. №11-1 (134). С. 29-30.
7. Рыбакова С.А. История зарождения и становления наследственного права в России // Марийский юридический вестник. 2008. №6. С. 30-39.
8. Штайнвендер А. Статус учредителя траста и частного фонда по праву Лихтенштейна // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. №2. С. 55-75.

© Пигарев А.В., 2026

Поваров Юрий Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева
Самара, Россия, povus@mail.ru

ВОПРОСЫ РАСКРЫТИЯ КОМИССИОНЕРОМ ИНФОРМАЦИИ О КОМИТЕНТЕ

Аннотация. Статья содержит анализ вопросов касавшихся правомерности и условий раскрытия комиссионером своему контрагенту данных о существовании и личности комитента; доказывається, что посредническая деятельность комиссионера может быть, в том числе, гласной (выступление в обороте от собственного имени не исключает реализацию комиссионного поручения с информированием об этом контрагента) и что абсолютизация тезиса о безразличии для третьего лица сведений о комитенте является ошибочной.

Ключевые слова: договор комиссии; комиссионное поручение; комитент; комиссионер; третье лицо; прямое и косвенное представительство; негласное и гласное посредничество.

Povarov Iurii Sergeevich,
Candidate of Science (Law)
Associate Professor at the Department of Civil and Business Law
of the Samara National Research University
Samara, Russia, povus@mail.ru

ISSUES OF COMMISSION AGENT DISCLOSURE OF PRINCIPAL INFORMATION

Abstract. This article analyzes the legality and conditions of a commission agent's disclosure to its counterparty of the existence and identity of the principal. It demonstrates that the commission agent's intermediary activity may, among other things, be transparent (acting in its own name does not preclude the implementation of a commission order with the counterparty's knowledge thereof) and that the absolutization of the thesis that third parties are indifferent to information about the principal is erroneous.

Key words: commission agreement; commission order; principal; commission agent; third party; direct and indirect representation; covert and transparent mediation.

Краеугольная особенность комиссионного посредничества, ясно «манифестируемая» в абз. 1 п. 1 ст. 990 Гражданского кодекса Российской Федера-

ции¹ (далее – ГК РФ), состоит в том, что комиссионер совершает сделки хотя и по поручению (а также за счет) другого лица, но от собственного имени (т.е. внешне «комиссионер как бы полностью обособляется от комитента» [1, с. 40]). Отсюда, как точно подчеркивал Г.Ф. Шершеневич, «на внешней стороне ... комиссионер выступает как совершенно самостоятельный деятель...», в свете чего третьим лицам, по большому счету, «...нет дела до того, кто ... скрывается за его спиной» [2, с. 188].

Таким образом, внутренние (между комитентом и комиссионером) и внешние (между комиссионером и третьим лицом) обязательственные отношения, складывающиеся в результате заключения и исполнения договора комиссии, юридически «отрываются» и «изолируются» друг от друга. В этой логике содержание (более того, само наличие) комиссионного поручения, а равно пороки поведения посредника с точки зрения (не)выполнения требований к исполнению поручения (на наиболее выгодных для комитента условиях в соответствии с указаниями комитента, а при отсутствии последних – исходя из обычно предъявляемых требований (см. ст. 992 ГК РФ)) иррелевантны для квалификации совершенной между комиссионером и третьим лицом сделки как заключенной и действительной: «...остается ли комиссионер в пределах данного ему поручения или вышел из него, – отмечали в свое время разработчики проекта Гражданского уложения Российской империи (далее – Проект ГУ), – для третьих лиц ... представляется безразличным, так как самая сделка для комиссионера во всяком случае остается обязательною» [3, с. 688]; «...для третьих лиц, – по верному заключению Е.Л. Невзгодиной, – безразличны объем полномочий комиссионера и содержание ... поручения...», сообразно чему «заключение ... сделки с нарушением указаний комитента не влечет ее недействительности, а лишь дает право комитенту не принимать ее на свой счет» [4, с. 58]. Данные обстоятельства, в целом выгодные для третьих лиц, как раз и стали одними из ключевых факторов «популярности» комиссионной торговли: «третье лицо..., – как справедливо констатирует на сей счет В.А. Дозорцев, – желает получить большие [в сравнении со схемой прямого представительства. – Ю.П.] гарантии ... надежности и не быть связанным условиями поручения. Для решения этой проблемы и был разработан договор комиссии...» [5].

В означенной системе координат объявление личности комитента (более того, даже факта его существования) не является непреложным (и законодатель разумно не вменяет в обязанность комиссионера информировать о лице, за счет которого совершается сделка), и, соответственно, негласный характер посредничества комиссионера (когда третье лицо не осведомлено о совершении сделки по поручению иного, нежели контрагент, субъекта) является ординарным (а порою – и крайне «желанным» для комитента²) положением дел. «В отличие

¹ Гражданский кодекс РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Часть вторая // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410 (с послед. изм. и доп.).

² «Комиссионерство, – как обоснованно подмечал Л.С. Таль, – в значительной мере обязано своим развитием именно тому обстоятельству, что тут лицо, за счет которого сделка совершалась, могло оставаться неизвестным» [6, с. 470].

от прочих посредников, – резонно и образно писал Я.И. Рапопорт, – комиссионер является, по существу своему, «скрытым» посредником», «...комитент [в отличие от маклера и торгового агента] может спрятаться за фигурой комиссионера таким образом, что это обстоятельство останется неизвестным третьим лицам» [7, с. 177].

Между тем, посредническая деятельность комиссионера, в принципе, может быть и гласной, открытой (ибо выступление в обороте от собственного имени само по себе не элиминирует реализацию чужих указаний с уведомлением об этом контрагента), что, кстати, довольно рельефно вытекает из действующего законодательства (в абз. 2 п. 1 ст. 990 ГК РФ оговаривается ситуация, когда комитент называется в сделке). Раскрытие соответствующей информации:

а) с точки зрения степени персонификации фигуры комитента может быть частичным (если третье лицо оповещается лишь о выступлении комиссионера по поручению другого лица) и полным (когда также разглашается имя (наименование) комитента);

б) производится, как правило, комиссионером, хотя не исключается коммуникация между третьим лицом и комитентом по инициативе последнего;

в) может состояться в процессе заключения сделки либо в последующем, в том числе, при ее исполнении (при этом в абз. 2 п. 1 ст. 990 ГК РФ прямо упоминается вариант, когда комитент вступает с третьим лицом в непосредственные отношения по исполнению сделки).

Другое дело, что лицо должно номинироваться в качестве именно комитента, а не участника сделки, от лица которого действует комиссионер; иначе речь будет идти о представительстве – действительном (а оно, как известно, «...характеризуется полным замещением» [8, с. 166] представителя представляемым в срезе юридических последствий сделки) или мнимом (подразумевающим – при отсутствии одобрения со стороны представляемого – связанность сделкой «лжепредставителя» без вызова правовых эффектов для представляемого).

Интересно, что Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. в качестве базового избрали несколько иной подход к определению последствий надлежащей (т.е. реализуемой в пределах предоставленных полномочий) представительской деятельности (при том, что под представителем мыслится лицо, действующее не только от имени принципала, а и от своего имени – см. ст. 2.2.1). Ключевая роль здесь отводится фактору знания (реального или должного) третьего лица о том, что представитель действовал в данном качестве (а вовсе не тому, как – от своего или чужого имени – представителем совершались сделки): при раскрытом представительстве правовых связей между представителем третьим лицом не возникает (см. ст. 2.2.3), тогда как при скрытом действия представителя, напротив, обязывают только его (но не принципала) и третье лицо (см. ст. 2.2.4). Впрочем, в официальном комментарии к Принципам УНИДРУА нюансируется, что «представитель, хотя и действующий открыто в интересах представляемого, может в исключительных случаях сам стать стороной договора с третьим лицом», например, «...когда представляемый, который хочет остаться анонимным, дает указания представи-

телю действовать в качестве ... комиссионного агента...»¹ (российское же право, повторимся, «привязывает» права и обязанности по сделке к комиссионеру, а не к комитенту вне зависимости от известности личности последнего третьему лицу).

Отечественный законодатель придерживается «нейтралитета» относительно приоритетности и пределов использования моделей гласного и негласного комиссионерства, оставляя при этом за скобками аспект «образцового» информационного взаимодействия участников касаясь наличия комитента и его личности (отчасти восполнить данный пробел, разумеется, можно в рамках децентрализованной – договорной – регламентации). В русле сказанного актуальными, среди прочего, оказывается взаимосвязанные вопросы:

во-первых, по поводу (не)правомерности раскрытия комиссионером данных о комитенте без его дозволения.

Из текущего российского законодательства (не устанавливающего, повторимся, каких-либо запретов или рестрикций на данный счет), полагаем, вытекает принципиальная допустимость подобного «свободного» информирования, и рациональность такого постулирования не вызывает у нас серьезных возражений, тем более, что договором или специальными законоположениями, конечно, может закрепляться и иной режим предоставления обсуждаемых данных (либо, вообще, вводиться запрет на их раскрытие). К слову, приведенное решение вопроса не является единственно возможным: так, ГК Азербайджанской Республики 1999 г.² «безапелляционно» определяет, что комиссионер не должен разглашать имя комитента (но, заметим, не сам факт его существования!) без его согласия (см. п. 4 ст. 809); тем самым, отправление гласного посредничества не отвергается, но его легитимность обусловливается прохождением разрешительной процедуры;

во-вторых, касательно (не)обоснованности обязательного раскрытия сведений о наличии комитента и персональных данных о нем по требованию контрагента комиссионера (в том числе без санкции комитента или даже вопреки его воле).

Нет сомнений в том, что своеобразие структуры договорных связей, возникающих в результате заключения и исполнения договора комиссии (когда третьи лица, как справедливо фиксировал А.Г. Гойхбарг, «...при заключении сделки не вступают ни в какие сношения с коммитентом...», с учетом чего, в частности, комиссионер «...не может, при предъявлении к нему требования ... контрагентом, отослать его к ... препоручителю, а обязано лично удовлетворить ... контрагента, получая засим право взыскать уплаченное со своего препоручителя» [9, с. 25]; другими словами, комитент и третье лицо, по верной ремарке О.А. Красавчикова и В.С. Якушева, «...не ответственны друг перед другом и со всеми претензиями каждый со своей стороны может обращаться толь-

¹ Приводится по: Комаров А.С. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016. М.: Статут, 2020. 770 с. [доступ из СПС «Консультант-Плюс»].

² https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420111#pos=5;-143.

ко к комиссионеру» [10, с. 9]), в значительной мере нивелирует значимость осведомленности третьего лица о комитенте: «...при комиссионных сделках, – небесспорно указывалось еще в объяснениях Редакционной комиссии по составлению Проекта ГУ, – личность препоручителя не имеет для третьих лиц существенного интереса, так как ответственность ... падает на комиссионера...» [3, с. 688]; ввиду того, что «на внешней стороне ... комиссионер выступает в качестве самостоятельного продавца или покупателя...», «третьи лица, – как авторитетно утверждал С.Н. Ландкоф, – могут и не знать (и для них безразлично знать), за чей счет действует комиссионер» (мало того, по мнению ученого, «комиссионер может и в праве скрывать свои отношения с комитентом») [11, с. 218].

Приведенные обстоятельства являются весомыми аргументами в пользу тезиса о неорганичности безусловного раскрытия информации о комитенте (в отличие, скажем, от случая обязательного уведомления продавца лизингодателем о последующей передаче имущества в аренду определенному лицу, что логично, учитывая наличие у арендатора права на заявление требований из заключенного без его участия договора купли-продажи, – см. ст. 667 и 670 ГК РФ). Однако, говорить об абсолютном безразличии для третьего лица информации о существовании и личности комитента, пожалуй, не совсем корректно, принимая во внимание, к примеру:

(1) прямой (минуя комиссионера) переход права собственности на комиссионный товар (см. п. 1 ст. 996 ГК РФ): при определенных обстоятельствах для третьего лица фигура «подлинного» продавца (при «комиссии на продажу») либо покупателя (при «комиссии на покупку») может представлять объективный (с позиции купирования рисков приобретения имущества у неправомочного лица и т.д.) или субъективный (нежелание правового общения с конкретным лицом и пр.) интерес.

Симптоматично, что встречающаяся в науке критика концепта прямого «трансферта» вещного права при «комиссии на покупку» нередко опирается на довод о необоснованном игнорировании намерений третьего лица (так, А.В. Егоров и Е.А. Кузьмичева, указывая, что третье лицо, отчуждая вещь, «...имеет в виду перенос права собственности ... именно на то лицо, с которым вступает в сделку», небеспричинно задаются вопросом о том, «почему законодатель игнорирует волю продавца, признавая моментальный переход права собственности комитенту?» [12, с. 76]);

(2) невозможность третьего лица повлиять на замену комиссионера комитентом: а) при неисполнении третьим лицом своего обязательства, причем независимо от причин (в соответствии со ст. 993 ГК РФ уступка прав комитенту по сделке является правомерной даже при наличии соглашения комиссионера с третьим лицом, запрещающего либо ограничивающего цессию); б) при объявлении комиссионера банкротом (тогда его права и обязанности по сделкам, заключенным для комитента во исполнение указаний последнего, автоматически переходят к комитенту – см. ст. 1002 ГК РФ).

Любопытно, что Принципы европейского договорного права (подготовленные в 1999-2002 г.г. Комиссией по европейскому договорному праву под

руководством О. Ландо в целях гармонизации законодательства стран ЕС)¹ прямо предусматривают обязанность посредника при косвенном представительстве по требованию третьего лица сообщить ему наименование (имя) и адрес представляемого, если посредник становится несостоятельным или допустит существенное неисполнение в отношении третьего лица (см. ст. 3:303).

Наконец, почти «естественной» является заинтересованность третьего лица в распознавании комитента в случае, когда его участие играет важную роль в исполнении сделки. Напомним, что вопрос о (не)обязательности соединения в одном лице (комиссионере) субъектов совершения и исполнения сделок по поручению комитента остается дискуссионным (в доктрине, как известно, отстаивается и конструкт, в соответствии с которым предмет договора комиссии образуют «...дозволенные сделки, если только исполнение их не требует обязательного участия препоручителя...» [13, с. 21]). Думается, что действующее законодательство (не ограничивающее предмет совершаемых комиссионером сделок!) все-таки не исключает возможности «вовлечения» комитента в подобное исполнение, невзирая на совершение сделки комиссионером от своего имени (косвенно размежевание указанных «стадий» вытекает, к примеру, из предписаний ст. ст. 993, 1000 ГК РФ); сверх того, в абз. 2 п. 1 ст. 990 ГК РФ ясно фиксируется непоколебимость комиссионной конструкции при вступлении комитента с третьим лицом в непосредственные отношения по исполнению сделки². Отсутствуют, как представляется, и бесспорные соображения догматического порядка в пользу отрицания какого-либо «приобщения» комитента к исполнению сделки (тем более, что комиссионное поручение может быть приурочено к совершению комплекса сделок, включая сделки, исполнение которых сопряжено с соблюдением строгих формальностей). Другое дело, что прикладная ценность конструкции договора комиссии при таком раскладе, конечно, в серьезной степени снижается.

Суммируя изложенное, ситуативное законодательное нормирование обязательного раскрытия комиссионером сведений о существовании комитента и (или) его индивидуализирующих характеристиках по запросу третьего лица нам кажется вполне адекватным и сбалансированным.

Библиографический список

1. Комаров Б.К. Договор комиссии по советскому праву. М.: Изд-во Московского ун-та, 1961. 52 с.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. 6-е изд. М.: Бр. Башмаковы, 1912. IV, 328 с.
3. Гражданское Уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. (С объяснениями, из-

¹ <https://miripravo.ru/gallery/lpr2-principles-of-european-contract-law.pdf>.

² Поэтому более корректной видится формула о том, что «...в обязанности комиссионера, по общему правилу [а не априорно. – Ю.П.], входит не только заключение, но и исполнение сделки» [4, с. 58].

влеченными из трудов Редакционной Комиссии и с приложением законопроекта об авторском праве, одобренного Государственной Думой) / под ред. И.М. Тютрюмова; составил А.Л. Саатчиан. Том второй. С.-Пб.: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. 1362 с.

4. Невзгодина Е.Л. Представительство, поручительство, комиссия и агентирование по гражданскому праву РФ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 2 (19). С. 57–60.

5. Дозорцев В.А. В трех соснах... О возможности распоряжаться чужими правами // Хозяйство и право. 2003. № 1. С. 44–49.

6. Таль Л.С. Торговый агент и агентурный договор как правовые типы // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М.: Статут, 2005. С. 468–487.

7. Рапопорт Я.И. Торговые посредники по советскому праву // сборник статей кафедры «Проблемы современного права» и правового факультета Харьковского института народного хозяйства, посвященных памяти академика, профессора Владимира Михайловича Гордона. Киев: Гос. изд-во Украины, 1927. С. 169–187.

8. Невзгодина Е.Л. Представительство и доверительное управление имуществом // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 1 (18). С. 165–168.

9. Гойхбарг А.Г. Торговая комиссия. Практический комментарий к закону о договоре торговой комиссии. (С приложением текста закона, иностранных законодательств, торговых обычаев, биржевых правил, судебной практики и алфавитного предметного указателя). С.-Пб.: Издание Юридического книжного склада «Право», 1914. 254 с.

10. Красавчиков О.А., Якушев В.С. Договор комиссии по советскому гражданскому праву. Учебное пособие по курсу советского гражданского права / отв. ред. Е.Д. Шешенин. Свердловск: Свердловский юридический институт им. А.Я. Вышинского, 1957. 36 с.

11. Ландкоф С.Н. Торговые сделки. Теория и практика. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1929. 274 с.

12. Егоров А.В., Кузьмичева Е.А. Собственность на коммиссионный товар. Проблемы, которые преодолевает практика // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 12. С. 72–81.

13. Фишман Л.И. О договоре комиссии // Право и жизнь. 1926. Книга 2–3. С. 20–28.

© Поваров Ю.С., 2026

Прилуцкий Александр Михайлович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Курского государственного университета
Курск, Россия, priluk46@mail.ru

СПЕЦИФИКА ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОПЕКУНА ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПОДОПЕЧНЫМ

Аннотация: статья посвящена анализу ответственности опекуна за действия подопечного, причинившее вред третьим лицам. Анализируется правовой статус опекуна, выявлено различие в объеме ответственности опекуна в зависимости от недееспособности или неполной дееспособности подопечного, рассмотрены основания для привлечения опекуна к ответственности по возмещению вреда, причиненного малолетним подопечным в качестве соответчика, выявлены проблемы гражданского законодательства, регулирующего ответственность опекуна за причинение имущественного вреда подопечным и предложены способы их решения.

Ключевые слова: опекун, подопечный, малолетний, недееспособное лицо, деликтная ответственность, возмещение вреда.

Prilutsky Alexander Mikhailovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Kursk State University
Kursk, Russia, priluk46@mail.ru

SPECIFICITY OF THE GUARDIAN'S TORT LIABILITY FOR THE HARMS CAUSED BY THE CHILD

Abstract. The article is devoted to the analysis of the guardian's responsibility for the actions of the ward, which caused harm to third parties. The legal status of the guardian is analyzed, the difference in the scope of the guardian's responsibility depending on the incapacity or partial incapacity of the ward is revealed, the grounds for bringing the guardian to liability for compensation of damage caused by a minor ward as a co-defendant are considered, the problems of civil legislation regulating the responsibility of the guardian for causing property damage to the ward are identified, and ways to solve them are proposed.

Key words: guardian, ward, minor, incapacitated person, tort liability, compensation for damage.

Общее правило генерального деликта, установленного ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ предписывает, что лицо (деликвент), причинившее вред, обязано возместить его в полном объеме. В тоже время нормы ГК РФ устанавливают достаточно большое количество исключений из общего правила, в силу которых допускается привлечение к ответственности и лиц, которые не являются непосредственно деликвентами. Одним из таких исключений являются нормы гражданского законодательства, устанавливающие ответственность опекуна по возмещению вреда, причиненного действиями его подопечного.

Прежде чем перейти к анализу института ответственности опекуна за причинение вреда действиями его подопечного, необходимо остановиться на личности самого опекуна. Легальное определение понятия «опекун» отсутствует в российском законодательстве, в тоже время анализ норм ст. 35 ГК РФ позволяет сделать вывод, что опекун – это не лишенное родительских прав совершеннолетнее дееспособное лицо, не имеющее судимости за умышленное преступление против жизни и здоровья граждан и выразившее свое согласие на осуществление соответствующих полномочий опекуна. Дополнительно к опекуну предъявляются определенные медицинские требования – так, у него должны отсутствовать такие заболевания, как наркомания, алкоголизм, токсикомания, туберкулез, ВИЧ-инфекция, злокачественные новообразования, психические расстройства, а также заболевания и травмы, которые стали основанием для присвоения ему инвалидности I группы².

Подопечными опекуна являются несовершеннолетние лица, не достигшие 14 лет, а также недееспособные лица, так как они являются неделиктоспособными лицами по российскому гражданскому законодательству.

Законодательство допускает выполнение функций опекуна не только физическими, но и юридическими лицами — это медицинские, образовательные организации, а также организации для оставшихся без попечения родителей детей, куда были помещены под надзор несовершеннолетние, либо недееспособные лица.

По общему правилу у подопечного может быть только один опекун, но ст. 10 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее – закон «Об опеке и попечительстве»³) допускает возможность назначения для одного подопечного и нескольких опекунов, которые в таком случае осуществляют защиту законных прав и интересов подопечного одно-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Часть первая. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст.3301.

² Постановление Правительства РФ от 14.02.2013 № 117 2020) «Об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.09.2013.

³ Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Российская газета, № 94, 30.04.2008.

временно, если только одному из опекунов не поручили осуществлять ведение дел подопечного с выдачей соответствующей доверенности.

Нормативное обоснование деликтной ответственности опекуна за вред, причиненный подопечным, содержится в ст.ст. 1073 и 1076 ГК РФ, согласно которым вред, причиненный малолетним или недееспособным гражданином, возмещается его опекуном – физическим лицом или организацией, которая выполняет соответствующие полномочия. Подлежит возмещению как имущественный, так и моральный вред, при этом возмещение имущественного вреда не освобождает от обязанности возмещения морального вреда.

Обязанность опекуна возмещать вред, причиненный подопечным, возникает из состава гражданского правонарушения, в котором выделяют «...вред; противоправное поведение правонарушителя; причинную связь между противоправным поведением и наступившим вредом и вину причинителя вреда» [1, с. 18].

Вина опекуна заключается в неосуществлении или ненадлежащем осуществлении своих обязанностей. В отношении малолетнего подопечного Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) устанавливает, что опекун как законный представитель обязан заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии подопечного, а также заниматься его воспитанием¹. Как отмечает Л.Ю. Михеева «Дополнительные обязанности опекунов (попечителей), назначенных несовершеннолетним гражданам, - заботиться об их обучении и воспитании - легко объясняются возрастом подопечных, личность которых объективно нуждается в подготовке к автономному существованию во взрослой жизни» [2, с. 19]. При этом совершенно справедливо пишет Е.А. Останина, «понятие воспитания само по себе более широкое, чем надзор» [3, с. 475].

В отношении недееспособного подопечного вина опекуна выражается в неосуществлении или ненадлежащем осуществлении надзора за подопечным. Таким образом, объем ответственности опекуна за причинение вред подопечным зависит от личности подопечного и, как мы увидим дальше, влияет на возможность привлечь опекуна в качестве соответчика.

Опекун может избежать привлечения ответственности за вред, причиненный его подопечным, если докажет, что вред был причинен не по его вине. Необходимость доказывания отсутствия вины именно опекуном вызвана презумпцией вины деликвента, установленной гражданским законодательством. Подавляющая масса случаев, в которых опекун освобождается от ответственности за вред, причиненный подопечным, связана с передачей подопечного под временный надзор образовательных, медицинских или иных подобных органи-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета, № 17, 27.01.1996.

заций, причем вина таких учреждений за вред, причиненный малолетним на период нахождения в стенах и на территории учреждения, презюмируется¹.

В тоже время в правоприменительной практике уже достаточно длительное время сложился подход, согласно которому в случае причинения вреда несовершеннолетним в возрасте до 14 лет, находящемся в момент причинения вреда в образовательной, медицинской или подобной организации, допускается привлекать наряду с самой организацией, осуществляющей временный надзор, и опекуна в качестве соответчика как законного представителя малолетнего. В основе такой практики лежит постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»², п. 16 которого разъясняет, что образовательные, медицинские и иные подобные организации, в которых находился под временным надзором причинивший вред малолетний, отвечает именно только за ненадлежащее осуществление надзора, тогда как опекун как законный представитель отвечает как за неосуществление надзора, так и за безответственное отношение к воспитанию малолетнего. Если в ходе судебного разбирательства будет выяснено, что ответственность должны нести как организации, осуществляющие временный надзор над малолетним причинителем вреда, так и осуществляющий в отношении него ненадлежащее воспитание опекун, суд принимает решение о возмещении причиненного вреда по принципу долевой ответственности, где размер доли будет зависеть от степени вины каждого соответчика.

Как уже ранее отмечалось, закон «Об опеке и попечительстве» в ст. 10 допускает назначение нескольких опекунов (соопекунов) одному подопечному. Если такой подопечный причинил вред, то к его возмещения будут привлекаться все соопекуны по принципу солидарной ответственности, установленной ст. 323 ГК РФ.

Важное значение для анализа ответственности опекуна имеет и ст. 11 закона «Об опеке и попечительстве», согласно которой передача подопечного под временный надзор в образовательные, медицинские или иные подобные организации с целью оказания соответствующих услуг, либо с целью временного проживания подопечного по причине отсутствия опекуна по уважительным причинам (например, болезнь, длительная командировка) не освобождает опекуна от ответственности за действия подопечного.

В случае, если лицо, нуждающееся в опеке причинило вред, а опекун такому лицу не был назначен, ответственность по возмещению причиненного

¹ П. 9 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // СПС «Консультант-Плюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета, № 24, 05.02.2010.

вреда несут органы опеки и попечительства, источником возмещения является средства казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в зависимости от того, какое из публично-правовых образований осуществляло в данном случае функции органов опеки и попечительства.

Нужно обратить внимание, что опекун возмещает вред, причиненный только противоправными действиями подопечного, если же действия, в результате которых был причинен вред, являются правомерными, например, в результате необходимой самообороны, то опекун не подлежит привлечению к ответственности.

Так как опекун привлекается к ответственности за возмещение вреда, причиненного его подопечным, на основании его вины как законного представителя малолетнего подопечного, то по правилам п. 4 ст. 1073 ГК РФ достижение таким малолетним совершеннолетия или приобретения имущества, достаточного для возмещения вреда, не прекращает деликтной ответственности опекуна.

Аналогичное правило действует и в случае, если подопечным опекуна является недееспособное лицо – в случае признания его дееспособным опекун несет ответственность по возмещению вреда, причиненного подопечным в период его недееспособности (п. 2 ст. 1076 ГК РФ).

Виновное поведения опекуна в форме действия или бездействия как основание его привлечения к ответственности по возмещению вреда, причиненного его подопечным, подчеркивают и правила п. 4 ст. 1081 ГК РФ, согласно которым опекун, возместивший вред, причиненный его подопечным, не имеет права впоследствии предъявить к нему регрессный иск.

В тоже время законодательство в качестве исключения допускает возможность привлечения к возмещению причиненного вреда самого малолетнего причинителя вреда, основная цель такого исключения – обеспечения максимальной защиты потерпевшего. Согласно п. 4 ст. 1073 ГК РФ, в случае смерти возмещающего вред жизни и здоровью опекуна или отсутствия у него необходимых для возмещения средств суд может принять решение о переложении обязанности по возмещению вреда полностью или частично на самого причинителя вреда, если он к этому моменту приобрел полную дееспособность и имеет достаточно средств для возмещения ранее причиненного вреда.

Иск о привлечении к ответственности непосредственно причинителя вреда может заявить как потерпевшее лицо, так и сам опекун.

Подобный алгоритм действует и в отношении причинившего вред недееспособного подопечного, если его опекун скончался или у него отсутствуют средства для возмещения вреда, однако в отличии от п. 4 ст. 1073 ГК РФ в п. 3 ст. 1076 ГК РФ возможность переложения полностью или частично ответственность по возмещению вреда жизни или здоровью потерпевшего не зависит от получения полной дееспособности причинителя вреда, у него должно быть только имущество, необходимое для возмещения вреда.

В этой ситуации возникает ряд вопросов. Почему законодатель ограничил возможность привлечения к ответственности за вред, причиненный малолетним или недееспособным, самого причинителя вреда только в отношении причине-

ния вреда жизни и здоровью? Кто будет возмещать вред, причиненный имуществу потерпевшего, если опекун причинителя вреда умер или не имеет достаточных средств для полного возмещения причинителя вреда? И, наконец, нет ли в нормах п. 4 ст. 1073 и п. 3 ст. 1076 ГК РФ нарушения принципа справедливости, являющегося одним из основных начал гражданского законодательства?

На наш взгляд, если основная цель, которую преследователь законодатель в нормах ст.ст. 1073 и 1076 ГК РФ – максимальная защита потерпевшего от причинения любого вреда, то логично было их дополнить положениями и о возможности возмещения причиненного подопечным опекуна имущественного вреда потерпевшему за счет самого подопечного в случае смерти опекуна или отсутствия у него необходимых для возмещения средств.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 3 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019. 752 с.
2. Михеева Л.Ю. Управлять = опекать = заботиться // Закон. 2024. № 2. С. 17–25.
3. Останина Е.А. Ответственность за вред, причиненный малолетним: сравнительно-правовое исследование // Правоведение. 2023. Т. 67. №. 4. С. 462 – 488. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2023.405>.

© Прилуцкий А.М., 2026

УДК 347

Резяпова Гузель Фратовна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гражданского права
Института права Уфимского университета
науки и технологий,
г. Уфа, Россия, guzel.reziapova@yandex.ru

ДОГОВОР КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация: В исследуемой статье раскрывается правовая природа договора коммерческой концессии (франчайзинга), исследуется содержание и его существенные условия в современных российских экономических отношениях, складывающихся на рынке товаров, работ и услуг. При этом, особое внимание следует обратить на предмет договора, порядок заключения и расторжения договора, изменение его условий. Недостаточное правового регулирования данного института приводит к спорным ситуациям в правоприменительной практике. Более того, пользователи исключительных прав как слаба сторона договора

вследствие недобросовестности правообладателей вынуждены терять убытки на самых ранних стадиях заключения договора. В статье указываются на основные проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: договор коммерческой концессии, правообладатель, пользователь, исключительные прав, государственная регистрация.

Rezyapova Guzel Fratovna
Candidate of Sciences (Law),
Associate Professor of the chair of Civil Law
of the Institute of Law of the of Ufa University
Science and Technology
Ufa, Russia. E-mail: guzel.reziapova@yandex.ru

COMMERCIAL CONCESSION AGREEMENT: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Abstract. The article under study reveals the legal nature of the commercial concession (franchise) agreement, examines its content and essential conditions in modern Russian economic relations that develop in the market of goods, works, and services. In this regard, special attention should be paid to the subject of the agreement, the procedure for concluding and terminating the agreement, and the modification of its terms. The insufficient legal regulation of this institution leads to controversial situations in law enforcement practice. Moreover, users of exclusive rights, as a weak party to the agreement, are forced to suffer losses at the earliest stages of the agreement due to the unscrupulousness of the copyright holders. The article highlights the main problems and their solutions.

Keywords: commercial concession agreement, copyright holder, user, exclusive rights, state registration.

Договор коммерческой концессии представляет собой сравнительно молодой институт гражданского права, который активно внедрился в экономические сферы субъектов малого и большого предпринимательства. Он заключается юридическими лицами, и индивидуальными предпринимателями в целях получения прибыли, расширения бизнеса и его территории, продвижения товаров и услуг до конечных потребителей – граждан.

Разнообразие точек зрения ученых и особая актуальность в практическом применении данного договора несомненно диктует необходимость пересмотра и совершенствования его законодательного регулирования.

Тем не менее, часто встречающиеся пробелы и коллизии в правоприменительной практике настоятельно требуют выработки и принятия единого федерального закона о коммерческой концессии.

Несовершенство законодательства и отсутствие подробной правовой регламентации, касающегося института коммерческой концессии, подтверждается с самых первых этапов заключения договора. Коммерческие юридические лица или индивидуальные предприниматели, стараясь расширить свой бизнес и

сферу его распространения, вынуждены столкнуться со множеством проблем, начиная с государственной регистрации договора в Роспатенте.

Так, содержащиеся условия уже заключенного договора могут противоречить основным началам гражданского права вследствие юридической неграмотности лиц, составивших договор.

Данные ошибки влекут множество проблем, на устранение которых может уйти много времени или даже финансовых средств. Более того, зачастую неверно составленный договор приводит к отказу от его регистрации в соответствующем государственном органе.

Например, Роспатент может отказать в регистрации договора из-за неточности определения территории действия передаваемых исключительных прав. Кроме того, отсутствие конкретного перечня услуг, товаров или работ в содержании предмета договора влечет дополнительные споры и претензии.

В данном случае, особо следует отметить мнение известного автора Е.В. Гелашвили, предложивший необходимость введения упрощенной процедуры регистрации договора, а именно: исключительные права должны регистрироваться по месту нахождения пользователя исключительных прав [1, с. 13].

Другой цивилист Д.В. Шульга, полагает, что в гражданском законодательстве до сих пор отсутствуют и нет четких оснований недействительности исследуемого института коммерческой концессии. Данные перечень мог послужить бы отправной точкой для определения конкретных критериев действительности договора, а также его предмета, содержания и существенных условий [5, с. 28].

Договор коммерческой концессии является консенсуальным: считается заключённым с момента подписания сторонами соглашения и оформляется в простой письменной форме. При этом законодательством не предусмотрена обязательная государственная регистрация самого договора (в отличие от регистрации передаваемых исключительных прав).

Это порождает ряд проблем на практике: договор коммерческой концессии считается действующим, однако без официальной регистрации переход исключительных прав не оформляется субъектами предпринимательской деятельности должным образом.

Поэтому важно подчеркнуть первоочередную обязанность правообладателя зарегистрировать передаваемые исключительные права в Роспатенте. Только после такой государственной регистрации можно считать, что договор заключён надлежащим образом и переход прав по заключенному договору состоялся.

Тем не менее, нередко в договоре возлагается обязанность уплатить государственную пошлину за регистрацию на пользователя исключительных прав. В таких случаях задержка регистрации может привести к убыткам, прежде всего, для пользователя.

На наш взгляд, целесообразно ввести норму об обязательной государственной регистрации договора обеими сторонам с одновременным возложением оплаты госпошлины в равном пропорциональном соотношении. Это позво-

лило бы возложить ответственность на каждую сторону при регистрации сделки, в том числе «подстраховать» его чистоту и правовые последствия в виде нежелательных рисков.

Вместе с тем, на практике нередко выявляются и другие проблемы, связанные с исполнением рассматриваемого договора. Это чаще всего связано с неполной технической или коммерческой документацией, как со стороны правообладателей исключительных прав, а также отсутствие должных компетенций со стороны пользователей франшизой. Подобные отклонения от нормативов (например, требований ГОСТ) затрудняют исполнение условий договора.

Так, Верховный Суд РФ в одном из дел подчеркнул, что если по договору не передано право использования товарного знака, то такой договор не может считаться договором коммерческой концессии [2].

Кроме того, вышеупомянутая необходимая документация зачастую также имеет множество недостатков, описок, технических ошибок.

Более того, содержать неактуальные и просроченные данные, что в первую очередь негативно сказывается на финансовых рисках и нерентабельности приобретенных исключительных прав пользователями [3, с.116].

Деятельность правообладателя подробно не регламентирована, не содержится определенных критериев его ответственности, связанной с передачей пользователю исключительных прав, не уточнен также момент перехода риска ответственности, а также не установлен до сих пор перечень информации или услуг, которые обязан предоставить правообладатель.

В этой связи целесообразно ввести в закон чёткий перечень полной и доступной информации, а также услуг, которые должны быть предоставлены пользователю для эффективного выполнения его обязательств.

Помимо этого, законодательство не содержит обязательные требования, касающиеся проведения обучения или инструктажа, что осложняет рассмотрение спора по существу. Поэтому необходимо обеспечить надлежащее документирование таких мероприятий.

Во-первых, договор коммерческой концессии может заключаться только между предусмотренными законом субъектами. Если прекращается статус индивидуального предпринимателя или ликвидируется юридическое лицо, это должно являться основанием для расторжения договора. Включение такого условия в законодательство позволит устранить проблемы, возникающие в судебной практике, и подчеркнёт уникальность договора коммерческой концессии среди гражданско-правовых соглашений.

Во-вторых, существенным условием рассматриваемого нами договора является его предмет, который должен содержать весь комплекс передаваемых пользователю исключительных прав, начиная с фирменного названия, в том числе на всю конфиденциальную информацию, входящую в объем исключительных прав правообладателя.

В-третьих, пользователь коммерческой концессии ведёт предпринимательскую деятельность от своего имени и несёт самостоятельную ответственность перед потребителями за качество продаваемых товаров или услуг в соот-

ветствии с нормами ГК РФ и законом о защите прав потребителей. Это подчёркивает его относительную автономию в гражданско-правовом обороте.

При изложенных обстоятельствах, можно однозначно констатировать, что институт Договора коммерческой концессии на сегодняшний день требует тщательной доработки и совершенствования действующего законодательства в целях устранения имеющихся пробелов в правоприменительной практике, начиная с его заключения, в процессе его исполнения и заканчивая прекращением действия договорных отношений сторон.

Принятие единого сводного закона о коммерческой концессии сможет устранить все имеющиеся противоречия в судебной практике и внесет ясность в практической деятельности субъектов данного договора.

Библиографический список

1. Гелашвили Е.В. Договор коммерческой концессии: автореферат дис. ... кандидата юридических наук, Краснодар, 2007. 23 с.

2. Определение Верховного Суда РФ от 24.08.2015 № 305-ЭС15-9511 по делу № А40-97630/2014. Решение: В передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ отказано, так как суды пришли к правильному выводу о том, что оспариваемый договор не является договором коммерческой концессии, поскольку право использования на товарный знак не передавалось, следовательно, договор государственной регистрации не подлежал. // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2025).

3. Отдельные виды обязательств в международном частном праве: монография / В. Н. Борисов, Н. В. Власова, Н. Г. Доронина и др.; отв. ред. Н. Г. Доронина, И. О. Хлестова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 352 с.

4. Постановление Правительства РФ от 24.12.2015 № 1416 «О государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных по договору и перехода исключительного права на указанные результаты интеллектуальной деятельности без договора» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 230.

5. Шульга Д.В. Регулирование договора коммерческой концессии (франчайзинга) в гражданском праве России: диссертация... кандидата юридических наук. Волгоград, 2005. 169 с.

© Резяпова Г.Ф., 2026

Рожков Никита Геннадьевич,
Соискатель юридического факультета ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
Москва, Россия, nikitarozhkov5982@yandex.ru

Научный руководитель:
Ткачев Валентин Николаевич,
д.ю.н., профессор, профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ КОРПОРАЦИЙ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ В РОССИИ

Аннотация. Процесс становления рыночной экономики продиктовал не только необходимость создания ее организационно-правовых основ, но выработку «рецептов» для национального законодательства. Поскольку корпоративные права в Российской Федерации представляют собой важный элемент корпоративного управления, это является основой устойчивого развития бизнеса. Они включают в себя права акционеров и участников общества, которые определяют их взаимодействие, а также влияние на управление и осуществление деятельности компаний. Данными факторами обусловлена актуальность статьи. В статье рассматривается понятие и особенности правового положения корпораций с государственным участием в России.

Ключевые слова: корпоративное управление; юридическое лицо; корпоративные правоотношения; корпорации с государственным участием; цифровизация; цифровая экономика.

Nikita Gennadievich Rozhkov
Candidate of the Faculty of Law,
G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
Moscow, Russia, nikitarozhkov5982@yandex.ru

Scientific supervisor:
Valentin Nikolaevich Tkachev,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law
Disciplines, G.V. Plekhanov Russian University of Economics

THE CONCEPT AND FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF CORPORATIONS WITH STATE PARTICIPATION IN RUSSIA

Abstract. The process of formation of a market economy dictated not only the need to create its organizational and legal foundations, but also the development of "recipes" for national legislation. Since corporate rights in the Russian Federation are

an important element of corporate governance, this is the basis for sustainable business development. They include the rights of shareholders and members of the company, which determine their interaction, as well as their influence on the management and implementation of companies. These factors determine the relevance of the article. The article examines the concept and features of the legal status of corporations with state participation in Russia.

Keywords: corporate governance; legal entity; corporate legal relations; corporations with state participation; digitalization; digital economy.

Правовое положение Российской Федерации, в своей совокупности, оказывает значительное влияние на осуществление и защиту корпоративных прав, что требует глубокого анализа существующей нормативной базы, судебной практики и правоприменительной деятельности.

Определяя влияние правового положения Российской Федерации на реализацию корпоративных прав, прежде всего необходимо отметить, что сложившееся соотношение государственного и корпоративного правового регулирования характеризуется как соотношение основного и вспомогательного регуляторов [4, с. 83]. Как обоснованно отмечает в доктрине А.Н. Левушкин, «немаловажное значение имеет корпоративный договор как средство защиты корпоративных прав. В современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основаны на договорных отношениях, в том числе носящих предпринимательский характер [5, с. 15; 6, с. 31]. Заключение такого договора - неотъемлемая часть любых правоотношений, возникающих и реализуемых в рамках деятельности корпорации» [7, с. 8].

Нельзя не отметить, что экономический результат в качестве глобальной универсальной цели не всегда сопоставляется с общественными интересами, но несмотря на это не может препятствовать в их реализации. Вывод очевиден: зачастую объем государственного вмешательства в организационно-хозяйственную деятельность компании происходит через призму необходимости соблюдения прав и законных интересов общества, которые включают в себя в не только интерес в развитой конкуренции, ограничении монополии, но и экологическую безопасность, что влечет за собой формирование специфических рынков влияния, преимущественно производимых государством в одностороннем порядке.

При рассмотрении вопроса о раскрытии понятия и особенностей правового положения корпораций с государственным участием в России следует начать со споров относительно гражданской правоспособности данных корпоративных организаций [9, с. 163]. Рассматривая мнения цивилистов по данному вопросу, следует осветить несколько частноправовых суждений. В частноправовой доктрине Е.А. Суханов небезосновательно полагает, что государство, становясь участником гражданского оборота и используя свою собственность, все-таки следует не личным интересам членов кооператива, а публичным (общественным). Именно поэтому у государства должен быть особый статус, но при этом открытым и понятным для всех участников сделок [8, с. 280].

Также следует рассмотреть точку зрения А.В. Винницкого, который отчасти соглашается с мнением Е.А. Суханова, и даже немного подробнее указывает и конкретизирует. Согласно его мнению, правовое положение корпораций с государственным участием в России должно иметь особенности: гарантия факта того, что спецорганизации будут осуществлять определенную деятельность. Также он указывает, что в настоящее время не имеется особых условий правоспособности [1, с. 543].

А вот если обратиться к точке зрения другого цивилиста, Д.В. Давыдова, то можно увидеть несколько противоположное мнение, согласно которому он настаивает на наличии особенной правоспособности у холдинговых компаний (корпораций) с государственным участием. Объясняет он свою точку зрения тем, что указанные корпорации создаются в частности для выполнения государственных функций [2, с. 6].

Увеличившийся отечественный частноправовой массив наряду с возрастающими тенденциями к увеличению значимости взаимосвязи корпоративного (локального) регулирования как самостоятельного явления и действующего правового статуса Российской Федерации указывают на «исключительную» взаимосвязь положения государства и комплекса корпоративных прав.

Правовое регулирование корпоративных прав в Российской Федерации основывается на ряде законодательных актов, наивысший из которых — Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Основные положения, касающиеся корпоративных прав, сосредоточены в главы 4 и 49 ГК РФ, в которых детализируются права и обязанности акционеров и участников. Гражданский кодекс, наряду с Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», создаёт правовую базу для защиты корпоративных прав, а также для регламентации процесса управления, принятия решений и распределения прибыли.

Через призму вышеуказанного влияния следует отметить, что еще в 2015 Конституционный суд РФ в Определении об отказе в принятии очередной жалобы гражданина на нарушение его конституционных прав действующим антимонопольным законодательством указал, что государство не только вправе, но и обязано осуществлять контрольную функцию в экономике, которая даже по своей правовой природе производна от его прямых правомочий — организационного и регулирования воздействия на публичные общественные отношения и отражена в комплексе прав и обязанностей всех органов власти в пределах их компетенции.¹

В науке корпоративного права научной школы МГЮА Н.Е. Кантор соглашается с мнением предыдущего цивилиста и утверждает, что у корпораций

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2015 г. 185-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Запрягаева Александра Борисовича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 10 Федерального закона «О защите конкуренции» и положениями статьи 14.31 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС Консультант Плюс

(которые, по его мнению, чаще всего создаются через процедуру приватизации унитарных предприятий) действительно присутствует особенная правоспособность [3, с. 79].

Безусловно, рассматривать особенности корпораций с государственным участием невозможно без частноправовой классификации этих корпораций. Классифицировать можно по разным основаниям. К примеру: по значению осуществляемой деятельности:

- госкорпорации, имеющие стратегическое значение,
- госкорпорации, не имеющие такого значения.

Данная классификация, деление на виды возможно по указанию важности деятельности руководства страны. Указание стратегического значения зачастую определяется необходимостью безопасностью страны, то есть связано с обороной страны.

Убеждены, что государственные корпорации со стратегическим значением являются важным инструментом для реализации государственной политики и обеспечения устойчивого развития России. Их функции выходят за рамки обычной коммерческой деятельности и охватывают широкий спектр общественных интересов, направлены на гармонизацию частноправового и публично-правового регулирования.

Еще одной классификацией, которая так же отражает особенности рассматриваемого вопроса, является разделение корпораций по размеру доли участия государства (чем больше доля, тем больше доля участия и реальнее возможность реализации государственных программ):

- корпорации, где размер государственного участия составляет менее 50 процентов от уставного капитала корпорации,
- корпорации, где размер государственного участия составляет превышает 50 процентов от уставного капитала корпорации,
- корпорации, где размер государственного участия составляет 100 процентов от уставного капитала корпорации.

Конечно, корпорации с государственным участием обладают особой правоспособностью, которая определена значимыми целями и особым статусом, предопределена природой участия именно государств в рамках корпораций. В зависимости от вида корпораций можно также указать корпорации, которые относятся к стратегически важным. Имеет особый порядок, механизм регулирования, который, однако, нуждается в доработке.

Библиографический список

1. Винницкий А.В. Публичная собственность: проблемы формирования административно-правовой доктрины: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.14. Екатеринбург, 2013. 570 с.
2. Давыдов Д. В. Правовое положение государственных холдингов в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03. М., 2009. 24 с.

3. Кантор Н.Е. Изменение личного закона юридических лиц (lex societatis) в новых субъектах Российской Федерации // Хозяйство и право. 2023. N 8. С. 74-90.

4. Кирилловых А.А. Корпоративное право: курс лекций. М.: Юстицинформ, 2009. 192 с.

5. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14–18.

6. Левушкин А.Н. Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 31-35.

7. Левушкин А.Н. Применение отдельных способов защиты корпоративных прав // Право и бизнес. 2025. № 3. С. 6 - 11.

8. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014.

9. Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000.

© Рожков Н.Г., 2026

УДК 347.6

Русских Людмила Владимировна,
Преподаватель Международного юридического института
Москва, Россия, advocatrus@mail.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ СТОРОН КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА ПРИ ЕГО НАРУШЕНИИ

Аннотация: При вступлении в различные правоотношения субъекты вполне оправданно рассчитывают на добросовестное поведение выбранных партнеров и должное исполнение принятых обязательств со стороны контрагентов. Сама суть любого обязательства заключается в необходимости его надлежащего исполнения сторонами, провозглашается на уровне нормативного гражданско-правового регулирования. Конечно, подписание корпоративных соглашений без намерения их должного исполнения лишено всякого смысла, в связи с чем принципиальное значение приобретает проблематика способов защиты сторон корпоративного договора и восстановления нарушенного права. В данной статье анализируются основные способы защиты сторон корпоративного договора при его нарушении.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, убытки, обязательство, неустойка, компенсация, корпоративные правоотношения, корпоративное управление, блокчейн технологии, корпоративный договор.

LEGISLATIVE REGULATION OF THE MAIN WAYS TO PROTECT THE PARTIES TO A CORPORATE AGREEMENT IN CASE OF ITS VIOLATION

Abstract. When entering into various legal relations, the subjects quite justifiably rely on the conscientious behavior of the selected partners and the proper fulfillment of the obligations assumed by the counterparties. The very essence of any obligation lies in the need for its proper fulfillment by the parties, proclaimed at the level of regulatory civil law regulation. Of course, signing corporate agreements without the intention of their proper execution makes no sense, and therefore the issue of ways to protect the parties to a corporate agreement and restore violated rights is of fundamental importance. This article analyzes the main ways to protect the parties to a corporate agreement in case of its violation.

Keywords: digitalization, digital technologies, losses, obligation, penalty, compensation, corporate legal relations, corporate governance, blockchain technology, corporate contract.

Право на защиту и возможность его реализации выступают основополагающими аспектами субъективного права лица. Убеждены, что меры защиты, преимущественно, обладают превентивным характером и призваны стимулировать участников корпоративных правоотношений добровольно и надлежащим образом исполнять принятые на себя корпоративные обязательства. Подобные способы подлежат применению для целей восстановления нарушенного права, до первоначального, должного положения и заключаются в осуществлении принудительного исполнения обязательств, возложенных на сторону, допустившую нарушение корпоративного договора. Важно подчеркнуть, что при применении различных способов защиты лицо принуждается к исполнению не новой, а ранее существовавшей, но неисполненной обязанности, при этом оно не претерпевает никаких дополнительных правовых лишений.

Проанализировав действующее правовое регулирование способов защиты сторон корпоративных договоров, автор статьи приходит к выводу, что существующие меры нельзя охарактеризовать как эффективные и справляющиеся со своей основной задачей. Практически каждый из представленных ниже способов обладает существенными недостатками и вызывает трудности при применении на практике, не предоставляя тот должный объем защиты, на которые стороны вправе рассчитывать. К сожалению, в доктрине и корпоративной практике бытует мнение, что правоотношения, вытекающие из корпоративных договоров, настолько слабо защищены, что подобные договоры допустимо сравнивать с «джентельменскими соглашениями».

Согласно п. 2 ст. 2 Гражданского кодекса, отношения, связанные с участием и управлением корпорацией (то есть корпоративные), регулируются по-

ложениями гражданского законодательства. Наиболее распространенной позицией является то, что корпоративное право выступает подотраслью, разновидностью гражданского права. Всё это приводит к заключению, что корпоративный договор, как институт корпоративного права, регулируется именно гражданским законодательством и является, соответственно, гражданско-правовой сделкой. Также ст. 420 ГК РФ гласит, что договором выступает соглашение двух или более лиц с целью установления, изменения или прекращения гражданских прав [7, с. 221]. Корпоративный контракт, в свою очередь, ставит перед собой цель определения порядка осуществления корпоративных прав, из чего вытекает, что он определенно устанавливает, меняет или прекращает гражданское права и обязанности. Заключение корпоративного договора дает инвестору дополнительные механизмы контроля за деятельностью компании, в отношении которой осуществляется инвестирование. Это позволяет инвестору лучше контролировать свои коммерческие риски (заблокировать сделку по выводу активов и т.п.) [8, с. 15].

Первоначально необходимо раскрыть такой наиболее распространенный способ защиты, как возмещение убытков в случае нарушения предписаний корпоративного соглашения. По справедливому убеждению В.Г. Бородкина, данный метод не имел и не будет иметь успеха в контексте корпоративных отношений, по той причине, что он осложнен необходимостью доказывания размера убытков, возникших из-за нарушения положений корпоративного соглашения [2, с. 91]. Принимая во внимание тот факт, что в своем большинстве корпоративные обязательства наделены не имущественным характером, а, скорее, организационным, то оценить последствия нарушения в денежном выражении не представляется возможным. Если рассуждать об имущественных обязательствах, вытекающих из корпоративных договоров, то расчет убытков видится более реальным, однако также сопряженным с трудностями его определения в силу специфики предмета корпоративных соглашений. Крайне проблематичным будет процесс обоснования размера убытков, которые были спровоцированы нарушением положений корпоративного контракта. Например, не совсем ясно, как будет устанавливаться размер убытков в случае неисполнения лицом обязательства голосовать определенным способом. Как отмечают цивилисты, невозможность представления доказательств конкретного размера убытков на практике расценивается как их отсутствие [5, с. 50].

Не стоит также забывать про необходимость обоснования не только размера убытков, но и причинно-следственной связи между ненадлежащим исполнением и имущественных потерь, им спровоцированных. Соответственно, способ в виде взыскания убытков не дает полноценных гарантий защиты при нарушении корпоративных договоров, и в целом указанный способ малоэффективен и не приспособлен к правоотношениям, вытекающим из корпоративных соглашений.

В качестве следующего способа защиты российский законодатель приводит неустойку. Казалось бы, данный способ как никакой другой применим к исследуемым отношениям и может выступать эффективным механизмом предупреждения корпоративных нарушений. Ведь в данном случае сторона осво-

бождена от необходимости обосновывать и объем убытков, и причинно-следственную связь, а установленный договором размер неустойки способен служить действующим инструментом защиты. Однако применение неустойки сопряжено с риском занижения ее размера судом по своему усмотрению на основании статьи 333 Гражданского кодекса РФ, если она несоразмерна последствиям неисполнения обязательства. В данном случае снова, как и при возмещении убытков, возникает проблема соотношения последствий неисполнения обязательства и установленного размера неустойки. Но стоит отметить, что обязанность обоснования этой несоразмерности возлагается не на пострадавшую сторону, а на нарушителя. Также важно подчеркнуть, что на практике суды расценивают положение о выплате неустойки несогласованным, если субъект, в чью пользу она уплачивается, невозможно установить.

По мнению автора, данному способу защиты можно придать бóльшую эффективность, если на законодательном уровне установить закрытый перечень оснований, в соответствии с которыми суду будет позволено снижать размер предусмотренной договором неустойки.

Особый интерес представляет специальный, характерный исключительно для корпоративных соглашений способ, - компенсация, закрепленная в виде твердой денежной суммы или же указания на определенный порядок ее расчета (например, если нарушение заключается в неправомерном распоряжении акциями, то компенсация может соответствовать размеру их рыночной стоимости на конкретную дату). Представляется, что именно данный способ заслуживает статус наиболее перспективного механизма защиты участников корпоративного соглашения. Тот факт, что законодатель выделяет компенсацию от иных способов защиты, перечисляя ее отдельно в пункте 7 статьи 32.1, свидетельствует о самостоятельности данного правового явления. Это видится логичным, поскольку при использовании компенсации стороны избавлены и от необходимости обосновывать размер убытков, и от риска снижения суммы неустойки.

Тем не менее такой, на первый взгляд удачный, способ широкого применения не заслужил. Причиной этому служит то, что в отличие от ранее рассмотренных способов, институт компенсации в контексте корпоративных договоров представляет собой мало исследованное и новое явление (известные праву компенсации морального вреда и основанная на нарушении исключительных прав вытекают из внедоговорных обязательств и не могут быть сопоставимы с рассматриваемой конструкцией).

Правовая сущность данного способа защиты права остается весьма дискуссионным вопросом, при том, что ее определение имеет практическое значение: отнесение компенсации к обособленному способу защиты или же к разновидностям других напрямую влияет на возможность применения к ней положений указанных смежных способов. На данный момент в судебной практике по отношению к компенсации нередко используют правила о снижении ее размера (по аналогии с неустойкой) и о необходимости доказывания ее размера (по аналогии с возмещением убытков) [1, с. 59]. Подобная практика обесценивает идею компенсации и лишает сторон корпоративного договора единственного эффективного способа защиты, который всецело способен справиться с этой задачей.

Часть исследователей придерживается позиции, что компенсация выступает самостоятельным способом защиты, равной по силе убыткам и неустойке [6, с. 33]. Другие же убеждены, что данная мера защиты права - всего лишь разновидность договорной неустойки [2, с. 107]. Выступая за автономность компенсации, цивилисты, как правило, проводят параллель с английским способом защиты - механизмом заранее оцененных убытков (*liquidated damages*). Сторонники тезиса об отсутствии самостоятельности в этом случае указывают на невозможность применения в отечественной правовой действительности иностранного института, отсутствующего в России.

По мнению автора настоящей работы, компенсация является именно самостоятельной мерой защиты и предупреждения, предусмотренной законодателем специально для того, чтобы закрепить эффективный способ защиты, применяемый конкретно к правоотношениям из корпоративного договора в случае его нарушения. Действительно, единственным вариантом обеспечения соблюдения корпоративных договоров может выступать лишь некий штраф за их нарушение, установленный самим контрактом. А вышеназванный вопрос о неопределенности правовой природы будет разрешен в одночасье, как только законодатель в статье 67.2 Гражданского кодекса РФ установит прямой запрет на применение к компенсации положений, регулирующих неустойку и убытки.

Если обращаться к иным способам защиты, предусмотренным в статье 12 Гражданского кодекса РФ, но не упомянутым в нормах, посвященных корпоративным соглашениям, то стоит выделить такие способы, как исполнение обязательства из корпоративного договора в натуре, восстановление ранее существовавшего положения и внесение неправомерно исключенного из реестра акционера обратно; прекращение правоотношения с помощью принудительной покупки корпорацией голосующих акций акционера; изменение правоотношения. Они также применимы по отношению к защите прав участников при нарушении корпоративных договоров.

Отдельный интерес вызывает возможность исполнения обязательств в натуре (по аналогии с *specific performance* в праве Великобритании). Некоторые цивилисты видят в данном механизме наиболее перспективный способ защиты прав участников соглашений, так как, вступая в корпоративный договор, лицо нацелено на исполнение конкретных обязательств, следовательно, в случае их нарушения оно заинтересовано в их фактическом исполнении в таком виде и объеме, который был предусмотрен соглашением [3, с. 10]. Именно данный способ, а не возмещение убытков будет иметь для участников смысл. Подобный подход свойственен при исполнительных исках, когда суд обязывает лица осуществить конкретные действия, которые должны были быть предприняты в соответствии с условиями договора. Однако трудности воплощения данного способа могут наблюдаться относительно судебного принуждения к исполнению некоторого рода обязательств, например, голосовать указанным в договоре способом или предварительно согласовывать свою позицию с остальными участниками [4, с. 12].

Таким образом, в результате анализа существующего правового регулирования способов защиты участников корпоративных соглашений выявлено

значительное количество недоработок и неопределенных аспектов. Можно заключить, что текущие меры не гарантируют должного объема защиты сторонам договора, на который они вправе рассчитывать. Основная задача подобных мер состоит в защите прав и законных интересов членов корпорации, в ликвидации препятствий для реализации компанией нормальной хозяйственной деятельности и в недопущении возникновения нарушений.

Существующие способы слабо справляются с данными задачами, чем подрывают ценность самих корпоративных договоров, создавая из них правовую конструкцию, не обеспеченную защитой. Возмещение убытков, взыскание неустойки, признание недействительными решений органов управления и сделок, совершенных сторонами соглашения, представляют собой малоэффективные механизмы, не гарантирующие защиту. А между тем от надлежащего функционирования способов защиты прав зависит эффективность всего правового регулирования корпоративных договоров. Представляется необходимым внести изменения в ряд положений, включая нормы о выплате компенсаций, а также законодательно закрепить возможность принудительного исполнения обязательств из договора и подробный механизм его реализации.

Библиографический список

1. Абакумова Е.Б. Перспективы применения корпоративного договора в России // Современное право. 2016. № 5. С. 57-62.
2. Бородин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве: монография. М.: Юстицинформ, 2017. 221 с.
3. Гурьев В.Н. Акционерные соглашения как группа корпоративных договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 25 с.
4. Грибкова Т.В. Акционерные соглашения как средство правового регулирования корпоративных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 25 с.
5. Григорьев М.И. Правовые последствия нарушений корпоративных соглашений по российскому праву // Закон. 2011. № 3. С. 50-52.
6. Корнев И., Арутюнян В. Акционерное соглашение: заключение, содержание и исполнение // Корпоративный юрист. 2010. № 1. С. 32-37.
7. Русских Л.В. Корпоративный договор как правовое средство регулирования корпоративных отношений // I Венедиктовские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 02 декабря 2023 года. Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2024. С. 221-228.
8. Филатов А.А. Особенности защиты прав и интересов инвесторов с применением корпоративного договора на уровне избираемых органов хозяйственного общества // Гражданское право. 2023. № 5. С. 14-17.

© Русских Л.В., 2026

Сальникова Диана Радиковна,
ассистент кафедры гражданского права
Института права,
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия, D_Gareeva96@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-8404-3264>

ПРАВО НА ДОЛЮ В ИНФРАСТРУКТУРЕ КОТТЕДЖНОГО ПОСЕЛКА, НАХОДЯЩЕЙСЯ В ОБЩЕМ ПОЛЬЗОВАНИИ

Аннотация. в рамках настоящей статьи автором изучены отдельные правовые аспекты общего имущества, образованного в коттеджных поселках. Проведен сравнительный анализ общего имущества многоквартирных домов и коттеджных поселков, всесторонне исследован вопрос о возможности реализации права на долю в общем имуществе коттеджных поселков. По результатам исследования автором сделан вывод о критериях отнесения объектов к общему имуществу инфраструктуры коттеджных поселков, а также предложены подходы к разрешению споров о бремени содержания общего имущества в коттеджных поселках.

Ключевые слова: общее имущество; коттеджный поселок; право на долю; общее имущество многоквартирного дома; бремя содержания.

Salnikova Diana Radikovna,
Assistant, Department of Civil Law,
Institute of Law,
Ufa University of Science and Technology
Russia, Ufa, D_Gareeva96@mail.ru.

Abstract: In this article, the author examines certain legal aspects of common property formed in cottage communities. A comparative analysis of common property in apartment buildings and cottage communities is conducted, and the issue of exercising the right to a share in the common property of cottage communities is comprehensively examined. Based on the results of the study, the author concludes on the criteria for classifying objects as common property of the infrastructure of cottage settlements and proposes approaches to resolving disputes over the burden of maintaining common property in cottage settlements.

Keywords: common property; cottage community; right to a share; common property of an apartment building; burden of maintenance.

В связи со сложившейся во многих регионах неблагоприятной экологической ситуацией, отсутствием развитой парковочной инфраструктуры все большая часть граждан предпочитает проживать за пределами городов в частных домах и коттеджах. Индивидуальные жилые дома и коттеджи являются особы-

ми объектами гражданских прав и обладают своей спецификой. Законодательно различия в понятиях «индивидуальный жилой дом» и «коттедж» не определены, более того, последнее в законодательстве в настоящее время не фигурирует. Однако, в обществе принято разделять данные понятия по признаку того, что коттеджи располагаются в коттеджных поселках, имеющих свою собственную и территориально обособленную инфраструктуру. Так как для комфортного проживания в доме необходимы коммунальные коммуникации: вода, газ, электричество, предпочтение, как правило, отдается именно коттеджным поселкам, в которых имеется развитая инфраструктура и проведены инженерные сети. И, если законодателем однозначно разрешен вопрос относительно общего имущества многоквартирного дома (далее – МКД), то вопросы регулирования общего имущества коттеджных поселков в настоящее время решаются не столь единообразно. В связи с изложенным, вопрос о том, что относится к общему имуществу в коттеджных поселках, кому оно принадлежит и каким образом происходит его содержание и текущий ремонт, управление им является все более актуальным.

Как уже указывалось, легитимного определения, чем является коттеджный поселок, в настоящее время нет. Судебной практикой выработан следующий подход к пониманию названного термина. Так, в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что коттеджный поселок представляет собой комплекс индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой¹, или же территориальное образование, предназначенное для единой застройки индивидуальными домами². В целом мы согласны с данным определением и считаем возможным его использование в рамках настоящей работы.

Далее необходимо определить, что входит в общее имущество коттеджных поселков

Положения, изложенные в ст. 259.1 ГК РФ³, на наш взгляд служат отправной точкой для ответа на поставленный вопрос. Так, согласно названной норме, к общему имуществу относится то, что: 1) расположено в пределах определенной территории и связано физически или технологически, 2) предназначено для удовлетворения общих потребностей собственников.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2021 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой» // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

² Определении Конституционного Суда РФ от 31.10.2023 N 2858-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Малковой Татьяны Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1102, пунктом 2 статьи 1105 и пунктом 1 статьи 1107 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

³ Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2025 г. № 315-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2026)

Понятие «общее имущество» также содержится в ст. 36 ЖК РФ¹, и несмотря на то, что в приведенной статье идет речь об общем имуществе МКД, по нашему мнению, закономерность отнесения или не отнесения к нему является единой, как и для МКД, так и для коттеджных поселков. ЖК РФ относит к общему имуществу то, что не принадлежит конкретным собственникам на праве собственности, и то, что предназначено для удовлетворения бытовых, социальных, культурных ценностей всех лиц, имеющих право собственности на помещения, расположенные в данном МКД.

Анализ приведенных норм позволяет вывести критерии общего имущества, первым из которых является то, что такое имущество находится в пределах определенной территории; вторым – оно может служить средством удовлетворения общих интересов лиц, которые являются собственниками объектов, расположенных на такой территории. Эти критерии являются общими для МКД и коттеджных поселков. Однако, общее имущество в коттеджных поселках имеет важную отличительную особенность по сравнению с таким имуществом в МКД, а именно пространственную обособленность объектов общего пользования от жилых домов.

Подтверждение нашей позиции можно проследить в Федеральном законе «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»². В ч. 4.3 ст. 4 названного закона указано, что к общему имуществу собственников индивидуальных домов относится следующее имущество, предназначенное для обслуживания и расположенное в границах территории таких домов: котельни, водонапорные башни, велодорожки, тротуары, спортивные площадки, проезды и т.д.

Согласно определениям толковых словарей, под инфраструктурой понимается совокупность имущества, обеспечивающая деятельность чего-либо [1, с. 397]. Соответственно, если рассматривать инфраструктуру через призму освещаемого нами вопроса, то она представляет общее имущество собственников коттеджного поселка, в которое входят объекты, соответствующие ранее выделенным критериям.

После того, как мы ответили на вопрос, что представляет из себя общее имущество коттеджного поселка, необходимо проанализировать, каким образом происходит управление им и реализация права на долю в нем, а также то, как распределяется бремя содержания такого имущества.

¹ Жилищный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 29 декабря 2025 г. № 529-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

² Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 26 декабря 2024 г. № 487-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

Вопрос касательно содержания общего имущества МКД в настоящее время является разрешенным, как в цивилистической науке, так и в сложившейся судебной практике. Так, правоведы имеют единое мнение, что бремя содержания общего имущества определяется долей в праве общей собственности [2, с. 33; 3, с. 99; 4, с. 424]. Приведенная позиция отражена и в жилищном законодательстве, а именно в ч. 2 ст. 39 ЖК РФ. И несмотря на то, что критерии отнесения имущества к общему для МКД и коттеджных поселков во многом совпадают, нельзя с полной уверенностью сказать, что и вопрос несения бремени содержания разрешается по одинаковому пути, что обусловлено следующим.

Общее имущество в коттеджных поселках, как правило, принадлежит на праве собственности застройщику, но фактически используется в интересах собственников индивидуальных жилых домов. Факт приобретения земельного участка с домом (или целью последующего строительства частного дома) в коттеджном поселке не влечет приобретения права собственности на долю в общем имуществе. Здесь следует отметить, что на основании изложенного выделяется еще одна специфичная черта общего имущества коттеджных поселков, которая отличает его от МКД – имущество не находится в долевой собственности собственников, а принадлежит определенному лицу (застройщик или иное аффилированное ему лицо). И получается, что раз такое имущество находится не в общей долевой собственности собственников земельных участков, оно является лишь имуществом общего пользования.

Как известно, и следует из ст. 249 ГК РФ, бремя содержания имущества возлагается на его собственника. Однако, собственники индивидуальных жилых домов, приобретая земельные участки в коттеджном поселке, рассчитывали на комфортное проживание, что предполагает возможность пользования общей инфраструктурой, входящей в состав общего имущества. Соответственно, отнесение расходов на содержание такого имущества исключительно на его собственника, на наш взгляд, не будет соответствовать принципу справедливости. Представляется возможным применить аналогию жилищного законодательства и предположить, что управление общим имуществом коттеджного поселка должно осуществляться теми же способами, что и в МКД.

Рассмотрим один из способов управления – управляющей организацией. В случае с МКД, с ней заключается договор управления, решения об утверждении условий договора, заключении данного договора, установлении тарифа за содержание и текущий ремонт принимаются на общем собрании собственников. Как вытекает из ст. 36 ЖК РФ, решение общего собрания обязательно для всех собственников помещений МКД, даже, если они не принимали участия в проводимом собрании. То есть, обязанность уплаты возникает не в силу договора, а в силу закона (при принятии положительного решения на общем собрании собственников МКД). В ранее приведенном постановлении судебный орган конституционного контроля указал на невозможность применения аналогии в части признания решений общих собраний обязательными для собственников земельных участков коттеджных поселков, если последние не принимали участие в этих собраниях. Суд подчеркнул, что это необходимо для защиты интересов собственников индивидуальных жилых домов, поскольку в МКД

управляющая организация обязана проводить ежегодные собрания, отчитываться перед членами совета МКД и т.п., а в коттеджных поселках такой обязанности нет, что может повлечь злоупотребления со стороны обслуживающей компании.

По нашему мнению, насущным является вопрос об определении размера платы за содержание общего имущества в коттеджном поселке и управление им, так как часть собственников жилых домов могут не пользоваться элементами инфраструктуры, например, спортивными и детскими площадками. Справедливо ли будет возложение и на таких лиц бремени содержания всего имущества?

В силу специфичности самого коттеджного поселка и имущества, предназначенного для обеспечения надлежащего уровня проживания в нем, вышеуказанные вопросы нуждаются в урегулировании.

В июле 2022 г. в Государственную Думу внесен законопроект об управлении общим имуществом в жилых комплексах¹, который в настоящее время еще находится на рассмотрении. Указанная законодательная инициатива разрешает многие специфичные вопросы и, на наш взгляд, действительно поможет устранить существующие пробелы. Так, во-первых, определено, что наряду с объектами, находящимися в общей долевой собственности, может находиться имущество общего пользования. Во-вторых, определено, что общее имущество находится в частной собственности, и что собственники земельных участков, арендаторы могут беспрепятственно им пользоваться. Указано, что собственник такого имущества не вправе менять его целевое назначение, но при этом может устанавливать плату за его пользование. Также, установлены полномочия общего собрания собственников и т.п. Однако, по нашему мнению, несмотря на содержащиеся в проекте закона положительные моменты, направленные на урегулирование спорных вопросов, его анализ выявил и существенные недостатки. Так, с одной стороны указано, что собственник имущества общего пользования вправе установить плату, с другой стороны же отмечено, что исчерпывающий перечень расходов, подлежащих возмещению собственниками владельцу такого имущества, устанавливается Постановлением Правительства Российской Федерации. Исходя из приведенного положения возникают новые вопросы о том, как собственник будет отслеживать, кто пользуется принадлежащим ему имуществом общего пользования? Будет ли производиться дифференциация тарифа в зависимости от объема времени или количества объектов, которые были использованы? На основании договора или в силу закона будет устанавливаться порядок пользования и внесения платы?

¹ Проект Федерального закона № 155842-8 «О жилых комплексах, об управлении имуществом общего пользования в жилых комплексах (в части регулирования отношений, касающихся имущества общего пользования в комплексе индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой)» / Паспорт законопроекта № 155842-8 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/155842-8> (дата обращения: 12.01.2026).

В настоящее время общее имущество исследуется небольшим количеством авторов [5, с. 9-21]. В решениях судов по исследуемой проблематике можно встретить лишь скромные выдержки из ранее приведенного постановления Конституционного Суда РФ.

По нашему мнению, решение этого вопроса возможно лишь путем перевода имущества общего пользования в общую долевую собственность собственников земельных участков. В таком случае, возникнут права на долю в общем имуществе, и собственники в силу закона будут обязаны его содержать. Доля в таком имуществе будет являться фикцией, необходимой для арифметического расчета бремени содержания, также как в МКД, так как будет следовать судьбе права собственности на земельный участок, не будет подлежать, реальному выделу и т.п. Однако, в данном случае могут быть ущемлены интересы собственника имущества общего пользования (если он не является застройщиком), ведь фактически он будет лишен своей собственности. В этой связи имеется необходимость в последующем рассмотреть данный вопрос на законодательном уровне с точки зрения создания механизма компенсации убытков такого лица, например, застройщиком, поскольку, на наш взгляд, все-таки интересы большинства должны быть в приоритете. Кроме того, это бы способствовало формированию единообразной судебной практики.

Выводы:

1. Под коттеджным поселком понимается – комплекс индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой, или же территориальное образование, предназначенное для единой застройки индивидуальными домами.

2. Критериями отнесения объектов общего имущества является: 1) нахождение имущества в пределах определенной территории, 2) может служить средством удовлетворения общих интересов лиц, которые являются собственниками объектов, расположенных на такой территории, 3) пространственная обособленность объектов общего пользования от жилых домов, 4) имущество не находится в долевой собственности собственников, а принадлежит на праве собственности определенному лицу.

3. В коттеджных поселках наряду с имуществом, находящимся в собственности определенных лиц, существует имущество, принадлежащее определенному лицу, находящееся в общем пользовании иных лиц.

4. Порядок установления размера содержания и способа управления в коттеджных поселках и МКД является различным. Решения общего собрания собственников земельных участков в коттеджных поселках не являются обязательным для лиц, не участвующих в собраниях.

5. Рассматриваемый законопроект № 155842-8 «О жилых комплексах, об управлении имуществом общего пользования в жилых комплексах» имеет множество практически применимых моментов, однако, не разрешает проблему бремени содержания имущества общего пользования.

4. Для защиты интересов собственников земельных участков в коттеджных поселках и формирования единообразной судебной практики необходимо законодательное закрепление обязательного механизма, обеспечивающего пе-

ревод имущества, находящегося в общем пользовании, в общую долевую собственность.

5. Доля в общем имуществе коттеджного поселка не является самостоятельным объектом гражданских прав и ее определение необходимо для распределения бремени содержания такого имущества.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1534 с.
2. Крашенинников П. В. Жилищное право : учеб. пособие. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 432 с.
3. Афолина А.В. Жилищное право: учеб. пособие. М. : Дашков и К°, 2008. 376 с.
4. Жилищное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Е. Е. Богданова, К. Р. Файзрахманов. М. : Проспект, 2018. 348 с.
5. Лаптев В. А. Понятие общего имущества на современном этапе // Lex Russica (Русский закон). 2024. № 2 (207). С. 9-21.

© Сальникова Д.Р., 2026

УДК 347.1

Сафин Виль Науфилевич,
аспирант 2 курса Института права
Уфимского университета науки и технологий,
адвокат Башкирской республиканской коллегии адвокатов
Уфа, Россия, safinvn77@mai.ru.

Научный руководитель:
Анисимов Владимир Александрович,
доцент кафедры гражданского права
Уфимского университета науки и технологий,
кандидат юридических наук,
Уфа, Россия, anissimov@bk.ru

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых форм, в которых осуществляется реализация инвестиционных проектов, которыми являются договорная и корпоративная формы. Исследуются особенности этих правовых форм, дается их сравнительная характеристика, выделяются их отличия. Рас-

крываются виды каждой правовой формы и возникающие правоотношения при их выборе, а также соответствующие правовые последствия.

Целью настоящей статьи является теоретико-методологический анализ существующих правовых форм инвестирования и их видов, выявление юридических механизмов для регулирования инвестиционных правоотношений, а также сравнительный анализ правовых моделей договорных и корпоративных структур, изучение законодательных аспектов их функционирования.

Методы: для достижения поставленной цели использован эмпирический метод исследования, общенаучные методы: анализ, синтез, формально-логический, сравнительный и частнонаучные юридико-догматический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования.

Результаты: Обосновано, что приобретение инвестором официального статуса участника (акционера, члена) юридического лица с соответствующими правами и обязанностями по его управлению при реализации проекта посредством корпоративных правовых форм не основная цель инвестора, а является лишь составной частью процесса ведущего к достижению цели инвестиционного проекта. Установлено, что выбор конкретного вида формы реализации инвестиционных проектов влечет возникновение определенных правоотношений с соответствующими правовыми последствиями для инвестора.

Ключевые слова: инвестиции; инвестиционный проект; институциональная (корпоративная) форма реализации инвестиционного проекта; договорная форма реализации инвестиционного проекта; инвестиционный процесс; инвестиционное правоотношение.

Safin Vil Naufilevich

2nd year postgraduate student of the Institute of Law
Ufa University of Science and Technology,
advocate of the Bashkir Republican Bar Association
Ufa, Russia, safinvn77@mai.ru.

Scientific supervisor: Anisimov Vladimir Aleksandrovich,

Associate Professor of the Department of Civil Law
Ufa University of Science and Technology,
Candidate of Legal Sciences,
Ufa, Russia, anissimov@bk.ru

LEGAL FORMS OF IMPLEMENTATION OF INVESTMENT PROJECTS

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal forms in which the implementation of investment projects is carried out, which are the contractual and corporate forms. The features of these legal forms are studied, their comparative characteristics are given, and their differences are highlighted. The types of each legal form and the legal relations that arise when they are chosen are revealed, as well as the corresponding legal consequences. The purpose of this article is to provide a theoretical

and methodological analysis of the existing legal forms of investment and their types, to identify the legal mechanisms for regulating investment legal relations, and to conduct a comparative analysis of the legal models of contractual and corporate structures, as well as to study the legislative aspects of their functioning.

Methods: To achieve the set goal, the author used the empirical research method, general scientific methods: analysis, synthesis, formal-logical, comparative, and private scientific methods of legal-dogmatic, formal-legal, and comparative-legal research.

Results: It is substantiated that the acquisition by the investor of the official status of a participant (shareholder, member) of a legal entity with the corresponding rights and obligations to manage it in the implementation of the project through corporate legal forms is not the main goal of the investor, but is only an integral part of the process leading to the achievement of the goal of the investment project. It is established that the choice of a specific form of implementation of investment projects entails the emergence of certain legal relations with corresponding legal consequences for the investor.

Key words: investment; investment project; institutional (corporate) form of investment project implementation; contractual form of investment project implementation; investment process; investment legal relationship.

Введение. В текущих экономических условиях инвесторам доступен широкий спектр инвестиционных возможностей управления собственным капиталом, позволяющих выбирать различные формы инвестирования в зависимости от своих целей и задач. В связи с этим, исследование правовых форм представляется крайне важным, поскольку выбор формы реализации инвестиционного проекта определяет правовые отношения, в которые будет вовлечен инвестор, и соответственно влияет на объем прав и обязанностей, приобретаемых им в процессе осуществления инвестиционной деятельности.

Инвестиционная деятельность принимает определенные юридические формы, которые можно разделить на два основных типа: корпоративное инвестирование и договорное инвестирование. В обоих случаях инвестор осуществляет передачу своих вложений другому лицу, что и является их фундаментальным сходством. Однако различные правовые формы инвестирования предполагают различный правовой статус инвестора. Например, вложив средства в уставный капитал компании, инвестор становится участником корпоративного образования, получает право голоса на собрании акционеров и вправе претендовать на доход в виде дивидендов. Если же инвестор выбирает форму инвестиционного договора, он превращается в инвестора (кредитора), чьи права существенно отличаются от прав участника (акционера) компании.

Данная классификация имеет существенное значение, поскольку она обеспечивает основу для дифференциации и идентификации двух фундаментальных типов инвестирования, используемых в хозяйственно-экономической деятельности.

Исследование правовых форм реализации инвестиционных проектов представляется актуальным ввиду необходимости обеспечения эффективного пра-

вового регулирования инвестиционной деятельности, понимания правовых механизмов защиты прав инвесторов, укрепления юридической определенности, что в свою очередь способствует повышению уровня доверия к инвестиционному климату и экономическому росту государства.

Несмотря на важность темы, некоторые аспекты инвестиционного и корпоративного права остаются недостаточно исследованными. Существует недостаток теоретических обобщений и четких определений ключевых понятий, что затрудняет дальнейшее развитие законодательства.

Необходимо отметить, что рассматриваемые в настоящем исследовании правовые понятия также являются предметом изучения экономической науки. Поэтому важным направлением исследования является интеграция результатов изучения областей правового знания в область экономики, и таким образом, обеспечить адекватность правового регулирования характеру и потребностям развития экономики. Такое исследование способствует повышению эффективности правовой регуляции общественных отношений.

Понятие и сущность инвестиционного проекта

В научной литературе понятие «инвестиционный проект» раскрывается через два взаимосвязанных аспекта. Первый аспект экономический, который фокусируется на изучении эффективности, рентабельности и целесообразности вложения средств в тот или иной проект. Основной задачей экономического подхода является оценка выгодности инвестиций, расчет возможных доходов и расходов, определение сроков возврата вложенных средств и уровня риска.

В экономической литературе исследователи приводят следующие определения понятия «инвестиционный проект». Так, авторский коллектив во главе с Л.И. Юзвович указывает, что в инвестиционной теории и практике термин «инвестиционный проект» рассматривается как комплекс действий (работ, услуг, управленческих решений), направленных на достижение поставленной цели [1, с. 117].

Марголин А.М. видит в инвестиционном проекте – комплексный план мероприятий, направленных на создание нового или модернизацию действующего производства товаров и (или) услуг обеспечивающих достижение целей участников проекта [2, с. 408].

Голодяевский М.А. отмечает, что в современном понимании экономической науки термин «проект» понимается как задача, которая включает в себя определенные цели и исходные данные, имеющие подтверждение со стороны собственника. [3, с. 132].

В экономической научной литературе можно встретить и другие дефиниции инвестиционного проекта, при этом их смысловое содержание за некоторыми исключениями соответствует вышеизложенным.

Таким образом, можно заключить, что экономическая интерпретация инвестиционного проекта заключается в его рассмотрении как комплексного плана (или программы) мероприятий, ориентированных на инвестирование ресурсов с целью достижения определенных поставленных целей.

Второй аспект – юридический. Юридический аспект фокусируется на создании механизма правового регулирования общественных отношений при

осуществлении инвестиционной деятельности. Основной задачей правового подхода является выработка оптимальных приемов, способов регулирования инвестиционных отношений и защиты интересов участников инвестиционного процесса, обеспечение соответствия юридических норм характеру и уровню экономического развития отношений.

В юридической литературе определения инвестиционного проекта отражают специфику его юридической интерпретации.

В соответствии с Федеральным законом от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – Закон об инвестиционной деятельности) инвестиционным проектом является – обоснование экономической целесообразности, объема и сроков осуществления капитальных вложений, в том числе необходимая проектная документация, разработанная в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также описание практических действий по осуществлению инвестиций (бизнес-план).¹ Согласно приведенному определению, инвестиционный проект характеризуется наличием трех составляющих: обоснование экономической целесообразности, проектная документация, описание практических действий.

Исходя из данного определения, Е.Б. Козлова считает, что под понятием «проект» подразумеваются комплект документов (система документов), содержащих формулирование цели и действий предстоящей деятельности, направленных на ее достижение, а также комплекс действий (работ, услуг, управленческих операций и решений), обеспечивающих достижение определенных целей (получение определенных результатов) [4, с. 105].

Э.М. Цыганков указывает, что инвестиционный проект является неотъемлемым элементом формы осуществления инвестиционной деятельности [5, с. 3].

Таким образом, правовая наука видит в инвестиционном проекте регламентирование юридических процедур, правовое оформление обязательств, создание средств и механизмов, распределение рисков и ответственности. Следовательно, инвестиционный проект также можно рассматривать как инструмент правового регулирования, так как он формирует систему правовых отношений между различными участниками процесса, включающую четкое определение прав, обязанностей и ответственности сторон.

В целях стимулирования и развития инвестиционной сферы экономики государство воздействует на экономические процессы посредством различных инструментов и механизмов. Данное воздействие направлено на достижение ряда целей, таких как поддержание экономического роста, обеспечение занятости населения, повышение уровня жизни граждан и стабилизация финансовой системы. Одним из инструментов такого воздействия, используемого государством для достижения целей, является установление специальных правовых режимов.

¹ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // «Собрание законодательства РФ», 01.03.1999, № 9, ст. 1096.

В своем общем понимании правовой режим представляет собой основанный на системе законодательно установленных и обеспеченных государством средств и механизмов правового воздействия способ организации общественных отношений. Такими юридическими средствами могут являться дозволения, поощрения, стимулы, ограничения, запреты.

В то же время для возникновения оснований применения указанных юридических средств необходимо наличие определенных критериев (параметров), которые служат условием для решения о возможности их применения. Такими параметрами могут выступать: объемы инвестиций, сроки осуществления инвестиционной деятельности, производство новых видов продукции, количество образуемых рабочих мест и пр. И в этом случае инвестиционный проект, содержащий в себе концепцию реализации вышеуказанных параметров, выступает в качестве основания для применения к отношениям механизма правового воздействия, связанного с правовым режимом.

Здесь считаю нужным согласиться с А.В. Белицкой, которая указывает, что с точки зрения государства, поддержка инвестиций или инвестиционной деятельности в рамках специальных правовых режимов затруднительна, так как объективно сложно выделить параметры оценки эффективности использования правовых режимов. В качестве объекта установления специального правового режима необходимо выделить иную, помимо категорий «инвестиции» или «инвестиционная деятельность», базовую категорию, в качестве которой предлагается использовать понятие «инвестиционный проект», поскольку данное понятие дает более осязаемые параметры для оценки эффективности и результативности применения специального правового режима [6, с. 274].

Виды правовых форм реализации инвестиционных проектов

Согласно теории права правоотношением является урегулированное нормами права общественное отношение между участниками, обладающими определенным объемом прав и обязанностей. Следовательно, инвестиционным правоотношением следует считать урегулированные нормами инвестиционного права общественные отношения, участники которых обладают определенным объемом прав и обязанностей, охраняемых и защищаемых государством [7, с. 48].

Анализ инвестиционных отношений позволяет выделить следующие основные материально-правовые формы реализации инвестиционных проектов:

1. Договорные формы.
2. Институциональные (корпоративные) правовые формы.

1. Договорные формы реализации инвестиционного проекта предполагают наличие юридически оформленного соглашения между инвестором и реципиентом (стороной, принимающей инвестиции), определяющего передачу инвестором своих ресурсов и принятие реципиентом обязательств по их целевому использованию с целью получения оговоренных результатов.

В данном случае из самого названия следует, что отношения вытекают из гражданско-правового договора, основанного на равенстве его сторон. В то же время необходимо учитывать, что инвестиционные отношения могут возникать из договоров, где одной из сторон выступает публично-правовое образование. К таким договорам, в частности относятся: договор о комплексном развитии

территории, концессионное соглашение, соглашение о государственно-частном партнерстве и т.д. Поэтому, в таких договорах в силу закона отношения между сторонами договора могут строиться основываясь на методе властного обязывания (императивном методе), то есть допуская возможность предоставления публично-правовому образованию особых преимущественных условий в рамках этих договоров.

Действующее законодательство не содержит положений, дающих определение инвестиционному договору. В то же время согласно пункту 1 статьи 8 Закона об инвестиционной деятельности отношения между субъектами инвестиционной деятельности осуществляются на основе договора и (или) государственного контракта, заключаемых между ними в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Следовательно, действующее законодательство позволяет облекать инвестиционные отношения в форму любого договора, предусмотренного Гражданским кодексом Российской Федерации при условии, если договор будет обладать соответствующими признаками, которыми характеризуются инвестиционные отношения. Однако в случаях, когда стороной выступает публично-правовое образование и в некоторых других предусмотренных законом случаях, инвестиционные соглашения строятся на основе форм установленных специальным законом, к таковым относятся: соглашение о государственно-частном партнерстве, договор о комплексном развитии территории, концессионное соглашение, соглашение о разделе продукции, договор участия в долевом строительстве.

Исходя из подходов многих авторов к пониманию сущности инвестиционного договора, можно выделить следующие его признаки: обязательная письменная форма, наличие инвестиционного проекта, передача инвестиций реципиенту, долгосрочный характер, целевая направленность инвестиций на приобретение и (или) создание имущества, возмездный характер отношений.

Руководствуясь перечисленными признаками, исследователи предлагают следующие формулировки инвестиционного договора.

Так, И.Ю. Целовальникова формулирует инвестиционный договор как соглашение между субъектами инвестиционной деятельности о выполнении ряда определенных действий по реализации инвестиционного проекта [8, с. 109].

В.В. Коновалов считает, что данное понятие можно сформулировать как гражданско-правовые отношения сторон, когда инвестор обязуется передать инвестиции, а организатор инвестирования за вознаграждение обязуется осуществить вложение на основе инвестиционного проекта с целью получения инвестором в будущем от организатора инвестирования в собственность имущества в срок, установленный договором [9, с. 13].

О.М. Антипова разделяя позицию Е.В. Лапутевой и Л.Г. Сайфуловой полагает, что инвестиционный договор – термин, являющийся собирательным именованием гражданско-правовых договоров, в рамках которых реализуются инвестиционные правоотношения. Инвестиционные договоры могут быть направлены на приобретение имущества в собственность, приобретение объектов гражданских прав во временное пользование и на выполнение работ (оказание услуг). Среди прочих гражданско-правовых договоров той же направленности

их выделяет объект и возмездность отношений, всегда имеющая меновый характер [10, с. 132].

Приблизительно аналогичной позиции придерживается Л.Г. Кропотов, указывая на закрепление в законе в отношении инвестиционных договоров двух характеристик: 1) такие договоры заключаются в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и 2) они регулируют инвестиционные отношения. При этом к инвестиционным договорам относят как поименованные в Гражданском кодексе Российской Федерации и специальном законодательстве договорные типы, так и непоименованные, а также смешанные договоры [11, с. 107].

В силу изложенного, считаю, что будет правильным согласиться с выводами исследователей о том, что инвестиционные договоры имеют собирательный характер и регулируют инвестиционные отношения.

В рамках договорной формы инвестирования договор служит основой для определения прав и обязанностей инвестора и реципиента (стороны, принимающая инвестиции). Как правило, степень вмешательства инвестора в процесс использования инвестиций ограничивается условиями, определенными договором. Реципиент, обладая в предусмотренных договором границах свободой действий осуществляет полномочия по управлению инвестициями и несет перед инвестором ответственность, установленную этим же договором.

Несмотря на широкое применение в финансово-хозяйственной деятельности инвестиционный договор не предусмотрен в качестве самостоятельного договора в гражданском законодательстве. В связи с активным развитием инвестиционных отношений возникает потребность в его детальном законодательном регулировании как самостоятельного типа гражданско-правового соглашения.

2. В рамках институциональной (корпоративной) правовой формы инвестиционный проект реализуется посредством создания инвестором юридического лица или инвестор, приобретая акции (долю) становится акционером (участником) уже существующей организации. Эта организация, в свою очередь, от своего имени осуществляет мероприятия направленные на создание объекта инвестирования или достижение иных целей инвестора.

При использовании корпоративной формы инвестирования инвестор посредством вложения активов приобретает имущественные права относительно создаваемого с его участием юридического лица или юридического лица, в уставном (складочном) капитале которого инвестором была приобретена доля. Инвестор как участник (акционер) получает право на участие в управлении компанией, долю в активах компании при распределении дивидендов или в случае ее ликвидации. Это, по сути, позволяет инвестору стать совладельцем компании и получать прибыль от ее деятельности.

Основная особенность данной формы реализации инвестиционных проектов заключается в том, что взаимоотношения между совладельцами (соинвесторами) компании являются корпоративными и регулируются корпоративным законодательством. Нормы корпоративного права регулируют порядок распределения долей, принятия решений, выплаты дивидендов и процедур выхода из состава учредителей.

Реализация инвестиционных проектов в корпоративных формах возможна только через корпоративные организации. Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает основные корпоративные формы, применяемые в инвестиционной деятельности: акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью, хозяйственное товарищество, производственный кооператив и хозяйственное партнерство.¹

Для классификации корпоративных структур гражданское законодательство устанавливает определенные критерии, позволяющих разграничить различные типы организаций. Каждая из этих корпоративных форм обладает специфическими юридическими характеристиками, которые определяют особенности реализации инвестиционных проектов.

Приобретение инвестором статуса участника (акционера, члена) юридического лица является основанием для возникновения правоотношений, регулируемых корпоративным законодательством. Эти правоотношения включают в себя права и обязанности участника (акционера): обязанность вносить вклады в уставный капитал (имущество) юридического лица; право голоса на общем собрании участников (акционеров, членов); право на распределение прибыли (получение дивидендов); возможность участия в управлении организацией; доступ к информации о деятельности организации и др.

Важно констатировать, что правовое регулирование инвестиционной деятельности, осуществляемой в корпоративных правовых формах, не ограничивается исключительно нормами корпоративного права. Как вытекает из теории права предметом права (предметом правового регулирования) является однородный вид общественных отношений, на который воздействуют нормы определенной отрасли права. Общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления инвестиционной деятельности, привлечения и использования инвестиций являются предметом правового регулирования инвестиционного права.

Инвестиционные отношения имеют межотраслевую природу. Правовое регулирование инвестиционной деятельности помимо гражданского права осуществляется нормами различных отраслей права: земельного, градостроительного, административного, налогового, бюджетного и т.д. Более того, инвестиционные отношения взаимосвязаны между собой и могут быть как частноправовыми, так и публично-правовыми. Каждый из этих видов порождает специ-

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Российская газета», № 238-239, 08.12.1994.

Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, № 1, ст. 1.

Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Собрание законодательства РФ», 16.02.1998, № 7, ст. 785.

Федеральный закон от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» // «Собрание законодательства РФ», 13.05.1996, N 20, ст. 2321.

Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // «Собрание законодательства РФ», 05.12.2011, N 49 (ч. 5), ст. 7058.

фичные юридические отношения, выходящие за пределы корпоративных механизмов: кредиторские обязательства перед кредитными организациями, соглашения об аренде земель с государственными (муниципальными) органами власти, договоры с поставщиками оборудования и исполнителями услуг, отношения по оформлению разрешений, лицензий и пр.

Таким образом, корпоративные отношения, возникающие в связи приобретением инвестором официального статуса как участника (акционера) юридического лица с соответствующими правами и обязанностями по его управлению и развитию являются не основной целью инвестора, а лишь составной частью более широкого процесса к достижению цели – осуществления инвестиционного проекта.

Важно подчеркнуть взаимосвязанность двух процессов: корпоративные отношения обеспечивают юридический механизм взаимодействия инвесторов и участников проекта, тогда как сам инвестиционный проект является конечной целью вложений капитала. Обе составляющие тесно переплетены и взаимозависимы друг от друга, создавая основу успешного развития и достижения инвестиционных целей.

Также важной особенностью корпоративной формы инвестирования является – собственность юридического лица на конечный продукт, полученный в результате реализации инвестиционного проекта. Полученный положительный результат (прибыль или иной положительный эффект) от реализации инвестиционного проекта будет являться собственностью юридического лица и этот результат будет распределяться между участниками (акционерами) компании в контексте норм корпоративного права.

Заключение. В заключении хочу отметить, что анализ обеих материально-правовых форм реализации инвестиционного проекта: договорной формы и корпоративной правовой формы, позволяет сделать вывод, что при корпоративном инвестировании влияние инвестора на инвестиционные процессы, по общему правилу, гораздо более осязаемое, нежели при договорном инвестировании. Объясняется это тем, что в силу правил, регламентирующих корпоративные отношения, лицу, инвестирующему в компанию, в определенных пределах предоставляется возможность принятия управленческих решений. Использование договорной формы отличается гибкостью, повышенной свободой для инвестора в принятии решений относительно выбора путей и методов реализации проекта, а также предоставляет инвестору возможность легче корректировать условия реализации проекта.

Также проведенный анализ правовых форм реализации инвестиционных проектов позволяет сделать вывод о том, что несмотря на то, что инвестор осуществляет реализацию инвестиционного проекта посредством корпоративной формы, то есть через создание или приобретение доли в уставном капитале юридического лица, впоследствии, само юридическое лицо осуществляет юридические действия, направленные на достижение целей инвестиционного проекта, посредством договорных форм (кредитного договора, договора подряда, договора поставки, договора аренды и т.д.). Иными словами, юридическое ли-

цо, посредством которого осуществляется реализация инвестиционного проекта, опосредует отношения инвестора с конечным объектом инвестирования.

Библиографический список

1. Инвестиции и инвестиционная деятельность : учебник / Л.И. Юзвович, М.С. Марамыгин, Е.Г. Князева, М.И. Львова, Ю.В. Куваева, М.В. Чудиновских, С.А. Дегтярев ; под общ. ред. Л.И. Юзвович ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 498 с.
2. Инвестиции: учебник / А.М. Марголин. – Москва: Изд-во РАГС, 2006. 461 с.
3. Голодяевский М.А. Основные понятия и методы управления инвестиционными проектами // Успехи современной науки. 2016. №9. Т.2 С. 132-136.
4. Козлова Е.Б. Система договоров, направленных на создание объектов недвижимости. М.: КОНТРАКТ, 2013. 368 с.
5. Цыганков Э.М. Правовые формы осуществления инвестиционной деятельности // СПС КонсультантПлюс. 2017. 40 с.
6. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с.
7. Тория Р.А. Особенности инвестиционных правоотношений в Российской Федерации на современном этапе // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. №2. С. 47-53.
8. Целовальникова И.Ю. Правовое регулирование инвестиционной деятельности: монография. «Юридический институт МИИТа», 2013. 130 с.
9. Коновалов В.В. Договор в инвестиционной деятельности: особенности судебной защиты прав и интересов инвесторов // Российский судья. 2012. № 8. С. 9-13.
10. Антипова О.М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности (анализ теоретических и практических проблем). М.: Волтерс Клувер, 2007. 248 с.
11. Кропотов Л.Г. Коммерческие инвестиции в объекты капитального строительства: правовое регулирование. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 208 с.

© Сафин В.Н., 2026

Селюнин Павел Станиславович,
аспирант кафедры предпринимательского, корпоративного и
трудового права юридического факультета имени М.М. Сперанского
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.
Москва, Россия, selyunin-ps@ranepa.ru

Научный руководитель:
Лескова Юлия Геннадьевна
Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, трудового и корпоративного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИНОСЯЩЕЙ ДОХОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ТЕРМИНО- ЛОГИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: Статья посвящена соотношению предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций. Автором предложена система анализа соответствующего регулирования, основанная на трех уровнях детализации данного соотношения в федеральных законах. В результате исследования делается вывод об отсутствии определения понятия «приносящая доход деятельность», затруднительности его отграничения от предпринимательской деятельности некоммерческих организаций вследствие непоследовательности проведения законодательной реформы некоммерческих организаций.

Ключевые слова: некоммерческие организации; приносящая доход деятельность; предпринимательская деятельность; правовая неопределенность; реформа некоммерческих организаций.

Selyunin Pavel Stanislavovich,
Postgraduate Student of the Department of Entrepreneurial,
Labor and Corporate Law of the Law Faculty of M.M. Speransky
of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration.
Moscow, Russia, selyunin-ps@ranepa.ru

Scientific supervisor:
Leskova Julia Gennadievna
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Business,
Labor and Corporate Law at the Institute of Law and
National Security of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

LEGAL REGULATION OF INCOME-GENERATING ACTIVITIES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS: TERMINOLOGICAL UNCERTAINTY AND ITS CONSEQUENCES

Abstract. The article is devoted to the relationship between entrepreneurial and income-generating activities of non-profit organizations. The author proposes a system for analyzing the relevant regulation based on three levels of detail of this ratio in federal laws. As a result of the study, it is concluded that there is no definition of the concept of "income-generating activity" and that it is difficult to distinguish it from the entrepreneurial activities of non-profit organizations due to the inconsistency of the legislative reform of non-profit organizations.

Key words: non-profit organizations; income-generating activities; entrepreneurial activity; legal uncertainty; reform of non-profit organizations.

В условиях смены экономических парадигм и циклических кризисных явлений в мировой экономике, некоммерческие организации, существующие на пожертвования, безвозмездное финансирование и нуждающиеся в государственной поддержке, подвержены серьезным трудностям в достижении уставных общественно-полезных целей. Однако приносящая доход деятельность данных организаций способна значительно улучшить их положение. При этом действующее законодательство представляет собой значительный массив законодательных актов, не гармонизированных между собой.

Осуществление некоммерческими организациями деятельности, приносящей какой-либо доход, в доктрине не всегда рассматривается в принципе как допустимое направление деятельности [2]. Такая позиция основана на представлении о том, что некоммерческие организации имеют принципиально другие цели деятельности, а извлечение дохода не может быть основной целью (п. 1 ст. 50 ГК РФ¹). В связи этим, возможность осуществления ими деятельности, приносящей доход, действительно кажется экстраординарным явлением. Еще более дискуссионным представляется возможность осуществления некоммерческими организациями предпринимательской деятельности даже в силу терминологии.

Вместе с тем социальные и экономические реалии деятельности некоммерческих организаций демонстрируют жизненную необходимость осуществления подобной деятельности для обеспечения возможности нормального функционирования и достижения основных целей деятельности [3, с. 18], поскольку иных источников финансирования деятельности зачастую становится недостаточно.

Действующее законодательство Российской Федерации определяет, что целями создания некоммерческих организаций является достижение обще-

¹ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Здесь и далее – ГК РФ.

ственных благ (п. 2 ст. 2 Федерального закона об НКО¹). Такой подход законодателя неизбежно предполагает наличие в регулировании правового положения некоммерческих организаций публично-правового элемента. При этом, поскольку некоммерческие организации являются видом юридического лица и хозяйствующими субъектами, их частноправовой статус определяется нормами ГК РФ. Сочетание публично-правовых и частноправовых норм позволяет определить правовое регулирование некоммерческих организаций в качестве комплексного и на уровне законодательства состоящего из трех уровней регулирования:

- 1) нормы ГК РФ;
- 2) специальный закон о статусе и деятельности некоммерческих организаций – Федеральный закон об НКО;
- 3) специальные законы о некоммерческих организациях, имеющих особый статус².

Следуя такой модели регулирования общего правового статуса и особенностей статуса и деятельности различных некоммерческих организаций, правовое регулирование приносящей доход деятельности некоммерческих организаций фактически представляет собой также «трехуровневую» систему актов законодательства.

Следует отметить, что при разработке реформы гражданского законодательства конца 2000-х годов высказывались предложения об отказе от трехуровневой системы гражданско-правового регулирования статуса и деятельности некоммерческих организаций. Реализация данных предложений неизбежно сказалась бы на регулировании приносящей доход деятельности некоммерческих организаций, что было поддержано рядом ученых ввиду фактического дублирования норм и фактически рамочного характера Федерального закона об НКО [5]. Обоснованность такого решения связана с тем, что в условиях сохранения указанных уровней регулирования реформирование гражданского законодательства привело к наличию противоречий между ГК РФ и Федеральным законом об НКО. Такие противоречия приводят, например, к постановке вопроса о возможности прямого применения норм Федерального закона об НКО [1].

Хотя в доктрине существует обозначенный спор, правовое регулирование приносящей доход деятельности некоммерческих организаций характеризуется следующим образом на указанных выше уровнях.

¹ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145. Здесь и далее – Федеральный закон об НКО.

² Например, Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930; Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950; Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465; Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» // СЗ РФ. 2006. № 45. Ст. 4626.

Регулирование приносящей доход деятельности в ГК РФ (первый уровень)

В отношении приносящей доход деятельности некоммерческих организаций основными следует считать положения п. 4 ст. 50 ГК РФ, согласно которым таковые могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, когда это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствует им.

Следует обратить внимание на два основных аспекта.

Первый - терминологическое изменение ст. 50 ГК РФ. Данный аспект состоит в том, что нормы ст. 50 ГК РФ и связанные с ней были изменены в рамках реформы гражданского законодательства, реализованной в рассматриваемой части в 2014 года¹. Первоначальная редакция ГК РФ, используя аналогичные оговорки про цели деятельности, указывала на право осуществлять предпринимательскую деятельность.

В рамках данной реформы следует выделить два ключевых изменения:

- изменение термина «предпринимательская деятельность» на термин «приносящая доход деятельность»;
- исключение непосредственного указания на то, что приносящая доход (предпринимательская по прежней редакции) деятельность должна соответствовать целям, ради которых создана некоммерческая организация; действующая редакция п. 4 ст. 50 ГК РФ по своему буквальному толкованию предполагает расширение возможностей осуществления приносящей доход деятельности, поскольку теперь только сама возможность, а не конкретные виды такой деятельности, должна служить достижению целей некоммерческой организации.

Следует отметить, что изменение терминологии было проведено законодателем не в полной мере последовательно. Так, даже в рамках одного законодательного акта – ГК РФ – в действующей редакции присутствуют оба этих термина. Термин «предпринимательская деятельность» сохранился относительно права осуществлять ее, предоставленного личному фонду (п. 5 ст. 123.20-4 ГК РФ) и автономной некоммерческой организации (п. 5 ст. 123.24 ГК РФ), а также в п. 1 ст. 1538 ГК РФ², в соответствии с которым прямо предполагается, что некоторым некоммерческим организациям может быть предоставлено право осуществлять предпринимательскую деятельность в соответствии с законом их учредительными документами. При этом термин «приносящая доход деятельность» закреплен относительно бюджетного учреждения в п. 5 ст. 123.22 ГК РФ, а право осуществлять такую деятельность конкретизируется напрямую в ст. 298 ГК РФ.

¹ Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

² «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

Соответственно, в действующей редакции ГК РФ одновременно используются оба термина, что свидетельствует либо о законодательном дефекте, либо о соответствующем намеренном решении законодателя. Однозначно определить волю законодателя не представляется возможным, поскольку пояснительная записка законопроекта о соответствующих изменениях не содержат такого разъяснения.

Второй аспект – это отсутствие легального определения понятия «приносящая доход деятельность». Ранее действовавшее регулирование позволяло однозначно определить, какая именно деятельность имеется в виду, поскольку определение предпринимательской деятельности дано в ст. 2 ГК РФ. Введенный термин «приносящая доход деятельность» до настоящего времени остался не раскрытым не только в ГК РФ, но и во всем действующем законодательстве.

Регулирование приносящей доход деятельности в Федеральном законе об НКО (второй уровень)

Ключевой нормой Федерального закона об НКО является п. 2 ст. 24, согласно которому некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность с оговорками, фактически повторяющими регулирование, установленное в ГК РФ.

Системное толкование данной нормы, находящейся в статье о видах деятельности некоммерческой организации, позволяет сделать вывод, что российское законодательство относит приносящую доход деятельность к доступным для некоммерческих организаций видам деятельности.

При фактическом дублировании нормы ГК РФ, ст. 24 Федерального закона об НКО, как и некоторые другие его нормы, не только не разрешает проблему разграничения предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, но и вносит дополнительную неопределенность. Если в некоторых (однако, не во всех) нормах ГК РФ было проведено разграничение предпринимательской и приносящей доход деятельности, то в Федеральном законе об НКО данные термины были объединены единой формулировкой «предпринимательская и иная приносящая доход деятельность». При этом редакция ст. 24 Федерального закона об НКО, в которой впервые появилось упоминание приносящей доход деятельности некоммерческих организаций, была изменена ранее реформирования гражданского законодательства в 2010 году¹.

Если смотреть на историю принятия соответствующих законодательных поправок, то в изначальном тексте законопроекта предполагалась однозначная замена «предпринимательской» на «приносящую доход» деятельность². Пояс-

¹ Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» // СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2291.

² См.: Текст внесенного законопроекта № 308243-5 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/308243-5> (дата обращения: 01.11.2025).

нительная записка к законопроекту¹ не содержит детальных пояснений такой законодательной замены – лишь отмечено, что бюджетные учреждения уже включены в хозяйственный оборот, что предполагает наделение таких учреждений правом осуществлять приносящую доход деятельность. Однако ко второму чтению формулировка по инициативе Правительства Российской Федерации была изменена на формулировку «предпринимательская и иная приносящая доход деятельность».

Федеральный закон об НКО, исходя из буквального толкования, сохранил право осуществлять предпринимательскую деятельность за рядом отдельных организаций². При этом право осуществлять приносящую доход деятельность в Федеральном законе об НКО непосредственно не указано для отдельных форм некоммерческих организаций.

Регулирование приносящей доход деятельности в законодательстве об отдельных видах некоммерческих организаций (третий уровень)

Указанная законодательная возможность дополнительно ограничить предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность создает третий уровень регулирования осуществления приносящей доход деятельности некоммерческих организаций.

Такое регулирование, вслед за ГК РФ и Федеральным законом об НКО, сохраняет законодательную путаницу рассматриваемых терминов.

Так, например, в отношении общественных объединений установлена возможность осуществления общественными учреждениями приносящей доход деятельности в соответствии с учредительными документами при условии поступления доходов от указанной деятельности и приобретенного за их счет имущества в распоряжение общественного учреждения³. В свою очередь ст. 37 указанного Федерального закона указывает на право осуществления общественными объединениями предпринимательской деятельности.

В отношении приносящей доход деятельности религиозных организаций также имеется условно специализированное указание в специальном федеральном законодательстве о свободе совести и религиозных объединениях. Однако, такое правовое регулирование представляет собой отсылку на положения иных нормативных актов⁴.

Положения ст. 5 Федерального закона от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера,

¹ См.: Пояснительная записка к законопроекту № 308243-5 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/308243-5> (дата обращения: 01.11.2025).

² В частности, общественными и религиозными организациями (объединениями) (абз. первый п. 1 ст. 6), общиной малочисленных народов (п. 2 ст. 6.1), казачьим обществом (п. 2 ст. 6.2), фондом (п. 2 ст. 7), государственной корпорацией (п. 2 ст. 7.1), государственной компанией (п. 5 ст. 7.2), некоммерческим партнерством (п. 2 ст. 8), автономной некоммерческой организацией (п. 2 ст. 10).

³ Абз. шестой ст. 35 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях».

⁴ Ст. 23 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»¹ также указывают на возможность осуществления такими общинами приносящей доход деятельности в соответствии с уставными целями и в случаях, если такая деятельность предусмотрена их уставом.

Наибольшее количество нормативных актов «третьего уровня» в российском законодательстве принято в отношении фондов, общие нормы о которых установлены ст. 7 Федерального закона об НКО. Так, в частности, в отношении международных фондов напрямую установлена возможность осуществлять приносящую доход деятельность (например, ст. 12.4 Федерального закона от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»²).

Интересен подход законодателя относительно приносящей доход деятельности саморегулируемых организаций. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»³ прямо предусматривает запрет осуществления саморегулируемой организацией предпринимательской деятельности (п. 1 ст. 14). Исходя из буквального толкования указанной нормы, такое регулирование позволяет предположить, что законодательство разрешает саморегулируемым организациям осуществлять приносящую доход деятельность, но не допускает предпринимательской деятельности.

Рассматриваемая неопределенность и непоследовательность действующего законодательного регулирования приносящей доход деятельности некоммерческих организаций, создает правоприменительные трудности. В связи с этим – очевидно, в качестве временного решения – Верховный Суд Российской Федерации дал толкование, в соответствии с которым должны применяться положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность⁴.

Обобщая сказанное, следует сделать следующие выводы.

Регулирование приносящей доход деятельности на всех трех уровнях не содержит легального определения понятия «приносящая доход деятельность», ограничиваясь указанием на возможность ее осуществления при соответствии и служению целям, ради которых создана некоммерческая организация.

Законодателем в 2010–2014 годах предпринята попытка терминологического изменения или расширения возможностей осуществления соответствующей деятельности. Ранее действующее законодательство регулировало возможность осуществления некоммерческими организациями предпринимательской деятельности, которая однозначно соответствовала определению ст. 2 ГК РФ.

¹ Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 30. Ст. 3122.

² Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5083.

³ Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

⁴ Абз. третий п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

В дальнейшем законодателем был предложен и введен термин «приносящая доход деятельность» некоммерческих организаций. Данное законодательное изменение было реализовано без достаточного урегулирования соответствующих вопросов. С одной стороны, это попытка разграничения терминов и выведение приносящей доход деятельности из-под действия «строгих» норм о предпринимательской деятельности. С другой стороны, легального определения понятия и признаков приносящей доход деятельности законодателем не предложено. Действующее в настоящее время законодательство характеризуется одновременным использованием обоих терминов, что лишь дополняет правовую неопределенность.

При этом действующее законодательство, допуская возможность осуществления и приносящей доход деятельности, и предпринимательской деятельности некоммерческими организациями, недостаточно подробно регулирует соответствующие вопросы. Так, в законодательстве до сих пор отсутствует понимание критериев выделения приносящей доход деятельности некоммерческих организаций, пределов ее осуществления и ее соотношения с уставными целями некоммерческой организации. Более того, отсутствует легальное определение приносящей доход деятельности, критерии ее разграничения с предпринимательской деятельностью коммерческих организаций. С учетом ежегодного неуклонного роста числа некоммерческих организаций (прирост НКО составляет более 10 тыс. организаций в год), установление четких критериев понимания приносящей доход деятельности НКО приобретает особую актуальность.

В связи с этим в правоприменительной практике нередко возникают вопросы относительно допустимости осуществления конкретной некоммерческой организацией определенного вида приносящей доход деятельности. Это влечет за собой, с одной стороны, разнообразное и непредсказуемое правоприменение: для одного вида некоммерческих организаций конкретный вид приносящей доход деятельности может быть признан в одном случае правомерным, в другом случае (в другом суде) – незаконным и нарушающим предоставленные законодательством полномочия. С другой стороны, отсутствие конкретного регулирования приносящей доход деятельности некоммерческих организаций и позволяет злоупотреблять правами, то есть осуществлять фактически коммерческую деятельность организациям со статусом некоммерческих, обладающих определенными преимуществами с точки зрения правового статуса.

Следует отметить, что в связи с неопределенностью и непоследовательностью законодательного регулирования признаки, как и предложенные в науке определения приносящей доход деятельности, не позволяют отграничить приносящую доход деятельность по своей сути и содержанию от предпринимательской деятельности [4].

Библиографический список

1. Лескова Ю.Г. Отдельные вопросы оптимизации правового статуса некоммерческих организаций в законодательстве Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 8. С. 37–41.

2. Сойфер Т.В. Некоммерческие организации: некоторые проблемы гражданско-правового статуса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 2. С. 3–13.

3. Степанов Д.И. В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. Т. 7. С. 13–60.

4. Тарасенко О.А. О предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Юрист. 2014. № 23. С. 15–18.

5. Черемных Г.Г. Сравнительно-правовой анализ статуса адвокатских и нотариальных палат // Нотариус. 2007. № 6 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2025).

© Селюнин П.С., 2026

УДК 347

Смолина Татьяна Михайловна,
начальник претензионно-искового отдела
юридического департамента ООО «Капитал Групп»
Москва, Россия, tsmolina@list.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ И СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СЕМЬИ И ЕЕ ЧЛЕНОВ

Аннотация. Ответственность, безусловно, – необходимый элемент правового статуса и, как известно, наступает при нарушении обязанностей и (или) обязательств; ее неотвратимость служит также гарантией соблюдения, охраны и защиты законных прав и интересов. Кроме того, деликтоспособность – часть, характеризующая дееспособность лица.

В статье определена гражданско-правовая и семейно-правовая ответственность семьи и ее членов.

Ключевые слова: правосубъектность, семья, гражданско-правовая ответственность, семейно-правовая ответственность, гражданское законодательство, семейные правоотношения, член семьи, родители, дети.

Smolina Tatiana Mikhailovna,
Head of the Claims and Claims Department
of the Legal Department of Capital Group LLC,
Moscow, Russia, tsmolina@list.ru

CIVIL AND FAMILY LEGAL RESPONSIBILITY OF THE FAMILY AND ITS MEMBERS

Abstract. Responsibility, of course, is a necessary element of legal status and, as is known, occurs in violation of duties and (or) obligations; its inevitability also serves as a guarantee of compliance, protection and protection of legitimate rights

and interests. In addition, delictability is a part that characterizes a person's legal capacity.

The article defines the civil and family legal responsibility of the family and its members.

Keywords: legal personality, family, civil liability, family legal liability, civil legislation, family legal relations, family member, parents, children.

В научных трудах мыслителей прошлого и настоящего представлены различные воззрения по вопросам, касающимся понятий, оснований, условий и мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности.

О.Э. Лейст полагал, что юридическая ответственность «есть не что иное, как реализация санкции нормы прав» [12, с. 82]. Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. понимают под юридической ответственностью «меру государственного принуждения, применяемую в связи с совершением лицом правонарушения» [14, с. 98]. В.П. Грибанов, «Юридическая ответственность представляет собой одну из форм государственно-принудительного воздействия на нарушителей норм права, заключающуюся в применении к ним предусмотренных законом санкций - мер ответственности» [8, с. 38].

О гражданско-правовой ответственности О.С. Иоффе писал как о «санкции за правонарушение, установленной в законе на случай его совершения» [9, с. 104]; В.Г. Богдан – «своеобразной реакции на поведение субъектов гражданских правоотношений, не согласующееся с нормами гражданского права» [3, с. 20]; Е.А. Суханова – об одной из форм государственного принуждения [5, с.224]; В.А. Хохлова – об «особом правовом состоянии» [13, с. 7]. Также в научной литературе ответственность в гражданском праве рассматривают в качестве неблагоприятных для должника имущественных последствий [6, с. 128]; возложения лишений, обеспеченных государственным принуждением [7, с. 114].

Ю.Ф. Беспалов определяет семейно-правовую ответственность «как совокупность личных неимущественных и (или) имущественных мер принуждения» [1, с. 48]. Существует и мнение Д.А. Липинского об отсутствии семейно-правовой ответственности и существовании лишь семейно-правовых нарушений [11, с. 24].

Представляется, что гражданско- и семейно- правовая ответственность, как и другие виды ответственности в частном праве, есть совокупность мер принуждения, предусмотренных гражданским и семейным законодательством, иными нормами в РФ за совершенное гражданское и семейное правонарушение, которые обременяют права либо возлагают дополнительные обязанности.

Ответственность в гражданском праве в зависимости от основания возникновения принято делить на договорную и внедоговорную (деликтную); в зависимости от количества должников на долевую, солидарную и субсидиарную.

Исследование законодательства РФ позволяет привести отдельные положения об ответственности семьи как самостоятельного участника гражданских правоотношений.

Исходя из имущественной общности супругов ответственность может возникать в случае общих обязательств супругов. По правилу п. 3 ст. 39 СК РФ общие долги супругов при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям. При этом по смыслу законодательства РФ (п. 2 ст. 45 СК РФ) и исходя из судебной практики (п. 5 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) возможно обращение взыскания на общее имущество супругов по общим обязательствам, если судом устанавливается, что оно было использовано на нужды семьи. Как видим, законодатель и правоприменитель указывают на связь общности имущества, в том числе обязательств и долгов, следовательно, ответственности, и самой семьи и ее нужд, т. е. ставит знак равенства между долгами супругов и долгами семьи.

При недостаточности имущества законодательством РФ предусмотрена солидарная ответственность супругов имуществом каждого из них (п. 2 ст. 45 СК РФ).

Применимы названные положения и к ответственности супружеской семьи с несовершеннолетними детьми.

Кроме общей ответственности супругов по долгам применительно к семье с несовершеннолетними детьми законодательство РФ предусматривает и имущественную ответственность родителей по сделкам своих детей. Статья 28 ГК РФ устанавливает имущественную ответственность родителей по сделкам малолетнего, в том числе по сделкам, совершенным им самостоятельно. Несовершеннолетние же в возрасте от 14 до 18 лет несут имущественную ответственность самостоятельно, за исключением случаев судебного ограничения или лишения несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами (ст. 26 ГК РФ, гл. 31 ГПК РФ).

Представляется, что положения гражданского законодательства РФ, касающиеся ответственности законных представителей ребенка за виновное причинение вреда сформулировано некорректно и вызывает неясности относительно состава правонарушения таких лиц и оснований их ответственности.

Гражданское законодательство при определенных условиях заменяет ребенка как субъекта ответственности другими лицами: родителями или лицами, их заменяющими (например, п. 3 ст. 28, ст. 1073 ГК РФ); а в некоторых случаях признает субъектом ответственности одновременно ребенка и его законных представителей (например, п. 2 ст. 1074 ГК РФ). Как отмечают Л.Т. Кузнецова, Я.Н. Шевченко полагают, что «законные представители отвечают как за собственные действия, так и за поведение детей» [10, с. 74]. Представляется, что в данном случае следует говорить об ответственности семьи за причинение вреда ребенком.

Уполномоченный орган (суд), разрешая спор, выясняет наличие либо отсутствие вины родителей, усыновителей, опекунов. Такое законоположение вызывает разные подходы к его применению.

Неясно, за какие действия отвечают родители, усыновители, опекуны и за свою ли вину в возникновении вреда или в таком случае следует говорить об ответственности семьи.

Устраняться эта неясность должна усмотрением суда, разрешающего вопрос об ответственности. Находим необходимым разграничивать основания, условия и меры ответственности семьи и ребенка. Представляется, что правила ответственности следует совершенствовать как в части оснований ответственности ребенка и семьи за вред, причиненный ребенком, так и в части условий и мер ответственности. Законодательство РФ должно содержать конкретные правила, касающиеся ответственности ребенка и семьи, относительно вреда (убытков), причиненных ребенком.

Следует отметить, что общие положения, касающиеся особенностей правового статуса ребенка, его право- и дееспособности, не предполагают ответственности ребенка по сделкам родителей или за вред, причиненный ими (либо иными членами семьи).

Вместе с тем судебная практика идет по пути признания ответственности детей по обязательствам перед третьими лицами наряду со своими родителями.

При совершении сделок законным представителям и иным уполномоченным лицам следует учитывать непосредственно мнение самого ребенка и насколько оно отвечает его интересам и интересам семьи, а также само поведение - действие соответствует ли его интересам и интересам семьи. В противном случае разрешить оспаривать такую сделку, противоречащую интересам семьи каждому члену.

Следует согласиться с высказанным в науке мнением В.В. Богдан, что «обращение к нормам главы 60 ГК РФ лиц, находившихся в фактических брачных отношениях, в целях защиты имущественных прав следует признать неверным способом защиты права. Квазибрачные отношения могут приводить к возникновению родительских правоотношений, алиментных правоотношений, правоотношений иждивения и содержания» [4, с. 7].

Интересным является мнение, высказанное в науке Ю.Ф. Беспаловым о том, что «участие иных лиц в формировании воли ребенка не всегда способствует выражению им собственного желания. Это объяснимо. Ибо ребенок нуждается во всяческой помощи. Однако законные представители и иные лица не всегда полноценно, не в ущерб ребенку осознают свое назначение в осуществлении заботы о ребенке. Порой их собственная воля полностью подменяет волю ребенка и влечет нарушение его прав» [2, с. 128]. В таком случае, следовало бы говорить об ответственности семьи за действия ее членов.

Представляется, что ситуация со злоупотреблением правом членами семьи в совершаемых сделках

Ответственность наследников по долгам и обязательствам наследодателя также может быть рассмотрена в качестве ответственности родителей и детей.

Ответственность в семейном праве исследована весьма неполно. Ответственность в семейном праве выходит за рамки юридической ответственности, определяется существом брака и семьи, доверительными отношениями между членами семьи и семейно-правовыми связями. Ответственность членов семьи —

социально-правовое явление, свойство и состояние прочного и пожизненного семейного союза.

Особенность семейно-правовой ответственности состоит в ее равной мере для всех членов семьи, она возникает за ненадлежащее исполнение семейных обязанностей преимущественно перед другими членами семьи и семьей. В отличие от гражданского законодательства, семейное законодательство РФ не разграничивает в своих правилах ребенка и совершеннолетнего гражданина как субъектов ответственности (например, ст. ст. 45, 69, 73 СК РФ).

Вопрос об ответственности ребенка по семейному законодательству разрешает суд. Однако, данный вопрос не получил единообразного разрешения. Отметим, что ответственность предполагает осознанное волевое поведение правонарушителя. Однако ребенок, являясь правонарушителем, особенно в возрасте до достижения 14 лет, не может в полной мере осознать происходящее и объективно оценить сложившуюся ситуацию. Надо полагать, что при таком положении он должен быть освобожден от ответственности. Не всегда ребенок и в возрасте от 14 лет и старше действует осознано и по своей воле.

При разрешении вопроса о семейно-правовой ответственности ребенка всегда необходимо наряду с основаниями и условиями ответственности, исследовать вопрос о том, осознавал ли ребенок свое поведение, действовал ли по своей воле, а также уровень его психического и умственного развития, который позволит разрешить возникшие вопросы.

Такое положение также позволяет сделать вывод, что и семейное законодательство РФ необходимо совершенствовать с целью установления полноценного правового механизма ответственности ребенка, родителей, семьи в целом и ее членов.

Применительно к семейно-правовой ответственности отметим, что она в большей степени затрагивает внутренние отношения: родителей и детей; супругов; членов семьи; в приемной семье и т.д., т. е. возникает по отношению к членам семьи и семье в целом. Например в науке указывается, что исключительность лишения родительских прав должна быть не только установлена доктринально или в порядке общих разъяснений, но и получить прямое легальное закрепление» [15, с. 27]; [16, с. 284].

Анализ положений СК РФ позволяет сделать вывод, что в семейных правоотношениях возникает преимущественно ответственность члена семьи перед другими членами семьи и семьей за ненадлежащее исполнение семейных обязанностей.

Особо подчеркнем, что семья с точки зрения права выступает и как социально ответственное объединение.

Исследование, проведенное в настоящей статье, позволяет прийти к следующим выводам.

1. В гражданских правоотношениях возникает ответственность как члена семьи перед другими членами семьи, семьей и третьими лицами, так и ответственность семьи как самостоятельного субъекта перед третьими лицами. Семейно-правовая ответственность семьи возникает преимущественно перед дру-

гими членами семьи и семьей за ненадлежащее исполнение семейных обязанностей.

2. Определено, что в случае совершения членами семьи гражданско-правового правонарушения отрицательные имущественные последствия затрагивают имущественную сферу, преимущественно, как каждого члена семьи (например, при предоставлении заведомо подложных документов для получения жилого помещения, земельного участка или приобретения имущественных прав) так и для семьи, в целом. Можно сделать предположение, что семья несет ответственность по обязательствам имуществом, находящимся в общей собственности членов семьи. Хотя, следуя букве закона, ответственность, конечно, наступает отдельно взятого члена семьи. В этой связи в законодательстве РФ следовало бы предусмотреть отдельные положения об ответственности имуществом членов семьи по обязательствам семьи как правосубъектного образования.

Библиографический список

1. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 45-52.
2. Беспалов Ю.Ф. Воля и интерес ребенка по-семейному и гражданскому законодательству РФ. XII Международная научно-практическая дистанционная конференция «Наука и образование» 1-2 июля 2016 г. Мюнхен. Германии. Сборник трудов. С. 127-131.
3. Богдан В.Г. Об основаниях освобождения от гражданско-правовой ответственности в сфере государственных закупок // Вестник арбитражной практики. 2021. N 5. С. 18-28.
4. Богдан В.В. Неосновательное обогащение в фактических брачных отношениях: анализ правоприменительной практики Верховного Суда Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2025. № 3. С. 5-7.
5. Гражданское право. Т. 1 / Под ред. д.ю.н., проф. Е.А. Суханова. М., 2004. 624 с.
6. Гражданское право: Учебник / О.В. Гутников, А.С. Гутникова, С.Д. Радченко и др.; под ред. О.Н. Садикова. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2006. Т. 1. 493 с.
7. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд. М., 2018. Т. 1. 560 с.
8. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М., 1973. 96 с.
9. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды. Т. I. СПб., 2003. 572 с.
10. Кузнецова Л.Т., Шевченко Я.Н. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних. М., 1968. 136 с.
11. Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. 2004. № 12. С. 22-30.
12. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. 239 с.

13. Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора. Автореф. дис. ... д. ю. н. Саратов, 1998. 41 с.

14. Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие. М: Статут, 2013. 133 с.

15. Шиманчик К.В. К вопросу о лишении родительских прав как крайней мере семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 26 – 29.

16. Якушев П.А. Лишение родительских прав и традиционные семейные ценности: процессуальные аспекты гармонизации // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 5. С. 283 - 292.

© Смолина Т.М., 2026

УДК 347.451

Таран Глеб Геннадьевич,
аспирант 1 курса, Институт права
Уфимского Университета Науки и Технологии,
Уфа, Россия, gl-taran@mail.ru

Научный руководитель
Ахтямова Евгения Викторовна.
Доцент, кандидат юридических наук,
Ф-т Институт права,
Уфимского Университета Науки и Технологии,
Российская Федерация, город Уфа.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РФ

Аннотация: В статье рассматриваются современные проблемы заключения договоров купли-продажи цифровых активов в Российской Федерации. Анализируется правовая природа цифровых активов и цифровых прав, особенности их оборота и специфика применения классической конструкции договора купли-продажи в условиях цифровизации гражданского оборота. Особое внимание уделяется вопросам определения предмета договора, форме и способам его заключения, роли операторов информационных систем, а также проблемам судебной защиты прав сторон. На основе анализа доктрины и судебной практики выявляются ключевые противоречия действующего правового регулирования и обосновывается необходимость его дальнейшего развития с учётом технологической природы цифровых активов.

Ключевые слова: Цифровые активы; цифровые права; договор купли-продажи; гражданский оборот; цифровизация; смарт-контракты; судебная практика; оператор информационной системы.

Gleb Gennadievich Taran

1st year postgraduate student, Institute of Law
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia, gl-taran@mail.ru

Scientific director

Akhtyamova Evgenia Viktorovna.

Associate Professor, Candidate of Legal Sciences,
Faculty of Law,
Ufa University of Science and Technology,
Russian Federation, city of Ufa.

CONTEMPORARY ISSUES IN CONCLUDING DIGITAL ASSET SALE AND PURCHASE AGREEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article examines current issues in concluding digital asset purchase and sale agreements in the Russian Federation. It analyzes the legal nature of digital assets and digital rights, the specifics of their circulation, and the specific application of the classic sales and purchase agreement in the context of the digitalization of civil circulation. Particular attention is paid to determining the subject of the agreement, the form and methods of its conclusion, the role of information system operators, and the issues of judicial protection of the parties' rights. Based on an analysis of doctrine and judicial practice, key contradictions in current legal regulation are identified and the need for its further development, taking into account the technological nature of digital assets, is substantiated.

Keywords: Digital assets; digital rights; sales contract; civil circulation; digitalization; smart contracts; judicial practice; information system operator

Цифровизация экономических процессов привела к качественным изменениям в структуре гражданского оборота, обусловив появление новых объектов, существование и обращение которых невозможно вне цифровой среды. Цифровые активы, используемые в инвестиционной, предпринимательской и частноправовой деятельности, постепенно приобретают устойчивое экономическое значение, что объективно требует их включения в сферу договорного регулирования. Вместе с тем традиционные гражданско-правовые конструкции, сформировавшиеся применительно к материальным объектам, демонстрируют ограниченную применимость в условиях цифровой реальности, что наиболее наглядно проявляется при анализе договоров купли-продажи цифровых активов.

Закрепление категории цифровых прав в ГК РФ стало важным этапом развития частного права, однако само по себе не устранило концептуальных противоречий, связанных с их правовой природой. Законодатель определяет цифровые права через условия их существования и осуществления в информационной системе, фактически связывая объект гражданских прав с технологической платформой. В научной литературе данный подход оценивается критически, поскольку он смещает фокус с имущественного содержания права на техниче-

ский способ его фиксации. Р.Ю. Закиров указывает, что «цифровые права не образуют самостоятельный вид объектов гражданских прав, а представляют собой форму фиксации уже известных имущественных прав в цифровой среде» [1]. Подобное понимание имеет принципиальное значение для договорного права, так как указывает на вторичность цифровой формы по отношению к имущественной сущности соответствующих прав.

Нематериальный характер цифровых активов предопределяет специфику их оборота. В отличие от вещей и иных традиционных объектов, цифровые активы не подлежат передаче в физическом смысле, а их отчуждение осуществляется путём изменения записей в информационной системе. Это обстоятельство трансформирует классическое представление о передаче объекта как юридическом факте, лежащем в основе исполнения обязательства по договору купли-продажи. Фактическое значение приобретает не действие сторон как таковое, а корректность функционирования цифровой инфраструктуры и соблюдение регламентов оператора информационной системы.

Н.М. Михайленко отмечает, что цифровые активы находятся в состоянии нормативной фрагментации, при которой имущественные элементы сочетаются с техническими правилами цифровых платформ, не всегда коррелирующими с принципами гражданского права [2]. Подобная двойственность непосредственно отражается на возможности заключения и исполнения договоров купли-продажи цифровых активов, поскольку юридический результат сделки зависит не только от волеизъявления сторон, но и от алгоритмических процедур.

Попытка механического применения конструкции договора купли-продажи к цифровым активам сталкивается с проблемой определения предмета договора. В классическом понимании предмет купли-продажи предполагает индивидуализированную вещь либо имущественное право, существующее независимо от способа его фиксации. В случае цифровых активов индивидуализация осуществляется посредством цифровых параметров, закреплённых в распределённом реестре или иной информационной системе, что делает предмет договора функционально зависимым от технологической среды. Недостаточная определённости таких параметров способна поставить под сомнение сам факт заключения договора.

Существенные изменения претерпевает и понимание исполнения обязательства по договору купли-продажи цифровых активов. Передача цифрового актива не сопровождается традиционным актом вручения или передачи документа, а выражается во внесении соответствующей записи в реестр, что приводит к появлению в обязательственном правоотношении третьего субъекта – оператора информационной системы, действия которого фактически определяют момент и юридический эффект исполнения обязательства. В результате договорное отношение утрачивает бинарный характер и приобретает сложную многоэлементную структуру.

В доктрине всё чаще высказывается позиция о том, что сделки с цифровыми активами по своей правовой природе тяготеют к уступке имущественного требования, нежели к купле-продаже в её классическом виде. В.А. Садков подчёркивает, что «в обороте прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых

активов, ключевым является переход имущественного требования, а не передача самостоятельного объекта» [4]. Подобный подход позволяет рассматривать договор купли-продажи цифровых активов как юридически усложнённую модель, сочетающую элементы обязательства по оплате и цессионного механизма.

Электронные сделки, заключаемые посредством цифровых платформ, минимизируют роль классического письменного документа и усиливают значение электронных подтверждений и автоматизированных алгоритмов. Использование смарт-контрактов приводит к тому, что условия договора исполняются автоматически при наступлении заранее заданных обстоятельств, что существенно ограничивает возможность последующего волевого вмешательства сторон.

С.Ю. Реуцкий указывает, что автоматизация сделок с цифровыми правами трансформирует саму категорию согласия, поскольку волеизъявление сторон подменяется выполнением технических условий, заранее заложенных в программный код [3]. В подобных условиях традиционные представления о моменте заключения договора и его действительности требуют переосмысления, особенно при разрешении споров, связанных с оспариванием сделки или признанием её недействительной.

Отдельное значение в контексте заключения договоров купли-продажи цифровых активов приобретает трансграничный характер цифровой среды. Использование распределённых реестров и иностранных информационных систем приводит к возникновению правоотношений, осложнённых иностранным элементом, при отсутствии специальных коллизионных норм, учитывающих специфику цифровых прав. З.Р. Ханова отмечает, что действующие коллизионные привязки не позволяют надлежащим образом определить применимое право к цифровым активам, существующим вне территориальных границ государства [6].

Судебная практика по спорам, связанным с договорами купли-продажи цифровых активов, характеризуется не столько отсутствием правовой позиции судов, сколько дефицитом процессуальных и материально-правовых инструментов, позволяющих эффективно реализовать судебную защиту. Анализ конкретных дел, приведённых в научных публикациях последних лет, показывает, что ключевые сложности возникают на стадии определения допустимой формы восстановления нарушенного права, а также при квалификации требований, заявляемых сторонами.

Показателен пример судебного спора, рассмотренного в контексте сделки купли-продажи криптовалюты Bitcoin, анализ которого приведён в исследовании, посвящённом правовой сущности цифровых активов. В рамках данного дела рассматривалось требование о возврате цифровой валюты как результата недействительной сделки, однако суды столкнулись с отсутствием в действующем гражданском законодательстве механизма, позволяющего обязать сторону обеспечить возврат криптовалюты на цифровые кошельки контрагентов пропорционально объёму их вложений. Следует подчеркнуть, что подобное требование не вытекает из содержания статьи 12 ГК РФ и не соотносится с традиционными способами защиты гражданских прав[2]

Данный пример наглядно демонстрирует, что при заключении договоров купли-продажи цифровых активов стороны оказываются в ситуации, когда формальное признание цифрового актива объектом гражданских прав не гарантирует воз-

возможности его последующего истребования или возврата в натуре. Данное обстоятельство существенно повышает риски участников оборота и влияет на содержание договорных условий, которые всё чаще дополняются положениями о способах подтверждения владения и порядке фиксации перехода цифрового актива.

Там же обращается внимание на ещё одну практическую проблему – отсутствие разработанного механизма поиска цифровой валюты как имущества должника. Указывается, что эффективное взыскание возможно лишь при наличии у правоприменителя специальных технических знаний и доступа к цифровой инфраструктуре, в то время как действующее законодательство не содержит соответствующих процессуальных инструментов. Недостаточная нормативная регламентация делает взыскание цифровых активов в рамках гражданского судопроизводства затруднительным и во многих случаях неэффективным [2].

Вопрос квалификации договоров, направленных на возмездное отчуждение цифровых активов, также получил отражение в научных исследованиях, опирающихся на анализ судебной практики. В частности, в работе, посвящённой договору обмена прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов, обоснована позиция о допустимости применения конструкции договора купли-продажи к отношениям по возмездной передаче имущественных прав, если встречным предоставлением выступают денежные средства. Отмечается, что такая квалификация соответствует логике статьи 454 ГК РФ и позволяет избежать смешения купли-продажи с договором мены, который по своей природе ориентирован на обмен вещей, а не имущественных требований [4].

Попытки квалифицировать возмездные сделки с цифровыми активами как договоры мены вступают в противоречие с устоявшимися подходами арбитражной практики, отражёнными в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2002 г. № 69, где последовательно проводится разграничение между вещными и обязательственными объектами. Этот вывод имеет прикладное значение для договоров купли-продажи цифровых активов, поскольку подтверждает корректность использования купли-продажи как основной модели при денежном встречном предоставлении.

Особенности заключения и исполнения договоров купли-продажи цифровых активов усугубляются влиянием инфраструктурных ограничений цифровых платформ. В научных публикациях подчёркивается, что переход цифрового актива возможен исключительно при соблюдении процедур, установленных оператором информационной системы, включая формирование заявок, подтверждение операций и внесение записей в распределённый реестр. Это означает, что юридический результат сделки достигается не в момент подписания договора, а в момент корректного исполнения цифровых процедур.

Дополнительные риски связаны с трансграничным характером цифровых активов. В исследованиях по коллизионному регулированию цифровых прав указывается, что при обращении иностранных цифровых активов на территории Российской Федерации правовое значение приобретает статус оператора информационной системы и его юрисдикционная принадлежность. В качестве примера приводятся ситуации, при которых формальным владельцем цифрового актива признаётся оператор, а приобретатель реализует свои права опосре-

дованно, через инфраструктуру системы, что существенно влияет на содержание договорных обязательств и распределение рисков [6].

Проведённый анализ показывает, что договор купли-продажи цифровых активов в российском гражданском праве находится в стадии концептуального становления и не может рассматриваться как полностью адаптированная и устойчивая договорная конструкция. Формальное признание цифровых активов объектами гражданских прав не сопровождается созданием целостного механизма их договорного оборота, что приводит к разрыву между нормативным закреплением и практической реализуемостью прав сторон. Специфика цифровых активов, выражающаяся в их нематериальном характере, зависимости от информационных систем и алгоритмических процедур, трансформирует ключевые элементы договора купли-продажи – предмет, момент исполнения, способы защиты и последствия нарушения обязательства. Судебная практика и научные исследования демонстрируют, что применение классической модели купли-продажи к цифровым активам возможно лишь при условии учёта их имущественной природы как цифрово удостоверенных прав и отказа от механического переноса вещно-правовых подходов в цифровую среду. В этих условиях дальнейшее развитие правового регулирования должно быть направлено на формирование специальных правил отчуждения цифровых активов, уточнение роли операторов информационных систем и расширение арсенала гражданско-правовых средств защиты, что позволит обеспечить предсказуемость договорных связей и устойчивость гражданского оборота в условиях цифровизации.

Библиографический список

1. Закиров Р. Ю., Кульямов Н. С. Цифровые права как объекты гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. № 4. С. 79-82.
2. Михайленко Н.М., Косарева А.А. Правовая сущность цифровых активов // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2024. № 3. С. 34-41.
3. Реуцкий С.Ю. Совершение сделок с цифровыми правами // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. № 1. С. 144-147.
4. Садков В.А. Договор обмена прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов, и его разновидности // Legal Concept. 2022. № 1. С. 159-165.
5. Фролова Е.Е., Берман А.М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. С. 57-83.
6. Ханова З.Р., Сапарова К.Г. Коллизионное регулирование цифровых прав в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 2. С. 163-168.

© Таран Г.Г., 2026

Таран Глеб Геннадьевич,
аспирант 1 курса, Институт права
Уфимского Университета Науки и Технологии,
Уфа, Россия, gl-taran@mail.ru

Научный руководитель
Ахтямова Евгения Викторовна
доцент, кандидат юридических наук, Институт права,
Уфимского Университета Науки и Технологии,
Российская Федерация, город Уфа.

БИОБАНКИРОВАНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: в статье автор раскрывает актуальные проблемы биобанкирования репродуктивных материалов в России. Определено, что правовое регулирование этой сферы в Российской Федерации характеризуется фрагментарностью и отсутствием системного подхода. Выявлено, что ключевой проблемой является отсутствие в России специального федерального закона, комплексно регулирующего создание и деятельность биобанков. Сопутствующими, но немаловажными проблемами являются: неопределенность правового режима репродуктивного материала, отсутствие надлежащего информированного согласия, проблема распоряжения эмбрионами и установления предельных сроков хранения. Сделан вывод о необходимости модернизации действующего отечественного законодательства с учетом определения путей решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии репродуктивный материал, эмбрионы, биобанки, криоконсервация, информированное согласие.

Taran G.G.
1st year postgraduate student, Institute of Law
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia, gl-taran@mail.ru

Scientific director Akhtyamova E.V.
Associate Professor, Candidate of Legal Sciences,
Faculty of Law, Ufa University of Science and Technology,
Russian Federation, city of Ufa.

BIOBANKING OF REPRODUCTIVE MATERIALS IN RUSSIA: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Abstract. In this article, the author explores the current issues related to the biobanking of reproductive materials in Russia. It is determined that the legal regulation of this area in the Russian Federation is characterized by fragmentedness and a

lack of a systematic approach. The key problem identified is the absence of a special federal law in Russia that comprehensively regulates the creation and operation of biobanks. Other significant issues include the uncertainty surrounding the legal regime of reproductive materials, the lack of proper informed consent, the problem of embryo disposal, and the establishment of maximum storage periods. The article concludes that it is necessary to modernize the current domestic legislation in order to find solutions to the identified problems.

Keywords: assisted reproductive technologies, reproductive material, embryos, biobanks, cryopreservation, informed consent

Биобанкирование репродуктивных материалов — криоконсервация и долгосрочное хранение половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов — выступает неотъемлемым элементом современной системы вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Данная процедура позволяет сохранить фертильность пациентам, нуждающимся в отсрочке репродукции по медицинским показаниям (онкологические заболевания, требующие химиотерапии или облучения), а также обеспечивает возможность повторных попыток экстракорпорального оплодотворения без необходимости повторного забора ооцитов.

Правовое регулирование этой сферы в Российской Федерации характеризуется фрагментарностью и отсутствием системного подхода. В отличие от ряда зарубежных юрисдикций (Великобритания, Франция, страны Скандинавии), где приняты специальные законы о биобанках. Действующая отечественная нормативная база, регулирующая хранение репродуктивных материалов, включает акты различной юридической силы.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в статье 55 устанавливает общие положения о применении вспомогательных репродуктивных технологий, включая возможность криоконсервации половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов. Важнейшим ограничением является п. 6 ст. 55, согласно которому половые клетки, ткани репродуктивных органов и эмбрионы человека не могут быть использованы для промышленных целей¹. Эта норма, призванная предотвратить коммерциализацию репродуктивного материала, одновременно создает правовую неопределенность в отношении возможности использования образцов для научных исследований.

Базовым подзаконным актом выступает Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»². Пункт 30 данного приказа устанавливает, что криоконсервация и хранение

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

² Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

биоматериалов осуществляются медицинскими организациями, оказывающими первичную специализированную медико-санитарную помощь либо специализированную, в том числе высокотехнологичную, медицинскую помощь. Такие организации должны быть оснащены криохранилищами и иметь лицензию на осуществление медицинской деятельности, предусматривающую выполнение работ (услуг) по забору, криоконсервации и хранению половых клеток и тканей репродуктивных органов.

Особую группу составляют акты, регулирующие деятельность биобанков в контексте производства биомедицинских клеточных продуктов. Приказ Минздрава России от 20 октября 2017 г. № 842н утвердил требования к организации и деятельности биобанков, а также правила хранения биологического материала, клеточных линий и биомедицинских клеточных продуктов¹. Однако сфера действия этого акта ограничена — он распространяется исключительно на биобанки, создаваемые в рамках обращения биомедицинских клеточных продуктов, и не охватывает репозитории, функционирующие в структуре клиник ВРТ.

Значимым шагом в развитии правовой регламентации стало принятие Федерального закона от 30 ноября 2024 г. № 428-ФЗ «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях»². Однако, как отмечается в юридической литературе, ч. 2 ст. 1 данного закона прямо исключает из сферы его применения коллекции биологических материалов человека [1, с. 2625]. Таким образом, закон, призванный урегулировать сферу биокolleкций, фактически не распространяется на биобанки репродуктивных материалов человека, оставляя их в правовом вакууме.

Дополнительную роль в регламентации играют национальные стандарты, гармонизированные с международными подходами. Ключевым является ГОСТ Р ISO 20387-2021 «Биотехнология. Биобанкирование. Общие требования», устанавливающий требования к компетентности, беспристрастности и согласованности функционирования биобанков. Также применяется ГОСТ Р 71251-2024 «Биотехнология. Биобанкирование. Термины и определения», который вводит базовые понятия («биобанк», «биологический материал», «биологический образец») и классификацию биобанков. Важно подчеркнуть, что данные стандарты носят рекомендательный характер в части, не касающейся безопасности, и не устанавливают правового режима биоматериала или прав доноров.

Центральной проблемой является отсутствие в России специального федерального закона, комплексно регулирующего создание и деятельность биобанков, включая репозитории репродуктивных материалов. Действующее регулирование характеризуется как «фрагментарное и несобранное». Исследователи

¹ Приказ Минздрава России от 20 октября 2017 г. № 842н «Об утверждении требований к организации и деятельности биобанков и правил хранения биологического материала...» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант

² Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 428-ФЗ «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 49, ст. 7342.

констатируют, что в российском праве «ряд вопросов, включая биобанкирование, вообще не урегулированы» [2, с.35].

Этот пробел порождает множественные правовые последствия. Во-первых, не определен легальный статус биобанка как самостоятельного субъекта права — является ли он медицинской организацией, научной структурой или иным образованием. Во-вторых, отсутствует единая система учета и надзора за деятельностью биобанков. В-третьих, не урегулирован порядок передачи биоматериалов между организациями, включая трансграничную передачу.

Далее ключевой теоретической проблемой выступает отсутствие четкого ответа на вопрос: что представляет собой криоконсервированный репродуктивный материал с точки зрения гражданского права? Является ли он «частью тела» (объектом, не подлежащим обороту), «вещью, изъятой из оборота» (ст. 129 ГК РФ) или особым объектом, правовой режим которого требует специального регулирования?

Доктрина предлагает различные подходы к решению этого вопроса. Некоторые авторы, например М.Н. Малеина, рассматривают договор криоконсервации и хранения биологического материала как разновидность договора хранения с особым объектом [3, с.73]. Однако простая аналогия с договором хранения вещей недостаточна: правовой статус эмбриона как потенциальной человеческой жизни налагает дополнительные ограничения, не свойственные обычным вещам.

А.В. Ямшанова, анализируя договор на криоконсервацию, приходит к выводу о необходимости выработки специального правового режима для эмбрионов человека, учитывающего их двойственную природу — как биологического материала и как носителя генетической информации, связанной с конкретными лицами [4, с. 78].

Особую сложность представляет вопрос об объеме и содержании информированного добровольного согласия донора при криоконсервации репродуктивного материала. Мировая практика предлагает несколько моделей: широкое согласие (broad consent) на любые будущие исследования, многоуровневое согласие (tiered consent), позволяющее донору выбирать допустимые направления использования, и динамическое согласие (dynamic consent), предполагающее возможность изменения волеизъявления через цифровые платформы.

Российское законодательство не содержит специальных норм по данному вопросу применительно к репродуктивным биобанкам. Применение общего требования об информированном согласии на медицинское вмешательство (ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ) недостаточно, так как не охватывает ситуацию использования образцов в будущих, зачастую непредсказуемых на момент забора, исследовательских проектах. Отсутствие правовой определенности в этой сфере создает риски как для доноров (использование их материала без надлежащего согласия), так и для исследователей (незаконность проводимых исследований).

Еще одна острая проблема — порядок распоряжения эмбрионами в различных жизненных ситуациях. Единственным легальным вариантом применения эмбрионов лицом, которому они принадлежат, является, как отмечается в

судебной практике, «использование их для себя с сохранением (криоконсервация и хранение в пробирке), передачей (например, в качестве донорского биоматериала) или прекращением прав (например, в результате утилизации)» Однако процедура и условия реализации каждого из этих вариантов законодательно не определены. В частности:

- *утилизация эмбрионов*. Не установлен порядок получения согласия на утилизацию, не определены сроки хранения, по истечении которых возможна утилизация без дополнительного волеизъявления доноров. Отсутствуют требования к процедуре утилизации, обеспечивающие этичность данного действия;

- *донорство эмбрионов*. Закон допускает передачу эмбрионов в качестве донорского биоматериала, но не регулирует данную процедуру. Не определены права доноров-генетических родителей после передачи эмбриона (вправе ли они отозвать согласие), не установлены критерии отбора реципиентов;

- *судьба эмбрионов при расторжении брака*. Наиболее сложная ситуация возникает при разводе супругов, в период брака которых были созданы криоконсервированные эмбрионы. Семейное законодательство не содержит норм о разделе эмбрионов как общего имущества, а судебная практика по этому вопросу крайне противоречива.

Значительной проблемой является вопрос о сроках хранения репродуктивного материала и источниках финансирования его длительного хранения. Закон не устанавливает максимальные сроки криоконсервации, что создает риски накопления невостребованных образцов.

Условия договора хранения определяются соглашением сторон, однако отсутствие типовой формы договора и четких правовых ориентиров приводит к неравенству переговорных позиций между клиникой и пациентом. Не урегулирована судьба образцов при прекращении деятельности медицинской организации-хранителя (ликвидация, банкротство, отзыв лицензии).

Не решен вопрос о финансировании долгосрочного хранения: кто оплачивает хранение образцов после смерти или утраты дееспособности пациента? Должны ли наследники оплачивать хранение и вправе ли они распоряжаться образцами?

Как уже отмечалось, Федеральный закон № 428-ФЗ, принятый в 2024 году, не распространяется на коллекции биологических материалов человека. Законопроект, обсуждавшийся на стадии разработки, предполагал формирование правового регулирования статуса биологических коллекций и биоресурсных центров, включая понятийный аппарат и основы управления. Однако финальная редакция закона исключила человеческие биоматериалы из сферы его действия. Это означает, что проблема правового регулирования биобанков репродуктивных материалов остается нерешенной и требует принятия самостоятельного законодательного акта либо внесения изменений в действующее законодательство о здравоохранении.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости принятия в Российской Федерации специального федерального закона «О биобанках биологических материалов человека». Такой закон должен, по мнению исследователей, охватывать следующие ключевые положения:

- легальное определение биобанка, его правовой статус и организационно-правовые формы функционирования;
- правовой режим биологических материалов человека (половых клеток, тканей репродуктивных органов, эмбрионов) как особых объектов гражданских прав;
- порядок создания, регистрации, лицензирования и прекращения деятельности биобанков;
- требования к получению информированного согласия доноров, включая специфические модели (многоуровневое согласие) для биобанкирования;
- правила хранения, учета и уничтожения биоматериалов, включая предельные сроки хранения и условия продления договоров хранения;
- порядок передачи биоматериалов между биобанками, включая трансграничную передачу;
- механизмы защиты прав доноров, включая право на отзыв согласия и право на информацию об использовании их материалов;
- надзорные полномочия уполномоченных федеральных органов исполнительной власти (Минздрав России, Росздравнадзор).

Целесообразной представляется разработка типовой формы договора криоконсервации и хранения репродуктивных материалов. Данный договор должен содержать:

- существенные условия (срок хранения, размер платы, порядок пролонгации);
- права и обязанности сторон (включая обязанность клиники поддерживать надлежащие условия хранения и информировать о событиях, влияющих на сохранность образцов);
- порядок действий при смерти или недееспособности донора;
- судьбу образцов при прекращении деятельности биобанка;
- ответственность сторон (включая размер компенсации за утрату или повреждение уникального биоматериала).

Таким образом, биобанкирование репродуктивных материалов в России находится в зоне правовой неопределенности. Отсутствие специального федерального закона, фрагментарность подзаконного регулирования, нерешенность фундаментальных вопросов правового режима эмбрионов и половых клеток создают серьезные препятствия как для защиты прав доноров, так и для развития научных исследований в репродуктивной медицине.

Национальные стандарты и ведомственные приказы, при всей их важности для технической стороны деятельности биобанков, не способны восполнить законодательные пробелы. Требуется комплексное правовое регулирование на уровне федерального закона, которое установило бы статус биобанков, определило правовой режим репродуктивных материалов, регламентировало порядок получения информированного согласия и распоряжения образцами, включая такие деликатные вопросы, как утилизация эмбрионов и их судьба при расторжении брака. Принятие такого закона не только повысит уровень правовой защищенности пациентов — доноров репродуктивного материала, но и создаст необходимые условия для развития биомедицинских исследований, что в ко-

нечном счете будет способствовать более эффективной реализации репродуктивных прав граждан Российской Федерации.

Библиографический список

1. Кондрашов А.А. Правовые и биоэтические проблемы реализации вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в России // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2025. № 8(12), С. 2622-2631.
2. Косилкин С.В. Принципы международно-правового регулирования генетических исследований и законодательство Российской Федерации. Lex Genetica. 2023. № 2(2). С. 34-52.
3. Малеина М.Н. Договор криоконсервации и хранения биологического материала человека в персональном биобанке // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 71-82.
4. Ямшанова А.В. Анализ договора на криоконсервацию как метод рассмотрения правового статуса эмбриона в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. № 3 (164). С.76–88.

© Таран Г.Г., 2026

УДК 347.07;618

Таран Глеб Геннадьевич,
аспирант 1 курса, Институт права
Уфимского Университета Науки и Технологии,
Уфа, Россия, gl-taran@mail.ru

Научный руководитель
Ахтямова Евгения Викторовна.
доцент, кандидат юридических наук, Институт права,
Уфимского Университета Науки и Технологии,
Российская Федерация, г.Уфа.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: в статье автор проводит комплексный анализ правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в национальной правовой системе. Выявлены системные проблемы в исследуемой сфере отношения, такие как законодательный вакуум в сфере постмортальной репродукции, неопределенность правового статуса договора суррогатного материнства, отсутствие четких критериев разграничения законного суррогатного мате-

ринства и уголовно наказуемой торговли детьми, а также недостаточный контроль качества и эффективности медицинских организаций, осуществляющих ВРТ. Определены перспективные направления развития законодательства в этой сфере, которые связаны с принятием комплексного нормативного акта, регулирующего применение ВРТ.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, методы экстракорпорального оплодотворения, постмортальная репродукция, репродуктивный материал, эмбрионы, информированное согласие.

Taran G.G.

1st year postgraduate student, Institute of Law
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia, gl-taran@mail.ru

Scientific director

Akhtyamova E.V.

Associate Professor, Candidate of Legal Sciences,
Faculty of Law, Ufa University of Science and Technology,
Russian Federation, city of Ufa.

LEGAL REGULATION OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. In this article, the author conducts a comprehensive analysis of the legal regulation of assisted reproductive technologies (ART) in the national legal system. The article identifies systemic problems in the field of ART, such as the legislative vacuum in the field of postmortem reproduction, the uncertainty of the legal status of the surrogacy agreement, the lack of clear criteria for distinguishing between legal surrogacy and criminal child trafficking, and the insufficient quality and effectiveness control of medical organizations that provide ART. The article identifies promising areas for the development of legislation in this field, which are related to the adoption of a comprehensive regulatory act governing the use of ART

Keywords: assisted reproductive technologies, surrogacy, in vitro fertilization methods, postmortem reproduction, reproductive material, embryos, and informed consent.

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) занимают особое место в современной медицине и праве, выступая важнейшим инструментом реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепленного в ст. 41 Конституции РФ. Методы экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), суррогатного материнства и донорства половых клеток позволяют преодолеть различные репродуктивные барьеры, значительно расширяя возможности для создания семьи. Вместе с тем динамичное

развитие биомедицинских технологий существенно опережает эволюцию нормативной базы, что порождает множество правовых пробелов и коллизий.

Основополагающим нормативным актом, регламентирующим применение ВРТ в России, является ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. Данная норма определяет ВРТ как методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов), а также суррогатное материнство.

Законодатель устанавливает следующие ключевые положения:

– *право на применение ВРТ*. Мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение ВРТ при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. При этом право на применение суррогатного материнства не распространяется на мужчину и женщину, которые не состоят в браке. Одинокaя женщина также имеет право на применение ВРТ;

– *требования к донорам половых клеток*. Донорами могут быть граждане в возрасте от 18 до 35 лет, физически и психически здоровые, прошедшие медико-генетическое обследование;

– *правовое определение суррогатного материнства*. Это вынашивание и рождение ребенка по договору между суррогатной матерью и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям и которые состоят в браке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения;

– *требования к суррогатной матери*. Женщина в возрасте от 20 до 35 лет, имеющая гражданство РФ, не менее одного здорового собственного ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья. Суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки.

– *требования к потенциальным родителям*. Один из потенциальных родителей (генетическая мать или отец) или оба родителя либо одинокaя женщина должны иметь гражданство РФ [1, с. 135].

Существенные корректировки правового регулирования ВРТ были внесены Федеральным законом от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ. Ключевые новеллы включают введение требования о наличии гражданства РФ для суррогатной матери и потенциальных родителей, а также уточнение условий применения суррогатного материнства для лиц, не состоящих в браке. Законодатель установил переходные положения для случаев, когда суррогатная мать на момент вступления закона в силу уже вынашивала или родила ребенка в соответствии с до-

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).

говором — на такие отношения требования о наличии брака и гражданства не распространяются.

В 2025 году Министерство здравоохранения РФ выступило с инициативой об ужесточении надзора за медицинскими организациями, оказывающими услуги ВРТ. Заместитель министра здравоохранения Евгения Котова и главный внештатный специалист по репродуктивному здоровью женщин Наталья Долгушина предложили создать рейтинг клиник, в соответствии с которым следует распределять квоты на проведение ЭКО по ОМС, сделав основным критерием эффективность работы центров (долю родов после выполненной процедуры)¹.

Одной из наиболее острых нерешенных проблем является отсутствие законодательного регулирования постмортальной репродукции — зачатия ребенка с использованием генетического материала умершего человека. Вопрос о возможности использования репродуктивного материала после смерти человека остается законодательно неурегулированным, что порождает множество правовых пробелов [2, с. 79].

Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. № 6-П кардинально изменило направление развития судебной практики в этой сфере, внося необходимые коррективы в действующее правовое регулирование². Однако проблема требует системного законодательного решения, включая определение правового статуса эмбрионов, условий и порядка получения согласия на посмертное использование репродуктивных клеток, а также установление правовых последствий рождения ребенка после смерти генетического родителя (вопросы наследства, социального обеспечения, установления отцовства) [3, с. 23].

Следующей ключевой проблемой является суррогатное материнство: требование генетической связи с обоими родителями.

Конституционный Суд РФ в Определении от 13 мая 2025 г. № 1222-О подтвердил конституционность требования об обязательном использовании половых клеток обоих супругов для применения программы суррогатного материнства³. Суд указал, что обязательным условием применения суррогатного материнства супругами является использование для оплодотворения половых клеток обоих супругов, и такое регулирование не выходит за пределы правотворческих полномочий федерального законодателя, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей.

¹ Минздрав намерен ужесточить надзор за медучреждениями, оказывающими связанные с ВРТ услуги [Электронный ресурс] URL.: <https://www.vshouz.ru/news/science/wcs-19153/> (Дата обращения: 20.01.2026).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. № 6-П по делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю.Щаниковой // Собрание законодательства РФ. 2025. № 7, ст. 694.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 13 мая 2025 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан К.Т. и К.Ю. на нарушение их конституционных прав частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».

Данная позиция создает серьезные препятствия для пар, в которых один из супругов не может предоставить собственные половые клетки по медицинским показаниям. В таких случаях применение донорских половых клеток в рамках договора суррогатного материнства законом не предусмотрено. Это порождает дискуссию о необходимости законодательного закрепления исключений из данного правила при наличии медицинских противопоказаний.

Наиболее сложной и требующей безотлагательного решения является проблема разграничения законного договора суррогатного материнства и уголовно наказуемой сделки купли-продажи детей. Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к этому вопросу, в том числе в определениях от 27 ноября 2025 г. № 3113-О, № 3114-О и № 3115-О, однако исчерпывающего решения так и не предложил¹.

Судебная практика демонстрирует крайне тревожные примеры. Верховный Суд РФ в одном из дел указал, что наличие генетической связи без учета обстоятельств, установленных в рамках расследования уголовного дела по факту торговли детьми под видом суррогатного материнства, не может служить основанием для передачи детей на воспитание лицу, которое принимало участие в такой сделке. Суд подчеркнул, что передача детей такому лицу может невольно оказать содействие результативному завершению сделки купли-продажи людей, что противоречит конституционным принципам защиты государством материнства и детства.

Представляется, что любые нарушения закона в части регулирования договора суррогатного материнства не могут автоматически трансформироваться в уголовно наказуемое деяние. Чтобы деяние конституировало преступление, оно должно характеризоваться общественной опасностью (ст. 14 УК РФ), а не просто противоречить положениям регулятивного законодательства.

Договор суррогатного материнства имеет межотраслевую природу, однако его правовая регламентация остается фрагментарной. В Гражданском кодексе РФ отсутствуют специальные нормы, регулирующие данный вид договора, что создает правовую неопределенность в вопросах: существенных условий договора; прав и обязанностей сторон; форм ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора; последствий расторжения договора.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, отдельное закрепление такого договора в Гражданском кодексе РФ с определением существенных условий, сторон, их прав и обязанностей, а также форм ответственности позволило бы четко очертить сферу гражданско-правовых нарушений и исключить их необоснованную криминализацию [4, с. 191].

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2025 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Филиппины и Соединенных Штатов Америки П.К. на нарушение его конституционных прав пунктом «б» части второй статьи 1271 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частями 3 и 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Практическая иллюстрация проблемы — случаи, когда суррогатная мать отказывается передавать ребенка биологическим родителям. В Тюмени рассматривается иск суррогатной матери, которая после рождения ребенка с выявленными отклонениями решила оставить малыша себе¹. Биологические родители пытались увеличить гонорар, но договориться не удалось. Адвокат суррогатной матери ссылается на прецедент, когда суд уже вставал на сторону другой суррогатной матери. Юристы отмечают, что суррогатная мать действительно может запретить записывать других лиц родителями и зарегистрироваться как мать в органах ЗАГС.

Перспективы развития законодательства сводятся к следующим ключевым позициям.

Во-первых, это совершенствование контроля и повышение эффективности. Минздрав РФ предлагает внедрить рейтингование клиник, осуществляющих ВРТ, с распределением квот на проведение ЭКО по ОМС в зависимости от их эффективности. Основным критерием должна стать доля родов после выполненной процедуры. Предлагается также ограничить доступ к финансированию по ОМС для организаций, выполнивших менее 100 результативных циклов ЭКО за год.

Ассоциация клиник ВРТ, объединяющая частные медицинские центры, выступает за стандартизацию процесса получения квот и контроля качества на федеральном уровне, а также распределение объемов помощи на основе показателей реальной результативности клиник. Участники форума Ассоциации отмечают, что отсутствие единых требований к экспертизе качества программ ВРТ приводит к субъективизму при проверках.

Во-вторых, представляется целесообразным включение в Гражданский кодекс РФ отдельной главы, регламентирующей договор суррогатного материнства. Такое регулирование должно предусматривать: обязательное нотариальное удостоверение договора, существенные условия (права и обязанности сторон, размер и порядок выплаты вознаграждения, порядок разрешения споров), основания и последствия расторжения договора и гарантии защиты прав ребенка.

Необходимо принятие специального закона, определяющего:

- условия и порядок получения предварительного согласия гражданина на использование его репродуктивных клеток после смерти;
- сроки, в течение которых возможно посмертное использование репродуктивного материала;
- правовые последствия рождения ребенка (установление происхождения, наследственные права, право на пенсию по потере кормильца);
- роль медицинской организации и нотариуса в оформлении волеизъявления гражданина.

Критически важным является законодательное установление четких критериев разграничения договора суррогатного материнства и состава преступле-

¹ Предлагали доплатить. Суррогатная мать не хочет отдавать ребенка родителям // Аргументы и факты. Тюмень.2025. 8 сентября. [Электронный ресурс] URL.: <https://tmn.aif.ru/society/predlagali-doplatit-surrogatnaya-mat-ne-hochet-otdavay-rebenka-roditelyam> (Дата обращения: 20.01.2026).

ния, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми). Такое разграничение может основываться на следующих признаках:

- наличие медицинских показаний для применения суррогатного материнства;
- генетическая связь ребенка с потенциальными родителями (хотя бы с одним из них);
- надлежащее оформление договора;
- отсутствие признаков коммерциализации деторождения как цели извлечения прибыли.

Таким образом, правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в России находится на этапе активного развития, однако характеризуется существенными пробелами и противоречиями. Ключевыми проблемами остаются: законодательный вакуум в сфере постмортальной репродукции, неопределенность правового статуса договора суррогатного материнства, отсутствие четких критериев разграничения законного суррогатного материнства и уголовно наказуемой торговли детьми, а также недостаточный контроль качества и эффективности медицинских организаций, осуществляющих ВРТ.

Перспективы развития законодательства связаны с принятием комплексного нормативного акта, регулирующего применение ВРТ, включая детальную регламентацию договора суррогатного материнства, установление правовых основ постмортальной репродукции, внедрение эффективных механизмов контроля качества. Только при условии системного правового регулирования возможно обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов в столь деликатной сфере, затрагивающей основы существования человека и общества.

Библиографический список

1. Кузнецова Н. В. Особенности правового регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №1. С. 134-136.
2. Мельничук М. А., Канукова Д. М. Актуальные проблемы реализации прав и обязанностей субъектами правоотношений с использованием вспомогательных репродуктивных технологий // Закон и право. 2025. №3. С. 78-82.
3. Чепенко Я.К. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу постмортальной репродукции // Конституционное и муниципальное право. 2026, № 3. С. 21-25.
4. Коробкина П. С. Правовые и морально-этические проблемы договора о суррогатном материнстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №3-2 (78). С. 191-193.

© Таран Г.Г., 2026

Токмина Елизавета Максимовна,
магистрант кафедры гражданского права
Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия, liztokminaa@mail.ru

Ахтямова Евгения Викторовна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права
Института права УУНиТ
г. Уфа, Россия, Evaah@rambler.ru

ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СВОБОДОЙ ДОГОВОРА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ «УМНЫХ» ЦЕНОВЫХ АЛГОРИТМОВ

Аннотация. В статье исследуется феномен «алгоритмического злоупотребления» свободой договора в условиях цифровой экономики. Анализируется ситуация, когда программное обеспечение, а не человек, определяет существенные условия договора, что ставит под сомнение классическое понимание свободы волеизъявления сторон. Рассматривается возможность применения антимонопольного законодательства к согласованным алгоритмическим действиям, а также зарубежная судебная практика по делам об алгоритмическом ценообразовании. Предлагаются критерии «добросовестного алгоритма» и введение изменений в действующее гражданское законодательство РФ.

Ключевые слова: алгоритмическое ценообразование, злоупотребление правом, свобода договора, антимонопольное регулирование, цифровая экономика, динамическое ценообразование, сговор алгоритмов.

Tokmina Elizaveta Maksimovna
master's student of the chair of Civil Law
of the Institute of Law of the
Ufa University Science and Technology
Ufa, Russia, liztokminaa@mail.ru

Akhtyamova Evgeniya Viktorovna
Candidate of Sciences (Law),
Associate Professor of the chair of Civil Law
of the Institute of Law of the
Ufa University Science and Technology
Ufa, Russia, E-mail: Evaah@rambler.ru

THE PROBLEM OF ABUSE OF FREEDOM OF CONTRACT IN THE USE OF «SMART» PRICING ALGORITHMS

Abstract. This article examines the phenomenon of «algorithmic abuse» of freedom of contract in the context of the digital economy. It analyzes situations where software, rather than a human agent, determines the essential terms of a con-

tract, thereby challenging the classical understanding of the autonomy of the parties' will. The paper explores the potential application of antitrust legislation to concerted algorithmic practices, and relevant foreign case law on algorithmic pricing. It proposes criteria for defining a «bona fide algorithm» along with the introduction of amendments to the current civil legislation of the Russian Federation.

Key word: algorithmic pricing, abuse of rights, freedom of contract, antitrust regulation, digital economy, dynamic pricing, algorithmic collusion.

Цифровая экономика коренным образом меняет традиционные представления о механизмах заключения договоров и формирования цен. Крупные маркетплейсы, агрегаторы и платформы электронной коммерции активно внедряют алгоритмы динамического ценообразования, которые в режиме реального времени адаптируют цену предложения под конкретного пользователя с учетом его платежеспособности, поведенческих характеристик, местоположения и даже психологического состояния.

Как отмечают Ариэль Эзрачи и Морис Штукке в своей работе «Virtual Competition», «инновации от компьютерных алгоритмов и больших данных могут иметь преобразующее позитивное воздействие, но также открывают дверь к новым конкурентным динамикам и возможности для снижения благосостояния [1, с. 12]. Эта двойственность технологического прогресса создает уникальные вызовы для правового регулирования.

Продавец формально сохраняет свободу заключения договора и определения его условий. Однако, когда решение о цене принимает алгоритм, обученный на массивах данных о поведении миллионов потребителей и запрограммированный на максимизацию прибыли, возникает ситуация, где свобода договора одной стороны превращается в иллюзию для другой. Формирование существенных условий договора, а именно цены, осуществляется посредством закрытого алгоритма, что исключает для покупателя возможность понимать логику ценообразования и, следовательно, лишает его возможности осознанно формировать свою волю при заключении сделки.

В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ, не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Применительно к алгоритмическому ценообразованию злоупотребление может выражаться в:

- использовании алгоритмов для создания искусственного дефицита;
- применении дискриминационных ценовых параметров, не связанных с объективными характеристиками товара;
- манипулировании потребительским выбором через скрытое ранжирование предложений.

Большинство пользовательских соглашений и публичных оферт в цифровой среде являются договорами присоединения. Согласно п. 2 ст. 428 ГК РФ, присоединившаяся сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если он хотя и не противоречит закону, но лишает эту сторону прав,

обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора.

Алгоритмическое ценообразование может подпадать под категорию «явно обременительных условий», особенно когда потребитель не информирован о применении таких алгоритмов и не имеет возможности от них отказаться.

В российской правовой доктрине начинает формироваться дискуссия о пределах свободы договора в условиях цифровизации; отдельные аспекты злоупотребления правом при использовании ценовых алгоритмов затрагиваются в работах А.И. Савельева, Л.Ю. Василевской в контексте антимонопольного регулирования цифровых платформ и автоматизированной формы волеизъявления. Так, Л.Ю. Василевская указывает, что использование автоматизированных систем для формирования условий договора ставит вопрос о границах допустимого программирования волеизъявления. Если алгоритм запрограммирован на максимизацию прибыли любой ценой, включая дискриминацию отдельных категорий потребителей, возникает коллизия между технической реализацией и правовыми принципами добросовестности и разумности [2, с.112]. Ученый прямо ставит проблему «недобросовестного программирования» и необходимости правового контроля за тем, как алгоритмы реализуют волю стороны.

По мнению А.И. Савельева алгоритмическое ценообразование само по себе не является противоправным, однако его использование может создавать условия для злоупотребления доминирующим положением и координации экономической деятельности, особенно когда несколько участников рынка используют один и тот же алгоритм или поставщика алгоритмических решений [3, с.237]. Проблема усугубляется непрозрачностью таких алгоритмов, что затрудняет доказывание наличия согласованных действий.

Таким образом, цифровые платформы, использующие алгоритмическое ценообразование, получают уникальную возможность сегментировать рынок и устанавливать индивидуальные цены для каждого потребителя. При отсутствии надлежащего контроля такая практика может перерасти в злоупотребление, поскольку потребитель лишен возможности сравнивать предложения и понимать, на каких основаниях сформирована цена.

Наиболее развитая судебная практика по делам об алгоритмическом ценообразовании сложилась в США, где за последние два года было вынесено несколько резонансных решений.

15 августа 2025 года Апелляционный суд девятого округа США вынес решение по делу *Gibson v. Cendyn Group*, ставшему первым апелляционным разбирательством, посвященным алгоритмическому ценообразованию.

Истцы – арендаторы гостиничных номеров на Лас-Вегас Стрип – подали коллективный иск против нескольких отелей и компании «Cendyn Group», предоставлявшей программное обеспечение для управления доходами. Истцы утверждали, что отели использовали программные продукты Cendyn (GuestRev для рекомендаций по индивидуальным ценам, GroupRev для групповых тари-

фов и RevCaster для мониторинга конкурентных цен) для искусственного завышения цен на номера.

Суд отклонил иск, установив, что:

- лицензионные соглашения между Cendyn и отелями представляли собой «обычные договоры купли-продажи», которые не ограничивали свободу ценообразования отелей;
- отели сохраняли возможность устанавливать цены по собственному усмотрению и не были обязаны следовать рекомендациям алгоритма;
- отсутствовали доказательства того, что Cendyn использовала конфиденциальную информацию одного отеля для формирования ценовых рекомендаций другим отелям.

Ключевой вывод суда: «Закон не требует от бизнеса закрывать глаза на информацию или отказываться от использования сервиса только потому, что его конкуренты также используют этот сервис»¹.

20 октября 2025 года суд Калифорнии вынес решение по делу *Mach v. Yardi Systems*, где истцы утверждали, что программное обеспечение Yardi использовалось владельцами арендной недвижимости для координации арендных ставок. Суд установил, что, хотя владельцы недвижимости вводили свою информацию в программное обеспечение Yardi, эти данные использовались «для их собственных целей», а не «для генерации ценовых рекомендаций для их конкурентов»². При отсутствии доказательств того, что программное обеспечение делилось конкурентно чувствительной информацией, суд не нашел оснований для вывода о горизонтальном соглашении.

Рассмотрим примеры из российской судебной практики.

В 2023 году в ФАС поступило более 300 жалоб от пассажиров и водителей на «Яндекс.Такси». Основные претензии касались: непрозрачности алгоритмов динамического ценообразования; высокой комиссии для водителей (28%); необоснованных блокировок водителей и пассажиров.

Заместитель руководителя ФАС П.В. Иванов заявил, что «алгоритм ценообразования услуг такси, исходя из которого формируется динамическое ценообразование, не раскрывается компанией в полном объеме»³. Служба продолжила анализ практик ценообразования агрегаторов такси, отметив наличие серьезных замечаний. Применению мер реагирования препятствовал мораторий на проверки IT-компаний, действовавший до 31 декабря 2024 года.

В январе 2025 года антимонопольная служба раскрыла картельный сговор, участниками которого стали 27 продавцов наушников на маркетплейсах⁴.

¹ URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/24-3576/24-3576-2025-08-15.html> (дата обращения: 12.01.2026).

² URL : <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=9b36d731-a8fb-4e20-a917-df3fca139cc8> (дата обращения: 12.01.2026).

³ ТАСС: информ. агентство России: сайт. Москва. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20081691> (дата обращения 12.01.2026).

⁴ Решение ФАС России от 31 января 2025 г. по делу № 22/01/11-60/2024. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2026).

Было установлено, что они координировали свои действия через телеграм-чат, синхронно меняли цены на Ozon, Wildberries, «Яндекс.Маркете» и «Мегамаркете», применяя санкции к нарушителям договоренностей (отрицательные отзывы, заказ их товаров в удаленные регионы без выкупа).

Для добросовестных продавцов это создает искусственные убытки. В ситуациях, когда два или более продавца используют алгоритмы динамического ценообразования, может возникнуть ситуация «ценовой войны роботов». Алгоритм ИИ одного продавца видит, что у конкурента цена ниже, и автоматически снижает свою, чтобы оставаться конкурентоспособным. Алгоритм конкурента делает то же самое («технологический демпинг»). Этот цикл может повторяться до бесконечности, пока цена не упадет ниже себестоимости.

Для добросовестного продавца, который вынужден участвовать в этой рыночной экосистеме, это создает убытки, не обусловленные реальным спросом или качеством товара.

Также алгоритм может показывать разным покупателям разные цены. Для добросовестного продавца это создает искусственный разрыв: его товар проигрывает в выдаче не потому, что он плохой, а потому, что алгоритм площадки продвигает более дорогие позиции или позиции «своих» поставщиков.

Под «искусственными убытками» в контексте цифровых правоотношений следует понимать реальный ущерб (расходы, которые лицо произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права) и/или упущенная выгода (неполученные доходы), возникшие не вследствие объективных рыночных колебаний (инфляции, волатильности спроса и предложения), а непосредственно в результате противоправного действия или бездействия алгоритмических систем (цифровых платформ, программных комплексов), квалифицируемого как нарушение антимонопольного законодательства или акт недобросовестной конкуренции.

Для покупателей такие действия ведут к поддержанию монопольно высоких цен на рынке и ограничивают выбор. Участники сговора, злоупотребляя свободой договора, используют согласованные механизмы (типовые условия, одинаковые цены, единые требования к контрагентам) для устранения конкурентов, предлагающих товар по более низким ценам. В результате потребитель лишается возможности приобрести товар по справедливой рыночной стоимости, что является формой злоупотребления правом, выходящей за пределы осуществления гражданских прав (ст. 10 ГК РФ).

Проблема злоупотребления свободой договора при использовании «умных» ценовых алгоритмов является ярким примером технологического вызова устоявшимся правовым концепциям. Свобода выбора контрагента и инструментария для ведения бизнеса не должна трансформироваться в свободу ограничивать конкуренцию посредством кода.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что решающее значение для квалификации действий как незаконных имеет не сам факт использования алгоритма, а характер данных, которые в него загружаются, и степень влияния алгоритма на итоговое волевое решение компании. Пока алгоритм работает с публичной информацией и служит лишь рекомендательным инстру-

ментом, сохраняется презумпция законности. Как только он превращается в механизм обмена конфиденциальными данными между конкурентами и инструмент принуждения к единообразию цен, договор на его использование утрачивает правовую защиту и становится формой злоупотребления правом.

Представляется целесообразным внесение изменений в российское законодательство:

Во-первых, необходимо дополнение ст. 11 Закона о защите конкуренции указанием на то, что согласованным использованием алгоритмов ценообразования, приводящим к установлению или поддержанию цен, может признаваться антиконкурентным действием;

Во-вторых, важно дополнить ст. 10 ГК РФ положением о недопустимости использования алгоритмов, дискриминирующих потребителей без объективных экономических оснований;

В-третьих, установление требования прозрачности для платформ, использующих алгоритмическое ценообразование: обязанность информировать потребителей о применении алгоритмов и основных факторах, влияющих на цену, позволит обеспечить в полной мере права потребителей.

На основе анализа зарубежной практики можно предложить следующие критерии оценки добросовестности алгоритмического ценообразования:

- прозрачность для регулятора: алгоритм должен допускать аудит и проверку заложенных в него принципов ценообразования;
- независимость решений: пользователь должен сохранять возможность отклоняться от рекомендаций алгоритма без негативных последствий;
- отсутствие обмена конфиденциальной информацией: алгоритм не должен использовать данные одного клиента для формирования ценовых предложений его конкурентам;
- недискриминационность: цена должна формироваться на основе объективных факторов, а не защищенных признаков (национальность, пол, возраст).

Таким образом, использование алгоритмов динамического ценообразования создает принципиально новые вызовы для правового регулирования, поскольку классические конструкции свободы договора и антимонопольного контроля оказываются недостаточно приспособленными к реалиям цифровой экономики.

Зарубежная судебная практика демонстрирует, что суды пока не готовы признавать само по себе использование общего алгоритма достаточным основанием для антимонопольной ответственности — ключевым остается доказывание факта обмена конфиденциальной информацией или наличия соглашения между конкурентами.

Оптимальным путем решения проблемы представляется сочетание законодательных изменений (установление принципов прозрачности и недискриминационности), правоприменительной практики (выработка критериев добросовестности алгоритмов) и саморегулирования (кодексы поведения разработчиков).

Библиографический список

1. Ezrachi A., Stucke M. Evidence on Online Platforms and the EU Digital Single Market // UK Parliament. 2016. 25 с.
2. Аюшеева, И.З. Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития: монография / И.З. Аюшеева, Л.Ю. Василевская; под. ред. Л.Ю. Василевская. Москва: Проспект, 2025. 312 с.
3. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статут, 2020. 640 с.

© Токмина Е.М., Ахтямова Е.В., 2026

УДК 347.1

Тужилова-Орданская Елена Марковна,
доктор юридических наук, профессор,
зав.кафедрой гражданского права
Института права УУНиТ
Уфа, Россия, ordanskayelena@list.ru

ВОПРОСЫ СОБСТВЕННОСТНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ А.В. ВЕНЕДИКТОВА

Аннотация: В статье исследуется понятие собственностной правосубъектности граждан сквозь призму теоретических положений, разработанных А.В. Венедиктовым в учении о государственной социалистической собственности. Анализируется соотношение категорий правоспособности, дееспособности и правосубъектности в общетеоретической и цивилистической науке. Автор приходит к выводу об условности отождествления правоспособности и правосубъектности в рамках гражданского права и необходимости их разграничения применительно к специальным видам собственностной правосубъектности.

Ключевые слова: правоспособность; дееспособность; деликтоспособность; правосубъектность; право собственности; собственностная правосубъектность.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law
Ufa, Russia, ordanskayelena@list.ru

ISSUES OF PROPRIETARY LEGAL PERSONALITY IN THE LIGHT OF A.V. VENEDIKTOV'S THEORY

Abstract. The article examines the concept of citizens' proprietary legal personality through the prism of theoretical provisions developed by A.V. Venediktov in his doctrine of state socialist property. The correlation between the categories of legal

capacity, capacity to act and legal personality in general theoretical and civil law science is analyzed, as well as the branch and special legal personality of citizens. The author concludes that the identification of legal capacity and legal personality within the framework of civil law is conditional and that it is necessary to distinguish them in relation to special types of proprietary legal personality.

Key words: legal personality; proprietary legal personality; legal capacity; capacity to act; delictual capacity; right of property.

Как бы не исследовалась собственность, при любых обстоятельствах ей присущи два элемента, а именно субъект и объект. Субъект – это лицо, которому принадлежит объект собственности. Им может выступать гражданин как физическое лицо, общественное объединение граждан без образования юридического лица, общественное объединение граждан в форме юридического лица, муниципальное образование, субъект Федерации или Российская Федерация в целом. Одним словом, субъект-это фигура собственника.

Объект собственности - это имущество, или вещь, которая принадлежит собственнику. На основе прочной юридической связи двух названных элементов возникает право собственности. И.А. Покровский писал, что неперенная юридическая связь лица с вещью – первый и наиболее существенный элемент права собственности [1, с. 330].

Юридическая связь этих двух составных частей исторически выразила принадлежность объекта отдельному индивидууму, положив тем самым начало праву частной собственности, то вполне логично, в первую очередь, исследовать проблему собственнической правосубъектности граждан.

В общетеоретической и цивилистической литературе понятие «правосубъектность» обычно рассматривалось в сочетании с понятиями «правоспособности», «дееспособности», «субъективное право», а также иногда «деликтоспособности», «правовой статус» и др. При этом в одних случаях указанную связку рассматривали применительно к праву, других - к правоотношениям. Соответственно, требуется ответить на вопрос, почему эти понятия исследуются в совокупности, в каком соотношении находятся между собой и что собой выражают.

Говоря об указанной проблеме следует, прежде всего, обратиться к общей теории права. Так, С.С. Алексеев ставил знак равенства между правосубъектностью и субъектом права как равнозначным по содержанию понятиям. Правосубъектность включает в себя праводееспособность и является таким свойством, общественно- юридическим состоянием лица, которое по своей природе от него неотъемлемо.

Правосубъектность, как известно, представляет собой особое субъективное право, которое входит в состав общих правоотношений и в единстве с другими общими правами и обязанностями охватывается понятием правового статуса.

С.С. Алексеев подразделял правосубъектность на три вида: 1) общую; 2) отраслевую; 3) специальную. Наряду с правоспособностью и дееспособностью в некоторых случаях обособляется, по его мнению, еще одно проявление пра-

восубъектности - деликтоспособность как способность лица нести юридическую ответственность за совершенные правонарушения(деликты) [2, с. 138-146].

Исходя из данной трактовки, понятие «собственническая правосубъектность» в самом общем представлении означает возможность лица быть субъектом права собственности. Кроме того, с позиции гражданского права правосубъектность и правоспособность рассматриваются как синонимы, поскольку гражданское законодательство, как известно, понятия «правосубъектность» не знает и применяет в отношении граждан категории «правоспособность» и «дееспособность». Поскольку правоспособность есть способность к обладанию гражданскими правами и обязанностями, это означает возможность быть субъектом права, постольку в рамках цивилистической теории правоспособность и правосубъектность рассматривались некоторыми авторами как равнозначные понятия. Так, С.Н. Братусь, говоря о предпосылках субъективных права и обязанностей, называл правоспособность и дееспособность, о правосубъектности же вообще не упоминал [3, с. 29-32]. Позднее, в своих работах ученый пришел к выводу, что правоспособность и правосубъектность - понятия тождественные. Справедливости ради отметим, что этот вывод ранее был сделан А.В. Венедиктовым, но применительно к госорганам. В своей монографии о государственной собственности 1948 г. академик писал, что право «наделяет их правоспособностью, или, что то же то правосубъектностью, т.е. способностью быть самостоятельным (особым) носителем, субъектом этих прав и обязанностей» [4, с. 615].

Вывод А.В. Венедиктова и С.Н. Братуся, вероятно, был использован законодателем в процессе второй кодификации гражданского законодательства, в которой категория «правосубъектность» не использовалась. Но у данного подхода были и противники. Одни авторы считали, что за пределами гражданского права вообще нет места для правоспособности и речь может идти только лишь о правосубъектных лицах и субъективных правах [5, с. 255-283]. Другие же не признавали тождество правоспособности и правосубъектности даже в рамках одного гражданского права [6, с. 112].

О.С. Иоффе давая анализ взглядов как сторонников отождествления правоспособности и правосубъектности, так и противников этой концепции, полагал, что «необходимой и достаточной предпосылкой признания гражданина субъектом гражданского права служит уже сам по себе факт объявления правоспособным». В тоже время, по мнению ученого, дееспособность также является одним из проявлений правосубъектности, а в конечном итоге это понятие включает в себя право- и дееспособность [7, с. 120-121].

Р.О.Халфина, исследуя указанную проблему, также не согласилась с отождествлением правоспособности и правосубъектности и считала, что для общего понятия, определяющего возможность участия в правоотношении, представляется целесообразным применение понятия правосубъектности как предпосылки участия в правоотношении [8, с. 117]. Таким образом, в конструкции Р.О. Халфиной понятие правосубъектности более широкое, чем праводеееспособность, поскольку включает в себя еще и те нормы, образующие правовой статус, которые дают возможность участия в правоотношении. А, в свою оче-

редь, правосубъектность является элементом правового статуса гражданина как более широкого по содержанию явления.

Следовательно, гражданская правосубъектность, с одной стороны, более узкая по содержанию, чем собственническая правосубъектность вообще, поскольку последняя регулируется не только нормами гражданского права, но нормами других отраслей права. С другой стороны, гражданская правосубъектность более широкая по сравнению с собственнической, поскольку включает в себя не только имущественную (собственническую) область отношений, но и другие сферы человеческой жизнедеятельности.

Представляется, что собственническая правосубъектность подразделяется на общую, отраслевую и специальную и реализуется в соответствующих правовых формах.

Общая собственническая правосубъектность граждан помимо традиционных аспектов в настоящее время значительно расширена на уровне Основного закона РФ, где впервые закреплено право каждого гражданина на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом деятельности (ст.34).т.е. право собственности граждан на свой труд и рабочую силу и свободное использование своего имущества.

Объем и содержание собственнической правосубъектности граждан расширяется также и на основе п.2 ст.8 Конституции, где зафиксирован открытый перечень форм собственности в РФ, а также п. 2 ст.9 Конституции, закрепившей возможность иметь в частной собственности землю и другие природные ресурсы. Это положение является переходным от общей собственнической правосубъектности граждан в специальную земельную собственническую правосубъектность, создает исходные ее начала, которые получают развитие в земельном законодательстве. Дополнением специальной собственнической правосубъектности граждан на землю является снятие в п.2 ст. 36 Конституции РФ моратория на куплю-продажу и другие сделки с земельными участками. «Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами», - говорится здесь, - осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц».

Ст. 19 Закона РФ «О крестьянском(фермерском) хозяйстве»¹ предусмотрела обширный перечень правомочий, которые могут быть предоставлены гражданам, имеющим земельный участок для ведения крестьянского хозяйства.

Земельный кодекс РФ еще больше расширил пределы собственнической правосубъектности. Согласно ст.ст.15, 22 ЗК РФ граждане имеют право по своему выбору на получение в собственность, аренду земельных участков для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства; индивидуального жилищного строительства и личного подсобного хозяйства в городах, посёлках и сельских

¹ Федеральный закон от 11 июня 2003 г. N 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.05.2026).

населенных пунктах, садоводства, огородничества, животноводства; иных целей, связанных с ведением сельскохозяйственного производства.

Анализ земельной собственности граждан дает основание сделать вывод: для полного объема специальной правосубъектности недостаточно быть правоспособным, лицо должно быть и дееспособным.

Из всего сказанного следует, что отождествлять понятия «правоспособность» и «правосубъектность» можно лишь условно и только в рамках гражданского права. Условно потому, что, если правоспособность гражданским законом определяется как способность иметь права и нести обязанности, это равносильно тому, чтобы быть субъектом права, правосубъектным. И только в таком смысле можно говорить о тождестве указанных понятий. Почему в рамках гражданского права можно говорить об условности тождества указанных понятий? Потому, что именно гражданское право применительно к своим субъектам в лице граждан разделило их правосубъектность на правоспособность и дееспособность.

Что же касается отраслевой (кроме гражданского права), а тем более специальной собственности граждан, то она предполагает правоспособность вместе с деликтоспособностью, т.к. правам как правило корреспондируют обязанности, за неисполнение которых должна следовать юридическая ответственность.

Библиографический список

1. Покровский И.А. История римского права. СПб., 1913. 572 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: Курс в 2 т. Т. 2. М., 1982. 360 с.
3. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. 364 с.
4. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 839 с.
5. Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 255–283.
6. Пергамент А.И. К вопросу о правовом положении несовершеннолетних // Ученые записки ВЮОН. Вып. 3. М., 1955. С. 3-69.
7. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 160 с.
8. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 352 с.

© Тужилова-Орданская Е. М., 2026

Федулина Екатерина Валерьевна,
Компания А2М
Руководитель отдела международного комплаенс
кандидат юридических наук,
Москва, Россия, katty45@yandex.ru

Ахметвалиев Даут Расихович,
аспирант кафедры гражданского права
Институт права
Уфимского университета науки и технологий
Уфа, Россия, daut@mail.ru

Научный руководитель:
Тужилова-Орданская Елена Марковна
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права
Института права
Уфимского университета науки и технологий

АВТОНОМИЯ ВОЛИ СТОРОН КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОЛЛИЗИИ ПРАВОПОРЯДКОВ

Аннотация: статья посвящена автономии воли сторон как ключевому механизму предотвращения коллизий правопорядков в международном частном праве. Рассматриваются теоретико-правовая природа автономии, её диспозитивный характер, а также место в системе коллизионного регулирования. Цель: сравнительный анализ сложившихся подходов ряда юрисдикций к признанию и ограничению свободы выбора применимого права; акцент на практических формулировках коллизионных оговорок в международных договорах и их роли в минимизации правовой неопределённости. Методы: общенаучные (сравнение, описание, анализ и синтез, индукция и дедукция) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, толкования). Результаты: исследование дало возможность установить, что автономия воли сторон повышает предсказуемость трансграничных сделок и функционирует как инструмент правовой саморегуляции в условиях правового плюрализма. В обозначенном контексте, авторами обозначены перспективы развития института.

Ключевые слова: МЧП, автономия воли, коллизионные нормы, выбор права, международный договор, унификация

Fedulina Ekaterina Valeryevna,
A2M Company, Head of International Compliance Department,
Candidate of Laws, email: katty45@yandex.ru

Akhmetvaliev Daut Rasikhovich,
Postgraduate Student of Department of Civil Law of Institute of Law
Ufa University of Science and Technology,
email: daut@mail.ru

Scientific advisor:
Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya
Doctor of Law, Professor Head of the Department of Civil Law
Institute of Law Ufa University of Science and Technology

AUTONOMY OF THE WILL OF THE PARTIES AS A KEY MECHANISM FOR PREVENTING CONFLICTS OF LAW

Abstract. The article is devoted to the analysis of the autonomy of the will of the parties as a key mechanism for preventing conflicts of law and order in private international law. The theoretical and legal nature of autonomy, its dispositive nature, as well as its place in the system of conflict-of-laws regulation are considered. Purpose: A comparative analysis of the approaches of certain jurisdictions to the recognition and restriction of freedom of choice of applicable law is carried out; accent on the practical formulations of conflict-of-laws clauses in international treaties and their role in minimizing legal uncertainty. Methods: general scientific methods (comparison, description, analysis and synthesis, induction and deduction) and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal, interpretative). Results: the research allowed to establish that the autonomy of the will of the parties not only increases the predictability of cross-border transactions, but also functions as a tool of legal self-regulation in conditions of legal pluralism. In said context, the prospects for the development of the institute are indicated by the authors.

Keywords: PIL, autonomy of the will, conflict of laws rules, choice of law, international agreement, unification

Одним из главных вопросов, возникающим перед сторонами при заключении международного коммерческого договора, остается выбор права, которое будет регулировать их взаимоотношения. Автономия воли сторон на этом этапе является определяющим механизмом, поскольку наделяет участников правоотношения возможностью самостоятельно определить нормативную плоскость, в которой будет разворачиваться их договорное взаимодействие. Фактически представляется возможным вести речь о делегировании государством участникам трансграничных частноправовых отношений определенного объема регулятивной компетенции - и именно в этой делегированной свободе заключён потенциал правовой определенности для сторон. Концепция автономии воли сторон - от её первых упоминаний в римско-канонической традиции до её совре-

менного нормативного закрепления в международных и региональных актах - претерпела множество трансформаций, но не утратила своей сущности. Более того, в современном мире её значение возрастает: свобода выбора права позволяет сторонам выбирать правовую систему, наиболее отвечающую их экономическим, культурным и правовым ожиданиям.

Автономия воли сторон представляет собой признанное во всех развитых правовых системах право участников транснациональных частноправовых отношений самостоятельно определять, право какого государства будет регулировать их договор.

В отечественной доктрине международного частного права на автономию воли сторон обращается внимание как на «источник МЧП», «принцип МЧП», «специальный метод МЧП», «норму об автономии воли», «одну из форм принципа тесной связи», «одну из коллизионных привязок» [1, с. 1-2].

В международном частном праве автономия воли рассматривается как способ достижения правовой определённости, устойчивости ожиданий сторон и снижения правовых рисков при трансграничных сделках. Будучи элементом договорной свободы, она одновременно имеет характер юридического инструмента с чёткими рамками и ограничениями, в том числе вытекающими из императивных норм и публичного порядка [2, с. 158].

Правовая природа автономии воли формировалась под влиянием как национальных законодательств, так и в результате разработки международных документов. Среди последних немаловажное значение приобрели тексты, направленные на гармонизацию подходов к выбору применимого права. Одним из опосредованных ориентиров можно считать и Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 г.¹, заложившую основу для межгосударственных соглашений, методологические подходы для признания свободы сторон как принципа современного права, представляя тем самым определенную ценность и основу для частноправового измерения. Важную роль в сфере частноправовых договоров играют Принципы международных коммерческих контрактов УНИДРУА, хотя и не обладающие обязательной юридической силой, но воспринимаемые в качестве авторитетного стандарта в международной практике, в отношении которых существует соответствующий устоявшийся международный консенсус и автономия воли сторон в которых является основополагающим принципом².

Особое место для понимания автономии воли занимают Гаагские принципы выбора права, применимого к международным коммерческим договорам

¹ Венская конвенция о праве международных договоров / ООН [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 13.05.2026)

² Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14121/ (дата обращения: 29.04.2026)

(2015 г.)¹. Принципы сформулировали наиболее точное и практически ориентированное выражение свободы выбора применимого права в международных частноправовых отношениях и допускают как выбор национального права, так и обращение к нормам иного, в том числе ненормативного происхождения, находя свое востребованное применение в качестве платформы для универсализации подходов к трансграничным коммерческим сделкам.

Несмотря на исторически предшествовавшее закрепление принципа автономии сторон при выборе применимого права в ряде источников (Кодекс Бустаманте, как первый успешный опыт унификации обширной области коллизионного права; а также, впервые именно в рамках универсальной унификации - в Гагской конвенция 1955 г. о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, и, например, в Гагских конвенциях 1978, 1986 гг., Конвенции Мехико 1994 г.), нормативное воплощение автономии воли наиболее последовательно видится реализованным в рамках Регламента ЕС «Рим I» (Регламент N 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам»)². Статья 3 данного акта закрепляет свободу сторон в выборе применимого права к договору и допускает его как в явной, так и в подразумеваемой форме. Этот документ закрепляет базовый принцип автономии и предусматривает систему ограничений, обеспечивающих баланс между свободой и защитой слабой стороны. Благодаря своей структуре и детализации, «Рим I» стал ориентиром в том числе и для законодателей за пределами Европейского союза.

На уровне национального законодательства автономия воли получила самостоятельное развитие в большинстве современных кодификаций. В российском праве она закреплена в статье 1210 Гражданского кодекса, позволяющей сторонам определить применимое право, если иное не вытекает из существа отношений³. Схожие положения также встречаются, например, во Втором своде коллизионных правил Restatement (Second) of Conflict of Laws, который, хотя и не носит обязательного характера, используется судами при разрешении коллизионных вопросов⁴ и остается авторитетным источником по аспектам договорного права.

Автономия воли сторон в международном частном праве видится диспозитивным механизмом, встроенным в саму архитектуру правового регулирования

¹ Принципы выбора права, применимого к международным коммерческим договорам [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/74177999> (дата обращения: 30.04.2026)

² Регламент N 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза "О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам ("Рим I")" от 17.06.2008. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=43633#tbGvZJVMLnNtNwNn1>

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 №146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Дата обращения: 14.05.2026)

⁴ Restatement (Second) of Conflict of Laws / Law schoolers. [Электронный ресурс] // URL: <https://lawschoolers.com/restatement-second-of-conflict-of-laws/> (дата обращения: 29.03.2026)

ния и функционирует как его органическая составляющая, обеспечивающая гибкость и адаптивность правоприменительной системы к реальностям трансграничного частнопроводного взаимодействия. Коллизионное право предполагает многообразие потенциально применимых правовых порядков, и в этой рамке выбор самих сторон воспринимается как способ нормативной конкретизации: в отсутствие установленной единообразной материальной нормы в соответствующем случае именно воля сторон свидетельствует о наличии юридической связи с определённым правом.

Диспозитивный характер автономии воли проявляется, прежде всего, в том, что стороны свободны либо воспользоваться предоставленным им правом выбора, либо отказаться от него, тем самым оставив вопрос определения применимого права на усмотрение законодателя, установившего правило поведения посредством принятия соответствующей нормы, а также суда или арбитража, который будет действовать на основании объективных коллизионных привязок. Однако, сразу после реализацией сторонами своей воли посредством сделанного выбора, диспозитивность трансформируется в обязательство: правоприменитель уже ограничен в возможности отступать от указанного правового порядка, за исключением предусмотренных случаев - например, если выбор сторон не соответствует публичному порядку или противоречит императивным нормам, подлежащим применению независимо от воли сторон.

В международной контрактной практике выбор применимого права является одним из основных элементов правовой архитектуры договора. Именно в момент фиксации этого выбора стороны закладывают фундамент всей будущей интерпретации условий, определения последствий нарушения, регулирования ответственности и даже допустимости доказательств в случае спора. Невыраженный или неопределённый выбор в международном договоре способен привести к правовой неопределённости, удорожанию спора, затягиванию разбирательства и, в конечном итоге, к непредсказуемости исхода.

Наиболее распространённой формой выражения автономии воли сторон является прямая (явная) коллизионная оговорка, которая включает в текст договора определение применимого права. Такие оговорки, как правило, предельно лаконичны, но в формальной простоте концентрируется нормативная плотность (например, «This Agreement shall be governed by and construed in accordance with the laws of England and Wales» [3] или: «Настоящий договор регулируется и толкуется в соответствии с правом Российской Федерации»).

В международной контрактной среде также встречаются более сложные конструкции, включающие выбор права с ограничениями или дополнениями. Так, стороны могут определить право конкретной юрисдикции, но указать, что исключаются нормы коллизионного права этой страны (чтобы избежать так называемой обратной отсылки, например: «This agreement shall be governed exclusively by the substantive law of Switzerland, excluding its conflict-of-laws rules»). В указанном контексте в целом видится уместным отметить и позицию российских правоведов о принципиально взаимоисключающем характере автономии воли и обратных отсылок [4, с. 54]

В арсенале крупных транснациональных контрактов также имеется использование гибридной формулировки, где применимое право сочетается с отсылкой к международным принципам, особенно в договорах с участием государств, транснациональных корпораций или международных финансовых организаций: «The contract shall be governed by the principles of UNIDROIT, supplemented where necessary by the laws of the State of New York»¹. Подобные положения направлены на предоставление сторонам возможности взаимодействия вне жёстких национальных рамок, с опорой на нейтральные источники права, признанные в международной практике.

Кроме явного выбора, контрактная практика знает и подразумеваемый выбор (implied choice of law), который может вытекать из общего содержания договора, поведения сторон, использования определённой юридической терминологии или отсылки к судебной или арбитражной юрисдикции определённого государства. При этом, определение права арбитражем или судом, как правило, влечет за собой несоответствие интересам одного из участников трансграничного частноправового отношения, расценивающего данный подход в качестве преимущества для другого участника [5, Раздел I].

В регулировании автономии воли сторон, несмотря на кажущуюся универсальность принципа, правовые системы демонстрируют разную степень гибкости, структурной строгости и аксиологической направленности. Сравнение подходов ЕС, США и Российской Федерации позволяет увидеть, как одни и те же идеи реализуются в различных нормативных контекстах. Регламент «Рим I», *Restatement (Second)* и статья 1210 ГК РФ — это не просто технические источники права, но выражения глубинных концепций: что такое свобода договора, где заканчивается допустимая диспозитивность и как право реагирует на риски злоупотребления сторон своей волей.

В странах Европейского союза принцип автономии воли сторон получил наиболее стройное и кодифицированное выражение. Регламент (ЕС) № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)² прямо признаёт право сторон выбирать применимое право и устанавливает чёткие рамки и последствия такого выбора. Здесь автономия рассматривается как основной метод определения применимого права в договорных обязательствах. Она допускается как в явной, так и в подразумеваемой форме, если такая воля сторон чётко вытекает из содержания договора или иных обстоятельств. Однако европейская модель не абсолютизирует свободу: право ограничивает выбор в случае, если договор во всех иных аспектах связан

¹ Proposed Amendments/Additions to the UNIDROIT Principles on the Notion of «Long-Term Contracts» / UNIDROIT. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.unidroit.org/english/governments/councildocuments/2016session/cd-95-03-e.pdf> (дата обращения: 06.04.2026)

² Регламент (ЕС) № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I») / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040001> (дата обращения: 05.04.2026)

с одной юрисдикцией, либо если стороны пытаются обойти защитные нормы, направленные на охрану интересов слабой стороны — потребителя, работника, арендатора, создавая, тем самым, уравнивешенную конструкцию - предсказуемую и соотносимую с идеей правовой справедливости.

Американский подход, напротив, гораздо менее кодифицирован и основан на судебной доктрине. Restatement (Second) of Conflict of Laws оказывает определяющее влияние на правоприменительную практику: по смыслу п. § 187, стороны могут выбрать применимое право, если только этот выбор не противоречит фундаментальной политике штата, право которого подлежало бы применению при отсутствии такого выбора. При этом дополнительно указывается, что право должно иметь разумную связь с содержанием договора, что само по себе порождает сложную практическую дискуссию: насколько «разумной» должна быть связь, чтобы суд признал её достаточной? В этом смысле видится возможным говорить, что автономия воли в США - это не столько правило, сколько гипотеза, постоянно проверяемая на прочность в каждом конкретном деле.

Российское право в целом наследует европейскую традицию, но адаптирует её с учётом особенностей внутренней системы. Статья 1210 ГК РФ предоставляет сторонам право по взаимному согласию определить применимое право, при этом подчеркивается, что выбор может быть сделан как до заключения договора, так и в последующем. Специфика отечественного подхода проявляется в повышенном внимании к форме и ясности волеизъявления и подразумевает, чтобы выбор был либо прямо выражен в договоре, либо однозначно вытекал из поведения сторон. Кроме того, суды могут отказаться признавать выбор, если он не имеет разумной связи с правоотношением или направлен на обход норм российского публичного порядка, в результате чего, как представляется, российская модель, оказываясь менее гибкой, обеспечивает более высокую степень формальной определённости.

Коллизии право порядков представляют собой неизбежное следствие сопряжения множества национальных правовых систем в условиях трансграничного хозяйственного взаимодействия и возникают, когда одно и то же правоотношение оказывается потенциально подчинённым различным правовым режимам.

Видится уместным отметить, что автономия воли сторон в этом контексте продолжит выступать как первоочередной механизм преодоления правовой фрагментации, поскольку позволяет сторонам заранее, ещё на стадии заключения договора (оставаясь критерием также для определения применимого права к преддоговорным отношениям [6, с.77]), определить тот порядок, которому они желают подчинить свои обязательства. При этом выбор применимого права трансформирует потенциальную коллизию из неопределённого внешнего фактора в контролируемый элемент внутренней договорной конструкции. Таким образом, коллизионная неопределённость устраняется в том числе через волевое решение участников правоотношения, что превращает автономию воли в инструмент не столько разрешения конфликта, сколько его возможного предотвращения.

Особо следует отметить роль автономии воли в многонациональных сделках, где стороны происходят из право порядков, принадлежащих к разным

правовым семьям - например, континентальной и англосаксонской. Выбор нейтрального и хорошо изученного правопорядка позволяет нивелировать культурно-правовые различия, выступая в роли компромиссного регулятора, подтверждая тем самым роль автономии сторон в международном коммерческом контексте, направленную на повышение предсказуемости и правовой определенности – основополагающих элементов эффективной трансграничной деловой активности [7, гл. 2].

Автономия воли сторон, формализовавшись в признанный правовой принцип и один из основополагающих институтов международного частного права, сегодня функционирует как стабилизирующий элемент в системе международного частного права. Её способность минимизировать коллизии правопорядков, придавать договору нормативную устойчивость и снижать неопределённость правоприменения делает её неотъемлемой частью трансграничного частноправового взаимодействия, позволяя участникам международных хозяйственных связей самим структурировать пределы и содержание принимаемых на себя обязательств, в определенной степени оставляя за собой контроль над юридической судьбой трансграничной коммерческой сделки, и выполняя тем самым координирующую функцию в системе со множеством регуляторов.

Библиографический список

1. Гетьман-Павлова И.В. Автономия воли сторон в международном частном праве России (доктрина, законодательство и судебная практика). Круглый стол 25 – 26 октября 2013 г. (г. Париж). [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2013/11/07/1282188631/%D0%93%D0%B5%D1%82%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD-%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf?ysclid=mp57yll1le299883866> (дата обращения: 14.04.2026).

2. Рожкова К.О. Ограничения автономии воли сторон в выборе применимого права в экономических отношениях, осложненных иностранным элементом // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6. – С. 153–161.

3. Современная судебная система Соединенного Королевства / Zakon.ru. [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2023/10/10/sovremennaya_sudebnaya_sistema_soedinennogo_korolevstva (дата обращения: 03.04.2026).

4. Пирцхалава Х.Д. Развитие института обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства в современном международном частном праве Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2015. – № 2. – С. 52 – 56.

5. Рамберг Я. Международные коммерческие транзакции. Четвертое издание. Публикация ICC N 711 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70530660/> (дата обращения: 06.04.2026).

6. Муратова О.В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: специфика и тенденции правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 3. – С. 71 – 78.

7. Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. Н.Г. Доронина. 2023. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=19117#1UeGLzT9MtKCpJwa> (Дата обращения: 13.05.2026).

© Федулина Е.В., Ахметвалиев Д.Р., 2026

УДК 347

Филиппова Олеся Сергеевна,
кандидат юридических наук
доцент кафедры гражданского права
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия, olla82@mail.ru

КВОРУМ КАК УСЛОВИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ РЕШЕНИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена вопросу правомочности общего собрания акционерного общества, общества с ограниченной ответственностью, кредитного потребительского кооператива, товарищества собственников жилья. Кворум рассматривается как условие действительности решения общего собрания участников корпорации. Анализируется судебная практика по вопросам недействительности собраний участников корпорации в отсутствие квалифицированного, абсолютного кворума. Ставится вопрос о повышении управляемости различных видов корпораций в зависимости от возможности применять нормы о сниженном кворуме по причине низкой активности участников корпораций.

Ключевые слова: кворум, общее собрание участников, недействительность собрания, выборы органов управления, реорганизация, ликвидация корпорации.

Filippova Olesya Sergeevna
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor of the Department of Civil Law
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia
olla82@mail.ru

QUORUM AS A CONDITION FOR THE VALIDITY OF THE DECISIONS OF THE GENERAL MEETING OF THE CORPORATION'S MEMBERS

Abstract. The article is devoted to the issue of the legitimacy of the general meeting of a joint-stock company, a limited liability company, a credit consumer cooperative, and a housing cooperative. The quorum is considered as a condition for the

validity of the decision of the general meeting of the corporation's participants. The article analyzes the judicial practice on the invalidity of meetings of the corporation's participants in the absence of a qualified or absolute quorum. The article raises the issue of improving the management of various types of corporations, depending on the possibility of applying reduced quorum rules due to the low activity of the corporation's participants.

Keywords: quorum, general meeting of participants, invalidity of the meeting, election of governing bodies, reorganization, and liquidation of the corporation.

Залогом устойчивого хозяйственного оборота являются не только не содержащие пороков сделки как наиболее распространенные юридические факты, опосредующие его динамику, но и решения собраний, в том числе, решений собраний корпораций, одним из условий действительности которых является кворум.

Правовой основой регламентации общих собраний являются положения главы 9.1 ГК РФ, регулирующие широкую сферу отношений, включая корпоративные, жилищные, наследственные, банкротные и иные.

В соответствии с п. 2 ст. 181.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) решение собрания, с которым закон связывает гражданско-правовые последствия, порождает правовые последствия, на которые решение собрания направлено, для всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании.

Таким образом, решения собраний выступают самостоятельными юридическими фактами, лежащими в основе возникновения гражданских прав и обязанностей. Отметим, что решениям собраний посвящена отдельная глава ГК РФ – 9.1. «Решения собраний».

Не ставя перед собой цели в настоящем анализе определить правовую природу решения собрания, отметим лишь, что существует подход, в соответствии с которым решение собрания следует рассматривать как разновидность сделки. Сторонники сделочной теории опираются на аргумент о том, что решение собрания, как и сделка, достигает определенного правового результата и содержит направленную на этот результат волю частных лиц [1, С.25, 2, С.31, 3, С.9, 61, 4, С. 385].

Такой подход хотя и не лишен критического потенциала, вместе с тем опирается на ряд общих положений, характерных как для сделок, так и для решений собраний. Так, например, законодатель в статьях 181.3, 181.4 и 181.5 ГК РФ указывает на возможность применения института недействительности (как оспоримости, так и ничтожности) к решению собраний. Однако последствия такой недействительности законодатель не указывает и как справедливо отмечает М.Н. Егорова «в данном случае вопросов больше, чем ответов» [5].

Вместе с тем, сделки и решения собраний все же имеют ряд различий, что не позволяет их отнести к одному и тому же юридическому факту. Так, они имеют разную направленность, решения собраний обращены внутрь корпорации, а сделки реализуются вовне корпорации. Различен и субъектный состав участников правоотношений в сделках и решениях собраний. Решения собра-

ний связывают не всех потенциальных участников гражданского оборота, а только участников корпорации. Различен и порядок формирования воли в сделках и решений собраний. Следует отдельно сказать о том, что формирование воли юридического лица на заключение, например, крупной сделки, является более сложной. Так, к числу волеобразующих органов относятся прежде всего общее собрание, совет директоров и иные коллегиальные органы, волю которых, как волю юридического лица, должны затем осуществлять соответствующие исполнительные органы. Еще одним различием выступает интерес участников собрания и интерес контрагентов по сделке. В сделке он противоположный, в решениях собраний – он единый, общий интерес [6].

В законодательстве термин «кворум» (лат. *quorum*) во всех случаях обозначает достаточное количество присутствующих лиц на общем собрании, иначе говоря, предполагает такое число участников, при котором собрание является правомочным. Подобный подход отмечается также в актах международного права¹.

Следует отметить, что понятие кворума применимо не только для решения общего собрания участников корпорации, но и для решения собрания участников иного гражданско-правового сообщества (сособственников, кредиторов при банкротстве), а также неправосубъектных организаций, что следует из п. 2 ст. 181.1 ГК РФ. Настоящая же статья посвящена вопросу кворума общего собрания участников корпорации, поскольку вопросы управления корпорациями в большей степени урегулированы законодателем и могут быть подвергнуты анализу.

Несмотря на то, что современное понимание «корпорации» в науке трактуется неоднозначно [7], а законодательно этот термин не определен, мы будем понимать под корпорациями как коммерческие, так и некоммерческие организации, основанные на корпоративных началах (принципах членства, участия), что соответствует современному легальному подходу.

Нормы, регулирующие вопросы управления конкретной корпорацией, в том числе о кворуме, определяющем правомочность собрания для такой корпорации, содержатся в специальных законах. Так, например, нормы, касающиеся кворума, необходимого для проведения общего собрания акционеров, содержатся соответственно в федеральном законе от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ст. 58, далее – Закон Об АО), для проведения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью – в федеральном законе от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (п. 7 ст. 37, далее – Закон Об ООО), применительно к производственным кооперативам предусмотрены федеральным законом от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» (п. 2 ст. 15), к товариществам собственников жилья – жилищным кодексом Российской Федерации (п. 4 ст. 146).

¹ Напр.: ст. 13 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (1982 г.); ст. 23 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (1886 г.); и др.

Решения собраний, принятые в отсутствие необходимого кворума, признаются ничтожными с момента их принятия и не могут порождать никаких правовых последствий (ст. 8 и 181.5 ГК РФ).

В нормах законодательства, предписывающих соответствующий кворум (достаточное присутствие участников собрания), часто употребляются фразы «не менее чем половина», «более чем половина», либо «большинство» голосов. Как справедливо отмечает В.А. Лаптев на практике может возникнуть резонный вопрос: что является «достаточным» при определении такового - ровно половина (50%) от соответствующего числа голосов либо половина и 1 голос (50% + 1 голос)? Законодательство не содержит четкого ответа [8]. Вместе с тем толкование термин «большинство голосов» как «половина голосов плюс 1 голос» отражается в ряде актов Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, локальных документах организаций, а также в судебной практике Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ¹.

Рассматриваемый вопрос так или иначе касается простого большинства (простой кворум). Вместе с тем, в законодательстве встречаются случаи квалифицированного большинства (квалифицированный кворум), то есть, когда для принятия решения требует две три от общего числа голосов участников или три четверти.

Так, в Определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 мая 2008 г. № 5727/08 сделан вывод о том, что решение истца Изотовой Е.Б о зачислении доли в размере 50% уставного капитала на баланс общества противоречит закону. Кроме того, решение о внесении изменений в устав должно быть принято большинством не менее 2/3 голосов от общего числа голосов участников общества, решение о назначении директора - большинством голосов от общего числа голосов участников общества.

В другом деле Определением Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 января 2012 г. № ВАС-17224/11 признаны недействительными решения общего собрания участников общества «ТПФ «ИН-КОМ» о реорганизации общества путем выделения общества «Дитон» и об утверждении разделительного баланса в связи с отсутствием кворума на собраниях. Решения по вопросам о реорганизации или ликвидации общества принимаются всеми участниками общества единогласно, что следует из п. 2 ст. 33 федерального закона «Об ООО».

Таким образом, при принятии соответствующих вопросов, требуется присутствие абсолютного большинства (100% участников), - абсолютный кворум.

¹ Напр.: п. 25 Положения о премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники для молодых ученых, утв. постановлением Правительства РФ от 05.08.2010 № 601; п. 25 Положения о порядке и условиях проведения конкурса на замещение комплектуемых офицерами вакантных воинских должностей профессорско-преподавательского состава и научных работников в военных образовательных организациях высшего образования и научных организациях войск национальной гвардии Российской Федерации, утв. приказом Росгвардии от 07.02.2017 № 44, 8. напр.: ст. 34 Устава ТПП, утв. Учредительным съездом ТПП РСФСР 19.10.1991; п. 2.2 определения КС РФ от 03.07.2014 N 1532-О; постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 14.08.2007 № Ф04-5235/2007(36872-А45-11); АС Московского округа от 10.11.2014 № Ф05-11755/2014; Третьего ААС от 16.09.2013 по делу № А33-1201/2013; и др.

Помимо простого, квалифицированного и абсолютного кворума, можно выделить специальный (менее половины участников, как правило, 30%) кворум, который вводится законодателем в исключительных случаях, когда решение собрания не состоялось.

Повторное общее собрание акционеров проводится с той же повесткой дня. Отсутствие кворума на годовом общем собрании акционеров в силу закона обязывает провести повторное собрание; на внеочередном общем собрании повторное проведение является правом (п. 3 ст. 58 Закона об АО). Для проведения повторного годового общего собрания на основании решения суда не требуется дополнительного обращения в суд (п. 5 ст. 58 Закона об АО).

Кроме того, сниженный кворум установлен и для общего собрания кредиторов в банкротстве. Как следует из п. 4 ст. 12 федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» повторно созванное собрание кредиторов правомочно в случае, если на нем присутствовали конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, включенные в реестр требований кредиторов и обладающие более чем 30 процентами голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, включенных в реестр требований кредиторов, при условии, что о времени и месте проведения собрания кредиторов конкурсные кредиторы и уполномоченные органы были надлежащим образом уведомлены (п. 4 ст. 12 Закона о банкротстве).

В иных нормативных правовых актах не предусмотрены нормы, позволяющие принимать управленческие решения при сниженном кворуме. Неужели акционерные и банкротные правоотношения важнее корпоративных отношений, возникающих в обществах с ограниченной ответственностью или при управлении многоквартирным домом в форме товарищества собственников жилья? Если исходить из того, что сниженный кворум - это некий «запрос» исключительно крупных корпораций, каковыми, как правило, являются акционерные общества, то это ошибочный подход, ведь даже кредитные организации с уставным капиталом 1 миллиард рублей могут быть созданы в форме любого хозяйственного общества, в том числе, общества с ограниченной ответственностью, что следует из абз. 1 ст. 1 федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности».

Очевидно, предусматривая сниженный кворум для целей проведения общего собрания акционеров (конкурсных кредиторов в банкротстве), законодатель преследовать цель сохранения управления обществом, несмотря на низкую активность участников собраний. Можно ли сказать, что проведение капитального ремонта в многоквартирном доме (например, ремонт системы отопления накануне отопительного сезона), вопрос менее значимый и может быть отложен в случае, если кворума не будет? Думается, что нет.

В связи с этим, считаем целесообразным внести изменения в законодательство (нормативные правовые акты, регулирующие деятельность отдельных видов корпораций), которыми предусмотреть специальный (сниженный) кворум для целей проведения общего собрания участников в тех случаях, когда

первое собрание не состоялось. Эти меры позволят сохранить управленческие функции корпораций даже при наличии низкой активности их участников.

Систематическое отсутствие кворума на собрании в принципе может привести к ликвидации организации, что находит подтверждение в 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что кворум (простой, квалифицированный, абсолютный, специальный) по общему правилу выступает условием действительности решения общего собрания корпорации. При этом для разных вопросов повестки может быть предусмотрен разный кворум, в связи с чем решения по каким-то вопросам могут иметь юридическую силу, а по другим нет. В исключение из правил, решение общего собрания участника может быть «исцелено» даже в случае отсутствия достаточного количества участников при злоупотреблении правом и наличии заинтересованности в принятии решения каким-либо из участников¹.

Библиографический список

1. Чупрунов И.С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве: Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 8. С. 25-68.

2. Труханов К.И. Указ. соч. С. 36-97; Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7. С. 31.

3. Степанов Д.И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 9-37, 61-62.

4. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. С. 384-387.

5. Егорова М.А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства (монография). – М.: "Юстицинформ", 2020. – 408 с. //СПС Гарант.

6. Филиппова О.С. О существенных различиях сделок и решений собраний. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024, Т. 21, № 2. С.35-40.

7. Филиппова О.С. Гражданско-правовая сущность корпораций // Современные тенденции развития юридической науки: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Омск: Изд-во Ом. эконом. ин-та, 2014. – С. 114–119.

8. Лаптев В.А. Кворум и подсчет голосов участников собрания: юридическая математика и последствия ошибок //Журнал «Вестник экономического правосудия», № 11, ноябрь 2024 г.)//СПС Гарант

© Филиппова О.С., 2026

¹ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 19.02.2021 № А46-33375/2021//СПС Гарант

Хасанова Ирина Радиковна,
магистрант кафедры гражданского права
Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
irina.khasanova7@gmail.com

Ахтямова Евгения Викторовна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права
Института права УУНиТ
г. Уфа, Россия
Evaah@rambler.ru

**ДОГОВОР ПРИСОЕДИНЕНИЯ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АКЦЕПТА ОТКРЫТОЙ
ЛИЦЕНЗИИ (СТ. 1286.1 ГК РФ) И ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА,
ЗАКЛЮЧАЕМОГО В ПОРЯДКЕ СТ. 437 ГК РФ**

Аннотация: Целью настоящего исследования является определение правовой природы акцепта при заключении лицензионных договоров в сети «Интернет», заключаемых как в форме открытой лицензии (ст. 1286.1 ГК РФ), так и посредством публичной оферты (ст. 437 ГК РФ). Автором анализируется соотношение общих положений гражданского права о договоре присоединения и специальных норм об интеллектуальной собственности. В статье на основе анализа судебной практики Суда по интеллектуальным правам и Верховного Суда РФ 2024–2025 годов выявляются ключевые проблемы квалификации конклюдентных действий пользователя в качестве надлежащего акцепта, а также исследуется вопрос о достаточности доведения условий лицензии до сведения акцептанта.

Ключевые слова: открытая лицензия, публичная оферта, договор присоединения, акцепт, конклюдентные действия, интеллектуальная собственность; лицензионный договор.

Khasanova Irina Radikovna
master's student of the chair of Civil Law
of the Institute of Law of the
Ufa University Science and Technology
Ufa, Russia
irina.khasanova7@gmail.com

Akhtyamova Evgeniya Viktorovna
Candidate of Sciences (Law),
Associate Professor of the chair of Civil Law
of the Institute of Law of the
Ufa University Science and Technology
Ufa, Russia.
E-mail: Evaah@rambler.ru

THE AGREEMENT OF ACCESSION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY: THE LEGAL NATURE OF THE ACCEPTANCE OF AN OPEN LICENSE (ART. 1286.1 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) AND A LICENSE AGREEMENT CONCLUDED IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 437 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The purpose of this study is to determine the legal nature of acceptance when concluding license agreements on the Internet, concluded both in the form of an open license (Article 1286.1 of the Civil Code of the Russian Federation) and through a public offer (Article 437 of the Civil Code of the Russian Federation). The author analyzes the correlation between the general provisions of civil law on the contract of adhesion and special rules on intellectual property. Based on the analysis of the judicial practice of the Intellectual Property Rights Court and the Supreme Court of the Russian Federation for 2024–2025, the article identifies key problems in qualifying a user's conclusive actions as proper acceptance, and also examines the sufficiency of conveying the license terms to the acceptor.

Keywords: open license, public offer, contract of adhesion, acceptance, conclusive actions, intellectual property, license agreement.

В современном цифровом пространстве большинство лицензионных договоров заключается не путем составления единого документа, подписанного сторонами, а посредством электронных форм взаимодействия. Данная практика ставит перед правоприменением вопросы о моменте заключения договора, форме сделки и правовой природе действий пользователя, начинающего использовать произведение или нажимающего соответствующую кнопку. При этом отсутствие единообразного подхода к квалификации таких действий создает риски как для правообладателей, так и для пользователей, поскольку неопределенность в вопросе о том, считается ли договор заключенным, может привести к невозможности защиты нарушенных прав.

Гражданский кодекс РФ¹ предлагает две основные конструкции для оформления таких отношений: открытая лицензия (ст. 1286.1 ГК РФ) и лицензионный договор, заключаемый в порядке публичной оферты (ст. 437 ГК РФ). Обе модели обладают признаками договора присоединения (ст. 428 ГК РФ), условия которого определены одной из сторон в стандартных формах и могут быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом. Несмотря на общую правовую природу, механизмы акцепта в этих конструкциях существенно различаются, что требует отдельного анализа.

Как отмечает Е.А. Суханов, договор присоединения характеризуется тем, что его условия определяются лишь одной стороной, причем они изложены в специальных формулярах или иных стандартных формах, и могут быть приня-

¹ Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31.07.2025 № 315-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).

ты другой стороной не иначе как путем присоединения к этим условиям [1, с. 178]. Данная конструкция в наибольшей степени соответствует потребностям массового рынка, где правообладатели вынуждены унифицировать условия предоставления прав. Применительно к цифровой среде договор присоединения приобретает дополнительные особенности, связанные с невозможностью индивидуального согласования условий и необходимостью обеспечения доступности этих условий для неограниченного круга лиц.

Открытая лицензия является специальным случаем договора присоединения. Согласно п. 2 ст. 1286.1 ГК РФ, открытая лицензия может содержаться в экземпляре произведения, на его упаковке либо размещаться в сети «Интернет». Акцептом такой лицензии признается начало использования произведения обусловленными способами. Законодатель прямо легализовал конклюдентные действия как форму акцепта. При этом п. 5 ст. 1286 ГК РФ предусматривает, что лицензионный договор на использование программы для ЭВМ может заключаться в упрощенном порядке и является договором присоединения, условия которого доводятся до пользователя в электронном виде. Важно подчеркнуть, что открытая лицензия может быть как возмездной, так и безвозмездной, что отличает ее от классического лицензионного договора, который в силу п. 3 ст. 1235 ГК РФ презюмируется возмездным. Данная особенность имеет значение для определения последствий акцепта, поскольку безвозмездный характер лицензии влияет на возможность ее отзыва и на объем ответственности лицензиара.

Как указывает А.И. Савельев, при использовании упрощенного порядка заключения договора необходимо обеспечить, чтобы пользователь подтвердил свое согласие с условиями лицензии до начала использования программы. Наиболее надежным способом является требование нажатия соответствующей кнопки (click-wrap соглашение) [2, с. 270]. Такой способ позволяет достоверно установить волю пользователя на заключение договора. Однако на практике нередко встречаются ситуации, когда пользователь начинает использовать программу или иной результат интеллектуальной деятельности без явно выраженного согласия, например, просто заходя на сайт или скачивая файл. В таких случаях возникает вопрос: можно ли считать молчаливое использование акцептом открытой лицензии? Судебная практика исходит из того, что для признания акцепта состоявшимся необходимо доказать, что пользователь имел реальную возможность ознакомиться с условиями лицензии до начала использования и что его действия с очевидностью свидетельствовали о намерении принять эти условия.

В отличие от открытой лицензии, договор в порядке ст. 437 ГК РФ требует более формализованного подхода. Публичная оферта должна содержать все существенные условия. Акцептом могут быть направление заявки, оплата либо иные действия, прямо указанные в оферте.

Правоприменительная практика выработала важные подходы к квалификации акцепта. В Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 3 фев-

раля 2025 г. № С01-2617/2024 по делу № А68-14164/2023¹ суд признал незаключенным лицензионный договор, по которому истец требовал взыскания платежей. Истец полагал, что существенные условия согласованы сторонами по переписке, однако суд установил, что из анализа переписки не следует намерений ответчика заключать договор. Ключевой вывод суда: факт регистрации пользователя на сайте лицензиара не свидетельствует об акцепте условий пользования сайтом. Данная позиция ограничивает автоматическое признание договоров заключенными лишь на основании технической регистрации. Из этого следует, что регистрация сама по себе является лишь предварительным действием, создающим техническую возможность для последующего заключения договора, но не заменяющим сам акцепт. Правообладатель должен обеспечить, чтобы после регистрации пользователь совершил отдельное действие, прямо направленное на акцепт условий лицензии, либо чтобы в момент регистрации ему были очевидным образом доведены условия и предложено выразить согласие с ними.

Еще более значимый подход сформулирован в определении Верховного Суда РФ от 6 февраля 2025 г. № 310-ЭС24-20342². Лицензиар требовал признания дополнительного соглашения недействительным по мотиву отсутствия его подписи. Суды нижестоящих инстанций удовлетворили иск, указав, что из-за отсутствия подписи письменная форма соглашения не соблюдена, что в силу п. 2 ст. 1235 ГК РФ влечет его недействительность.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила акты нижестоящих судов, указав, что отсутствие подписи в договоре не может являться основанием для признания его недействительным, если оферта была акцептована другой стороной посредством конклюдентных действий. Коллегия отметила, что такое совершение является юридическим фактом, равнозначным письменному волеизъявлению, и может признаваться соблюдением письменной формы (п. 3 ст. 434 ГК РФ). Кроме того, лицензиар, подтвердивший действие договора своими конклюдентными действиями, не вправе требовать признания договора незаключенным, поскольку подобное поведение противоречит принципу добросовестности (ст. 10 ГК РФ)³. Данный подход имеет принципиальное значение для стабильности гражданского оборота, поскольку он предотвращает ситуацию, при которой сторона может сначала извлекать выгоду из договора, а затем, ссылаясь на формальные нарушения, пытаться уклониться от исполнения обязательств. Применительно к лицензионным договорам это означает, что получение лицензионных платежей, принятие отчетов об использовании, ведение переписки по исполнению договора могут рассматри-

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 февраля 2025 г. № С01-2617/2024 по делу № А68-14164/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2025 г. № 310-ЭС24-20342 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ваться как конклюдентные действия, подтверждающие действие договора, даже при отсутствии подписанного экземпляра.

В определении Верховный Суд РФ фактически признал, что требования к форме договора предусмотрены для предотвращения неопределенности в отношениях сторон. Волеизъявление лица может быть выражено устно, в том числе через поведение (конклюдентные действия). Закон не запрещает комбинацию устной и письменной форм при заключении договора. В силу п. 3 ст. 434 и п. 3 ст. 438 ГК РФ возможно заключение договора посредством акцепта конклюдентными действиями письменной оферты, и письменная форма считается соблюденной.

Важен вопрос о защите прав пользователя-потребителя. Отношения по предоставлению доступа к программному обеспечению или контенту за плату подпадают под действие Закона о защите прав потребителей¹. Это означает, что пользователь-гражданин вправе требовать предоставления полной и достоверной информации об услуге, а условия договора, ущемляющие его права, могут быть признаны недействительными. В этом контексте договор присоединения в сфере интеллектуальной собственности приобретает дополнительный публично-правовой оттенок, ограничивающий свободу усмотрения лицензиара.

Принцип добросовестности (ст. 10 ГК РФ) и запрет противоречивого поведения приобретают в лицензионных отношениях особое значение [3, с. 144]. Сторона, своими действиями подтверждавшая действие договора, не может впоследствии ссылаться на несоблюдение формы для освобождения от принятых обязательств. Данный подход последовательно применяется и в практике Суда по интеллектуальным правам. При этом добросовестность должна проявляться не только при исполнении договора, но и при его заключении. Лицензиар, предлагающий неопределенному кругу лиц присоединиться к условиям лицензии, обязан действовать добросовестно и обеспечивать реальную возможность ознакомления с этими условиями. В противном случае он не может ссылаться на то, что пользователь якобы акцептовал условия, с которыми не имел возможности ознакомиться.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о правовой природе акцепта в рассматриваемых видах лицензионных договоров.

Во-первых, регистрация пользователя на платформе или сайте лицензиара сама по себе не образует акцепта — для признания договора заключенным необходимо установить, что пользователь совершил действия, прямо направленные на акцепт, либо приступил к использованию произведения при наличии доказательств доведения до него условий лицензии.

Во-вторых, отсутствие подписи в письменном документе не является безусловным основанием для признания лицензионного договора незаключенным, если последующее поведение сторон (оплата, принятие исполнения) свидетельствует о наличии согласованной воли на установление договорных отношений.

В-третьих, принцип добросовестности и запрет противоречивого поведения имеют определяющее значение: сторона, своими конклюдентными дей-

¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).

ствиями подтверждавшая действие договора, не может впоследствии ссылаться на несоблюдение формы.

В-четвертых, при заключении лицензионных договоров с потребителями применяются не только нормы части четвертой ГК РФ, но и законодательство о защите прав потребителей, что усиливает защиту присоединяющейся стороны. Это означает, что к отношениям по предоставлению доступа к результатам интеллектуальной деятельности за плату применяются повышенные требования к информированию потребителя и дополнительные механизмы защиты его прав, включая возможность отказа от договора и возврата уплаченных средств.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2020. – Т. 3: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование. – 478 с.

2. Савельев А. И. Договорно-правовые аспекты использования click-wrap соглашений в Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2025. Т. 25. № 2. С. 266–290.

3. Альбов А.П., Корнеев П.С. Принципы добросовестности и справедливости института принудительного лицензирования в рамках патентного права // Журнал прикладных исследований. 2025. №2. С. 143-148.

© Хасанова И.Р., Ахтямова Е.В., 2026

УДК 347.2

Хуртов Михаил Сергеевич,
Ассистент кафедры гражданского права
Института права УУНиТ
Уфа, Россия, ya.hurtov@yandex.ru

Научный руководитель:
Тужилова-Орданская Елена Марковна
доктор юридических наук, профессор,
зав.кафедрой гражданского права
Института права УУНиТ, Уфа, Россия,
ordanskayelena@list.ru

ИММИССИЯ И ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ СОСОБСТВЕННИКОВ

Аннотация: в статье проводится анализ соседских правоотношений в австрийском законодательстве. Исследуется особенность правового регулирования ответственность за причинение вреда соседям, а также раскрывается понятие «иммиссии» негативного воздействия со стороны соседей. Рассматривают-

ся вопросы о соотношении прямых и косвенных иммиссий, особенностях доказывания, специфике ответственности муниципалитетов.

Ключевые слова: соседское право, права соседей, соседские правоотношения, Гражданское право Австрии», «Соседское право (Nachbarrecht)».

Khurtov Mikhail Sergeevich

assistant at the department of civil law

Institute of Law Ufa University of Science and Technology

Ufa, Russia, ya.hurtov@yandex.ru

Scientific supervisor: Doctor of Law, Professor

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna

IMMIGRATION AND THE PROBLEM OF PROTECTING THE RIGHTS OF CO-OWNERS

Abstract. This article analyzes neighbor legal relations in Austrian law. Research focuses on the legal regulation of liability for harm caused to neighbors and explores the concept of "immission" of negative consequences from neighbors. Issues of external and external immissions, the specifics of proof, and the special liability of managers are considered.

Keywords: neighbor law, neighbor rights, neighbor legal relations, «Austrian Civil Law, Neighbor Law (Nachbarrecht)».

Соседское право Австрии — это совокупность норм, регулирующих отношения по ограничению в пользовании своей собственностью для обеспечения интересов соседей. Немалая часть норм, регулирующих соседские правоотношения содержится в публичном праве, (например, земельном, строительным, водным законодательстве), особенно в части допустимого воздействия.

Гражданское право Австрии в основном регулирует вопросы, связанные с «иммиссиями», что переводится как «воздействие» или «воздействующие условия» на соседние имущества. Данный термин в законе не определен, но под ним понимается воздействие, исходящее от соседнего земельного участка и влияющие на другой участок. Воздействия могут быть различных форм, например, в виде запаха, шума, дыма, талых вод, переносимый ветром песка, загрязнение грунтовых вод, проникновение вредоносных насекомых или мелких животных. В судебной практике определение толкуется широко и включает в себя всякое негативное воздействие, препятствующие нормальному использованию земельного участка соседями.

Важно уточнить, что такое воздействие должно превышать обычно допустимое для данной местности и создавать неудобства при пользовании своим имуществом. Различают непосредственно (прямые) и (косвенные) «иммиссии». Прямые это, сброс сточных вод на соседней участок или его загрязнение без соответствующего правового основания, и главное такое воздействие может быть прекращено. Непрямые «иммиссии» это такое воздействие, которое с уче-

том характера местности считается допустимым и не препятствующем в пользование участком.

Правовое регулирование вытекает из § 364 Abs 2 «Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch» (далее – ABGB) в переводе «Всеобщий гражданский кодекс Австрии», «(2) Der Eigentümer eines Grundstückes kann dem Nachbarn die von dessen Grund ausgehenden Einwirkungen durch Abwässer, Rauch, Gase, Wärme, Geruch, Geräusch, Erschütterung und ähnliche insoweit untersagen, als sie das nach den örtlichen Verhältnissen gewöhnliche Maß überschreiten und die ortsübliche Benutzung des Grundstückes wesentlich beeinträchtigen. Unmittelbare Zuleitung ist ohne besonderen Rechtstitel unter allen Umständen unzulässig».

В переводе Маслова С.С. «§ 364. 2) Собственник земельного участка может запретить своему соседу оказывать исходящее с его участка влияние стоком воды, дымом, газом, теплом, запахом, шумом, вибрацией и тому подобными факторами лишь постольку, поскольку они согласно местным условиям превышают обычные пределы и существенным образом нарушается обычное для данной местности использование земельного участка. Непосредственный подвод [указанных факторов] без особенного правового титула недопустим при всех условиях».

Закон перечисляет воздействие лишь в качестве примера и данный перечень не является исчерпывающим. Судебная практика помимо указанных в законе видам «иммиссии» также относит электрические волны, излучение, магнитных полей, отложение песка на межевой стене, талые воды, вода, стекающая по водосточной трубе которая попадает на соседний земельный участок, разносимый ветром песок для теннисных кортов, мелких животных таких как мыши, свободно гуляющие утки, куры и т.д. Согласно судебной практике нельзя применять меры в отношении кошек, собак, коров и других крупных животных на основании § 364 Abs 2 ABGB, в данных случаях будет возможно применить разумную силу чтобы прогнать животное но не убивать его или временно задержать на основании § 1321 ABGB. Различие в том, что вред крупным животным подпадают под действие деликтного права.

Если же воздействие сводится к эстетическому или моральному неудобству от использования своего имущества данное воздействие не подпадает под понятие «иммиссии».

Прямые «иммиссии» в случае отсутствия права на их осуществления будут являться нарушением, к примеру выброс сточных вод на соседней участок без разрешения соседа, либо в отсутствие нормы специального закона разрешающие такое воздействие, тогда такое воздействие будет прямым нарушением. Следовательно, нарушенное право можно восстановить на основании § 364 Abs 2 ABGB.

Косвенные «иммиссии» запрещены если воздействие выше обычного уровня, соответствующего местным условиям и существенно затрудняет привычное пользование земельным участком. Имея двойственную основу косвенные «иммиссии» разрешены если они не выше обычного уровня и не препятствуют пользованию своим имуществом.

Под обычным уровнем понимается обычай как источник права, причем сложившийся в определенной местности, а под местностью понимается не муниципалитет, а определенный район (например, жилой район, коммерческий район и т.п.), это должна быть обширная территория, отдельно стоящие дома или переулки не считаются отдельным районом местности.

Планы зонирования и застройки также не влияют на определения района и оценке местных обычаев, поскольку необходимо учитывать фактические обстоятельства формирования районов и их обычаев. Местные обычаи также могут меняться со временем. Однако точно сказать какой период времени необходим для того чтобы обычай сменился или вовсе появился новый сложно. В практике как правило от трех лет исходя из общего срока исковой давности вплоть до тридцати лет.

Например, гражданин принимает решение не обращаться за защитой своих прав по (2) § 364 ABGB из-за высокого уровня шума, исходящего от соседей который слышен в его доме даже ночью. Сколько времени потребуется чтобы это незаконное воздействие в итоге стало допустимым? Шум в данном случае должен создавать неудобства в пользовании имуществом, например, шум в виде музыки что громко играет и мешает спать соседям. Причем это должно быть значительным препятствием в пользование, скажем не возможность уснуть ночью в своем доме из-за музыки, исходящей от соседей будет являться значительным препятствием в пользование вещью. Однако значение имеет не субъективное восприятие потревоженного соседа, а скорее восприятие среднестатистического дееспособного лица, находящегося в таком же положение и потревоженного ночью шумом. Объективный критерий, аналогичный используемому в деликтном праве (разумный человек — *verständiger Durchschnittsmensch*)»

Кто может заявлять требования.

Заявить требования может «сосед», в австрийском праве нет единого определения понятия «сосед». Когда в всеобщем гражданском кодексе Австрии упоминается этот термин обычно вкладывается иное значение нежели в коммерческом или строительном законодательстве. Данное понятие трактуется довольно широко и под ним понимается всякое лицо на которого оказывается «иммиссия» с земельного участка, независимо от того как близко находится владения лица к источнику «иммиссии», располагаются ли между ними другие земельные участки и т.д. Также соседом будет всякое лицо владеющее земельным участком подвергнувшегося «иммиссии» будь то собственник, арендатор или наниматель.

Ответчик, всякое лицо, владеющее земельным участком от которого исходит негативное воздействие, то есть «иммиссия».

Суть требований по § 364 Abs 2 ABGB

1. Установления судебного запрета. Пострадавшие лицо может требовать запретить «иммиссию», но не может требовать совершения активных действий. Запрет может быть исполнен только прекращением неправомерных действий, путем применения принудительных мер, таких как: штраф, тюремное заключение. Например, лицо проводит репетицию у себя дома и мешает соседям, предъявить требования такому лицу можно только в назначение запрета на

причиняемые неудобства, а как лицо устранит неудобства, прекратит репетиции или улучшит звука изоляцию неважно.

2. Пострадавшие лицо в праве требовать удаление со своего земельного участка загрязняющих веществ, попавших от соседа.

3. Возмещение ущерба. В отличие от выше упомянутого судебного запрета и иска об устранение последствий, не требующих доказывания вины, возмещения ущерба возможно только при наличии вины.

Процесс доказывания.

Ответчик должен доказывать, что воздействие не выходит за рамки допустимого воздействия. В тоже время пострадавшей стороне нужно лишь доказать сам факт воздействия.

Пример из практики так в деле № 8Ob635/92 Oberster Gerichtshof в переводе Верховный суд Австрии (OGH). Суд установил, что соседи владельцев теннисного корта жаловались на «иммиссии» включая шум от игроков, попадание мячей и проникновения красного песка с грунтовых площадок на их участки¹.

Суд постановил что данное воздействие является недопустимым, если соседям постоянно приходится очищать песок с садовой мебели, окон, подоконников, автомобиля прежде чем воспользоваться своим имуществом. Проникновение песка было квалифицировано как непрямая «иммиссия» в значение § 364 Abs 2 ABGB. Было установлено что воздействие выходит за рамки обычного для данной местности и причиняет неудобства соседям.

Позиция суда относительно характера шума. Суд согласился что шум от теннисного корта не является обычным для данной местности, так как он по своему характеру не монотонный, а состоит из резких звуков и ударов ракетки по мячу, а также шум состоит из ругани игроков и криков. Такой шум причиняет неудобства соседям, крики и ругань субъективно воспринимаются особенно не приятно. Ключевой вывод что, соседи вынуждены мириться с шумом от дороги не означает что они обязаны мириться с дополнительным шумом.

Другие примеры. Возможен запрет на принятие ванны в ночное время, а именно с 22.00 до 6.00 и до 7.00 в воскресенья и праздничные дни, если это нарушает сон соседей, решается путем создания звука изоляции ванного помещения.

Разрешенное воздействие.

Шум от игры на пианино в течение полутора часов не может быть признан «иммиссией» и соответственно не может быть запрещен. Аналогично шум от дороги или детской площадки, так как подпадает под обычное воздействие для местности.

Прямая «иммиссия» без права на ее осуществления запрещена. К таким «иммиссиям» можно отнести: слив воды по водосточной трубе на соседней участок; снег подающей с крыши и иные объекты, попадающие на соседний участок, будь то мячи, камни и т.п.

Не является «иммиссией» воздействие произошедшие в результате стихийного бедствия (например, оползень, наводнение, лавины).

¹ Oberster Gerichtshof (OGH), Entscheidung 8 Ob 635/92

Соседские правоотношения в Австрии распространяются также на отношения между гражданами и муниципалитетом по вопросам, вызванным неудобствами от муниципальной дороги, канализации, прорыва трубы в муниципальном водопроводе и т.д.

Иск предъявляется муниципалитету, однако если в «иммиссии» отсутствует вина муниципалитета он не несет ответственности (например, подростки открыли канализационный люк чем вызвали неприятный запах в округи). Если муниципалитет к ремонту канализации привлекает подрядчика и тем самым провоцирует неприятный запах и причиняет неудобства соседям, то они несут солидарную ответственность, но муниципалитет сохраняет права регрессного иска если в этом присутствовала вина подрядчика, однако если последний докажет, что его вины нет, а в доказывание он может сослаться на то что техника соответствует современному уровню технологий, тогда освобождается от ответственности.

Муниципалитет может защититься от убытков путем:

1. Проведения экспертизы объекта независимым специалистом перед началом работ;
2. Возложения ответственности на подрядчика путем согласования соответствующих условий договора (тендера);
3. Заключения договора страхования.

§ 364 ABGB по своей природе норма является диспозитивной, поэтому соседи вправе заключить соглашения, по средствам которого возможно расширить или ограничить ответственность. Стоит учесть, что понятие «сосед» трактуется широко поэтому заключать соглашения необходимо с широким кругом лиц, а не только с непосредственными соседями.

Обязанность претерпевать «иммиссию» и право на компенсацию. Примерами официально разрешенных воздействий является:

1. Коммерческое предприятие имеющие разрешение на ведение промышленной деятельности, полученной в рамках торгово-промышленного права;
2. Общественная дорога;
3. Спорный вопрос касательно строительства, ранее австрийская практика (Верховный суд от 29.05.1995, 1 Ob 620/94) отрицательно относилась к этому, однако сейчас наблюдается изменение в позиции судов. Строительства, согласованное лишь в рамках процедуры уведомления о строительстве, ни в коем случае не считается разрешенным воздействием¹.

Особые случаи:

1. Углубление земельного участка согласно. Согласно § 364 b ABGB не допускается углубление земельного участка если здание соседа теряет необходимую опору, под зданием понимается любая конструкция (например, забор), под углублением понимается прокладка телефонных кабелей под землей или сооружение тоннеля. Лицо, которому потенциально может быть причинен вред, может требовать прекращения воздействия или же компенсации;

¹ Oberster Gerichtshof (OGH), Entscheidung vom 29. Mai 1995, 1 Ob 620/94

2. Воздействия от деревьев (например, воздействие от ветвей, корней перерастающими через границу земельного участка или листья и плоды, падающие на соседний участок или же вызванные деревьями и кустарниками затемнения) в гражданском праве не существует никаких предписаний касательно расстояний для посадки деревьев, нельзя предотвратить ситуацию, когда кто-то сажает дерево на границе земельного участка, хотя очевидно, что в будущем это их ветви и корни будут пересекать границу участка;

В 2004 году были внесены изменения в кодекс, добавив категорию «уважение». Согласно § 364 Abs 1 ABGB соседи обязаны проявлять уважение друг другу. Содержание данного принципа сводится к тому, что суд обязан учитывать интересы обеих сторон соседских правоотношений. Права одного соседа заканчиваются там где начинаются права другого. Цель пресечь злоупотребление правом в соседских правоотношениях.

Также были введена норма § 364 Abs 3 ABGB которая позволяет запретить соседу оказывать воздействия, исходящие с его земельного участка от деревьев или других растений если это не соответствует местному уровню.

Распространяется данная норма как на растения высаженные, так и на самостоятельно произрастающие. Владелец обязан учитывать возможное воздействия от насаждений посаженных до него другим владельцем. Под действия этого положения подпадает только воздействия в виде недостатка света и циркуляции воздуха.

§ 364 Abs 3 ABGB не предусматривает никаких мер против ограничения обзора или приема радиоволн. Указанное правило не действует если растение находится под защитой, охрана природы имеет приоритет над гражданскими правами, дерево нельзя будет срубить несмотря на ущерб для соседа.

Требования:

1. Воздействие должно превышать обычный уровень в местности;
2. Необоснованно причинять неудобства в пользование имуществом;

Поскольку ухудшение должно быть не только значительным, но и необоснованным рассматриваются только серьезные случаи затенения или нарушения циркуляции воздуха. Судебная практика исходит из того что данные требования должны действовать только в крайних случаях. Например, если из-за затемнения, создается риск для жизни и здоровья связанный с появлением плесени, мха или участок начинает заболачиваться и становится не пригодным к использованию. Если требуется дополнительное освещение в доме в дневное время. Тень от деревьев не позволяет функционировать солнечным батареям.

Иск по § 364 Abs 3 ABGB о лишении света и воздуха возможен только с соблюдением досудебного порядка урегулирования, а именно медиации. Потенциальному истцу требуется обратиться к специализированному медиатору за свой счет и попытается урегулировать конфликт и только по истечении 3 месяцев возможно обращение в суд и потребовать компенсацию убытков. Данный иск в практике Верховного суда Австрии как правило не применяется.

Другие виды воздействия исходящих от деревьев и растений, например, плоды, падающие на соседский участок, капающая смола или неприятный запах. Данное воздействия может быть прекращено только в том случае если оно

выходит за рамки обычного для местности и наносит ущерб имуществу. Такие воздействия как правило считаются терпимыми. Тот факт, что соседу необходимо несколько раз в год чистить водостоки, забитые листьями соседских деревьев или же убирать свой участок не может считаться существенным ущербом.

Право на самозащиту в соседских правоотношениях, устанавливается § 422 ABGB. Если растения свисают или корни деревьев проходят через соседней земельный участок, то сосед вправе их срезать, однако он должен действовать профессионально и максимально возможно защищать растения от повреждения. Ранее запрещалось срезать ветки и корни деревьев практика изменилась с 2007 года где Верховный суд Австрии разрешил такое пресечения воздействия, позиция суда изложена от 11 декабря 2007 г., 4 Ob 196/07 p¹.

За пределами гражданского права посадка деревьев никак не регулируется за исключением наличия нескольких публично правовых норм. (например, требования о расстоянии, предусмотренного § 19 Закона о дорогах Верхней Австрии, или обязанности обрезки, предусмотренной § 91 Закона о дорожном движении), здесь практически нет никаких ограничений, даже за пределами гражданского права.

На основе выше приведенное можно сделать вывод что соседское право является развитым институтом гражданского права Австрии. Данный опыт необходимо изучать и на основании его модернизировать Российское законодательство. Особый интерес представляет такая категория как «иммисия», заимствования которой позволила охарактеризовать формы нарушения прав соседей.

Библиографический список

1. Всеобщий гражданский кодекс Австрии / пер. с нем. С. С. Маслова. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 272 с.
2. Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch für die deutschen Erbländer der Österreichischen Monarchie (ABGB) vom 1. Juni 1811
3. Oberösterreichisches Straßengesetz (Oö. StrG)
4. Straßenverkehrsordnung 1960 (StVO 1960)

© Хуртов М.С., 2026

¹ Oberster Gerichtshof (OGH), Entscheidung vom 11. Dezember 2007, 4 Ob 196/07p

Эбергарт Семен Александрович,
аспирант кафедры предпринимательского и
корпоративного права Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина
Москва, Россия,
ebergardt@gmail.com

Научный руководитель:
Панова Альбина Сергеевна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
предпринимательского и корпоративного права
Московского государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МАШИНОИСПОЛНЯЕМОЙ СДЕЛКИ

Аннотация: Статья посвящена становлению машиноисполняемой сделки как особой юридической конструкции в условиях цифровизации права. Обосновывается, что автоматические способы реализации юридически значимых действий формируют качественно иной порядок исполнения, при котором правовые последствия наступают в результате функционирования алгоритмической информационной системы в пределах заранее выраженной воли сторон. Раскрывается понятие машиноисполняемой сделки и проводится ее разграничение со смарт-контрактом как технологическим способом формализации и автоматизации исполнения. Анализируется правовая природа машиноисполняемой сделки как двухуровневой конструкции, включающей правоотношение и алгоритмическую модель исполнения. Выявляются основные признаки машиноисполняемой сделки, характеризующие автономность, предопределенность и формально-алгоритмический характер реализации юридически значимых действий. Рассматриваются вопросы распределения рисков, ответственности за алгоритмические ошибки и доказательственные аспекты автоматического исполнения.

Ключевые слова: машиноисполняемая сделка, автоматическое исполнение, смарт-контракт, правовая природа сделки, автономность исполнения.

Semyon Alexandrovich Ebergardt
Postgraduate Researcher at the Department
of Entrepreneurial and Corporate Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russia, ebergardttt@gmail.com

Academic Supervisor: Albina Sergeevna Panova,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor
of the Department of Entrepreneurial and
Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

CONCEPT, FEATURES AND LEGAL NATURE OF A MACHINE-EXECUTABLE TRANSACTION

Abstract. The article is devoted to the emergence and doctrinal conceptualization of the machine-executable transaction as a special legal construct in the context of digitalization of law. It substantiates that automatic methods of legally significant action performance form a qualitatively different order of realization, in which legal consequences arise as a result of the functioning of an algorithmic information system within the limits of the parties' previously expressed will. The concept of a machine-executable transaction is revealed and distinguished from a smart contract as a technological means of formalization and automation of performance. The legal nature of a machine-executable transaction is analyzed as a two-level construct comprising a legal relationship and an algorithmic model of performance. The main features of a machine-executable transaction are identified, characterizing the autonomy, predetermination and formal-algorithmic nature of the realization of legally significant actions. Issues of risk allocation, liability for algorithmic errors and evidentiary aspects of automated performance are also considered.

Keywords: machine-executable transaction, automatic performance, smart contract, legal nature of transaction, autonomy of performance.

Текущий этап развития права характеризуется не только распространением отдельных цифровых инструментов, но и изменением самого механизма реализации юридически значимых действий. Если в классической цивилистической модели правовые последствия связывались с последующим волевым действием участника обязательства, то в современных условиях все чаще используется иной подход, при котором юридический результат достигается посредством заранее заданной алгоритмической процедуры. В таких конструкциях реализация обязательства переносится с сферы текущего волеизъявления субъекта в сферу функционирования информационной системы, действующей в пределах заранее выраженного согласия сторон.

Законодательное закрепление подобной модели было осуществлено Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ¹, которым в пункт 2 статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации введена норма, допускающая автоматическое исполнение обязательств при наступлении предусмотренных обстоятельств без дополнительного волеизъявления должника². Тем самым в российском праве впервые была признана допустимость конструкции, при которой юридически значимое действие в стадии исполнения совершается не человеком, а алгоритмическим механизмом, функционирующим по воле сторон, выраженной при заключении сделки.

Именно в этой точке формируется качественно новая модель реализации сделки, в рамках которой алгоритм перестает быть исключительно техническим средством и начинает выполнять функцию юридического действия. Для обозначения данной конструкции мы используем термин «машиноисполняемая сделка» – договор либо одностороннее волеизъявление, исполнение которого осуществляется автоматически посредством информационных технологий при наступлении определенных условий без необходимости дополнительного волевого участия стороны в момент исполнения.

В научной литературе описанная модель нередко отождествляется со смарт-контрактами [1, с. 308, 309], что представляется методологически неверным. Смарт-контракт не является самой сделкой, а представляет собой технологический носитель алгоритмического способа исполнения обязательства, то есть частный технический вариант реализации машиноисполняемой модели. Сделка создает юридическое основание обязательства, тогда как смарт-контракт служит способом формализации и автоматизации его исполнения. Как справедливо отмечает Л. И. Сафаргалеев, «смарт-контракт нецелесообразно рассматривать как самостоятельное соглашение (договор)... Правильно рассматривать смарт-контракты как разновидность письменной формы договора» [2, с. 28]. В. О. Пучков также указывает, что смарт-контракт – это прежде всего способ исполнения договорных условий, и считать его самим договором неправомерно, поскольку такое смешение путает договор как юридический акт с техническим механизмом его исполнения [3, с. 21]. Следовательно, машиноисполняемая сделка – это юридическая конструкция, тогда как смарт-контракт – лишь один из возможных инструментов ее реализации на практике.

Выделение машиноисполняемой сделки в качестве самостоятельной конструкции позволяет по-новому взглянуть на классическую модель исполнения обязательств. В традиционной цивилистической доктрине исполнение понима-

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ

² «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки».

ется как актуализированный волевой акт обязанного лица, направленный на прекращение обязательства. Даже при электронных способах реализации сделки исходно предполагалось, что каждое юридически значимое действие (поставка товара, оплата, зачет, отказ от договора и т.п.) совершается соответствующей стороной как самостоятельный акт поведения в конкретный момент времени. Технические средства при этом выполняют лишь вспомогательную функцию, не подменяя собой волю субъектов и не являясь носителем юридически значимого действия.

В условиях цифрового оборота эта конструкция утрачивает универсальный характер. Все более значительная часть обязательств реализуется посредством алгоритмических механизмов, при которых исполнение осуществляется не путем последующего волевого действия стороны, а в результате функционирования заранее заданной программной модели. Воля выражается однократно – при заключении сделки и определении параметров алгоритмического исполнения, после чего правовые последствия наступают автоматически при фиксации предусмотренного события. Тем самым воля концентрируется на стадии конструирования обязательства, а стадия его реализации приобретает формально-алгоритмический характер.

А. И. Савельев отмечает, что при таком подходе один из ключевых элементов обязательства – его ориентация на будущее и последующие волевые действия должника – теряет смысл, если исполнение совершает сама программа. Действия компьютера выходят на первый план, а поведение должника отступает на второй, хотя именно оно лежит в основе классического понимания исполнения обязательства. Более того, Савельев полагает, что любое исполнение, осуществленное программным кодом, считается надлежащим, и само понятие ненадлежащего исполнения утрачивает смысл, поскольку в рамках «умного» контракта не может быть неисполнения [4, с. 106, 107]. В результате доверие, которое в классическом обязательственном праве обеспечивалось системой государственного принудительного исполнения, в новой модели замещается доверием к программному коду, реализующему договоренность сторон. Информационная система становится функциональным продолжением воли обязанного лица и берет на себя совершение юридически значимых действий, не обладая при этом правосубъектностью и не действуя от собственного имени. Именно ее функционирование обуславливает прекращение обязательства, переход имущественных благ, возникновение встречных требований и другие правовые последствия исполнения.

Подобная трансформация особенно ярко проявляется в обязательствах, характеризующихся массовостью, повторяемостью и стандартизированным содержанием. Регулярные платежи, подписочные сервисы, расчеты на цифровых платформах, автоматические страховые выплаты, распределение доходов по заданным формулам, начисление неустоек за просрочку – во всех этих отношениях экономически заложена ориентация на автоматическое исполнение, и сохранение классической «ручной» модели практически исключается. Алгоритм включается во внутреннюю структуру обязательства и становится не внешним сервисом, а предусмотренным сторонами способом исполнения.

Правовая природа машиноисполняемой сделки обусловлена ее двухуровневой структурой. На первом уровне формируется традиционное обязательственное правоотношение: соглашение сторон, его предмет, содержание, распределение прав и обязанностей, основания ответственности. На втором уровне создается алгоритмическая модель исполнения, представляющая собой формализованный набор программных правил, посредством которых осуществляется реализация предусмотренных сделкой обязанностей. Указанные уровни не существуют автономно: алгоритмическая модель не образует самостоятельного обязательства и не порождает правовые последствия вне рамок соответствующей сделки, однако именно она становится непосредственным механизмом наступления юридического результата.

Таким образом, в структуре машиноисполняемой сделки появляется особый элемент – алгоритм как носитель юридически значимого действия. В отличие от традиционных технических средств, выполняющих лишь посредническую или удостоверительную функцию, алгоритм в данной модели замещает собой последующие волевые акты сторон на стадии исполнения. Юридические последствия наступают не в результате поведения субъекта, а в результате функционирования предусмотренного соглашением программного механизма, что позволяет говорить о трансформации самой модели юридического действия.

Машиноисполняемая сделка характеризуется совокупностью признаков, позволяющих отграничить ее от иных форм цифровых договорных конструкций и описать ее как самостоятельную модель реализации обязательства.

Первым и определяющим признаком является наличие алгоритмической модели исполнения как элемента внутренней структуры обязательства. Существенные параметры исполнения, включая момент наступления юридического результата, объем и порядок предоставления, условия активации исполнения, идентификацию сторон и встречных предоставлений, формализуются в виде программных правил, подлежащих машинному выполнению. Тем самым воля сторон переводится в формализованный алгоритм, который становится носителем юридически значимых функций. В отличие от электронных договоров, в которых программные средства обеспечивают лишь фиксацию и передачу воли, в машиноисполняемой сделке алгоритм выступает непосредственным механизмом реализации обязательства.

Вторым признаком является автономность исполнения. После заключения сделки и активации алгоритмического механизма реализация обязательства осуществляется без дополнительного волевого участия сторон. Наступление предусмотренного условия непосредственно влечет выполнение заложенных в алгоритме действий, что исключает необходимость распоряжений, подтверждений либо иных форм текущего волеизъявления. Таким образом, алгоритм функционально замещает участника обязательства в части исполнения и действует строго в пределах заранее выраженной воли.

Третьим признаком выступает предопределенность и формальная точность исполнения. Алгоритмическая модель не предполагает усмотрения и не допускает вариативности поведения. Исполнение возможно лишь при наступлении

строго определенных условий и осуществляется в точно заданном объеме. Это обеспечивает высокую степень правовой определенности и предсказуемости обязательственного процесса, но одновременно ограничивает гибкость договорных связей и возможность оперативной корректировки порядка исполнения.

Четвертым признаком является минимизация человеческого участия в стадии реализации обязательства. Участие субъектов сосредоточено на этапе заключения сделки и формирования алгоритмической модели. Все последующие юридически значимые действия совершаются информационной системой. Тем самым из структуры исполнения исключается человеческий фактор как источник ошибок, задержек и злоупотреблений, а обязательственное отношение приобретает формально автоматический характер.

Пятым признаком является автоматическое наступление правовых последствий. Юридический результат, включая прекращение обязательства, переход имущественного блага и возникновение встречного требования либо иного субъективного права, возникает непосредственно в момент совершения алгоритмом предусмотренного действия. Исполнение и правовой эффект совпадают по времени и механизму наступления, что отличает машиноисполняемую модель от классической конструкции, в которой правовой результат следует за волевым поведением стороны.

Совокупность указанных признаков позволяет рассматривать машиноисполняемую сделку как особый способ реализации обязательственных правоотношений, в рамках которого алгоритм становится внутренним элементом юридической конструкции сделки и функционально замещает последующие волевые акты участников оборота.

Включение алгоритмической модели в механизм исполнения неизбежно отражается на распределении рисков и на юридической оценке ненадлежащего исполнения. В классическом обязательственном праве отклонение от надлежащего исполнения, как правило, связывается с поведением участника обязательственного правоотношения, в том числе с нарушением сроков, порядка или объема предоставления. В машиноисполняемой конструкции источник нарушения может смещаться с плоскости поведения стороны в момент исполнения в плоскость конструирования и эксплуатации алгоритма. Юридически значимым становится не столько последующий акт поведения, сколько корректность заданной модели, качество ее настройки, достоверность входных данных и надежность технологической инфраструктуры, в которой реализуется автоматическое исполнение.

При этом было бы методологически неверно описывать риск нарушения как относящийся исключительно к одному участнику обязательства, поскольку машиноисполняемость может обслуживать интересы обеих сторон и обеспечивать их взаимные предоставления. Ошибка алгоритма способна привести как к непредоставлению со стороны обязанного лица, так и к неосновательному списанию, преждевременному исполнению или иному результату, затрагивающему интересы другой стороны. Следовательно, правовая квалификация последствий должна исходить из содержания обязательства и распределения обязанностей по обеспечению работоспособности алгоритмической модели, а не из предпо-

сылки о том, что исполнение всегда является сферой ответственности только одной стороны.

Отдельного рассмотрения требует ситуация, при которой алгоритм исполнил обязательство формально в соответствии с заданными правилами, однако достигнутый результат не соответствует действительной договоренности сторон. Такой конфликт чаще всего возникает при дефекте формализации, когда юридическое условие сделки переводится в машинные правила с потерей смысла, либо при некорректном описании события, запускающего исполнение. В подобных случаях опасность представляет подмена юридического содержания обязательства технической моделью, если правовая оценка будет строиться исключительно по критерию соответствия действия алгоритма собственной логике. С учетом того, что алгоритмическая модель является производной от сделки и не существует автономно, приоритет в квалификации должен сохраняться за юридическим содержанием обязательства. Алгоритм в этих отношениях выступает техническим способом реализации согласованной воли, а потому не может легитимировать результат, противоречащий условиям сделки, даже если он является корректным с точки зрения программной процедуры.

Данная постановка вопроса непосредственно выводит на проблему ответственности за алгоритмические ошибки. Традиционный подход, ориентированный на оценку вины как психического отношения лица к противоправному поведению, в машиноисполняемых конструкциях требует адаптации, поскольку причинная связь между нарушением и последующим поведением стороны может отсутствовать. Для юридической квалификации становится существенным, кто определял параметры алгоритма, кто осуществлял его внедрение и сопровождение, кто нес риск качества программной реализации, а также какие обязанности по контролю и предотвращению сбоев были распределены в договоре. В зависимости от модели отношений речь может идти как об ответственности стороны по обязательству, так и об ответственности лица, обеспечивающего технологическую инфраструктуру исполнения, если его участие носит юридически значимый характер и сопряжено с принятием соответствующих обязанностей.

Наконец, машиноисполняемая модель неизбежно затрагивает доказательственную сторону исполнения. Если юридически значимые действия совершаются информационной системой, то ключевыми источниками сведений об исполнении становятся цифровые следы, включая журналы событий, записи о транзакциях, системные логи и иные электронные данные. Это актуализирует вопрос о допустимости и достаточности таких сведений для подтверждения факта исполнения, момента исполнения и объема предоставления, а также о пределах судебной проверки алгоритмического результата. В условиях, когда исполнение по своей природе фиксируется машиной, правоприменению требуется выработать устойчивые критерии оценки достоверности цифровых данных, их относимости к конкретному обязательству и возможности опровержения при ссылке на дефект алгоритмической модели либо ошибку исходных данных.

Таким образом, становление машиноисполняемой модели сделки отражает не частный технологический эксперимент, а системную трансформацию механизма реализации обязательств в условиях цифровизации гражданского оборота. Алгоритм из внешнего технического средства превращается во внутренний элемент юридической конструкции сделки и начинает выполнять функцию юридически значимого действия на стадии исполнения. Воля сторон при этом не устраняется, но принципиально смещается по времени: она концентрируется на этапе конструирования обязательства и программирования его условий, тогда как последующая реализация приобретает формально-алгоритмический характер.

Машиноисполняемая сделка не образует нового вида сделки в формально-юридическом смысле и не разрушает классическую модель обязательства. Она представляет собой особый способ реализации уже известных гражданско-правовых конструкций, при котором исполнение осуществляется автономно, без текущего волевого участия субъектов. Это позволяет рассматривать машиноисполняемость как новое качество исполнения, что сохраняет преемственность с традиционными институтами обязательственного права и предотвращает избыточное дробление договорных конструкций.

Вместе с тем включение алгоритма в ткань обязательства объективно трансформирует распределение рисков, критерии надлежащего исполнения и подходы к доказыванию. Нарушение может быть обусловлено не последующим поведением стороны, а дефектами формализации, ошибками программной модели или сбоями инфраструктуры. Это требует адаптации классических представлений об ответственности, причинной связи и вине, а также разработки устойчивых подходов к квалификации цифровых следов исполнения и к судебной проверке алгоритмических результатов.

Появление машиноисполняемых сделок свидетельствует о переходе от исключительно волевой модели исполнения обязательства к смешанной волево-алгоритмической модели. Данный переход имеет объективный и необратимый характер, обусловленный масштабом, скоростью и стандартизацией современного оборота. В этих условиях дальнейшее развитие доктрины и правового регулирования должно быть направлено не на отрицание алгоритмического исполнения, а на его системное включение в правовую ткань обязательственных отношений, с сохранением приоритета юридического содержания сделки и с обеспечением баланса интересов сторон в цифровой среде.

Библиографический список

1. Протасовицкий С. П. Гражданско-правовая природа смарт-контракта // Договор в гражданском праве: современное развитие традиционных цивилистических институтов. Минск: РИВШ. 2024. С. 306–314.
2. Сафаргалеев Л. И. Смарт-контракт – программный код, а не договор / Л. И. Сафаргалеев // Хозяйство и право. 2019. № 5. С. 21–34.

3. Пучков В. О. Является ли смарт-контракт договором? (К проблеме цифровой трансформации цивилистической доктрины) / В. О. Пучков // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 19–31.

4. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // Закон. 2017. № 5. С. 94–117

© Эбергардт С.А., 2026

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

III ВЕНЕДИКТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы

**Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной
30-летию принятия части второй Гражданского кодекса РФ,
20-летию принятия Жилищного кодекса РФ,
75-летию Института права Уфимского университета
науки и технологий
(г. Уфа, 30 января 2026 г.)**

Электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции*

Подписано к использованию 07.06.2026 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 5,80 Мб.
Заказ 109.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: red@uust.ru